

НЕВА

6
2017

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Евгений СТЕПАНОВ

Стихи • 3

Арслан ХАСАВОВ

Лучшая половина. *Роман* • 9

Антон НЕЧАЕВ

Стихи • 79

Игорь ШУМЕЙКО

Теодицея. *Роман* • 84

Марина РИНЕЙСКАЯ

В плену своих маний... *Рассказ* • 181

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений ЛУКИН

Три богатыря — три брата, три врага
Опыт русского национального самосознания • 188

Карен СТЕПАНЯН

Фрагменты из дневника (2016—2017) • 199

ИЗ АРХИВА

Александр ГЛАДКОВ

Дневник. 1975 год (июль—декабрь)
Публикация и комментарии Михаила Михеева • 204

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Эпоха и образы. Станислав Минаков. «Мети, мети, моя метель!». **Книжный остров.** Публикация Елены Зиновьевой • 233

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Святыни Елеона (по запискам
русских паломников)

Часть 6 • 242

*Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.*

*Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.*

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Евгений СТЕПАНОВ

ВРЕМЕНА

Тот был царь-освободитель,
Этот — царь-завоеватель.
Ну а я — обычный житель,
Я типичный обыватель.
Что хочу? А чтоб получка
Ввысь, как ласточка, взлетела
И чтоб смугленькая внучка
Мультитки со мной смотрела.
И хочу доделать дело —
Чтоб хотя б одна нетленка...
И хочу, чтоб мама пела
Песни Клавдии Шульженко.

ГРАФА: ОБРАЗОВАНИЕ

Я любил не многих. Однако — сильно.
И. Б.

Не хотел — а все ж пришлось учиться.
Интернат, общага и больница...
Вот они — мои учителя
И моя тетрадь Устателя.

Были континенты, войны, бабы.
Я узнал немного, но хотя бы
Понял, что не надо унывать,
Даже если боль и непроглядь.

Понял, что реальность — небылица,
Понял, что не надо суетиться.
Жизнь — не долговечное ярмо.
Как-то все уляжется само.

Евгений Степанов — поэт, литературный критик, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Стихи публиковались в журналах «Нева», «Звезда», «Дружба народов», «Урал», «Арион», «Юность», «Интерпоэзия», «Новый берег», «День и ночь», «Крещатик», «Слово», в альманахах «Поэзия» и «День поэзии», в газетах «Московский комсомолец», «Труд», «Литературная газета» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала «Дети Ра». Лауреат премии имени А. Дельвига.

ЛЕТУЧИЕ

Амарсане

Ночи пасмурны, холодны, мглисты,
Дни опасны, как мухи цеце.
Наступают года, как фашисты,
Проступает орда на лице.

Не тевтон, не ариец — я с теми,
Кто скуластой природой зачат.
И монгольско-московские степи
Все манят, и манят, и манят.

И манят, и манят, как химера,
Непутевых просторов огни.
И летят, и летят, как фанера
Над Парижем, летучие дни.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

— Еда, и секс, и мани-мани.
— А что еще?
— Да шиш в кармане.
— А Бог, а Босх, а Бах, а Шнитке?!
— Мне ближе золотые слитки.
— Ты бредишь?
— Нет. Ни капли бреда.
...Два человека.
Ночь.
Беседа.

ПОСЕЛОК

Лето слизала корова.
Желтые листья видны.
Яблоки в дачном Быково
Топают, точно слоны.

Сочно зарделась калина —
Чем-то она смущена.
Срочно открылась калитка —
Осень пришла, как жена.

Вот и созрели капуста
И кабачки-огольцы.
Вот и созрели, как чувства,
В бочке простой огурцы.

Жизнь продолжается. Снова
Я запасаю дрова.
Осенью в дачном Быково
Жизнь и грустна, и права.

СОСНОВАЯ СТРАНА

Треугольная груша.
А. Вознесенский

Петь — радость неподдельная,
Жить — сила исполинская.
Красково да Удельная,
Быково да Ильинская.

Продукты здесь бесплатные,
Старушки сердобольные.
А сосны здесь квадратные,
А груши треугольные.

Здесь публика серьезная —
Последыши кулацкие.
И ввысь смотрю бесслезно я,
Забыв пути кабацкие.

А птички здесь свирельные,
А жизнь — совсем не свинская.
Красково да Удельная,
Быково да Ильинская.

ШЕСТЬ СТРОК

Я забыл позывные и страсти, и злости.
Как ворота, скрипят постаревшие кости.

Что осталось? Сажать кабачки и картошку,
Накормить, как дитя, полудикую кошку.

Что осталось? Вздохнуть и в дорогу собраться.
Что осталось? Уйти. Что осталось? Остаться.

ВСЮДУ

И тут — смотрите — ложь.
И там — смотрите — враки.
Их не отмоет «Bosch»
(Стиралка) в пенном баке.

И тут — смотрите — сад.
И там — смотрите — маки.
И всюду — вечный ад.
И рай. И свет во мраке.

* * *

И этот день отныне в прошлом.
И завтра прошлым станет вскоре.
Листва, прилипшая к подошвам,
Мне говорит: «Memento mori».

Я знаю — нет огня без дыма.
Я знаю — горестны потери.
А прошлое неумолимо
Стучится в нынешние двери.

* * *

Хронос — это Харон. А Харон — это Хронос.
Я хотел получить дополнительный бонус.
Понимаю теперь: это наглая хрень.
День пришел — так да здравствует нынешний день!

Много разной в башке у меня ахинеи.
Я хотел сделать мир и теплей, и нежнее.
Но, увы, и себе не сумел я помочь.
Ночь пришла — так да здравствует звездная ночь!

ЧАСТЬ ПОБЕРЕЖЬЯ

Упьюрь, налакавшийся крови.
Пустырь, говорящий на мове-
и-суржике (это одно).
Царь-пушка (ей порох не внове),
царь-колокол, легший на дно.

Пустырь, и ковыль, и — цикады,
и бардовские серенады
не знающих страха цикад.
И робкие тени Эллады,
застывшие в гальке цитат.

...Я гость. Но я часть побережья.
И силища моря медвежья
в меня, точно кровь, вживлена.
И вряд ли уйду за рубеж я
приморского жаркого сна.

ТРИ ГОРОДА

В Петербурге жить — словно спать в гробу.
О. М.

В Петербурге жить — словно спать в гробу.
А в Москве — кутить и пытаться судьбу.
А в Москве — бежать — от себя — стремглав.
В Петербурге жить не велит Минздрав.

А в Берлине жить (городок неплох) —
Говорить банзай или хенде хох
И бежать, как лань, в деревянный храм.
И летать во снах к невским берегам.

БУМАЖНАЯ СТРАНА

...И это снится мне...
А. Тарковский

А жизнь мне только снится.
И эта жизнь чудна́.

Моя страна — страница,
Бумажная страна.

А смерть — точь-в-точь синица —
Стучится в лед окна.

ЧЕЛОВЕЧЕК

Тротил и псих. И снова псих.
Тротилом мир обвязан.
И шансов выжить — никаких.
Но выжить я обязан.

Я должен выжить в лепестках,
Траве, снах винограда.
И пусть мой черноземный прах
Пойдет в усладу сада.

Я должен выжить пусть как злак,
Как ДНК движенья.
И быть счастливым, как простак —
До головокруженья.

ВСЕ НЕ ТАК СЛОЖНО

Быть. Верить. Не сердчать —
Плыть — глубоко ли, мелко ли.
А зло не замечать —
Ну разве только в зеркале.

Быть. Как трава. Простым.
Забыть о гиблой выгоде.
И помнить: мы стоим —
Все как один — на выходе.

ДОРОГА

Не кончаются вечные брачные игры
Камня и капли.
А со мной породнились тамильские тигры,
Муравьи и колибри, не так ли?

Я спешу, я иду к золотой антилопе
Сквозь чащобы пещерного века.
И безмерные горы Пирин и Родопи
Нависают, как брови генсека.

ЗДРАВСТВУЙТЕ

С маленьким ребенком на руках,
Вечною молитвой на устах,
Солнечным маршрутом богоданным
Я иду — счастливый — по Балканам.

— Здравствуйте! — нам говорит трава.
— Здравствуйте! — нам шепчут деревья.
— Здравствуйте! — приветствует нас море.
Вольно тут и просто, на просторе.

СКОРЬ-И-СВЕТ

Душа-пушинка бестелесна.
И в мир иной открыта виза.
И миг-и-вечность — мать Тереза.
И миг-и-вечность — доктор Лиза.

ЛУЧШАЯ ПОЛОВИНА*

Роман

То были странные времена. Всюду царило равнодушное безобразия. некогда набравший мускулатуры и искренне поверивший в себя средний класс постепенно сдувался под тяжестью все увеличивавшейся разницы курсов валют.

За взятые ранее кредиты было все сложнее платить. Заграница и вовсе становилась доступна лишь избранным. Кто бы мог подумать, что «железный занавес», наспех сколоченный из санкций, вперемешку с пачками долларов и евро, вновь опустится перед недоуменными лицами сограждан? Трезвый расчет подсказывал, что даже самый паршивый сэндвич, съеденный в сетевой забегаловке за бугром, стал обходиться «руссо туристо» в два, а то и в три раза дороже, чем дома. Туры же в Крым и Сочи оказывались неподъемнее привычных курортов Турции и Египта, превратившихся в пусть второстепенные, но все же заметные очаги активности праверных, по их словам, мусульман.

На смену уходящим одному за другим титанам мысли никто не приходил. На их местах — основательных и выстрадавших — зияли зарастающие мхом безразличия дыры, а само время сжималось, закичивалось на себе самом, превращаясь в детскую погрешку — лаконичную и, по сути, бессмысленную. Казалось, жизнь уже никогда не будет прежней и не сможет более идти по проторенным тропам, но всякий раз все продолжалось, словно бы ранее ничего и не случилось. Никто не замахивался на потрясение основ. Все вокруг становилось предсказуемым и малоинтересным, никаким — бисексуально-беспольным.

Как это ни показалось бы кому-то странным, но именно в это безвременье, когда любой мало-мальски значимый прогноз на будущее казался сущей глупостью, Артур вроде бы нашел себя. И хотя он, мысливший себя литератором («писатель» — слишком ко многому обязывало), был напрочь лишен коммерческой жилки, тем не менее умудрялся зарабатывать в разы больше прежнего.

Подвизавшись в одной из школ для отпрысков преимущественно непростых родителей, где ежедневно по будням вел два занятия литературного кружка, Артур так же успешно паразитировал и на своих литературных способностях. Так, не приложив к тому хоть каких-нибудь усилий, он оказался на оплачиваемой встрече с очевидно слетевшим с катушек долларовым миллионером, зачем-то вздумавшим преобразовать мир, как некогда пророки — с помощью книги; готовил проект заявления Государственной Думы с резким осуждением притеснения мусульман Мьянмы;

Арслан Дагирович Хасавов (1988) — писатель, журналист. Окончил Институт стран Азии и Африки МГУ, магистратуру НИУ «Высшая школа экономики». Лауреат Всероссийского конкурса молодых журналистов-международников (2013), независимой литературной премии «Дебют» (2014), председатель жюри премии «Студенческий Букер» (2015). Автор сборника эссе «Отвоевывать пространство» (М., 2015), сборника прозы «Смысл» (СПб., 2016). Публиковался в литературных журналах «Нева», «Новый мир», «Дружба народов», «Юность», федеральных общественно-политических СМИ. Отдельные произведения были переведены на английский, китайский и арабский языки.

* Журнальный вариант.

читал и оценивал работы журналистов, поданных на очередной сезон некогда выигранной им премии...

Все, что сулило конкретную здесь и сейчас выгоду, вызывало в Артуре прилив сил и энергии. Он с удовольствием брался за всякую работу и выполнял ее не только в срок, но и с некоторым куражом человека, знающего чуть больше окружающих. Тексты, написанные левой ногой, появлялись на страницах влиятельных еженедельников в разделе «аналитика», а банковский счет Артура пусть и не разбухал неимоверно, но регулярно пополнялся. Усвоивший азы колумнистики — личного высказывания на журналистский лад, он, движимый восторгом перед собственной изобретательностью, однажды умудрился написать две противоположные колонки на одну и ту же тему, да к тому же подтянул к каждой из отстаиваемых позиций достаточно убедительную базу. Бывший некогда идейным борцом и даже неоднократно задерживавшийся за участие в несанкционированных митингах, теперь он осознал, что главная сила — власть и деньги, а правда, если она вообще существует, плетется где-то в конце, да еще и понунив косматую голову, стыдливо переставляя ноги.

В былые времена он успел написать книгу — по-своему честную и безапелляционную, но теперь всякое упоминание о ней вызывало в нем странное смятение. Отныне в аккуратном и рассудительном Артуре невозможно было узнать автора того внутренне возвышенного текста. Лишь изредка, да и то после немалого объема выпитого совместно, собеседник мог заметить вдруг вспыхнувшее пламя в его глазах. Теперь редко кто, как в былые времена, мог втянуть его в подлинную самоотверженную схватку, где он, пусть и сам получая тумаки, вдруг превращался чуть ли не в льва. Что касается споров, то здесь — в игре ума — Артур, как и в своих журналистских заметках, мог занять любую, пусть даже диаметрально противоположную позицию и с явно надуманным жаром отстаивать ее, с хитрой улыбкой реагируя на выпады соперника и постепенно, чаще всего успешно, загоняя того в угол.

О, Боже! Как же мне было жаль Артура, когда я с ним познакомился. Я, как многие, искал встречи с ним, ведь первая его книга произвела на меня неизгладимое впечатление. Имевшая множество недостатков, она показалась мне — студенту четвертого курса филологического факультета — глотком свежего воздуха в пространстве современной российской прозы. Я не без труда, но все же защитил курсовую по книге Артура (труд прежде всего заключался в том, что ни мой научный руководитель, ни один из моих оппонентов не смогли дочитать рассматриваемый текст до конца) и теперь мог лицезреть автора.

Сложно было узнать в этом немного оплывшем холемом молодом человеке автора столь вдохновенной книги, главный герой которой бросался на мечи существующей всюду несправедливости. В разговорах Артур то и дело срывался в вопросы, связанные с имущественными отношениями, — вроде как выплачивал рассрочку по своей московской квартире, и, черт возьми, планировал приобретение кладовки. Хранить, по его собственному признанию, ему в ней было нечего, но на будущее, опять же, по его словам, она могла пригодиться. Что это было за будущее — как я ни подступался — Артур не хотел говорить.

Анонсированный им в одном из давних интервью (новых, к слову, сколько я ни шерстил Интернет, не мог отыскать) роман так и не был выпущен, а возможно, и написан. Занятый другими заботами, он увязывался за девушками определенного свойства, нелепо плясал перед стойкой престарелого диджея и до того, как нас попросили покинуть недорогой клуб, даже пытался крикнуть что-то в микрофон.

Он выглядел нормально, насколько нормальным может быть среднестатистический молодой человек. Казалось, Артур ничем не выделялся, быть может, лишь

превосходил окружавших харизмой, которую было легко перепутать с нахрапистой наглостью.

Мой глубинный интерес превзошел явное отторжение среды, в которой он стал проявляться. Мы с Артуром подружились — насколько это вообще возможно между такого типа людьми.

Слишком уж звенящей была пустота вокруг меня, слишком интересным и заманчивым казалось пребывание рядом с буйным духом, который, возможно, и я верил в это, сможет в полной мере проявить себя в сложный исторический момент. Я также легко мог поверить и в то, что умения и навыки Артура никогда не пригодятся, а сам он, вместе со своей харизмой и знаниями, довольно скоро окажется на обочине не только истории, но и простой человеческой жизни.

* * *

Он вытащил револьвер и выстрелил в воздух.

— В атаку! — крикнул Артур не своим и даже уже не человеческим голосом.

На секунду показалось, что он услышал себя со стороны. Мелкая дрожь пробежала по его подтянутому телу.

Артур был одет так, как когда-то мечтал: черный тулуп, шерстяное кепи надвинуто на глаза. Тонкий подбородок украшен темной с проседью — словно привет из будущего — щетиной. Где-то за его широким плечом мелькнула черная глыба памятника Маяковскому, колоннада Концертного зала Чайковского, шпиль одного из осколков советской Атлантиды — пятизвездочной гостиницы «Пекин».

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину,
Заложил бы
Динамиту.
— Ну-ка
дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!

Тысячи, а может, и десятки тысяч собравшихся. Площадь заполнена настолько, насколько хватает глаз. Низко — едва ли не над головами митингующих проплывает военный вертолет. Из его приоткрытой дверцы — кто бы мог подумать — то и дело мелькает дуло винтовки. Сизый бас из динамиков, расставленных здесь и там, требует, чтобы люди разошлись.

— Ваше собрание незаконно! — вновь и вновь повторяет обладатель голоса. — В случае если вы будете оказывать сопротивление законным требованиям Национальной гвардии, к вам будет применена сила!

— Россия будет свободной! — словно по крупинкам рассыпается по площади. Несвязно, а оттого как будто и бессмысленно.

С Тверской-Ямской, буквально расталкивая толпу с высоких бордюров Триумфальной площади, один за другим стали выкатываться бронированные «Тигры». Из них, будто бы в замедленной съемке, высыпает многочисленная армия сотрудников спецподразделений. Сперва рассредоточенные, словно муравьиная армия, они организовались как-то вдруг, очевидно в привычном порядке, представ в виде слаженных отрядов человеческой силы. Выглядели они, надо сказать, устрашающе, так

что некоторые протестующие, не сговариваясь, стали пятиться с площади, которую до того, если верить их словам, планировали отстаивать до последней капли крови.

Ситуация развивалась стремительно — на нескольких автомобилях включились водометы, без лишних слов начавшие валить с ног даже самых крепких протестующих.

Толпа, опешив, отступила, но спустя какие-то мгновения, не сговариваясь, вдруг снова выступила вперед. Оглушительный взрыв — возможно, выстрел из гранатомета — отозвался в окне здания Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы на другой стороне площади.

Женский ор, вырвавшийся из мгновенно запыхавших окон, перекрыл все происходившее на площади. На доли секунды показалось, что все другие звуки затихли — и ропот собравшихся, и нудный гул громкоговорителей, и регулярные переключки сотрудников спецподразделений, и даже некогда оглушающий рокот вертолета. Еще один громкий хлопок, и вертолет, по-киношному задымившись, накренился, чтобы немного, будто маятник, покачавшись из стороны в сторону и все-таки выронив отчаянно сопротивлявшегося силе притяжения снайпера в разошедшуюся, словно от камня вода, толпу, с шумом наконец упал, образовав страшную воронку, заполненную еще живыми и окончательно мертвыми.

Площадь превратилась в ад — здесь и сейчас происходило то, что передергивало затвор истории. Чем все это могло кончиться, вряд ли было известно даже Господу Богу.

— В атаку! — крикнул Артур еще громче, и, движимый внутренним подъемом, достал из внутреннего кармана лимонку, вырвал чеку и бросил в сторону военных. Служащих разбросало в разные стороны, некоторые тут же застыли без движения, другие продолжали шумно стонать, держась за окровавленные конечности или то, что от них осталось.

Осеннее, будто питерское, гадкое серое небо смотрело на происходящее с безразличием. Перебей они тут друг друга, снеси режим и построй новый, в центре которого будет стоять подлинный сверхчеловек, казалось, небо не проявит и тени соучастия.

Над площадью, а возможно, городом и миром завыл сигнал воздушной тревоги — оглушающе громкий, он беззастенчиво вгрызался в мозг, не давая сконцентрироваться. Повсюду слышались призывы отступить — откуда-то стало известно, что с одного из военных аэродромов в небо были подняты истребители и пилоты получили приказ стереть собравшихся в порошок.

Все проблемы мира отступили на шаг — вечно голодающие дети Африки, нестабильность на Ближнем Востоке, покушения и заказные убийства, будет ли наконец захоронен Ленин — все разом потеряло значение. Верховный главнокомандующий, нервно заламывая руки, отдавал из-за красной стены один приказ жестче другого — пленных можно было не брать.

Молодые мужчины, женщины, старики, подростки, городские сумасшедшие — все смешалось, и распутать этот гордиев узел мог разве что решительный удар меча Александра Македонского.

Последнее, что Артур запомнил, — опрокинутое небо. И сменившую его пустоту. Звенящее «дзинь», растянувшее и без того безразмерную черепную коробку. Увязшая, словно в желе, простая мысль: «Жив? Мертв? Боже мой...»

Тело Артура сползло по мраморному постаменту, рухнув на каменные ступени. Мельтешение вокруг быстро надоело — гудящие истребители, выстрелы и целые очереди, все продолжающиеся хаотичные хлопки взрывов, сама Смерть, разгуливавшая по площади и хватаящая все что ни попадя, отошли на второй план. Ничего больше не чувствуя и мало что понимая, Артур прикоснулся к собственной груди и явно различил, что она в крови. Он показал зубы, то ли оскалившись, то ли улыбаясь.

нувшись хмурому небу. Это было явно лучше спокойной смерти в собственной постели, пусть даже и в окружении любимых.

Кто-то подхватил Артура и потащил... «Куда?» «Зачем?» Кажется, что тот, кто нес его, приговаривал: «Давай-давай, вот так». — «Дзинь-дзинь», — отвечал он молча. Артур чувствовал, кто это мог быть — скорее всего, тот странный парень, который, прочитав его книгу, бросил учебу и присоединился к народному движению.

Что Артур чувствовал тогда, находясь то ли на грани жизни и смерти, то ли на старте своего пожизненного срока?!

Сложно сказать — он и сам не знал. Восторг заговорщика, плюнувшего в лицо предписанной судьбе, своеобразная игра мускулов то и дело сменялись пульсирующим животным страхом. «Что они теперь сделают с родными?» Явственно увидел племянников — троих погодков — одного за другим. Будут ли гордиться дядей, когда вырастут или придут однажды плюнуть на его могилу за испорченную в детстве жизнь?!

Артур в тот момент, если отринуть сомнения, наконец стал подлинным собой — таким, каким всегда, особенно в пылающей юности, планировал стать, но на что у него всякий раз не хватало то времени, то силы духа.

Теперь, хотя и подбитый на взлете, он сделал свое дело — сделал то, что должен был сделать, а там — будь что будет. Он сказал миру свое, пусть нетвердое, «нет».

* * *

Чем чаще мы виделись с Артуром, тем больше он мне о себе рассказывал. Выяснилось, что под напускным равнодушием и спокойствием скрывался по-настоящему взволнованный и даже потерянный человек. Постепенно я стал замечать, что Артур ищет моей компании. Так, высказавшись на волнующую его тему в очередном полуподвальном баре для большой компании, он всякий раз бросал на меня встревоженный взгляд — понял ли, успел ли зафиксировать.

Я довольно скоро покинул стены университета, вынужденный взять академический отпуск как альтернативу полному и безоговорочному отчислению, и все больше времени и внимания стал уделять Артуру. Зачем? Я и сам не знал. Ведь очевидно было, что он — на фоне классических периодов русской литературы — в силу отсутствия сколько-нибудь серьезной конкуренции — лишь раздутый пузырь, который то ли вот-вот лопнет, то ли уже сделал это, обдав окружающих неприятной влагой. И тем не менее я видел в нем своеобразного Печорина — без оговорок героя своего времени, неспособного полностью рассказать о себе и своей запутанной, при кажущейся четкости, системе взглядов. Артур казался мне пусть не идеальным, но безумно интересным объектом исследования — пассионарием, будто сделанным из глины прошлых веков, но попусту растрчивавшим свои таланты.

Постепенно набравшая ход и тягу дружба в какой-то момент позволила мне бывать у него дома. Так было гораздо удобнее работать с рукописью (об этом ниже), да к тому же ни я, ни он не обладали достаточными средствами, чтобы проводить дни напролет в разного рода кафетериях.

Еще до того, как впервые оказаться в комнате Артура, я читал о ней в одном из его рассказов, которые он неспешно и, похоже, без особого азарта выдавливал из себя один-два раза в год.

Так, в довольно слабом, на мой взгляд, рассказе «Шум» он отстраненно писал:

«Уже который год я проживал в родительской квартире, словно во времянке, фактически не разбирая вещей, не находя им подходящего, как полагается в нормальных домах, единственно верного места. Заброшенный рабочий стол был зава-

лен бумагами, помятыми газетами с публикациями да дипломами малозначащих журналистских и писательских конкурсов. В одном углу комнаты лежали горы непрочитанных книг, в другом — не меньшие горы одежды, большую часть которой я давно не носил».

Картина пусть не вдохновляющая, но, как оказалось, честная.

— Не обращай внимания на беспорядок, — вскользь обронил он и, подобрав с журнального столика стопку одежды, небрежно забросил ее в платяной шкаф.

Его мать, надо сказать, не выглядела дружелюбной или гостеприимной. Нередко становился я свидетелем ее глубокомысленных вздохов, а однажды расслышал, как она прошептала Артуру сквозь зубы: «Что за привычка водить в дом собутыльников?»

С отцом, чаще всего отсутствовавшим, Артур, по его словам, практически не общался.

В его комнате, всюду, куда ни падал взгляд, были книги — они давно переросли предназначенный для них стеллаж и теперь не только занимали прикроватную тумбочку, но и были сложены на клубящемся пылью полу, на заваленном бумагами и папками столе. Были там преимущественно книги современных прозаиков, но также и тома по истории, религиоведению, даже поэтические сборники — современники, регулярно вещавшие пошлости из телевизора, перемежались с томиком Бодлера и Рембо. Среди всего этого беспорядка, в котором преобразователь мира умудрялся жить, я увидел статуэтку престижной литературной премии — главной моей юношеской мечты.

В углу комнаты — узкая подростковая кровать как один из признаков если не отчаяния, то серьезного беспорядка в жизни нашего героя, приближавшегося к порогу тридцатилетия.

— Не тесно тебе здесь?

— Совсем нет. Я в этой постели едва ли не с седьмого класса, — даже не заметив осторожной иронии, ответил Артур.

Становилось очевидно, что он и вправду жил другими — неясными ни мне, ни, похоже, ему самому страстями.

Увидев бронзовую статуэтку некогда желанной премии, я мгновенно вспомнил о том, как когда-то мечтал стать ее обладателем...

Да, еще до поступления на филфак я тоже пробовал писать и отчаянно рассылал свои творения по всем известным мне адресам, включая и премию «Старт», сулившую победителю не только солидную сумму призовых, но и некоторое подобие признания. Многие ее лауреаты, хотя в день вручения о них и написали ведущие СМИ, подобно Артуру, в лучшем случае так и оставались известны узкому кругу специалистов, но некоторые, надо признать, стали-таки настоящими писателями. Они регулярно издавали новые книги, а упоминание «Старта» на обложках постепенно сменялось лонг- и шорт-листами по-настоящему «взрослых» литературных премий. И тем не менее не признать ущербность подавляющего числа текстов современной литературы я, почти состоявшийся филолог, не мог. Артур же, на мой взгляд, по неясным для меня причинам не реализовал и десятой части потенциала, который он продемонстрировал в своей первой книге.

В какой-то момент он выдвинул один из ящиков своего стола — там в беспорядке лежали намертво переплетенные кабели для зарядки мобильных устройств, внешние жесткие диски для хранения данных, брелки и даже фотографии — кто на них был изображен, я не успел разглядеть — но среди этого хлама был предмет моего искреннего интереса — исписанные страницы. Если честно, в какой-то момент я испытал сомнение в самом факте их существования — редкие упоминания о новых текстах порой воспринимались как чистый блеф. Да и когда ему было писать?!

Часть страниц была исписана убористым почерком Артура, другая представляла собой распечатку текстов, набранных на компьютере.

— Сам я не справлюсь, — сказал Артур. — Идей слишком много, времени мало. — Хотя... — стал пояснять, будто бы оправдываясь, — ничем значительным вроде бы я не занимаюсь, но все же. Столько дел... Суета сует.

Съездившись от произнесенного, Артур протянул мне рукописи.

Литература, по его словам, требовала той степени отстраненности, которой он больше не мог ей дать. Признание это давалось ему не без труда — видно, он проделал определенный путь прежде, чем сознаться в очевидном.

— Я слишком увяз в окружающей чертовщине, — едва ли не смахнув слезу, сказал он.

Насколько Артур был вовлечен в текущую жизнь, настолько же я, по сути — исследователь, был от нее оторван. Мне вдруг показалось (о, это смелое допущение!), что мы с ним неплохо дополняли друг друга. Он был человеком действия, я же — сторонним наблюдателем, исследователем, так называемым книжным червем, сколь угодно смелым (в пределах допустимого наукой) в текстах, чаще всего отстраненно-безликих, и столь же зажатым в реальной жизни.

Целью всякого моего пока еще ученического исследования было — лишиться собственного «я», превратившись в обтекаемое «мы», раствориться без остатка в предмете моего интереса так, чтобы проанализировать и объяснить своим немногочисленным читателям из числа филологов те или иные мотивы творчества автора.

И хотя было очевидно, что моя роль в подобных делах вторична, теперь оказывалось, что без меня Артур рискует не состояться вовсе. Он уже давно был готов вновь раствориться в вареве окружающей жизни, пока я бы вновь и вновь не напоминал ему не только об его таланте, но и подлинном предназначении.

Все то время, что я имел возможность наблюдать за ним, писал он неохотно. По всему казалось, что сидение за ноутбуком словно отгораживало его от реального мира — осмысленного, динамичного и, главное, в отличие от литературного труда, экономически самодостаточного.

Тем не менее черновики, которые Артур предоставил мне, казались частью большого, пусть и довольно разрозненного, явно писавшегося от случая к случаю произведения. Я успел частично ознакомиться с ним по пути в свою комнату в университетском общежитии, которую каким-то чудом сохранил за собой даже после ухода в академический отпуск. Разместившись на нижней койке двухъярусной кровати, я к середине ночи окончил чтение. Тексты, пусть преимущественно сырые и разрозненные, имели какое-то магнетическое свойство.

Без меня они вряд ли имели хоть какой-то шанс дойти до читателя: Артур обладал слишком клиповым сознанием, не позволявшим сосредоточиться на чем-то одном. Заметки казались скорее человеческим документом, нежели полноценным литературным произведением. Артур не переживал по этому поводу и, готовый рискнуть жизнью в любую секунду, с радостью передал мне явно тяготившие его рукописи.

Его, признававшегося в фатализме, все чаще тянуло в зоны конфликтов. И хотя он вот уже несколько лет никуда, кроме морских курортов, не выезжал, Артур все чаще и все более вдумчиво говорил о бушующей Сирии, где бывал в спокойные времена.

— Журналистский взгляд — поверхностный, — сокрушался он. — Так называемое цивилизованное человечество — сирийская армия, российские силы, международная коалиция — не знает, с кем воюет. А если это просто неорганизованные группки тупоголовых садистов, какими нам их показывают, то почему они, черт бы их побрал, на протяжении стольких лет удерживают целые города? Что-то тут не сходится.

Эта тема все чаще возникала в наших разговорах. Хотя сама мысль о поездке в пекло сулила одни проблемы, мне нравилось, как он быстро вспыхивал заражающим интересом. Мало что могло его так взбудоражить.

— Я хочу жить с ними, хочу есть с ними из одной тарелки, я хочу слушать их разговоры, проникать в их сознание... Такой материал может что-то объяснить всем нам, ведь там сейчас глобальная точка сборки, ну, или глобальный же разлом — самое, без преувеличения, главное, что происходит в мире.

И хотя Артур пытался убедить себя (а заодно и меня), что решение принято, видно было, что он колеблется — главным его страхом, и об этом он когда-то писал, был страх глупой, бессмысленной смерти. Уверен, окажись он героем одной из многочисленных показных видеоказней, он бы пожалел не о том, что расстается с жизнью, а о том, в каких нелепых обстоятельствах это происходит.

* * *

Над текстами, переданными мне Артуром, следовало основательно подумать. Не имеющие четкого финала, обрывающиеся сюжетные линии, а вернее, дневниковые зарисовки казались сколь великолепными в своей обнаженной искренности, столь и уязвимыми. Образ главного героя, выступающего от первого лица, мог навредить не только развитию сюжета, но и личности самого автора.

Впервые в жизни я имел возможность не только исследовать уже имеющийся массив, но даже приложить руку к его непосредственному созданию.

Что мог предложить мне взамен филфак? Бородатая профессура обоих полов в пыльных одеждах делала вид, что занята самым важным делом на свете, а по сути, копошилась в мертвечине. Принимая решение об академическом отпуске, я на секунду представил себя через десяток-другой лет на месте нашего нынешнего декана, широко известного в очевидно узких кругах профессора. Щетка скуренных пожелтевших усов над верхней губой, мутный взгляд за толстыми стеклами очков. Да, он, как и его коллеги, был умен, в чем в чем, а в этом ему отказать было сложно, но, мысленно отдалившись от «здесь и сейчас», абстрагировавшись от корыстных мелкотравчатых интересов вроде диплома и стипендии, выход напрашивался сам собой.

Теперь я мог не только проводить исследования с чаще всего предсказуемыми выводами, а попытаться вдохнуть жизнь в совершенно новое произведение, которое казалось пусть несовершенным, но, как минимум, не уступало тем, которые я видел в премиальных списках и книжных магазинах.

Оставалось осторожно преподнести Артуру идею переделки имеющихся заготовок в определенную форму. Впрочем, в том, что он согласится сбросить с плеч тяготивший его груз, я не сомневался. Ведь именно незаконченность литературных дел ограничивала его в дальнейших действиях. Обладая завидной способностью абстрагироваться от проблем, не пряча при этом головы в песок, он тем не менее бессознательно отдалялся и от литературных кругов, в которые когда-то был вхож, но, что гораздо важнее, — отдалялся он от самого себя.

* * *

— А где ты обедал все это время? — спросила Настя Артура. — Ну, до того, как мы познакомились.

— Там же, в столовой или в баре на седьмом этаже, — глядя на ее подрагивающие оголенные плечи, выступавшие на фоне столь же беспокойной Невы, ответил он.

— Не видела! Представляешь, Артурчик, выходит, ты не такой и яркий, а может, даже и неприметный, — сказала она задумчиво и продолжила: — Те, кто с тобой знаком, знают, что ты интересный, но многие проходят мимо, даже не замечая.

— Я и сам об этом задумывался, иначе как объяснить, что бабули в очередях меня в упор не видят и всячески пытаются обойти, — отшутился он.

Несколькими минутами ранее Артур вышел вслед за ней из Манежа Первого детского корпуса, что на Университетской набережной Санкт-Петербурга, и теперь искал подходящего момента, чтобы уговорить вернуться, — там, по системе «все включено», праздновался день рождения настоящего миллионера.

Настя стояла у кромки реки и задумчиво глядела на отблески фонарей в мутной воде.

— Пойдем же, — выдавил он, постаравшись изобразить заботу, — околеешь.

— Оставь меня здесь на минутку, — ответила она неожиданно спокойно, — мне нужно побыть одной.

Дважды просить Артура было не нужно, и он с радостью удалился от взволнованной подружки.

Он медленно поднялся по гранитным ступеням и, вжав голову в плечи, осмотрелся. С той стороны дороги доносились звуки продолжавшегося веселья — там отдыхали одни из немногочисленных хозяев города, друзья главного его птенца, все четче обозначавшего себя властителем мира. Всего в нескольких десятках шагов от Артура находились множества полезных знакомств и тысячи возможностей, которыми он не умел правильно воспользоваться, хотя, надо сказать, переборов себя, и предпринял неловкую попытку.

Так, в момент взявшегося из ниоткуда внутреннего подъема, он склонился над ухом сына миллионера, родители которого устраивали ему судьбу артиста эстрады:

— Слушай, дружище, — положив руку ему на плечо, начал Артур, — извини, что отвлекаю от ужина, — в его тарелке, само собой, расположился сиба на пару, — но я просто хотел сказать, что ты стал для меня настоящим открытием этого фестиваля.

Конечно, Артур лукавил. Хореография свежее испеченного народного артиста составляла желать лучшего, а редкий вокал, наложенный на студийную фонограмму, выдавал в нем неопытного, чтобы не сказать, бездарного артиста. Впрочем, при определенном подходе для российской эстрады мог сгодиться и он.

Заглянув в его светлые глаза, наблюдавшие на протяжении всего своего существования лишь красоты мира, Артур добавил:

— Молодец, так держать!

— Спасибо тебе, — даже прикоснувшись к руке очередного поклонника, ответил он. — Это очень приятно.

Спешно бросив перед ним визитку компании, в которой Артур больше не работал и в которой сын именинника не мог увидеть ничего, что могло бы его заинтересовать, наш герой ретировался.

Артур вспоминал, что именно сюда пришел в свой первый приезд в Петербург, несколько лет назад, прошагав с рюкзаком с верхней полки плацкартного вагона в аудитории СПбГУ, отведенные для вступительных экзаменов. Он никогда не имел привычки готовиться к экзаменам и зачетам, в чем члены приемной комиссии смогли убедиться. Вспомнил, что тогда же, как иногородний, получил направление в общежитие в Петергофе, но на дорогу решил не тратить драгоценное время, найдя приют сперва в одном из городских хостелов, а потом и на знакомой полке плацкарта. В тот приезд он и влюбился в Северную Пальмиру, ставшую едва ли не чудом, доступным в режиме 24/7 на расстоянии всего ночи пути от столицы.

Примерно так же быстро, как и преподаватели, его раскусил пиарщик семьи миллионера — его звали Владимиром.

— Артур, согласишься, это выглядит архистранно, — сказал он, когда пересекся с Артуром в холле оплаченного боссом роскошного отеля, — вы с Анастасией приехали на мероприятие, но где же камера, о которой мы договаривались?

— Я не знаю, — насколько мог, честно ответил он, стараясь спрятать за спиной влажные плавки, в которых только что расслаблялся в сауне. — Настя должна была все урегулировать.

Сложив руки на груди, Владимир осуждающе оглядел Артура, но, тяжело вздохнув, решил дать ему еще один шанс. Не исключено, что от этого зависела его карьера.

— Ребята, боритесь со своими, пусть хотя бы завтра приедут, — сказал он и, повозившись с кожаной папкой, не удержался: — Мы приготовили настоящий сюрприз: завтра все участники фестиваля увидят на экранах Ледового дворца приветствие первого лица государства.

Владимир смотрел на Артура с ноткой торжественности, очевидно ожидая бурной реакции.

— Здорово! — вполне искренне обрадовался тот за участников и гостей фестиваля, и, прихватив из миски на кофейном столике ярко-зеленое яблоко, спешно двинулся в сторону лифтов.

Именно с подачи Владимира они с Настей и оказались на дне рождения — это был своего рода аванс за то, чтобы выложиться назавтра по максимуму, хотя в их случае заведомо некомпенсируемым авансом был не только роскошный ужин, но и сам проезд с проживанием. Само их с Настей появление на фестивале казалось нелепой ошибкой, которую тем не менее общими усилиями они обреченно пытались исправить. Артур точно знал, что камеры ни завтра, ни послезавтра — в день закрытия фестиваля — не будет — так решил Председатель. Именно так, с заглавной буквы, вопреки столь любимым им правилам русского языка, называлась его должность во внутренних документах их телерадиокомпании. Вообще говоря, Председатель был странным человеком — некогда начавший бомбилкой столичного такси, теперь он — подтянутый и всеми своими порами источающий успех — оказался во главе крупной компании, чем не столько тяготился, сколько, похоже, самоотверженно пользовался.

От мыслей о прошлом и предстоящем Артура отвлекли всхлипы Насти, вдруг начавшие доноситься с набережной. Пожалуй, эти звуки были больше похожи на вздохи загнанной тягловой лошади, нежели на плач сибирской девушки, волею случая оказавшейся в его компании в промозглом весеннем Петербурге.

Мосты уже были разведены, и вернуться в гостиницу можно было лишь после трех ночи, когда бы их ненадолго свели вновь. Уйти, что называется, в закат он не мог и поэтому был вынужден вернуться к ней.

Настя держалась руками за гранит берегов, стоя у края воды.

— Бросайся, мать, к чему булки мять? — удивив самого себя, прогнусавил Артур.

От услышанного все ее тело содрогнулось, вытянулось, чтобы тут же неестественно сжаться, сделав ее похожей на юродивых, стыдливо просящих подаяние у божьих храмов. Он мгновенно пожалел о сказанном и, подойдя вплотную, положил ладонь на показавшееся синим плечо.

Артур догадывался, что она хотела, чтобы они сейчас же слились в страстном поцелуе, оторвавшись от которого он мог бы с хрипотцой в голосе произнести: «Малыш, я так долго тебя искал, впереди нас ждет путешествие длиной в целую ночь, а то и жизнь». Но вместо этого Артур развернул ее и, взяв за руки, стал подталкивать к реке.

— Ну что, поплаваем? — угрожающим шепотом процедил он.

Откуда-то сверху послышались громкие звуки музыки — празднование дня рождения продолжалось, и кто знает, быть может, стоило туда вернуться — поближе ко все понимающему бармену.

— Отпусти! — испуганно бросила Настя.

Это хоть и прозвучало резко, но исходило не изо рта, а из глубины Настиного организма — из желудка, кишечника или, быть может, пяток, куда могла уйти в то мгновение ее душа.

Артур мерзко расхохотался, сделав еще один шагок. Тело ее изогнулось к реке — еще одно неловкое движение, и кто знает, не будет ли миллионер собственноручно откачивать пострадавшую гостью... Возможно, для Насти это могло бы стать одним из счастливых шансов, одной из возможностей, которые она, стараясь не потерять при этом лица, так отчаянно искала. Тяжела женская доля — многие юные покорительницы всяких столиц пытаются, словно потерявшие всякий инстинкт самосохранения каскадеры, удержаться на раскачивающемся из стороны в сторону над обрывом канате.

— Отпусти меня немедленно! — по ноткам бешенства, одолевшим в блеске ее глаз испуг, Артуру показалось, что она овладела собой.

— Прямо в воду? — на всякий случай уточнил он, но тем не менее притянул к себе и, отступив на шаг, выпустил из рук.

— Дурак! — почти беззвучно сказала она и по-настоящему разрыдалась.

Артур поднялся по массивным ступеням. Почувствовал, что почти новая обувь, надетая по случаю, до крови впивалась в ноги. Он, очевидно, приносил себя в жертву на празднике миллионера. Но для чего? Он был абсолютно трезв и, наверное, оттого немного печален.

«Представляешь, Артур, выходит, ты не такой уж яркий, неприметный даже», — вспомнил он недавние слова Насти.

«Маленький человек», — добавил от себя, сутулясь от пробиравшего до костей ветра, и неспешно пошел прочь. Казалось, что из-за его плеч выглядывали герои главных русских романов и одобрительно покачивали головами.

Артур брел прочь от Насти, громкой музыки, тысячи возможностей и бесконечного ряда воспоминаний, но на самом деле он просто хотел уйти от себя или хотя бы понять, в какой момент все пошло не так. Он бы никогда не поверил, что при всей реальной ли, надуманной ли успешности это чувство не знакомо каждому из тех, кто прочтет эти строки.

* * *

На следующий день Артур сидел за чашечкой американо в небольшой кофейне в начале Невского и поглядывал на то, как его телефон периодически исполнял однообразные вибротанцы, попеременно отображая на дисплее имена «Владимир» и «Настя». Первый беспокоил его куда сильнее.

Артур не знал, как ему справиться с ситуацией, и прикидывал варианты: спешно покинуть гостиницу, когда Владимир будет на фестивале, или, быть может, в качестве извинений за отсутствие на мероприятии камеры телекомпании, которую они с Настей представляли, обеспечить хотя бы пару печатных публикаций.

Он смотрел сквозь широкие окна на залитый солнцем проспект и не хотел думать ни о чем. Он в Петербурге, ура, он снова в Петербурге.

«Привет, я в городе», — отбросив тяготившие его мысли, написал он эсэмэс своему давнему другу Айдеру.

«Где ты сейчас?» — мгновенно пришел ответ.

Через полчаса Айдер сидел напротив.

— Ну что, ты тут закружился? — после крепких рукопожатий спросил он, оглядывая кафе.

— Да, счет оплатил. Ты что-нибудь хочешь?

— Нет, я сыт. Слушай, может, пойдём ко мне? Я живу в двух шагах — хочу узнать, как закончится матч.

— Без проблем! Времени у меня как у покойника.

Весело болтая о пустяках, они прошли к площади Восстания и свернули в одну из многочисленных подворотен. Преодолев несколько внутренних дворов, они оказались у входа в капеллу, зашли в одну из парадных, на первом этаже которой и располагалась небольшая студия Айдера.

Артур похвалил расположение берлоги друга, а Айдер, успевший разлечься с ноутбуком на низкой тахте, покрытой ковром с аляповатым восточным узором, задумчиво ответил:

— Очень удобно... Бывает, работаешь целый день, смотришь, зрители выходят из капеллы в антракте, незаметно к ним присоединяешься и заходишь — по второму кругу ведь билеты никто не проверяет.

Артур огляделся: небольшая кухня отделена от комнаты барной стойкой, на плите объёмная кастрюля, а на пуфе у тахты куча вещей, из которых он, судя по всему, перед выходом доставал нужное.

— У меня тут небольшой беспорядок, — перехватил блуждавший по помещению взгляд, — холостяцкая берлога, сам понимаешь. Сейчас... Тут буквально двадцать минут осталось, скоро уже и второй тайм закончится.

— А вообще, это не моя квартира, — добавил Айдер, оторвав взгляд от ноутбука. — Она моего троюродного брата, он работает в Лондоне. Чтобы не пустовала, иногда здесь живу я.

— Повезло тебе с братом! Здорово иметь такую штаб-квартиру.

— Я всегда приезжаю в Петербург, когда пишу роман, — крупные формы почему-то лучше идут здесь. Рассказик или эссе какое-нибудь лучше пишется в Москве или в Саратове, а вот с романами лучше здесь.

Лиха беда начало — роман. Айдер уже набрал приличную скорость и, как принято в писательско-издательско-читательском деле, старался стабильно выдавать по книге в год. Ощутимых доходов, правда, судя по всему, это не приносило.

— Здесь и питание недорогое, сходим в столовую, я тебе покажу, — продолжал он расписывать преимущества жизни в Петербурге.

Айдер энергично почесал шею и, взъерошив русые волосы, обвел комнату взглядом, после чего вновь уставился на монитор.

— Кстати, ты голоден? Там в холодильнике пельмени, хочешь, брось их в кастрюлю.

Пельменей отчего-то не хотелось, и Артур ответил:

— Да нет, спасибо, я же перекусил в кафе.

Когда матч наконец закончился («Эх, „казанцы“ опять проиграли»), друзья сели пить чай.

— Вообще, каково это, по-твоему, стать писателем? — задал Артур давно беспокоивший его вопрос. — Ведь в твоём случае вряд ли это произошло само по себе, наверняка был рубеж в судьбе...

Айдер отодвинул чашку от края тонкой барной стойки, в задумчивости прошелся по комнате, прилег на тахту и, подперев голову рукой, начал издали:

— Знаешь, а я ведь был другим человеком в своём городе. Можно сказать, перспективным. У меня был собственный бизнес — изготовление и установка пластиковых окон, серьезные для тех времен деньги. Машина, само собой, девочка тоже, сам понимаешь.

По вдруг изменившемуся взгляду Айдера было понятно, что, присутствуя здесь физически, сам он пустился на машине времени в обратный путь.

— Я мог пойти в любой ресторан, зайти в любое заведение: меня ведь все знали, все принимали, уважали. Потом я начал писать рассказ, другой, третий. А по-

том и вовсе решил зарабатывать этим на жизнь, устроился в местную газету, думал совмещать журналистику с литературой. Так и стало меня затягивать в эту воронку — как видишь, безвозвратно.

— А что с девушкой?

— С девушкой? — переспросил Айдер, будто пробудившись. — Ах да, я ее отпустил — судьба писательской жены в наше время печальна. Я благодарен ей за все, что между нами было. Надеюсь и она осталась хорошего обо мне мнения — ведь все это нельзя вспоминать без придыхания, настолько возвышенными были наши помыслы. Определенно это была настоящая первая любовь! И эти воспоминания, ощущение чистоты, какого-то полета, который с годами, кажется, невозможно пережить вновь, я тщательно храню в себе самом. Хотя, конечно, теперь я стал более циничным.

Айдер вновь вскочил и, подойдя к окну и сдвинув занавеску, посмотрел во внутренний дворик. Взъерошенные волосы, руки с темневшими овалами локтей, грустно опущенные лопатки-крылья — он определенно сильно устал.

Артуру захотелось обнять его и с чувством похлопать по спине, но вместо этого он зачем-то задал еще один вопрос:

— Слушай, а тебе никогда не хотелось вернуться назад, сделать упор на чем-нибудь другом, кроме литературы?

Артур все больше походил на интервьюера, готовящего материал для литературного издания, но не мог остановиться, в собеседнике он с сожалением узнавал себя через десяток-другой лет. Его, судя по всему, ожидала печальная участь.

Как бы в подтверждение этих мыслей Айдер усмехнулся и стал обстоятельно отвечать:

— Весь прикол в том, что ты ничего в этой жизни не выбираешь, особенно творчество, писательство. Это болезнь, которая с годами только прогрессирует, уничтожая на своем пути абсолютно все. Когда ты пишешь, ты счастлив, ты живешь по-настоящему, ты на своем месте, а когда переключиваешь бумажки в офисе, в установленный срок получая стабильные деньги, — я не осуждаю, но не по мне это, понимаешь, — то как ни крутись, но зря теряешь время! Я просто зеваю, я умираю от скуки! Слава Аллаху, что теперь мне не нужно ходить на службу — кое-какие средства для поддержания скромного существования я все-таки могу из этого дела извлекать.

— Но если бы у тебя была семья, вряд ли бы все было так просто, в любом случае пришлось бы где-то подрабатывать, те же колонки писать на злобу дня... — размышлял я вслух.

— В политике все так переменчиво, напишешь что-нибудь невпопад и будешь выглядеть глупцом. По мне, так каждый должен заниматься своим делом. Вот получается у меня заниматься литературой — буду биться головой об эту стену, сколь глухой бы она порой ни казалась. Я своего рода смертник, у меня тоже одна дорога, один путь, одно знамя.

Последнее признание, похоже, так взволновало Айдера, что он наконец отошел от окна и стал энергично мерить комнату шагами, хрустя суставами пальцев.

— Да-да, это мой путь, с которого я уже не сверну, — внезапно продолжил он на повышенных тонах, как если бы Артур вздумал с ним спорить, — пусть даже придется поголодать. Пойми, я будто бы несусь за рулем роскошного гоночного автомобиля и вижу прямо перед собой другую машину, которая летит мне навстречу и спит дальним. Вместо того чтобы притормозить или хотя бы вывернуть руль, я еще сильнее выжимаю педаль акселератора. В этом, согласись, есть свой кайф.

Снова остановившись у окна и сдвинув занавеску, Айдер опять выглянул на улицу.

— Погодка сегодня райская! Извини, что я только о себе да о себе. Расскажи лучше, как твои дела.

Вспомнив про Владимира, чьи звонки Артур продолжал игнорировать, он немного загрустил, ответив общими фразами:

— Да так, ничего, приехал на музыкальный фестиваль, может быть, слышал?

— Я стараюсь не обращать внимания на такие мероприятия, но, скорее всего, понимаю, о чем ты — они ведь весь город завесили своей рекламой!

— Могут себе позволить!

— Как твоя девушка, вы все еще вместе? — поинтересовался Айдер ни с того ни с сего.

— Лена? Да, конечно, который год уже пошел, все хорошо...

— Если бы я встретил такую, женился бы, — с улыбкой произнес он.

— А как же спортсмен, несущийся на всех парах? — напомнил Артур другу. — Не каждая девушка согласится на такой экстрим.

Артуру почему-то стало интересно узнать, как там Настя, поехала ли она на очередной день фестиваля, чтобы выслушать все то, что хотел сказать ей Владимир, или же депрессирует, запершись в номере, не снимая трубку городского телефона и затаившись, стараясь не реагировать на стук в дверь.

— Пойду помою руки, — сказал Артур.

Открыв воду в раковине и опустив крышку унитаза, он присел.

«Это больше чем сердце, это больше чем весь мир, это больше чем вечность — любовь без памяти», — звучала знакомая песня вместо гудков.

Наконец он услышал Настин голос:

— Да...

— Привет! Чем занимаешься?

— Вот думала как раз, чем бы заняться — устала в номере сидеть, когда за окнами Питер.

— На фестиваль, выходит, не поехала?

— А смысл?! Кстати, у меня есть плохая новость для тебя.

— Владимир настучал на нас в офис?

— Да нет, успокойся... В смысле, пока еще нет, но когда я его встретила, он довольно жестко сказал, что мы должны освободить номера уже завтра плюс они аннулировали наши обратные билеты, так что мы сами должны будем оплатить проезд. Такие дела...

— Ну, хоть какое-то наказание, а то я уже и не знал куда деться от чувства вины.

— Ладно, прости, это все из-за меня... Зря я ему наобещала с три короба, — и после паузы: — Хотя кто знал, что эти черти примут такое решение. Умом нашу контролю не понять.

— Это точно. Ладно, скоро буду, выберемся куда-нибудь. Отбой.

— Жду, — томно прозвучало на том конце.

— Хотя нет, лучше выйди сама, погуляй, а потом пересечемся где-нибудь, — подытожил Артур и, прежде чем Настя успела что-нибудь возразить, сбросил вызов.

Он вспомнил, как приезжал сюда прошедшей зимой. Один. На автомобиле. Остановился в недорогой гостинице на Матисовом острове — месте необычном и показавшемся отчасти мистическим. Он снял номер с душем и рабочим столом, придвинутым к окну с видом на вялую Пряжку. Артур прекрасно помнил, как страдал за ноутбуком, водруженным на этот стол, мучаясь от творческого бессилия. Волосы взъерошены, глаза навывкате. Поздними вечерами он развлекался тем, что отъезжал на машине метров на триста от гостиницы и пытался заглянуть в окна психиатрической больницы имени Николая Чудотворца, где вроде бы принудительно лечился великий русский поэт по фамилии Бродский. Будто замороженный, рас-

сматривал он бледные тени страждущих за зарешеченными окнами верхних этажей здания. Кем они были? Как им жилось? Какими заботами маялись их души в те промозглые дни?

Ответов на свои вопросы он тогда не нашел, а вместо хотя бы десятка заполненных буквами страниц привез домой лежавшие с прошедшей осени, пожелтевшие листья с могил великих предшественников на так называемых Литераторских мостках. Он всегда был человеком одиноким и развлечения имел своеобразные.

— Артур, у тебя все в порядке? — вернул его к реальности осторожно постучавшийся в тонкую дверь Айдер.

— Да-да, — как можно спокойнее постарался ответить он. — Еще пара секунд.

Выключив воду в раковине, он отмотал немного туалетной бумаги и, приоткрыв крышку, забросил ее в унитаз, после чего смыл.

— Братан, спасибо за теплый прием, но я должен удалиться на некоторое время, — первым делом сказал Айдеру, выйдя из туалета.

Куда он заспешил? Что его ждало? Тысячи шагов и мысли о самом себе. Набережные и внутренние дворы, парадные и, возможно, квартиры, знакомцы и незнакомые. Начать, конечно, следовало с известной сети, торговавшей алкоголем, — там можно было заправиться «топливом», способным провести его сквозь любые обстоятельства. Он часто так делал, неизбежно включая в план экскурсии мини-бутыли вина, виски и, возможно, ликера, распиханные в карманы куртки.

Его ждал пульсирующий город, в котором, как говорили, сложно укрыться от дыхания великих. За каждым его поворотом, указывали пишущие коллеги, ты наткнешься на историческое место и, хочешь или нет, увидишь город сквозь призму чужой судьбы. Его интеллектуальная немощность была надежным щитом, и Артур находился здесь как не требующий особых привилегий завоеватель. Малообразованный варвар, нуждающийся лишь в мясе, крыше над головой и искренней любви, к которой, скорее всего, был не способен.

* * *

Зашторив окно, выходившее на опустевший к этому часу Литейный проспект, Артур лег в постель и попытался заснуть. Завтра ему нужно встать пораньше, чтобы успеть принять душ, собрать вещи и освободить номер к полудню.

Он лежал в абсолютной темноте и, кажется, слышал внутри себя мелкий дождь, дробно стучавший по ржавому ведру сердца. Еще он слышал ход секундной стрелки настенных часов, отчего-то усиливавших овладевшее им чувство опустошенности. Он уже перекатился за четверть века и в лучшем случае успел прожить треть жизни, а что имел за душой? Череда разочарований и глухая пустота — густой дым заволок грудную клетку, а жизнь походила на лживую имитацию того, к чему когда-то стремился.

— К имитации подталкивают социальные сети, — произнес он, обращаясь к красной точке на выключенной плазме, — да-да, не спорь, именно так, ведь это они заставляют нас концентрироваться лишь на собственных успехах или приближении к ним. Не зря психологи, «стригущие» неплохие бабки за свой высокоинтеллектуальный бизнес, на каждом углу трубят о том, что наблюдение за лакированными жизнями друзей-френдов отрицательно сказывается на эмоциональном состоянии подопытных.

Чтобы немного успокоиться, он запустил одной из многочисленных подушек, выложенных на кровати на восточный манер, в угол комнаты. Подушка упала, с шумом захватив с собой что-то со стола. Он вскочил — это была настольная лампа, которой он ни разу не успел воспользоваться.

Подойдя к окну, Артур продолжил свои размышления:

— Несправедливость существующего положения вещей очевидна... — но из-за усталости, не найдя дельных аргументов, просто ударил кулаком о подоконник.

Сердце Артура забилося еще чаще, а звук секундной стрелки часов, казалось, мгновенно увеличился в несколько раз. Черт возьми, он рассуждал как классический неудачник!

Мгновенно обессилев, он упал на безразличный ковролин, которым был покрыт пол номера. Все немногочисленные звуки Вселенной, проникавшие в помещение, показались колыбельной, а вдруг навалившееся чувство усталости и саднящая тоска опустились на отяжелевшие веки. Так он и заснул.

* * *

В сирийский Хомс на рейсовом автобусе из Дамаска он прибыл в раскаленной сердцевине дня. Развернутый наизнанку город словно разломанный варваром переспелый гранат — остовы строений перемежаются с крупинками плода, подсохшей влагой кроваво-красного сока. От пустынного автовокзала взял такси до центра города. Заклеенное скотчем лобовое стекло, очевидно пропустившее сквозь себя несколько пуль, у самого таксиста рука в гипсе.

— Попал под обстрел, — почти со смехом отвечает он на очевидный вопрос и продолжает мчать: сто, сто двадцать, здесь сто пятьдесят — опасно.

— Пристегиваться, я так понимаю, не обязательно?! — шутит Артур, вглядываясь в проносящийся за окнами пейзаж.

Он, как почему-то все чаще в последнее время, вспомнил детство в Ашхабаде. Ему нравилось лежать на заднем диване отцовского BMW, когда они семьей ездили за город, и до тошноты смотреть на кроны деревьев за окном. А что если тогда кто-нибудь начал по ним стрелять?! Как будто отвечая на всякую тревожную мысль, Артур мог бросить взгляд на отца. Рука на подлокотнике, кисть на обшитом кожей руле. Изгиб плеча, переходящий в крепкую шею. Странно, но Артур видел и кусочек гладко выбритого подбородка. Все это вместе с музыкой Эннио Морриконе, которую, как правило, включал в машине отец, успокаивало. Ничего плохого с ними тогда не могло произойти, а если бы вдруг и случилось — папа, словно какой-нибудь супергерой, в два счета решил бы любую проблему.

Теперь же Артур был один, и с ним могло случиться что угодно.

Наконец они подъехали к памятнику первому президенту Сирии — этот памятник, по словам таксиста, был символом того, что полуразрушенный город все еще не пал под натиском сил сопротивления. Подъехали к штабу военных — дальше, сказал таксист, Артура могли провезти только они. Центральные кварталы города были заняты представителями различных террористических группировок. И хотя, несмотря на уже имеющиеся разрушения, внешне как будто бы ничего не происходило — было очевидно, что город в осаде.

Горы мусора вдоль дорог, клубы черного дыма, стремящиеся к небу, душераздирающий звук взрывов непонятно где.

Расплатившись и выйдя из автомобиля, Артур обратил внимание, что в пыльных кустах у дороги что-то шевелилось. Так, все в том же детстве, он находил милых ежиков, выползавших за провизией, или же мог рассмотреть пушистый рыжий хвост проворной белки, в два счета взбирающейся на дерево повыше, стоило ему сделать шаг.

Стоявший на пороге штаба военный (позднее Артур узнал, что его звали Муханнад) недоверчиво осматривал незнакомца, приехавшего с небольшим туристическим

рюкзак за плечами. В руках боец ожидаемо держал АК-47 с затертой деревянной перекладиной. Стоило Артуру сделать несколько шагов к обочине, как указательный палец Муханнада мгновенно переместился с рукоятки на курок. Свист летящего снаряда сменился грохотом — где-то поблизости словно бы нехотя воевали.

Отвечая на вопрос в его глазах, Артур указал на все еще шевелящиеся кусты. Бодрым шагом Муханнад подошел к нему. Одетый в спецовку цвета хаки, с нашивками сирийской армии на рукавах, берете и кожаных берцах, он выглядел более чем внушительно. Когда Муханнад поравнялся с Артуром, стало понятно, что он выше едва ли не на голову, а сам он был подтянутым и спортивным. Из штаба, по-видимому оборудованного камерами наружного наблюдения, высыпали солдаты, встревоженные очевидно нештатной ситуацией.

— Осторожно! — сказал Муханнад шепотом на арабском, который Артур когда-то изучал.

Он ткнул автоматом в кусты и нагнулся, чтобы разглядеть источник движений.

Оказалось, что там лежала едва живая собака. Глаза, полные ужаса, смешанно со предсмертным туманом. Но главное — это огромная дыра в половину собачьего тела. Там, среди внутренностей и запекшейся крови, разорванных вен и жил, копошились черви и мошки. Позади было поле, которое, похоже, пес и преодолел за ночь, чтобы в конце концов упасть без сил поближе к человеку.

Пес еле слышно заскулил. Артура вывернуло. Муханнад, по-видимому уже успевший за годы конфликта насмотреться многого, едва ли не с улыбкой подмигнул ему и, мгновенно передернув затвор, выстрелил собаке в голову.

Артура снова вывернуло, да так, что спазм болью отозвался во всем теле. Военные тихо посмеивались.

* * *

Наутро Артур с Настей отправились к камерам хранения Московского вокзала, чтобы сдать вещи. По пути Артур рассказал ей историю, некогда оставившую глубокий осадок в его душе. При этом он осознавал, что запомнилась она ему прежде всего из-за того, насколько положительным героем он в ней оказался или, быть может, просто казался.

Нестандартное празднование дня рождения знакомой в Битцевском парке. Пара гостей, совокупающаяся в ближайших кустах, и шашлык, приготовленный из самого дешевого мяса, которое только удалось найти в районном «Ашане». Впрочем, союз любого мяса с огнем может заставить усиленно работать слюноотделение хищника. Но дело не в этом.

— Я встретил там девочку лет двенадцати, — говорил Артур, таща сумку-тележку по казавшемуся бесконечным Литейному, — она просто поразила меня своей соборазительностью, живым умом, реакцией, красотой, в конце концов. В общем, после этого знакомства я весь вечер был, в хорошем смысле слова, без остатка посвящен этому нежному существу.

— Ага, тут Артурика и понесло по волнам эротических фантазий, — прокомментировала Настя, смахнув со лба капельки пота.

— Давай обойдемся без пошлостей! — увлеченный воспоминаниями, резко перебил он. — Мы просто говорили, стоя под тенью деревьев, но что правда, то правда, я любовался ее гладкой кожей и облакаемым в маленькие детские слова на удивление зрелым взглядом на жизнь. В общем, я разговаривал с ней о семье, о школьных делах, любимых предметах и прочитанных книгах. Все сказанное (глупо не признать) врезалось в сердце, я стал ощущать нашу мистическую связь, родство душ, влечение, называй, как хочешь.

— Влечение-влечение, — буркнула Настя.

Окунувшись в приятные воспоминания, Артур не мог остановиться:

— Мы говорили без конца, и казалось, разговор наш не может быть исчерпан. Я, вроде бы ко всему привычный, был очарован ее девственной чистотой, сочившейся из каждой поры этого великолепного создания.

Запнувшись ненадолго, Артур поправил сумку и коротко посмотрел на витрину посудной лавки, мимо которой они проходили. Бесконечные ряды тарелок, кружек, блюдец и даже уверенная в себе пузатая супница с достоинством восседали на стеклянных полках. Взгляд зацепился за фарфоровую фигурку белого с рыжими пятнами грациозного котенка, игравшего с клубком бабушкиных ниток.

— В общем, мы отошли от основной группы приглашенных и стояли под одним из вековых деревьев. Помню даже структуру его коры, замороженный новым знакомством, я облокотился на него и даже стал осторожно поглаживать.

— Слушай, дорогая, — наконец выдавил я, обращаясь к ребенку, — ты такая прекрасная, что вряд ли я смогу выразить это в словах, — и спустя многозначительную паузу: — Самое ценное, что сейчас у меня есть, — это цепочка, которую я ношу, удивись, с твоего возраста, с двенадцати лет. Мне ее подарили родители на день рождения, и она приносила мне удачу.

Невдалеке слышались гнусавые голоса подвыпивших и сытых гостей, Артур же тем временем пытался нащупать застежку висевшей на шее золотой цепочки. Наконец она поддалась, а затем сомкнулась на его собеседнице.

— Ты очень умная и по-настоящему живая девочка, я хочу, чтобы в дальнейшем эта вещь приносила удачу тебе.

Она выглядела смущенной.

— Что вы здесь делаете?! — сбивая придурковатую улыбку с его лица, спросила вдруг подскочившая мама девочки-подростка.

— Разговариваем, — коротко ответила она, успев спрятать золотую цепочку под футболку.

Ее мама, ровесница Артура, с подозрением на долю секунды уставилась на него, после чего разразилась тирадой о чистоте нравов.

Он смотрел в обезумевшие глаза мамы, переживая лишь о том, как воспримет происходящее малышка. Как бы его персональные акции не упали в ее совсем недавно восхищенных глазах.

— Как ты мог? — не унималась мамаша, будто застав их не за простой беседой у дерева, а за чем-то запрещенным законом, и, как заведенная, повторяла: — Ей же всего двенадцать.

Артур стал плакать — странный микс страха и обиды за себя, а еще более грусти за неправильно складывавшееся знакомство охватил его, забив глотку до самого желудка, и не позволил вступить в обстоятельную дискуссию.

Его слезы, кажется, на мгновение обезоружили бешеную мамашу, на смену которой пришел ее супруг. Он, видимо уже крепко выпивший, сжал Артура в объятиях, приговаривая:

— Ну что ты, успокойся. Забей на нее, ну что ты.

Артура было уже не унять — как же она могла такое подумать? Он огляделся — девочки не было видно.

— Какая история, — наконец отозвалась Настя, заглядывая в окна одной из недорогих забегаловок. — Может, чаю попьем? Я совсем утомилась.

— Давай, — легко согласился Артур. Должен ведь он был хоть в чем-то с ней соглашаться.

— Мне было так грустно, — продолжил Артур, когда они оказались за столиком, — я переживал за малышку, как же она воспримет ситуацию и как поймут

ее родители, когда обнаружат золотую цепь, появившуюся на ее тонкой шейке, не будут ли бить за то, что приняла...

— Ну, все обошлось? — скупящим голосом уточнила Настя.

— Ага, — лаконично ответил он.

— А цепочка-то к тебе вернулась?

— Ну, почти...

Выпив чаю, они довольно быстро добрались до Московского вокзала. Купив билеты на вечерний поезд и расставив сумки по отсекам камеры хранения, снова вышли в город.

— До встречи вечером, — сказал Артур, махнув рукой.

Оказавшаяся готовой к такому повороту событий Настя с тяжелым вздохом, но наигранным равнодушием поинтересовалась его планами.

— Что будешь делать? Возьмешь велик, как хотел, покатаешься по своим местам?

Яркое полуденное солнце стояло в зените, облизывая лучами площадь перед вокзалом. Они медленно прошли мимо летнего пивного ларька, больше походившего на шатер Рамадана, и остановились у автоматической станции проката велосипедов.

— Да, попробую! — он бросил взгляд на инструкцию. — Хотя...

— Оплата только по карточке? У меня нет. Возьмешь и мне, Артурик, покатаемся?

Уже задумавший другой маршрут, он равнодушно бросил:

— По одной карте выдается один велосипед.

Артур любил путешествовать в одиночестве, дорожил своей тихой грустью. Если ты приехал с кем-то в новое место, а потом вдруг расстался на время, чувствуешь нечто вроде потери. Организм заточен на беседы — бесконечные пустые разговоры, и сам ты переплавился в компромисс — готов ко всему, что предложат, особенно если предложения исходят от представительниц так называемого слабого пола. Особая прелесть в путешествиях в одиночку во вдумчивом созерцании. Не нужно никому объяснять, почему свернул сюда, а не туда, зачем остановился и надолго ли присел. Если посмотреть со стороны на одинокого путешественника, он загадочен и интересен, словно несет на себе печать некоей тайны. Кто знает, что заставило его в одиночестве сидеть посреди незнакомого города с бокалом чего-нибудь освежающего? Что он оставил за плечами — неподъемные долги; труп, закопанный на заднем дворе, или, напротив, счастливое семейство и нестыдный счет в банке, от которых решил отдохнуть?

Что касается Артура, то за его спиной было недавнее задержание сотрудниками одного из столичных ОВД, предшествовавшее ему задержание в отделении Сбербанка и разговор с big boss компании, из которой он решил уволиться после почти полутора лет работы.

Устраиваясь на службу, он и не подозревал о существовании Председателя, но потом, что называется, проникся. Поговорил пару раз, попросил разрешения писать эсэмэс по рабочим вопросам, спас от большой беды и, кажется, сильно утешил. Но, странное дело, Артур уже «подсел»: знал назубок его биографию, распорядок дня и что-то касающееся стиля жизни — любимые алкогольные напитки, писатели, основные вехи непростого пути рядового журналиста, вдруг ставшего руководителем крупной медиакомпания. Наверное, подсознательно Артур видел в Председателе своего отца — первопроходца в деле, которому сам планировал посвятить жизнь. Единственное, чего Артур не понимал и что его разочаровывало, так это почему Председатель, будучи во всех смыслах человеком незаурядным, предпочитал окружать себя всякими мерзавцами, недостойными даже толики его внимания, а потом со сдержанной улыбкой годами терпеть их общество.

Артур вспомнил, как один из мерзавцев принес на еженедельную летучку фотографии нарушений сотрудниками приказа об организации рабочего пространства.

Штатный стукач, в свои неполные тридцать умудрившийся дослужиться до исполнительного директора компании с полуторатысячным штатом, бросил на стол пачку фотографий.

— Обнаружены нарушения в пользовании посудой вблизи компьютеров, несанкционированные наклейки на системных блоках и монтажных пультах.

Артур, присутствовавший на заседании, не мог поверить, что взрослые мужчины будут всерьез обсуждать, кто и где выпил чай, зачем прикрепил стикер. Признаться, в тот момент он предпочел бы провалиться сквозь землю. Боковым зрением он наблюдал за шефом, взявшим фото в руки. Артур рассчитывал, что Председатель бросит их на пол (так он обычно поступал с просмотренными наискось газетами) или заставит штатного стукача съесть часть из них, желательно стоя на коленях.

— Это в каком кабинете? — остановился он на одном из снимков.

Штатный стукач, насколько мог, вытянул шею, как бы уточняя, какое из многочисленных нарушений имелось в виду.

— Я, пожалуй, туда зайду сам, — весело произнес Председатель.

Он сказал это со смехом и, похоже, если не забудет в водовороте бесконечных дел, действительно собирался туда наведаться.

Сидевшие за столом привычно хихикнули в такт, а затем пустили пачку фотографий по кругу. Артур пропустил свою очередь, возможно, даже излишне демонстративно для его шаткого положения. Вряд ли это могло остаться незамеченным.

В какой-то момент Артур даже задумался: «А вдруг этот тап, показавшийся ему на время особенным, был всего лишь стандартным сгустком энергии, в котором нашлось место и для обыкновенной человеческой грязи?!» Идеалист, он не хотел в это верить.

Артур зашел к нему в последний день работы в компании. Председатель, как всегда, то ли изображал активную деятельность, то ли и вправду работал на износ.

— Можно к вам? — поинтересовался Артур и, не дождавшись приглашения, вошел в кабинет.

Председатель кивнул, но отчего-то смотрел мимо Артура. Днем ранее, не задавая лишних вопросов, он завизировал заявление об увольнении по собственному желанию.

— Я просто хотел поблагодарить за бесценный опыт, который получил, работая с вами, — сказал Артур, кажется, вполне искренне.

Председатель, очевидно тяготившийся затягивающейся сценой прощания, первым протянул руку, а когда Артур вложил в нее свою, сжал в крепком рукопожатии.

— Спасибо вам, — как-то нетерпеливо сказал Председатель.

Прием был окончен, но Артур не уходил, решившись задать интересовавший его вопрос:

— Скажите, могу ли я рассчитывать на ваши рекомендации, в случае если они потребуются?

— Конечно, почему бы и нет, — с облегчением ответил тот, видимо ожидавший вопроса посложнее.

Земля поплыла из-под ног Артура. Этот стол, телефон спецсвязи с гербом страны вместо диска набора, фотографии, неровно развешанные на стене за спиной высокого кожаного кресла, бутылки с водой, которую Председатель как приверженец здорового образа жизни постоянно пил.

Как у человека, одной ногой ступившего на тот свет, перед глазами поплыли образы и воспоминания — эпизоды трудовой биографии. В темную воронку, по видимому символизировавшую потерянное время, улетали написанные Артуром страницы пресс-релизов, сочиненные им газетные интервью, тысячи сделанных те-

лефонных звонков и отправленных имейлов, десятки бутылок вина и шампанского, выпитых по поводу и без на рабочем месте и этажом ниже — в ньюсруме.

Впереди ждал безграничный мир, свободные дни и ночи, где не должно быть места не только часам присутствия, но и дням недели. В кураже свободы могли раствориться и месяцы с годами, и он сам, но главное — чтобы находилось время на творчество, которым Артур все еще рассчитывал заниматься. В идеале неплохо бы иметь время для путешествий, ну, и на жизнь — подлинную, настоящую, — жизнь с большой буквы. Короче, он отвоевал и выкупил себя из плена обстоятельств и обязательств и мог хотя бы пару месяцев пожить для себя — отступные телерадиокомпаний могли позволить ему подобные фокусы. Во взрослой да к тому же самостоятельной жизни это было немало.

Начало новой яркой жизни, о которой грезил Артур, стартовавшей в Петербурге, получилось несколько скомканным.

— Ладно, я пошел, — решив отложить вопрос с велосипедом, сказал он Насте и, развернувшись, решительно двинулся прочь.

Какое-то время он чувствовал, что Настя продолжает смотреть ему вслед, но когда Артур, отойдя на полсотню метров, оглянулся, у велопроката никого не было.

Когда он немного прошелся по Невскому и, заглянув в Книжную лавку, где вместо искомой книги нашел по-настоящему нужную, она позвонила.

— Ты где? Мне нужно с тобой поговорить.

Голос ее прозвучал угрожающе серьезно — так, что Артур сразу понял, о чем она собиралась с ним говорить.

— Я вообще-то немного занят, — он постарался прозвучать как можно солиднее.

— Это не займет много времени. Где ты? Я сейчас подойду.

Он увидел ее у стеклянных дверей магазина едва ли не через пять минут.

— Говори, — коротко бросил, заглядывая в лица прохожих.

Отчего-то остро захотелось курить, но сигарет при себе не было.

В кедах она казалась ниже ростом и пристально смотрела на него снизу вверх. Смотрела так, как не смотрела никогда прежде. Артур обратил внимание, что нижняя ее губа нервически подрагивала, и сразу приготовился к худшему.

— Я понимаю, что у тебя нет времени, что тебе перед отъездом из Питера нужно успеть выбрать подарки родным, но мне нужно сказать тебе кое-что важное, — с места в карьер начала она.

Понимая, к чему идет дело, Артур попытался предостеречь:

— Я прошу тебя не говорить того, о чем ты можешь пожалеть в будущем.

Его замечание не остановило ее, а, напротив, придало ей сил, глаза вспыхнули переливающимся глянцем.

— Да, это так. Я тебя...

— Не надо этого, — решительно оборвал он.

Ее большие светлые глаза увлажнились, а обильно напудренное лицо казалось подсвеченным изнутри, напомнив о супнице в витрине посудной лавки.

— Ты сам все понимаешь, Артур... я... люблю тебя.

Недолго подумав, она решила добавить:

— Хочешь ты этого или нет, но это факт. Факт, с которым мне, именно мне, придется жить дальше.

Слова эти сотрясли пустой воздух — город качнулся, едва не расплескав содержимое, но, здраво оценив ситуацию, устоял.

Они еще некоторое время постояли молча. Настя опустила взгляд, рассматривая паутину трещин на асфальте. Мимо проходили десятки, а то и сотни людей — кто-то спешил по делам, кто-то, как и наши герои, праздно проводил время. По про-

спекту в двух направлениях двигались автомобили, и Артур подумал, что было бы интересно узнать, кто же едет в правильном.

Потом он зачем-то вспомнил о Михайловском замке, в котором нашел свою гибель самый необычный правитель Российской империи — Павел I. В этот свой приезд он не попал в выстроенный на прусский манер дворец с просторным внутренним двором. Ранее он видел в одном из залов замка табакерку, от удара которой в висок и погиб взбалмошный император.

— Ну все, я пойду, — щелкнув пальцами перед его носом, сказала внезапно осмелевшая Настя.

Конечно, она хотела, чтобы Артур ее остановил. Раз уж она влюблена, то, скорее всего, и цирк с приездом в Петербург устроила лишь ради того, чтобы побыть рядом с ним. Не думая ни об ответственности перед организаторами, ни о том, как она будет оправдываться перед Председателем, если вдруг это дойдет до его высокопоставленных ушей.

— Иди, — сказал Артур.

Единственное, что он испытывал по отношению к ней, была жалость. Хотя нет, жалости тоже не было, он просто хотел поскорее покончить с этим.

Странное дело — часто по-настоящему хорошим людям достаются пусть не уродливые, но некрасивые, неприятные тела. Рыхлые лица не могут выражать одухотворенности, а даже самые искренние признания воспринимаются не так, как могли бы. Случается, однако, и наоборот: обладательница падшей души оказывается упакована в великолепное тело. Эти мысли натолкнули Артура на воспоминание о другой Насте.

* * *

Не так давно, спустя едва ли не полтора года, они зачем-то вновь связались. На этот раз их общение даже отдаленно не походило на те, пусть немногочисленные, но страстные встречи, когда они, как безумные, могли уединиться в туалете третьесортной закуской или же в подсобке книжного магазина, куда он однажды привел ее, чтобы подарить томик Бодлера, которого стал читать ей при встречах.

Пьяная, со счастливым блеском глаз за линзами очков, придававших ее тонкому личику особенное выражение, она, заразившись, читала по-французски бодлеровского «Ангела радости», сидя на прохладной серой лестнице первого попавшегося подъезда.

Перед Артуром красными вспышками на фоне неба, облаков, стремительно бежавшей речной воды, бок о бок с которой он жил десятков лет, вспыхивали строки этого стихотворения на русском.

Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?
Тоска, унынье, стыд терзали вашу грудь?
И ночью бледный страх... хоть раз когда-нибудь...
Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали?
Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?

Артур искренне любовался ею, восхищался, ревновал к изобилию, окружавшему ее, к каждому взгляду, исходившему не от него, к каждому звуку, произнесенному не им и вдруг достигавшему ее слуха. Артур в буквальном смысле слова обезумел. Пусть и недолго, но он был с ней по-настоящему счастлив. Переполненный, по сути, подростковыми эмоциями, он вновь стал писать стихи, а количество заметок, созданных в телефоне за время их встреч, сложно было сосчитать.

Предчувствуя неизбежную разлуку, Артур тосковал, но не боялся делиться мучившими его мыслями. Так, прочитал ей полушутливое стихотворение, написанное по случаю — когда они в очередной раз нетвердой походкой прогуливались по центру города.

И порхать, как мотылек
Либо моль в твоём шкафу,
Чтоб упасть потом с тобой
На лету иль на весу.

Я хотел бы, чтобы рядом
Ты была со мной весь век.
Но, как кошечка иль ангел,
Ускользаешь ты навек.

Вдруг остановившись, она взглянула на него как-то по-особенному и одарила показавшейся волшебной улыбкой.

Все это время Артур откровенно лгал своей девушке Лене. То он задерживался на работе, то рано ложился спать. Всякий раз он находил новый повод, чтобы увидеться с Настей-малышкой. Это выглядело странно, но Артур, познакомившийся с Леной еще на первом курсе университета, относился к ней не как к девушке, а как к родственнице — сестре или матери. Расстаться с ней?! Об этом не могло быть и речи. Обман, хотя и тяготил Артура, был не такой сложной задачей, ведь они с Леной виделись редко, а чаще поддерживали свое ставшее странным (позднее он узнал о феномене зависимых отношений) общение посредством переписки.

Отношения же с Настей-малышкой он воспринимал как странную дружбу — интересную, живую, но вместе с тем безусловно конечную. Но всякий раз, настраиваясь сказать, что им нужно сократить общение, он срывался в чувство эйфории — здесь и сейчас он был счастлив. Почему? Хороший вопрос, он и сам им нередко задавался. Может быть, ему нравилось, как он отражался в ее глазах, а может, и то, что вообще нашел ее — еще маленькую и глупую, смог обратить на себя внимание, удерживать ее рядом.

Но все хорошее рано или поздно заканчивается. Он на время, в том числе из-за рабочих неурядиц, ушел в себя, а Настя-малышка постепенно стала появляться разве что для того, чтобы сообщить Артуру о проблемах со своим молодым человеком, о том, что наконец нашла в себе силы признаться, что больше его не любит, а может, и никогда не любила.

Молодой человек?! Здорово, конечно.

Когда она вновь написала ему подобные глупости, он ответил:

«Проходил на днях мимо грузинского кафе. Заказал сотку водки. Шла середина рабочего дня.

— Сока? — пытаюсь скрыть удивленное раздражение, предложил официант.

— Просто водки — я так хочу.

Я выпил две рюмки залпом, сидя у небольшого фонтана, с барражирующей в ней пластиковой уткой. Сделал глубокий вдох и попросил счет.

Прямо напротив кафе располагался Мосгорсуд — место, где судят террористов, самых отчаянных маньяков и опасных преступников, справа Богородское кладбище, в двух кварталах психиатрическая больница.

Я вспоминал о тебе».

«Немного больные ассоциации со мной, — не растерявшись, в свою очередь ответила Настя-малышка. — Хотя это даже приятно».

* * *

Все оставшееся до отправления поезда время Артур бродил по центру города, ни о чем толком не думая, лишь отмечая про себя знакомые места, куда выплывал из окутавшего его после Настинова признания в любви вымышленного черного дыма.

Ближе к полуночи он нашел себя курящим на перроне Московского вокзала. Скорый фирменный поезд с оригинальным названием «Смена — А. Бетанкур» уже был подан, но он не спешил занять свое место.

Дело в том, что именно у его вагона стоял сотрудник полиции, который совершенно очевидно всматривался в лица пассажиров. Глянув на Артура, он будто бы узнал кого-то и, еле заметно кивнув проводнице, зашел в вагон. Артуру тут же вспомнилось его задержание сотрудниками уголовного розыска, долгий, неприятный допрос с угрозами в одном из отделений полиции.

«Неужели?» — его сердце забилося чаще.

Наступив на скуренный почти до фильтра окурков, он предъявил билет и с напускной радостью поинтересовался у проводницы:

— А сотрудник поедет с нами?

— Я, честно говоря, не знаю. А почему вас это беспокоит? — с хитрым прищуром ответила она вопросом на вопрос.

— Нет, ну если поедет, хорошо, спокойнее будет, — стушевался он и ступил в тамбур.

В купе уже сидела Настя и оживленно беседовала с весьма миловидной попутчицей. Настя делала вид, что не замечает Артура, что его в сложившихся обстоятельствах, в общем-то, вполне устраивало. Забросив сумку в багажный отсек, он переоделся в пустовавшем соседнем купе, после чего лег на верхнюю полку, отвернулся к стене и попытался заснуть.

Полиция была здесь по его душу, думал он, когда поезд как-то излишне буднично тронулся, иначе почему они выбрали именно этот вагон, почему едут в одном из соседних купе. Артур вспомнил свое недавнее задержание и то, как он побежал.

— Стоять, стрелять буду! — крикнул один из них, в попытке пресечь его задумчивый невозможный побег.

— Это он? — долетела до него еще одна фраза и положительный ответ из уст третьего.

Сейчас и не вспомнишь, сам ли он решил остановиться, или служители правопорядка его настигли, вслед за чем, заботливо поддерживая под локти, предъявили удостоверения. В отдел они поехали на черной «ладе гранта» — руки Артур по их требованию должен был держать на торпеде. Наручники до поры надевать не стали, и на том спасибо.

Все это не могло не быть взаимосвязано. Непонятно было лишь то, зачем они решили затевать междугородную спецоперацию, вместо того чтобы тихо-мирно постучаться в двери столичной квартиры, где он постоянно проживал.

Артур написал отцу эсэмэс с просьбой, если он не занят, встретить его у вагона. Широко известный в узких кругах адвокат — он мог если не вызволить его из плена, то хотя бы оскандалить ситуацию до абсурда так, что полицаи сами рано или поздно должны удивиться своей затее. Артур, оказавшись в отделе полиции, звонил отцу, тот оказался за городом.

— Надолго, брат? — поинтересовался тогда у сильно расстроившегося Артура еще один задержанный, походивший на нелегального работягу-мигранта.

— Похоже, что на пару-тройку лет, — грустно улыбнувшись, ответил Артур.

Времена, когда они ездили на отцовском автомобиле по предместьям Ашхабада и Артур чувствовал себя словно за каменной, нет, пуленепробиваемой стеной, давно прошли. Мальчик вырос — где можно, поможем, но пора бы и самому научиться отвечать за свои поступки.

Отец, несмотря на сложившуюся в последнее время практику, непривычно быстро согласился его встретить. Артур с облегчением выдохнул, достал из рюкзака металлическую банку светлого пива и, чуть приподнявшись на подушке, сделал пару серьезных глотков. Если ничего не изменить, то нужно просто достойно принять чувствительный удар судьбы, думал он в тот момент. Тем более что человеку пишущему такой опыт может быть крайне полезен — в местах не столь отдаленных, как их называли, тебе предоставят и койко-место, и обед по расписанию, караван историй, судебных, поступков и много свободного времени которое за отсутствием достойных развлечений сложно потратить бездарно.

Допив пиво, он уложил банку в откидную сетчатую полку, прикрученную к стенке купе, и провалился в беспокойный сон.

Артуру приснилось, будто он, просыпаясь от жуткого шума под окнами квартиры, видит многополосную эстакаду проспекта Маршала Жукова в Москве... вроде разбился пассажирский самолет, хотя не видно ни обломков, ни пострадавших от невообразимого столкновения всего со всем. Есть лишь горы искалеченных трупов, в беспорядке лежащие на сыром асфальте. Старики, женщины, дети — в охватившем его ужасе Артур успел сфокусировать взгляд на нескольких десятках разбитых в кровь лицах. Он стоял у окна на кухне, уперев руки в пластиковый подоконник, и не мог поверить собственным глазам. Откуда ни возьмись на месте чрезвычайного происшествия появились пожарные расчеты, без промедления начавшие смывать мощнейшим напором воды тела к обочине.

Погибшие стали будто сдуваться, как шарики, после чего исчезли вовсе, как если бы были нарисованы мелом вконец обезумевшим художником.

Артур отошел, чтобы приготовить растворимый кофе со сливками, а когда вернулся к окну, увидел несколько групп родственников погибших, желавших знать, где именно лежали тела их близких. Подтянутая женщина в форменной одежде синего цвета деловито уточняла данные, которые тут же сверяла со списками в планшете, а затем указывала на конкретное место.

Родные погибших ложились на асфальт, поглаживая раскрытыми ладонями внутри рисунков из мела, и, бесшумно плача, что-то безостановочно причитали.

Артуру очень хотелось понять, что же на самом деле там происходило, и, спустившись, он назвал свою фамилию — мол, ищу родственника.

— ...? — повторила его фамилию женщина в форме.

Артур отметил, что у нее были очень красивые черты лица, светлые глаза и темные волосы — все, как он любил.

— Да.

Она сунула руку в карман брюк, и... он почувствовал сильный удар в ногу.

— Вставай, через пять минут прибываем, — сказала Настя невесело.

Артур провел ладонями по лицу, сполз на нижнюю полку, а потом, надев тряпичные кроссовки, успел умыться и даже выпить кофе из традиционного для поездов стакана в металлическом подстаканнике.

— Возьмешь мне чаю с лимоном? — подмигнув, попросила попутчица.

— Конечно, — и обращаясь к Насте: — Тебе взять?

Она предпочла не услышать вопроса и, фыркнув, вышла. Похоже, их отношения, как и поезд, подходили к конечной станции.

Сотрудники полиции, так взволновавшие Артура вечером, первыми покинули вагон. На этот раз пронесло. Он испытал истинное облегчение, увидев их удаляющиеся спины, хотя и старался выглядеть равнодушным.

* * *

Разбирая архивы Артура, я, с одной стороны, был допущен к документу эпохи — честным зарисовкам окружавшей нас реальности, с другой — не мог почувствовать себя их подлинным владельцем.

Возвращаясь с работы, которую я отыскал вместо аспирантской поденщины, я, придвигаясь к своей девушке, нехотя, а вернее, ничего не видя, просматривал телепрограммы. Она была редактором одного из многочисленных глянцевого журналов, периодически и сама писала статьи о том, как, например, построить отношения или, напротив, от них избавиться.

Мое увлечение Артуром и его творчеством она не то чтобы не поддерживала, скорее, просто не понимала.

— Зачем заниматься тем, что не приносит и не может принести плодов? Еще и аспирантуру из-за него бросил, — сокрушалась она, стоило мне заговорить об Артуре.

Ее сложно было назвать глупой, тем более в ситуации, когда она зарабатывала больше меня, но вместе с тем меня всегда расстраивала ее неспособность подняться над будничной суетой. Скажи я ей, что жизнь («О, да! Эти простые, в общем-то, идеи, почерпнутые из первой книги Артура») есть нечто большее, чем маршрут «работа-дом-работа», что мечтать можно не только о новых сапогах или летнем отдыхе на Лазурном берегу, уверен, все бы окончательно пошло прахом.

— В филологии тебя ждало блестящее будущее! Ты мог бы уже в недалеком будущем стать профессором, заниматься любимым делом, делая при этом карьеру...

— Я и сейчас им занимаюсь, — отзывался я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

И хотя я был спокойным человеком, однажды во время такого разговора ей все-таки удалось вывести меня из себя. Так, в порыве очередного яростного топтания на месте она возмутилась, мол, интересно, куда тебя заведет этот бездарный уголовник.

— Бездарный уголовник? — переспросил я и ненамеренно, словно рыба, выброшенная на берег, в возмущении открывал рот, пытаюсь вдохнуть хоть немного воздуха.

— Вот именно! Видела я его писанину — вообще не понимаю, чем тебя или кого-то еще это может привлекать!

Она говорила что-то еще, я уже не слышал, а смерив ее презрительным, нет, бешеным взглядом, выскочил из комнаты как ошпаренный. Еще немного, и наверняка я бы ее ударил — я, никогда в жизни не поднимавший руки на девушку, да и вообще избегавший конфликтов.

Любил ли я ее? Не знаю, наверное. Но после того разговора я вдруг почувствовал ее, несмотря на проведенные вместе годы, совершенно посторонним человеком, живущим своими понятиями и планами. С какого-то момента я перестал понимать, что мне с этим делать, и, как часто бывало в жизни, пустил ситуацию на самотек.

* * *

Немного сутулясь, Артур шел по Пушкинской набережной столичного Парка Горького. Музыка доносилась с деревянного настила у самой кромки реки. Одетый в светлые джинсы и приталенный пиджак голубого льна, накинутый на аляповатую футболку, он остановился посмотреть на танцующих. Артур встал, облокотившись о каменный парапет, и переводил заинтересованный взгляд с одной пары на другую.

Вообще говоря, этот идеально сложенный парк всегда казался ему переполненным людьми — популярность стала неизбежной платой за правильную организацию пространства. Прогуливающиеся пешеходы, шумные велосипедисты и роллеры, мчащиеся по выделенной полосе, пары,двигающиеся в ритме гремющей музыки, бегуны и пляжники, пытающиеся забронзоветь под жадным московским солнцем, ярко-зеленые газоны, покачивающиеся деревья, белки, птицы, домашние питомцы на выгуле — все это сливалось в подвижный калейдоскоп, в котором каждый мог найти что-то для себя.

Успевший накануне мысленно надолго попрощаться со свободой, он специально приехал сюда, чтобы, что называется, полной грудью вдохнуть воздух свободы. Улыбка не сходила с его лица — простые человеческие радости казались настоящим даром небес.

Артур мог пойти, куда захочет, посидеть в тени или на солнце, выпить чай или просто воды, заговорить с кем-нибудь или молча смотреть на окружающую его действительность, которую он тоже мог легко выбрать.

Наблюдая мастер-класс по танцам, он заметил дородную, чтобы не сказать, полную женщину, в одиночку выполнявшую предлагавшиеся инструктором па. Руки ее были приподняты, как если бы их придерживал партнер, сама она исполняла женскую партию, вертясь, как полагается, и изгибаясь даже без необходимой в таких случаях поддержки.

Стильные молодые люди и девушки, преимущественно окружавшие ее, казались героями популярных фильмов о танцах, она же имела вид более приземленный — одинокая женщина, наверняка поставившая на ноги двоих, а то и троих детей и оставшаяся на старости лет с чувством вязкого одиночества и безлимитным тарифом на личное время.

Артур медленно спустился по каменным ступеням. Уставший ветерок, дувший от казавшейся маслянистой Москвы-реки, робко играл полами его пиджака, одновременно обдувая лицо сдержанным жаром.

Где он должен был быть на самом деле? Искать правду в конфликте в Сирии или, быть может, в соседней Украине, а то и вовсе в постоянно пульсирующем родном Кавказе? Вечная неудовлетворенность моментом и своим местом в событиях были в последние годы определяющими характеристиками его существования. Слова «обстоятельства», «ответственность» и «необходимость», кажется, проносились в его крови, с жутким грохотом притормаживая в районе висков. Все это, безусловно, вызывало чувство глубокой неудовлетворенности, ощущения упущенных или снова и снова упускаемых возможностей. Сама жизнь при таких условиях казалась тюремной камерой, из-за решеток которой все виделось каким-то безумным и бессмысленным спектаклем.

Тысячи возможных геолокаций, доступных действий сотни сценариев, в которых Артур отчего-то всегда играл исключительно второстепенные роли, угнетали его. Работа за мелкий прайс, называемый средней зарплатой, казалась глупой тратой времени, а достойных задач, где он мог бы приложить максимум своих усилий, все никак не находилось. Все казалось бредом сумасшедшего, которым, судя по всему, окружающая реальность в той или иной мере и была.

Артур был рожден если не преобразовывать мир, то хотя бы управлять им, но почему-то всякий раз оказывался у основания пирамиды из человеческих особей, где выше него были далеко не всегда впечатляющие личности. Мир был несправедлив, но смиряться с этим, в отличие от подавляющего большинства сверстников, Артур не спешил.

Неровной походкой он подошел к танцующей в одиночку женщине.

— Вы не против, если я приглашу вас на танец? — спросил он, улыбнувшись.

Незнакомая дама, молча кивнув, вложила свою руку в его, а другую положила на плечо.

— Вы умеете танцевать? — спустя паузу с подозрением поинтересовалась она.

— Нет, но я был бы рад научиться, — честно ответил он.

Прямо сейчас где-то в глубине его души расцветал волшебный сад, в котором пели свои песни прекрасные птицы. Кажется, что под воздействием обстоятельств Артур на время смог убедить себя, что именно он и был центром мира — здесь и сейчас происходило самое главное, самое важное из ряда в миллионы, а то и миллиарды возможных комбинаций развития событий в человеческом измерении. Он мог бы быть где угодно, но был здесь, а значит, именно тут происходило основное и правильное, что могло быть в его жизни.

Артур двигался пусть неловко, но с полной самоотдачей. Ему вдруг показалось, что внутри него завелся, казавшийся проржавевшим насквозь, двигатель, который с благородным потрескиванием понес его в нужном направлении.

— А я начала жить совсем недавно, — призналась ему партнерша, — после того, как умер мой муж.

Кажется, высказанное обстоятельство ее веселило, и он, пребывающий в эйфории от этого дня, с улыбкой переспросил:

— Где же он успел так перебежать вам дорогу?

— Да, в общем, нигде, — выполняя очередное па, ответила она, — но после того, как он ушел, жизнь заиграла новыми красками, появилось много свободного времени, а вслед за этим и увлечений.

Тем временем инструктор предложил поменяться парами, к чему он, присмотревший девушку для знакомства, уже был готов.

— Ну что, иди, — словно мать, отпускающая своего отпрыска во взрослую жизнь, сказала партнерша, — ты ведь наверняка хочешь сменить пару, смотри, какие девчонки.

— Нет, что вы, — ответил он и, подмигнув, добавил: — Еще потанцуем!

Артура, похоже, заметила одна малознакомая девчонка, танцевавшая поодаль. Она то и дело бросала одновременно возмущенный и заинтересованный взгляд на их нестандартную пару.

Наконец заскучав, Артур захотел посмотреть на реку с моста, а может быть, и покататься на барражировавших в обоих направлениях теплоходах.

Вернувшись с деревянного настила танцевальной зоны на набережную, он еще немного прошелся, глядя на поблескивавшее течение реки. Два молчаливых рыбака как замороженные наблюдали за движениями поплавок. В белом пакетике, лежавшем у их ног, устало билась рыбешка.

Ему казалось, что всюду были пары: влюбленные и не очень, друзья, знакомые, приятели. Щемящее чувство одиночества, так знакомое еще со старших классов, когда он впервые начал вести дневник, вновь заполнило грудь.

Вот он был здесь — среди тысяч москвичей и, как принято говорить, гостей столицы, но в скоплении людей чувство одиночества отчего-то многократно усиливается. И вроде бы члены семьи, с которыми он, несмотря на внушительный возраст, проживал, были живы и здоровы, а Лена, с которой он вроде бы строил серьезные отношения, была с ним, несмотря ни на что, чего-то ему все-таки не хватало.

Первичное воодушевление и подъем внутренних сил быстро испарился, а вместо него пришли привычные чувства неудовлетворенности и опустошенности. Хотелось задвинуть занавески на окнах и, поворочившись немного, провалиться в сон.

Он всю жизнь как будто бы готовился к чему-то — к некоему полному и безоговорочному триумфу, которого, похоже, не было в его судьбе. В процессе же этой самой подготовки у Артура порой опускались руки, будто бы и готовиться, по сути, было не к чему, а нужно было взамен жить здесь и сейчас.

Один давний знакомый Артура и герой его первой книги — Назир, пришедший к нему в офис телерадиокомпании, назвал свое состояние «интеллектуальным банкротством». Некогда яркий молодой оппозиционный политик, он подавал большие надежды. Ох, сколько их было — готовых не на словах, а на деле заняться серьезными преобразованиями общества. Несчастные, они никак не могли дождаться момента, когда бы низы не хотели, а верхи не могли. Власти периодически подкручивали гайки, ужесточая законы и проводя показательные процессы, а низы... Им, казалось, было вообще все равно.

Большинство, как неоднократно отмечал для себя Артур, не способно даже мыслить глобальными категориями, так как не испытывает интеллектуального голода или тоски по отсутствию этих самых смыслов. Замкнутая на себе самой жизнь становится одновременно и главным вопросом, и главным же ответом, чаще всего лежащим в экономической плоскости.

Так вот Назир, поглаживая свою бороду, сказал:

— Я интеллектуальный банкрот. Мне больше нечего предложить миру.

В шкафу у входа висел его затертый плащ, они пили чай, а в голове Артура почему-то пульсировало это его «мне больше нечего предложить миру». Нечего. Предложить. Миру.

«Мне, похоже, тоже, брат», — по идее должен был бы ответить Артур. Но он продолжал играть роль большого начальника, сидя в занятом незадолго до этого кабинете межгосударственной телерадиокомпании, и демонстрировал успех, в который сам старался поверить и просто сказал: — Странно! Для очень многих ты ведь человек-легенда.

— Был, — глухо отозвался Назир.

Отсидевший полтора года на Бутырке по хулиганке, а на деле — по политике, он вышел, переполненный энергией и планами на будущее. Позднее, восстановившись на историческом факультете МГУ, защитил диплом и устроился учителем в одну из общеобразовательных школ.

Он рассказывал о том, как о его судимости посреди учебного года узнал нерасторопный директор. Пригласив Назира в кабинет, тот поставил перед ним ряд очевидных вопросов.

— Я кого-нибудь убил? — поинтересовался в свою очередь Назир. — Может, изнасиловал или ограбил?

Еще недавно буквально переполненный праведным гневом директор теперь ступешался.

— Ладно, вы хороший учитель, возвращайтесь на место, — вроде бы сказал он.

Позднее, рассказывал Назир, тот начал отслеживать даты политических митингов и демонстраций и старался направить его на конференцию, выездной семинар или куда еще, лишь бы он не оказался в жерле политических страстей.

— Я понимал, что он просто меня оберегает. Отношения у нас отличные, но я больше не могу, — говорил Назир, отхлебывая зеленый чай из одноразовой пластиковой чашки.

— Так странно! Преподавание всегда казалось мне неким убежищем загнанного в угол интеллигента, — отозвался Артур живо. — Кажется, что вот не сложится у тебя по каким-то причинам в большом мире — и уйдешь в учителя, охранники

детских садов. Там и свежая энергия — для вампиров это важно, новые лица, чистые души.

— Ага, видел бы ты некоторые из этих душ, — вынырнув из окутавшей его задумчивости, сказал Назир.

— А нимфетки... Кстати, ты встречаешь нимфеток? Ты ведь учитель старших классов, разве нет? Это же настоящая мечта, от которой ты почему-то готов вот так запросто отказаться!

— Нимфетки есть везде, — неопределенно ответил он и, подняв взгляд, добавил: — Тебе ли этого не знать?!

Артур смотрел на него — подтянутого человека, не понаслышке знающего, что такое опрятная бедность, и думал о себе самом. Кем он станет в тридцать с небольшим? Уже сейчас из-за сидячего образа жизни на его талии сам собой образовался «пояс шахида», как он шутливо его называл, — подкожный жир, который всего пару лет назад показался бы символом настоящего жизненного поражения. Зеркало ежедневно демонстрировало и его лицо, на котором, казалось, отразились все его пороки, главный из которых — пристрастие к алкоголю.

— Как ты держишь себя в такой прекрасной форме? — поинтересовался Артур, глядя на идеальную осанку Назира.

— Режим питания, ежедневная зарядка, ничего особенного, — улыбнувшись крепкими, глубоко посаженными зубами, ответил тот.

Он ведь был детдомовский, вспомнил Артур. Пару лет назад, когда они встретились в одном из кафе в центре столицы, Назир был увлечен идеей создания общественной организации, помогающей социализироваться приезжающим в крупные российские города кавказцам.

— Меня возмущает, когда говорят, что у нас на Кавказе не существует ни детских домов, ни домов престарелых! — вспыхивал он, сверкая глазами-угольками.

— А разве есть? — искренне удивлялся тогда Артур, придерживая под столом коленку Лены, своей девушки, с которой в те времена он виделся гораздо чаще нынешнего.

— Конечно! Я сам детдомовский, — в нашем селе не было школы, ездить далеко, — отдали туда, чтобы я мог получить образование.

— Так странно, — стараясь не спорить, отозвался Артур, — а почему было бы не отдать родственникам, ведь наверняка у вас были родственники — близкие ли, дальние ли. Я имею в виду, там, где ты учился.

Назир тогда отмахнулся от этого вопроса, он хотел провести митинг желательного на Пушкинской площади, где «все мы могли бы посмотреть друг другу в глаза, понять, что кавказцы не такие, как их часто рисуют в СМИ».

— Я хочу, чтобы общество поняло, что «стреляющие свадьбы» и танцующие лезгинку на Красной площади — единицы, исключения, лишь подтверждающие правило о том, что в большинстве своем наши земляки хорошо воспитанные люди.

— С этим и последующими митингами, основными участниками которых по задумке должны стать кавказцы, есть одна серьезная проблема, — тогда сказал ему Артур. — Кавказцы на митинги не ходят.

— Мы соберем кавказцев-пассионариев! — парировал Назир.

— Как бы кавказцы-обыватели не побили кавказцев-пассионариев! — сказала Лена, вызвав хохот Артура, который Назир благородно переждал.

Теперь он снова сидел перед Артуром — некогда идейный, но разругавшийся с партией, за которую сидел, все еще честный и, как часто случается с честными, неудачливый, одинокий. Еще недавно надевавшийся, что течение жизни обязательно вынесет его к чему-нибудь, чего он был на самом деле достоин, теперь он, казалось, уперся в глухую безмолвную стену.

Артур, находившийся, как ему тогда казалось, на взлетной полосе карьерного роста, постарался отмахнуться от просьбы Назира, — а он просил о работе. Такой, чтобы не сидеть в офисе, а выполнять ее удаленно. Очевидно, что Назира стала тяготить обязанность ежедневного присутствия на службе, да к тому же учительская нагрузка предполагала не молчаливую работу с документами, а постоянный контакт с десятками человек. Вероятно, от пружин из всех детских пор энергии можно быстро устать. Воля к знаниям, очаровательные гримасы и сценки из их жизни пусть и умиляли, но банальность заключается в том, человек ко всему быстро привыкает. Казавшееся свежим и интересным становится не только обыденным, но и надоевшим. Артур, сам быстро уставая от всего, что его окружало, прекрасно понимал настроение Назира. Но помочь ничем не мог.

— Знаешь, удаленной работы здесь практически не бывает, — деловито сложив руки, сказал Артур. — Круглосуточная редакция, сменный график. Если и дают что-то фрилансерам, то какую-нибудь мелочь, за которую почти не платят. Вряд ли тебя это устроит.

— И тем не менее, — настаивал Назир, — и тем не менее.

— Ты читаешь газеты? — спросил Артур, когда приятель наконец засобирился уходить, и, не дожидаясь ответа, вручил ему стопку утренней прессы, которую получал ежедневно и редко когда успевал даже распаковать.

Провожая его, Артур зачем-то решил показать интернет-редакцию — это всегда было эффектным ходом. Неважно, день был за окнами или ночь, за компьютерами сидели люди и вдумчиво набивали тексты. У человека, отвечавшего за деятельность этого отдела, получалось наладить видимость работы. Председателя это, однако, вполне устраивало, иначе как объяснить будущее переподчинение отдела Артура руководителю интернет-службы?!

— Вот посмотри сразу, — по-хозяйски, проведя рукой в приоткрытой двери, сказал Артур.

Назир робко осмотрелся. Этот орен спресе, где каждый сотрудник выглядел безмолвным придатком к компьютеру, был именно тем, от чего он пытался убежать. Назиру нужно было одиночество и кое-какие средства, чтобы обеспечить себя самым необходимым. Артур совершенно точно был ему в этом не помощник: слишком пестрой была биография его приятеля, слишком шаткими позиции в компании самого Артура.

Проводив Назира, он собрал тряпичную сумку синего цвета и спустился в холл бизнес-центра, два этажа которого занимала телерадиокомпания. Сняв в стоявшем здесь же банкомате небольшую сумму, вышел на воздух. Еще один рабочий день, как две капли воды похожий на предыдущие и такой же бездарный, как и будущие, подошел к концу.

О, как здорово, должно быть, здесь работалось людям без наполеоновских амбиций! Выстроенная система давала возможность по-настоящему раствориться в толпе, работая над какими-то пустяками. При этом задержек зарплаты не возникало, а каждый квартал, если ты вовремя приходил на работу и покидал ее, ожидала еще и премия. Артур же, то ли в силу отсутствия жизненного опыта, то ли из-за скверности доставшегося ему характера, всерьез взялся за строительство карьеры. Человеческое, если и было в нем когда-то, медленно, но верно отступало на задний край, оставляя на арене лишь личный интерес, своеобразную игру, в которой пешка при определенной комбинации действий легко могла превратиться в ферзя. А там, того и гляди, заставить понервничать не только царское окружение, но и самого короля, доселе спокойно почивавшего на лаврах, под защитой тех, кто плотными рядами стоял вокруг.

Когда Артур только начинал приспосабливаться к этому буднично-офисному стилю жизни, спину ломило каждые полчаса, а душа начинала томиться и того раньше. Он выходил на улицу каждый обеденный перерыв и в первое время, не имея денег даже на обед, просто гулял, утешая себя тем, что в конце месяца, за привычные большинству горожан мучения, на карточку упадет приличная сумма. Не много, но и не мало, так, чтобы крутить свои дела: питаться, заливать все дорожавший бензин в автомобиль, которым он пользовался; хоть изредка, но выходить в свет: в кино, кафе, мультимедиамузей, к которому благодаря Насте-малышке, начинающему искусствоведа, он пристрастился. Теперь он мог проводить в офисе сутки напролет, не чувствуя необходимости выйти куда-то и пройтись, а когда ему после череды продуманных интриг удалось-таки сместить начальницу, изначально бравшую его на работу, и занять ее место, он стал терять интерес и к алкоголю, которым доселе регулярно заправлялся.

— Почему от тебя так странно пахнет? — как-то сказала Валентина Игоревна, его будущая экс-начальница, когда он однажды навис над ней, чтобы показать что-то на дисплее ее компьютера.

— Пахнет? — будто не расслышав, отозвался он.

В обеденный перерыв Артур выпил две банки пива, наблюдая за футбольным матчем учеников близлежащей школы. Удивительно, но учитель физкультуры, стоявший на воротах, знал ребят по именам и то и дело эмоционально выкрикивал: «Ваня, ну что же ты делаешь!» или «Куда ты бьешь, Саня, ну куда ты бьешь?!»

Артур по-хорошему позавидовал памяти учителя, он не забывал и половины имен людей, с коими его сводила судьба. Бывают ведь такие необязательные знакомства, когда ты вроде поддерживаешь едва ли не ежедневное общение, чтобы не показаться некультурным, но даже под пытками не вспомнишь имени собеседника, а спрашивать снова как-то неудобно, хорошо же вроде общались. При этом и это самое неловкое, чаще всего собеседник обращался к Артуру по имени.

— Неумение запоминать имена означает, что тебе никогда не стать президентом, — во время прогулки как-то сказала ему наблюдательная Настя-малышка.

Артур был раздосадован, но не стал спорить. Это была пора многочисленных митингов оппозиции, и казалось, что президентом на все нарастающей волне протеста вот-вот может стать кто угодно — даже ты или я. Так вот, запросто выбыв из президентской гонки, Артур быстро потерял интерес к политике, думая, что неплохо было бы для начала довести до подходящего уровня самого себя, уже это было бы немало. Здоровье, фигура, финансы, может быть, даже семья... Да, он все чаще задумывался о создании семьи. При этом с одной стороны была его жизненная неустроенность — тотальная, безоговорочная и объективная даже для самого последнего романтика, с другой — взгляды на жизнь, не позволявшие строить далеко идущих планов.

— Ты снова пил?! — почти с материнской тревогой в голосе вернула его к реальности Валентина Игоревна.

— Это лекарства, — без зазрения совести соврал он, отступив на шаг и попытавшись тут же бросить привычку дышать.

— Я тебя накажу, — строго сказала она, — это уже второе предупреждение, ты ведь помнишь?! Третьего не будет.

Хотя предупреждение и прозвучало более чем грозно, Артур знал, что будет продолжать пить: выносить этот бредовый маскарад, в котором он участвовал в обмен на деньги, на трезвую голову, с серьезным лицом было невозможно. Оставалось маскировать аромат. К тому же Валентина Игоревна, будучи многодетной матерью, с особенным, почти материнским теплом относилась к нему. Он знал, что

даже если она поставит его в условный угол, все равно едва ли не тотчас, почувствовав боль в области сердца, пусть и укоряя себя за слабость, сдастся.

После спешного побега отца Артур жил с матерью и очень нуждался. Поэтому времени на эмоции и соблюдение лишних, как ему казалось, правил приличия не было.

Кроме того, его девушка Лена, уставшая ожидать логического развития их отношений, стала отдаляться. Артур, с одной стороны, гнал эти мысли от себя, с другой — отчаянно пытался склеить распадавшийся в его руках мир.

Так постепенно Артур и пришел к необходимости раскатать позиции Валентины Игоревны и, слегка навалившись, удивился, насколько шаткими они оказались. А что ему оставалось?! Годы протирать штаны в обмен на зарплату чуть выше среднего и с тоской глядеть на переворачивающийся, как во сне, календарь? Сложив частички пазла своей жизни, своего необъяснимого восторга перед Председателем и общей ситуации в коллективе, он решил попробовать. Когда, если не сейчас, ведь тебе нет еще и тридцати?! Психологи в один голос твердят, что это возраст, когда люди закладывают фундамент своей будущей жизни, и от того, насколько прочным он окажется, во многом зависит устойчивость всей постройки. Ожидать, что кто-то сам уступит тебе свое место или же начальник, приметив твою исполнительность, придумает что-то для твоего карьерного роста, не приходилось. Фильмы о том, как вчерашние выпускники вузов двигаются по разного рода лестницам, а порою сразу же входят в лифты, были сущей фантастикой, не имевшей, по наблюдениям Артура, никакого отношения к жизни. Чем молчаливее, глупее, незаметнее ты, тем тверже земля под ногами.

И тем не менее кресло под Валентиной Игоревной закачалось, стены и без того небольшого дурацкого треугольного кабинета сжались, будто пружина, которая, распрямившись, должна была выкинуть ее за двери билдинга. Артур стал качать качели активнее и веселее, а это была сложная психологическая игра, которой он, будучи увлекающейся натурой, отдавался без остатка.

Артур по-настоящему грезил днем, когда кабинет опустеет, а он, молодой, в общем-то, человек, займет высокое кресло и сможет без зазрения совести сказать девчонкам из своего, да-да, отныне своего отдела:

— Давайте выпьем чаю, — и они, сшибая друг друга на пути к электрочайнику, без промедления его бы наливали.

В накале карьерных страстей казалось, что Артур даже позабыл, для чего он все вообще затевал. Он не мечтал более ни о звездах, ни о своей будущей совместной жизни с Леной, ни о деньгах и славе — забросил литературное творчество и другие настоящие интересы; весь он стал слух, хитрость и ожидание.

Мать троих детей, увлеченная делами семьи, Валентина Игоревна не могла соревноваться с ним в новых условиях — качка в море отдела усиливалась с каждым днем. Не замечать это становилось невозможно: слух о скорой отставке быстро распространился по компании, и теперь едва ли не всякий, кто участвовал в совещаниях по текущим проектам отдела Артура, был задумчив и то и дело улыбался.

Совершенно позабыв о его проступках и вынесенных предупреждениях, Валентина Игоревна, смахивая скупую слезу, как-то закрылась с Артуром в кабинете. Впервые на его памяти она опустила горизонтальные жалюзи, установленные на стеклянной перегородке между ее и соседним кабинетом, — очевидно, разговор предстоял серьезный.

— Ты, наверное, знаешь общую ситуацию, — начала она вкрадчивым голосом, вытирая бумажной салфеткой все прибывавшие слезы, — мне нужно понять, на чьей ты стороне, могу ли я на тебя положиться?

Артур с удивлением обнаружил, что ничего не почувствовал. Перед ним плакала женщина, которую он должен был бы, как мог, успокоить и поддержать. Или, как представитель ее вида — человек, хотя бы посочувствовать. И как он ни пытался отыскать в себе хоть что-то — хоть какую-нибудь мысль, за которую мог бы зацепиться и так размотать свое человеческое начало, — у него ничего не выходило. Это открытие некогда, по мнению окружающих, даже излишне искреннего человека по-настоящему поразило его. Он поймал себя на мысли, что слезы Валентины Игоревны — верный предвестник его будущей победы. А победителей, как утверждали умные люди, не судят.

Искренне переживая из-за (назовем вещи своими именами) предстоящей подлости, он все-таки собрался и стал отвечать, как ему казалось, театрально.

— Мне постоянно поступают различные предложения по развитию событий в нашем отделе, но я не могу действовать против вас... Причины, думаю, объяснять не нужно — именно вы когда-то приняли меня на работу, несмотря на обилие других кандидатур.

Артур замолчал и, как будто немного задумавшись, решил предложить ей своеобразную сделку.

— Не знаю, подходящее ли сейчас время... Но я тоже давно хотел сказать, что и мне нужна ваша поддержка.

Валентина Игоревна подняла на него глаза. Они, покрасневшие и еще подернутые плотной подрагивающей, словно желе, пленой слез, говорили о том, что она сейчас была готова сделать для него все что угодно.

«Сынок, проси о чем хочешь, — как будто бы кричала она с надрывом, — я живу для тебя, и главное, чтобы ты был счастлив!»

Конечно, Артура заносило на поворотах, и вряд ли он истолковал этот взгляд верно.

— Дело в том, что все увеличивающиеся расходы не дают мне возможности сосредоточиться на происходящем. Я живу вместе с мамой, — Артур очевидно мог найти подход к каждому человеку, — у нас сложная жизненная ситуация... Так вот, не могли бы вы хотя бы немного повысить мне зарплату?

Да, он натурально предлагал ей сделку и, будьте уверены, беспрекословно выполнил бы ее условия — так он внутренне решил.

— Артур, тебе не говорили, что деньги кланчить нехорошо? — сказала Валентина Игоревна, совершенно неожиданно расплывшаяся в улыбке Чеширского Кота.

Артур по-настоящему опешил. Явственно показалась, что играл тут не он один.

Она знала, что только Артур может ее спасти, но отчего-то отнеслась к его просьбе несерьезно. Заигравшаяся в дочери-матери, Валентина Игоревна, по-видимому, представила, что он просит у «мамочки» лишний жетон на игровые автоматы.

Раскрученный маховик кадровых перестановок было не остановить. Меньше чем через месяц Валентина Игоревна узнала, что контракт с ней не продлен и что ей следует покинуть офис в тот же день, передав все дела и имущество отдела (кто бы мог подумать?) Артуру. Все еще неспособная не только принять, но и осознать случившееся, она рыдала, уже не сдерживая себя.

Артуру было поручено помочь ей с коробками и, будто дикарю, вырывающему сердце поверженного врага, забрать пропуск на объект.

— Почему тебе не сидится на месте? — интересовалась мать, когда Артур рассказал ей о произошедшем. — Никто же тебя не трогал, а деньги капали — теперь будет непонятно, что к чему.

— А как быть? — отвечал Артур вопросом. — Сидеть просто так? Валентина Игоревна не давала реализовывать проекты, да к тому же офисная жизнь — это борьба за полномочия, бюджеты, возможности. Я поборолся, и, надо же, что-то получилось.

— Еще ничего толком не известно — не радуйся раньше времени, — покачивая головой, говорила мама, — возможно, ты просто нажил себе лишние проблемы. Так, что бы ни случилось, крайней была она, а твоя хата, как говорится, с краю, а теперь за все будешь отвечать сам.

— Я готов! — самонадеянно утверждал он. — Когда ты работаешь как единица команды — хорошая идея или яркое достижение размывается между всеми участниками коллектива, а неудачи сбрасываются на твои плечи. Теперь же можно будет тянуть одеяло на себя!

— Ну, хорошо, что ты рад. Главное — будь осторожен, Артур. Что-то мне это не нравится.

Мама сидела в привычной позе в кожаном кресле в гостиной, подогнув ноги. В одной руке был пульт от цифрового приемника, кулак другой подпирал подбородок. Она не смотрела на сына, и, казалось, беседа проходит для нее в автономном режиме.

«Да что она может знать, — не найдя восхищенной поддержки, думал он, — с другой стороны, интуиция редко ее подводит. Не лезь, не делай, не получится, не стоит — в жизни вообще часто что-то не выходит или выходит не так, как хотелось, но дела, в обсуждении которых мама спорила наиболее отчаянно, не складывались чисто статистически».

Она была странным человеком, ее lifestyle удивилась бы редакция любого модного издания. Поразительно экономная даже в лучшие для семьи годы, она, покупая кастрюлю или сковородку, к примеру, не брала к ним крышек. Еще она буквально уничтожала одежду, выставляя на панели управления стиральной машины максимальную температуру. Лейблы и рекомендации по уходу ей были нипочем — принты и интересные цвета вываривались в кипящей воде, превращавшей их в невнятную тряпичную кашу.

— На тридцати градусах ничего не продезинфицируется, — говорила она после очередного промаха.

— Мам, ну пойми, мне не нужно ничего дезинфицировать, я надеваю каждый предмет одежды не чаще одного раза — их нужно просто сполоснуть, — возмущался Артур.

— Черные воротники на рубашках так не отмыть! — не сдавалась она.

— Но у меня нет черных воротников! Не бывает, я же не в поле работаю.

Она на протяжении целого дня могла утомлять себя мыслями о предстоящей уборке, а когда солнце начинало заходить, привычно начинала причитать, что эту квартиру невозможно убрать, что все в ней сделано не так, как ей бы хотелось.

— Здесь вопрос не в том, как сделано, а в размерах — это просто большая квартира, и, как бы ее ни сделали, убрать в ней в одиночку да за один присест объективно непросто, — как правило, нудно отзывался Артур, но попытка переубедить ее в чем бы то ни было всякий раз оказывалась слишком амбициозной задачей.

— Это все твой отец, который никого не слушает, а делает, как сам захочет. Сколько раз я ему говорила: мне не подходит эта кухня, давай выберем вместе! Нет, приташил, как будто ему на ней торчать, — в очередной раз повторяла она давно заведенную и, казалось, даже ей надоевшую шарманку.

Понятно, что отцу, знавшему об особенностях ее характера, стоило предвидеть возможное развитие событий и быть более предусмотрительным, выбрав кухню, которая удовлетворяла бы именно ее потребностям, но в этих разговорах Артур нехотя, но все же вступался за него:

— Не представляю, что бы ты сказала, окажись на стандартной кухне, где ни развернуться, ни присесть.

Когда аргументы наконец иссякали, мама обычно попросту небрежно отмахивалась от Артура, иногда молча, а иногда и сдобрив жест парой, что называется, ласковых:

— Заткнись ты уже! Тоже мне умник нашелся!

Вообще говоря, слово «умник», несмотря на первоначальное значение слова, было ее любимым ругательством, кстати, как и «козел», которое она нередко использовала для обозначения не только отдельных особей, но мужского населения планеты в целом.

Другой характерной особенностью ее жизни были постоянные эксперименты с цветом волос — она меняла его на пару тонов, а потом, увидев кого-нибудь по телевизору, задавала привычный вопрос:

— Похож цвет ее волос на мой?

В случаях, когда цвет волос дамы в телевизоре и мамин не совпадали радикально, Артур искренне разводил руками:

— Неужели ты не видишь себя в зеркале? Это же абсолютно разные цвета!

Как-то раз, оказавшись у закрытых дверей квартиры, он произвольно стал вспоминать десятки, а то и сотни ее безобидных причуд.

В тот вечер не помогал ни больше похожий на избиение стук в дверь, ни непрекращающиеся звонки в домофон, ни то, что он параллельно обрывал домашний и мобильный телефоны. Взволнованный, он мог бы разбудить и покойника, но тут сам был готов лезть на стенку. Безостановочный поток вспышек памяти рисовал сценки из прошлого — хорошие и грустные моменты семейной жизни. Все они, обрамленные рамками пушистого тумана, резко врезались в сознание, после чего вновь стекали в воронку безвестности.

Среднеазиатская столица — Ашхабад — город любви, где они жили в детстве Артура — безумные танцы родителей в домике у дороги. Мамины слезы уже здесь, в Москве, когда тайное вдруг стало явным. Вообще, она была крайне старомодна — не хотела и не могла жить для себя, отдаваясь служению близким. Такие женщины, говорят, стоят за спинами успешных мужчин: тихие, надежные, сильные. Но и они же, твердо стоящие на земле, могут подрезать крылья: мол, рожденный ползать летать не может — ползи, куда же ты лезешь.

Артур спустился на лифте вниз и, пройдя просторный подъезд, вышел на улицу. Вечерняя прохлада и свет невысоких фонарей отчего-то показались фальшивыми. Весь мир превратился в огромную декорацию, единственным настоящим и вместе с тем затемненным пятном в которой было пространство за дверью их квартиры.

Сплюнув под ноги, Артур медленно добрал до скамейки под вытянутыми пальцами плакучей ивы и со стариковским вздохом уселся. На глазах выступили слезы — он был виноват перед ней. Ладно он, но насколько же был виноват перед ней отец — как же тяжело ему теперь придется жить с таким грузом на плечах.

Из-за гаражей появилась удивленная мордочка белого пса, а за ним, будто при-вязанная к поводку, а не наоборот, девушка, в которой он узнал соседку.

— Добрый вечер! — сказала она с улыбкой, в то время как пес старательно обнюхивал потасканные ботинки Артура.

— Он ведь не кусается? — уточнил Артур, как будто кто-то из хозяев собак может признаться, мол, да, покусывает иногда незнакомцев.

— Это не он, а она — Спайси! И да, она не кусается, — хихикнула в ответ соседка.

Артур вспомнил, что как-то, сильно поддатым, знакомился с ней, но имени ее, в силу известных особенностей, даже и не пытался вспомнить.

— Вы, кажется, невеселый? — поинтересовалась она, наконец разглядев побледневшее лицо Артура.

— А чему радоваться? Мама должна быть дома, но дверь не открывает, — с удивившей даже его открытостью поспешил пояснить он.

— Может быть, она спит? — предположила безымянная соседка.

— Вряд ли. Спит она всегда чутко, давно должна была проснуться от стука в дверь.

Видимо, тон, которым была произнесена фраза, показался собеседнице грубоватым, и она поспешила откланяться. А может быть, просто не хотела вникать в чужие, неинтересные и мало что значившие в ее собственной жизни проблемы.

— Желаю тебе все-таки попасть домой! — сказала она, придерживая натянувшийся поводок. — Ну, а если совсем глухо, можешь у нас пересидеть.

Артура тронула ее забота — немного тепла, вдруг появившегося посреди айсберга жизни, и, встав со скамейки, он коротко обнял ее, по-товарищески похлопав по спине.

— Спасибо тебе, — сказал он еле слышно.

Белый пес между тем взволнованно и заинтересованно прыгал на задних лапах.

Он вновь поднялся на свой этаж. Скорее от отчаяния, чем по делу, нажал на кнопку дверного звонка, думая о том, что первым делом нужно будет вызвать участкового и представителей МЧС, которые вскроют дверь, а уж затем озаботиться приглашением медиков и представителей остальных служб.

К огромному удивлению Артура, с той стороны двери кто-то провернул замок и дернул за ручку.

У мамы, одетой в домашнее платье, на голове был тюрбан из аляповатого махрового полотенца. Сперва он показался Артуру нимбом, а все происходившее волшебным сновидением, но почти мгновенно тоска и грусть переплавились в агрессию. Боль вымышленной утраты сменилась подлинной яростью.

— Ну, ты будешь заходить? — спросила она, оперев, как обычно, руки в бока.

Если бы Артур мог упасть в обморок, он бы не задумываясь сделал это, но тут нервное перенапряжение вылилось в банальное хамство. Единственным, что он смог выговорить, стало недопустимое по отношению к матери:

— Ты что, дура?!

От неожиданного для обоих вопроса она еле заметно качнулась назад, но устояла, ухватившись за стенку платяного шкафа.

* * *

На первом совещании топ-менеджмента компании, в котором Артур принял участие в новом качестве, один из заместителей Председателя поинтересовался у главного режиссера:

— А где Валентина Игоревна?!

— Отмучилась старушка, — ответил тот, разведя руками.

Когда очередь выступить с докладом дошла до него, Артур был собран и краток. Высоколобый Председатель, все еще присматривавшийся к нему, делал вид, что в упор его не видит, и подписывал нескончаемую стопку документов. Все сидевшие за столом были друг другу своими: знакомы много лет, как это обычно и бывает, ели-пили вместе, праздновали дни рождения и семейные праздники. Артур, ворвавшийся в эту компанию, чувствовал себя чужаком, волком в овечьей шкуре, желавшим с молчаливого согласия пастуха утащить довольно крупную, даже по меркам этой компании, добычу. Он готовил себя к дальнейшей корпоративной мясорубке, в которую довольно скоро и попал.

Умеющие ловить малейшие изменения в настроении Председателя, хохоча в нужных местах и с возмущением воздевая глаза к небу в обстоятельствах, когда

он высказывал неодобрение, не могли не заметить пренебрежительно-молчаливого отношения Председателя к докладу Артура.

«Можно гасить», — наверняка подумал режиссер, прозванный коллегой Творческим Импотентом.

Множество зубодробительных совещаний, на которые Артура стали приглашать, не давали сосредоточиться на решении уже сформулированных задач, а запросы от всех подразделений стали сыпаться на его голову так, будто все только что узнали о существовании отдела, который он так по-варварски возглавил.

Все вокруг, как часто случается, предстало совсем в ином свете, чем Артур себе представлял изначально. Времени пить чай, который ему бы заваривали подчиненные, не находилось. Алкогольные посиделки отпали сами собой. Вместо этого он стал проводить на работе больше двенадцати часов ежедневно и все равно мало что успевал. Кольцо начинало сжиматься, а приказ о его назначении на должность все никак не выходил. Он оставался в подвешенном состоянии исполняющего обязанности — «и. о.» — клоуна, временно заменяющего артиста основного состава.

Штатный стукач в должности исполнительного директора взялся за него особенно энергично. Запросив через бухгалтерию все документы службы за прошедший год, он нашел ошибку в договоре с одним из десятков контрагентов. Готовилась масштабная провокация, на которую Артур, к его счастью, успел вовремя среагировать.

Приехав в офис в воскресенье, он не поленился и составил почти тридцатистраничную информационную справку с десятками приложений, в которой разъяснил ситуацию по договору и, как мог, вывел себя из-под удара. В понедельник с утра пораньше он, потирая руки, направил документ в приемную стукача. Копию — главбуху, с которой стукач, по слухам, был связан совсем неродственными узами и которой был обязан стремительным продвижением по службе.

Не прошло и пары часов, как исполнительный директор снизошел до того, чтобы позвонить Артуру на мобильный. Снаряд, похоже достигнув цели, с грохотом разорвался.

— Зачем вы прислали это безумное письмо? — первым делом поинтересовался стукач демонстративно-вежливо.

— Вы начали разбираться в ситуации, и я, как человек, хорошо с ней знакомый, решил упростить вам задачу, подготовив информационную справку, — ответил Артур.

— А зачем вы отправили копию Алле Николаевне? — зачем-то остановил он свое внимание на главбухе. — Она мне не начальник и вообще никто!

Артур внутренне ликовал, ведь он ясно видел, как в уголках влажного рта стукача копилась пена негодования.

— Александр, но она главный бухгалтер нашей компании, ее подразделение изначально и запрашивало все документы по указанному сотрудничеству.

— В любом случае это не корпоративно, — ответил ему на это штатный стукач.

Похоже, что Артуру удалось отбить блицкриг, но важно было своевременно начать контрнаступление, которое могло бы окончиться его полным крахом или негласным мирным соглашением.

— Некорпоративно, на мой взгляд, то, что в конфликтной ситуации вы, не вдаваясь в детали, заняли сторону наших оппонентов!

— Их позиция сильно отличается от того, что вы изложили в письме, — попытался парировать стукач.

— Уважаемый, ну вы же юрист, не мне вам рассказывать, что в любой конфликтной ситуации есть две противоположные точки зрения. Единственное, что непонятно лично мне, так это почему вы изначально занимаете позицию наших оппонентов, вместо того чтобы защищать интересы компании, в которой работаете.

И все бы ничего, но Артура, по все еще неясным причинам, не поддерживал Председатель, поэтому программа, заведенная на полное уничтожение, продолжала исправно работать. В общей сложности Артур продержался двадцать шесть дней, ровно столько он пробыл самым молодым big boss межгосударственной телерадиокомпании с более чем полутора тысячами сотрудников в штате.

Отставка, вернее, окончательный и бесповоротный отказ от самой идеи его утверждения в должности осуществился на очередном заседании в кабинете Председателя. Штатный стукач уехал на моря, и это было плохим знаком для Артура: партию его оппонент, судя по всему, взял и поэтому так спокойно покинул стол.

Намеренно вывалив наработанный за все эти дни массив проектов, договоренностей и достижений, Артур порядком утомил участников совещания. Боковым зрением он видел озабоченное выражение лица Председателя, то и дело отрывавшегося от стопки бумаг, которые по традиции параллельно подписывал. Казалось, он выгадывал момент, но, потеряв терпение, оборвал нескончаемую речь Артура.

— Артур, — кажется, впервые за все время знакомства обратился он к нему по имени и, сложив руки в пирамидку, на которую водрузил поблескивавшую бритую голову, поинтересовался: — А скажите мне, пожалуйста, почему в своем письме в адрес организаторов экономического форума вы подписались руководителем отдела маркетинга?

Артур зачем-то скинул овечью шкуру и, вопреки давно сложившимся традициям компании, посмел возразить:

— Это неправда. Ни в одном письме я не подписывался руководителем чего бы то ни было.

Председателя, очевидно, не удовлетворил его ответ, а сидевший рядом Творческий Импотент еле слышно кашлянул и больно наступил Артуру на ногу. Остальные молча наблюдали заклятие овцы, лишь изредка переглядываясь с придурковатыми улыбками.

— Хорошо! Тогда скажите, вы с кем-нибудь согласовывали письмо в адрес организаторов экономического форума?

— Каждый день я отправляю по тридцать-пятьдесят писем, а проекты сотрудничества по сложившейся практике согласовываются с вами только на финишной прямой, когда становится ясен ряд услуг, которые мы с партнерами можем друг другу оказать.

— То есть свое письмо в адрес организаторов экономического форума вы ни с кем не согласовали? — как вредный учитель, поймавший отличника на незнании мелкого правила, уточнил он.

— Нет, свое письмо в адрес организаторов этого форума я ни с кем не согласовывал, — кажется, излишне торжественно отозвался Артур.

— Ах, вот оно что! Тогда, — начал он озвучивать резулятивную часть, чтобы бросить в топку печи больше полугода усилий Артура, — Мария Витальевна назначается куратором этой замечательной службы.

Очевидно, что слово «замечательной» он брал в огромные, размером со всю компанию, кавычки.

Артур бросил взгляд на внутренне возликовавшую Марию Витальевну, ловко сыгравшую эту многоходовку. «Убрать» руками энергичного Артура неэффективную Валентину Игоревну, чтобы потом в два притопа слопать еще не успешного закрепитесь в ее кресле его самого. Умно, ничего не скажешь.

— Так, пожалуйста, — обращаясь к коммерческому директору, докладывавшей следующей, сказал Председатель.

Все происходившее казалось Артуру окончанием увлекательного приключения. И как бывает в конце каждого приключения, грусть и радость смешались. Глав-

ным чувством, которое он в тот момент испытывал, было облегчение. Казалось, что с его плеч сняли огромный валун, который Артур, будто Сизиф, пытался поднять на высокую гору собственных амбиций.

Артур наблюдал за окружающими его людьми, но внимательнее всего, конечно, за Председателем. На стене его кабинета были развешаны его фото с первыми лицами государства, его же карикатурный портрет с гипертрофированно огромным носом и ушами-лопухами. Там же, в простых деревянных рамках, были и многочисленные грамоты, и благодарности, несколько из которых подписал сам президент.

Председатель продолжал работать с документами, пока каждый следующий докладчик, по часовой стрелке передавая слово друг другу, рассказывал о положении дел во вверенном ему отделе. На манжетах рубашки Председателя традиционно виднелись вышитые каллиграфическим почерком инициалы. Сам он то и дело пил из маленькой бутылки минеральную воду. В голове его, судя по всему, как всегда, происходили напряженные мыслительные процессы, которые, впрочем, не мешали периодически задавать уточняющие вопросы выступавшим и передавать записки с поручениями уже «отстрелявшимся». Интересно, нашлось ли в его голове хоть немного места мыслям о произошедшем с Артуром, или он, считая себя эффективным менеджером, стер эту папку из своего сознания сразу же после решения вопроса?

Увольнять Артура — особенно в первое время, пока не уляжется пыль, — вряд ли бы кто-то стал, поэтому теперь можно было расслабиться и получать удовольствие — как говорится, солдат спит, служба идет.

Стоило признать, что мама, отговаривавшая Артура повышать ставки, как всегда, оказалась права, хотя у нее, неизменно призывавшей к осторожности, всегда было больше шансов на победу во всяком споре.

В ту главную ночь Артур пробыл в офисе допоздна. Дешевое абхазское вино охотно лилось в его с Настей бокалы. До памятной поездки в Петербург с признанием в любви и изгнанием из отеля было еще далеко, поэтому они еще вроде как дружили. Из небольших компьютерных колонок несся рэп, в последние годы ставший оптимальным саундтреком будней Артура. Ему хотелось курить, но выходить в курилку-душегубку он не любил, тем более что наверняка штатный стукач, потирая руки, пусть и с расстояния в несколько тысяч километров, мог наблюдать за его крахом на дисплее своего компьютера: всюду было установлено видеонаблюдение.

Артур решил позвонить герою одного из лучших своих рассказов, тем более что междугородные все еще оплачивала компания.

- Как сам, бро? — гаркнул Артур в трубку. — Держись город?
- Все ровно, братиш, — ответил тот расслабленно. — А ты что, еще на работе?
- Да, пока на галерах, — сказал он и добавил: — Хотя скоро кино и закончится.

Настя тем временем исполняла сидячий танец, поднимая локти и то и дело коротко поглядывая на Артура. Он наконец заметил, что из-под приподнятого платья, чаще чем прежде, стали мелькать волнующие едва ли не каждого мужчину резинки чулок.

- В смысле? Что, увольняешься, братан? — между тем уточнял собеседник.

Разговор казался слишком банальным, хотя Артуру в тот момент хотелось не сочувствия, а какого-то дикого угара. Он был бы рад обнулить обстоятельства, в которых теперь оказался, придать случившему легкий оттенок трагикомедии или фарса. Он хотел убедить себя, что, сойдя с корабля, на котором плыл больше года, увидит не каменистый остров жизни, а прекрасный сад — далекий Танжер, где каждый не только не боится быть самим собой, но и по-настоящему им становится.

- Артур сделал серьезный глоток и снова почувствовал, что хочет курить.

Амбиции, еще недавно буквально переполнявшие его, будто джинн из бутылки, взмыли под потолок и обратились в невидимый пар.

— Пока нет, — откашлялся Артур в трубку, — но в принципе имей в виду — финита ля комедия!

После этих слов он резво бросил трубку на пластик телефонного аппарата. Стремительно вскочив, подошел к зеркалу. Стрелки на круглых настенных часах с логотипом главного телеканала семейства лениво перемахнули за полночь. Из зеркала на Артура смотрел уставший человек. Взъерошенные волосы над блестящими грустным блеском глазами, очерченными темными кругами — медалями за бессонные ночи. Он хлопнул себя по дряблему животу и сказал с гипертрофированной веселостью:

— Надо будет спортом заняться, в бассейн походить, что ли.

— Ну да, теперь у тебя будет много времени — займешься собой, отдохнешь малёк, — успокаивала Настя, а потом продолжила: — Вообще, Артурик, помни, что по законам жизни, когда закрывается одна дверь, открывается другая — это просто неизбежно.

— Да знаю я, — отмахнулся он и, вернувшись в кресло, разлил остававшееся вино по бокалам.

Настины ноги слишком часто сменяли друг друга — наконец в эти постепенно замедлявшиеся моменты между ними стали показываться не только резинки чулок, но и замелькал треугольник белоснежных трусиков.

Осушив очередной бокал, Артур взял пустую бутылку и, брякнув что-то о курилке, покинул кабинет. Присматриваясь к кошкам, скребущимся на душе, он, заметно покачиваясь, добрал до мужской уборной. Выбросив бутылку, подошел к раковине и умылся. Подвернув рукава нарядной рубашки, которую надел по случаю встречи с Председателем, и вытащив ее низ из джинсов, пошел к сколь ненавистой, столь и необходимой ему сейчас курилке.

Там, сидя на скамейке, приставленной к стене, томно посасывали тонкие сигареты ночные редакторы.

— Девушки, доброй ночи! Я отдаю себе отчет, что это моветон, — ставший благодаря алкоголю говорливым, прервал он их вялотекущую беседу, — но не позволите ли попросить у вас сигаретку для простого труженика рекламных войск?

Одна из них брезгливо протянула Артуру сигарету и зажигалку.

Более не заботясь о своей репутации, он отошел в угол и лег в тамошнем полумраке на обитую дерматином скамью. Он вдыхал табачный дым и неспешно выпускал его в окружавший его смрад. Казалось, он мог лежать так целую вечность — необязательно здесь, необязательно в это время, — сейчас он мог путешествовать не только по разным странам, но и эпохам, притворяясь то уличным бродягой, то властителем мира.

Артур вспоминал Ашхабад, то, как бежал из школы домой, чтобы, быстро переодевшись и перекусив на ходу, отправиться в секцию футбола. Жаркое среднеазиатское солнце припекало, а они — человек двадцать, может, и больше — катали мяч по залитому пупырчатой резиной полю стадиона «Копетдаг». После тренировки и разминки — матч. Он, как и всякий подросток, слабо представлявший себе значение слова «стратегия», рвется в атаку, хотя удар у него толком не поставлен, а дриблинга нет в принципе.

Он помнил эту беззаботную суету вокруг мяча: гетры, бутсы, футболки, выходящие наружу липкий пот. Путь к дому лежал через парк — прямоугольник зелени в центре города. Казалось, чувства и эмоции тогда были на пределе — смех был смехом, а слезы слезами. Все принималось всерьез, а суть самой жизни, с одной сто-

роны, была четкой, как никогда, с другой — виделась лишь в размытых силуэтах. Впереди каждого из его ровесников ждало великое будущее: политические трибуны, корабли первооткрывателей, гоночные болиды. Все было окутано обыденным волшебством, в котором и он чувствовал себя гармонично. Все было очень просто: черное черным, а белое белым, — и так легко было ориентироваться в этой системе координат и каждому объяснить свою правоту.

Он мечтал когда-нибудь увидеть вечного президента, который глядел на него с многочисленных портретов в школе, позолоченных памятников на улицах города, из бесконечных телевизионных сюжетов о происходящем в стране. Артур знал, что, когда они встретятся, он прочитает ему стихотворение, и, восхищенный, президент подарит ему верблюжонка — лучшего друга в пустынных широтах.

Как-то Артура, среди других школьников, даже выстроили перед одним из городских банков, и, несколько часов прождав господина президента, дети узнали, что он не приедет. Хотя кто-то сказал, что президент проехал мимо и даже успел помахать им из окна, Артур уловил в себе новое, доселе неизвестное ему чувство. Тогда он не смог его объяснить, но то было разочарование, раз и навсегда отменявшее саму идею мечты. Верблюжонок после этого ему стал не нужен.

И хотя впереди была тысяча дорог — все было кончено.

Постепенно он пришел к мысли, что ему нужны власть и средства, чтобы казнить и миловать, дарить и отбирать, вершить не только свою, но и чужие судьбы. Интуитивно он ясно осознал это, а со временем — годами, все ускоряющими свой бег, — только утвердился в своем мнении. Работа в компании?! Раз уж обстоятельства так сложились — пожалуйста, но мог ли он всерьез держаться за эту роль?! Всякий раз невидимая рука отодвигала его от обретаемой стабильности, кормушки, из которой он мог питаться едва ли не всю жизнь. Оставались другие — игравшие не только на опережающих его позициях, но и всегда остающиеся в тени — слабые и неуверенные в своих силах, а он уходил. Ну, или его уходили, неважно. Так, чтобы он снова бродил по пыльному асфальту и свежим набережным, чтобы бесцельно ездил на автобусах, поездах и самолетах, чтобы учился и учил и все больше отдалялся от тех идеалов, которыми жили те, кто его окружал. Особенно это тревожило его девушку Лену — он все чаще стал замечать усмешку на ее лице. Раньше полностью поглощенная их отношениями, а вернее, своим к нему отношением, теперь она всерьез могла заговорить о временах, когда они не будут вместе. С одной стороны, и тут не нужно быть семи пядей во лбу, она подталкивала его к более решительным действиям, с другой — основательно и всерьез разочаровалась в нем как спутнике...

— Артур, это ты? — сказал кто-то, осторожно ступая в полумраке курилки.

Потом над Артуром резко зажегся свет ламп, и он попытался разомкнуть глаза. Прикрыв их ладонью, он не мог понять, кто это был.

— Артурчик, ну что с тобой, почему ты лежишь здесь? — голос был по-домашнему уютным, а интонация показалась ему трогательной настолько, что на глазах навернулись слезы — стыдно было признаться, но он, при всех исходных, очень жалел себя. Снова его ждала дорога: широкая, разветвленная и пустая. Главной проблемой было то, что неизвестно было, куда она его выведет — к высокому положению состоявшегося человека или к очередным поражениям — неинтересным, тянущим в свою трясиину, словно в болото, — увязла ступня, и вот уже по пояс в зеленой воде.

Сбросив ноги на пол, он постарался подтянуть одутловатое, ставшее вдруг непослушным туловище, чтобы присесть.

— Ты... ты что, плачешь? — наконец спросила Настя, заметив мелкую неконтролируемую дрожь его плеч.

Артур встал и крепко обнял ее. Странно, но ему, обычно внутренне оторванному от всего, что окружало, вдруг понадобилось человеческое тепло — просто почувствовать чьи-то объятия, услышать слова утешения и поддержки. Только когда он становился слабым, превращался в человека.

— Ну ничего, дорогой... Чего ты так? — удивленно причитала Настя, поглаживая его по взмокшей спине.

Немного успокоившись, Артур поцеловал ее в лоб и молча вышел из курилки.

В кабинете, который он вскоре должен будет освободить, он быстро оделся и, бросив ключ на стол, покинул помещение, а затем и само здание, так называемый Пентагон, еще в советское время выросший на холме у помойной Яузы. Настя, к счастью, замешкалась, и он смог уйти один.

Улица, на которой он оказался, была тихой — с трамвайными путями и рядом жилых домов. Артур обернулся — белая вывеска, символ его теперь уже прошлой жизни, ярко светила всему вокруг. То был логотип компании, которая, пожирая государственные субсидии, могла выжить при любых обстоятельствах — случись очередная мировая война или даже конец света, журналисты с соответствующими нашивками на форменных жилетах появятся на месте событий, чтобы рассказать о них зрителям.

Держась за холодный металлический поручень, Артур спустился по невысокой лестнице и подошел к машине. Который год он ездил на черной компактной «Volvo C30», взятой некогда едва ли не на пару месяцев и оставшейся, похоже, навсегда. Сев за руль, он похлопал себя по щекам показавшимися каменными ладонями и завел двигатель. Артур хорошо знал систему: нужно было слегка приоткрыть окна, включить музыку, а лучше — одновременно глубокий и бессмысленный радиийный разговор, за обрывки фраз которого его сознание могло бы цепляться и следить за спидометром, который всякий раз норовил увлечь его в мир скоростной езды, которую он не очень любил.

То и дело шурясь, чтобы сфокусироваться на дорожной разметке, он, используя едва ли не мышечную память, чудом добрался до дома.

— Ты где опять был? — с порога встретила его мать. — Свинья, я ведь звонила тебе сколько раз!

Чтобы не завалиться набок, снимая обувь, он облокотился на платяной шкаф.

— Где ты был? Снова пил?! — разъяренный взгляд блестел пылливо-заинтересованно.

— Ты же знаешь, что мне завтра на работу! Почему ты так надо мной издеваешься?! — продолжал сыпаться град риторических вопросов.

Что он мог ответить?! Ну, например, не знал, что ей завтра на работу или что он живет своей собственной жизнью, не имея желаний кому-то навредить, поиздеваться или, напротив, помочь?

Лет пять назад вместе с вопросами на него стали бы падать десятки мощных ударов тяжелых кулаков. В такие моменты она от всей души лупила Артура, крутя огромными руками, будто винтами обезумевшей мельницы. Но грустный неизменный закон природы таков, что молодость наливалась силой, а зрелость, нехотя, но уверенно превращавшаяся в старость, ослабевала. В какой-то момент стало понятно, что баланс сил перераспределился и бить Артура не имело смысла. Удары не достигали цели, а только выматывали нападавшего. Так постепенно она бросила эти попытки, хотя словесных дуэлей, по-видимому, было не избежать.

Она на секунду замолчала и, переминаясь с одной уставшей ноги на другую, внимательно вгляделась в его лицо. Казалось, что сейчас она прочтет на нем все переживания прошедшего дня: разрушение воздушных замков карьерного роста, предстоящую пыль дорог и острие каменного перевала, который ему теперь предстояло преодолеть.

— Алкаш! — не церемонясь, бросила она. — Ты весь зеленый — посмотри на себя — весь! Буквально с ног до головы!

Снимая обувь, он оступился и упал на пол. Она отступила на шаг, отстранившись от него и его проблем. Артур медленно сполз по подвернувшейся стенке вниз и, опустив лицо в раскрытые ладони, хотел расплакаться высвобождающими тревоги обжигающими слезами, но вместо этого нервически повел плечами.

— Ты знаешь... — сказал он и остановился. В его горле запершило, он кашлянул и добавил еле слышно: — Ты знаешь... Устал... Очень сильно...

— От чего это, позволь поинтересоваться? — продолжила она, и не выдерживая паузу: — Подлец ты — вот кто! Лена много раз звонила, буквально на ушах стоит, я не сплю, а он, видите ли, устал. Ты на машине приехал? Вот собьешь кого-нибудь насмерть, может быть, наконец поймешь, что творишь.

Артур слышал, как она сделала два неровных, тяжелых шага, с треском нажав на кнопку переключателя, выключила свет и двинулась в спальню. Прихожая погрузилась во мрак. Артур не поднимал головы и думал о папе — не его ли вина в том, что теперь они вынуждены так отчаянно биться за жизнь, срываясь и терзая друг друга в бессмысленных изнуряющих баталиях.

Устроившейся на склоне лет продавщицей в магазин женской одежды, маме редко когда позволялось присесть в течение двенадцатичасового рабочего дня. Она имела от этого небольшие деньги, но в ситуации полного безденежья, в котором они после спешного отъезда отца Артура оказались, даже эти скромные средства могли внушить ей пусть робкую, но надежду на завтра.

Артур, привыкший к окологобемному образу жизни по системе «все включено», в поисках длинного рубля, а не интереса ради, стал менять одну работу на другую. За непродолжительное время он перепробовал себя в целом ряде ролей низкооплачиваемых служащих — от продавца и охранника до грузчика и мерчендайзера.

* * *

Читая заметки Артура и продолжая с ним общаться, я понимал, что ни в них, ни в личном общении он не был до конца искренен. Я, возомнивший себя если не его ближайшим соратником, то уже точно другом, с сожалением осознавал, что он не раскрывается в своих текстах с той степенью глубины, на которую был способен. Мотивы многих его поступков оставались для меня непонятными, душевные терзания отчасти надуманными, если не сказать, притянутыми за уши.

Наблюдая, сколько мне было позволено, за его жизнью, отношениями с матерью, редким общением с отцом, в какой-то момент я вдруг поймал себя на мысли, что начинаю разочаровываться.

Первая его книга перестала казаться столь уж энергичной, сам он все чаще представлялся как ленивый обыватель. Я и раньше с трудом проецировал его работы на конкретную личность, а по прошествии пусть небольшого, но все же времени еще больше утвердился в своих сомнениях.

Мне было очень жаль все это осознавать, ведь я рассчитывал получить искреннюю документальную прозу, которая опишет не только кривую индивидуальной судьбы, но и приметы времени — особенности существования в ситуации полностью обесцененной человеческой личности, где каждый индивидуум — лишь часть огромной матрицы, часть незначительная, а оттого и малоинтересная.

Лень Артура, которую он то ли не мог, то ли просто не видел смысла перебороть, казалось, убивала и очевидные способности автора к литературному труду,

ведь он не уделял своим замыслам достаточно времени и внимания и, погруженный в сиюминутные заботы, все больше отдалялся от какой угодно большой мечты, становясь — и это было по-настоящему больно признавать — обыкновенным, со всеми мелкими плюсами и минусами горожанином, растворялся в толпе.

Казалось, что некогда натянутая струна внутри него лопнула с противным треском, не дав миру ни нового звука, ни смысла.

Я все чаще стал задумываться о своем выборе. Возможно, моя девушка была права, и филфак с деканом со скуренной желтой щеткой усов над верхней губой уже не казался таким уж плохим примером для подражания.

Чем сильнее росло мое разочарование в Артуре, тем быстрее обесценивалась и моя собственная жизнь. Оказавшийся в сложной ситуации, на миг очарованный и оттого воспаривший, теперь я вот-вот должен был рухнуть наземь.

Я всегда считал, что великие идеи невозможно претворить в жизнь в одиночку и к каждой великой идее, высказанной ее носителем, в подходящий исторический период неизбежно должен присоединиться гул толпы. Артур и его первая книга были попыткой превзойти себя, свое земное существо, попыткой осмыслить, как он когда-то выразился, «смысл земли». Это читалось в каждой строчке небольшой по объему книги, но что теперь?!

Казалось, что Артур превращался во все то, что когда-то осуждал и даже ненавидел. Глупые страсти, мелкие ситуации на фоне северных широт, бесполое безопасное существование. Он избегал не только резких действий, но и простого слова, которое могло кого-то задеть или обидеть. Конфликт, являющийся двигателем всякого преобразования, столкновение — интеллектуальное ли, физическое ли — вдруг оказалось за пределами его понимания.

Собравшись с мыслями, я решил всерьез поговорить с ним, ведь дело было не только в его собственном выборе, но и в моем будущем. Если он не собирался ничего организовывать, все чаще тяготился моей компанией и тяжело вздыхал после каждого неудобного вопроса, стоило попытаться хотя бы высказать свои сомнения.

В тот вечер, когда я, предварительно написав эсэмэс, вошел в комнату Артура, он, как нередко и до этого, лежал на кровати. На прикроватной тумбочке громоздились книги — что-то из современной российской прозы, несколько биографий — томики, регулярно менявшие место и, по моим наблюдениям, читанные им без определенной системы. Мягкий свет разливался по гладким ламинированным полам его комнаты. В углах клубилась пушистая пыль — такая, что окажись здесь глупый ребенок, наверняка счел бы ее за сладкую вату и потянул в рот.

На лице Артура была даже не щетина, как он привык носить, а настоящая борода — в целом он был чистоплотным человеком, но неаккуратно уложенные волосы вкупе с обильной растительностью на подбородке производили ложное впечатление.

— А, это ты, друг... — повернувшись ко мне, глухо сказал Артур.

Мне показалось, что он болен. Как бы отвечая на мое предположение, Артур с чувством закашлял. В груди что-то жидко переливалось и клокотало.

— Садись, — он немного отодвинулся к стенке и, словно в замедленной съемке, хлопал по краю кровати.

Еще совсем недавно я бы дорого заплатил за такое отношение, видно было, как искренне Артур рад меня видеть. Но что мне радость одного из миллиардов?! Я стал замечать в себе жестокость героев его текстов — бессмысленность отталкивалась, не задумываясь, а сверхчеловек, твердо ставя ногу, шел дальше. Не знаю, как он, но я все еще хотел бы себя превзойти...

— Артур, нам надо поговорить, — строго сказал я, подкатив к кровати его рабочее кресло и усевшись.

— Надеюсь, серьезно?! — с хитрой улыбкой ответил он и, потянувшись, включил настольную лампу, — он чаще читал лежа.

Лицо его за ту неделю, что мы не виделись, осунулось — обычно раздраженная красная кожа щек стала вдруг белой, как канцелярский лист. Глаза казались посажены глубже обычного и неестественно блестели. Едва видневшиеся в узкой улыбке зубы, по-видимому оттеняемые темной бородой и шапкой волос, казались чрезмерно белыми, как если бы он был героем телерекламы. Заострившийся, словно у покойника, с горбинкой нос. Весь он выглядел жалко. Я бы не удивился встретить такого персонажа на вокзале или в другом общественном месте — пусть не просящим подавание, но лежащим с независимым видом у какого-нибудь источника тепла, окутанного смрадным запахом и признаками начавшегося разложения еще живого тела и уже окончившегося — души. Как и в случае с привокзальными персонажами, до первоисточника, причины падения, было не докопаться — да и нужно ли?! Возможно, такие люди, изначально программируя себя на невозможность социализироваться, день за днем скатываются по наклонной, не находя сил что-то противопоставить миру, становясь «интеллектуальными банкротами», о которых он когда-то писал.

— Дорогой, как же хорошо, что ты пришел... — сказал Артур и вновь закашлялся. — Ты — лучшая моя половина, — ни с того ни с сего продолжил он.

Его лукавые, как с портретов Распутина, глаза, смотрели сквозь меня — будто бы видя то, с чем я пришел, и даже то, чего я о себе мог еще не знать. Это его внезапное признание сильно смутило меня — доселе никогда он не произносил ничего подобного, а был по-особенному, в старинных традициях, подчеркнуто вежлив и даже после бесчисленного количества выпитого вместе продолжал обращаться ко мне на «вы».

Дверь в комнату Артура приоткрылась, и в образовавшийся проем заглянул крупный овал лица его матери.

— Хотите чаю? Я поставила чайник.

Внимание мамы, обычно холодной и отрешенной, тоже показалось странным. Чаем меня хоть и угощали прежде, в последнее время я, преодолевая стеснение, заваривал его на кухне самостоятельно.

— Да, мамуль, он будет и чай, и кофе. У него ко мне серьезный разговор... — то ли в шутку, то ли всерьез ответил за меня Артур. — Нам надо немного поработать.

Я почувствовал себя как-то неловко: этот образ, в котором находился Артур, его смешливый тон, как будто он знал все наперед. Дверь прикрылась, а я, пытаясь справиться с мыслями, оглядел и без того знакомое помещение. В одном из углов — практически у занавески, отделявшей комнату с ее одноместной подростковой кроватью, переполненным, словно бы вывернутым наружу, книжным шкафом, небольшим двустворчатым платяным шкафом, — лежали стопки его книг — к счастью, когда-то изданных и, к сожалению, в большинстве своем так и не разошедшихся.

Мне стало жаль его — щемящее чувство сдавило грудь, чуть было не заставив необъяснимые, неуместные сейчас слезы брызнуть из глаз.

— Ну чего ты? — ласково произнес он, попытавшись приподняться на ослабевшем локте, но тут же вновь осыпавшись на подушку. Другую руку он как будто тянул к моему лицу...

Я решительно отстранился и, даже нервически дернув ногами, откатился на потрепанном офисном кресле. Что-то глубинное вдруг проснулось во мне. Агрессия?! Не знаю. Злоба?! Может быть.

Мне захотелось ударить его — сейчас особенно беззащитного — прямо в поблескивающие глазки — так, чтобы они тут же заплыли синим. Я поймал себя на мысли, что хочу стащить его на пол — я буквально видел эту картину со стороны — и хорошенько избить.

Кажется, я вдруг возненавидел его за все сразу. За его некогда проявившийся талант, за харизму, за те простые, но вместе с тем жизненные идеи, которые он периодически высказывал. Ненавидел за то, что он фактически сбил мой радар, заставив взглянуть на мир по-новому, и в этом новом мире — трехмерном — вдруг стало холодно и неудобно.

Артур, недолго подержав глаза закрытыми, вновь их открыл и вдруг стал рассказывать:

— Знаешь, мне тут такое привиделось... Не знаю, сон это был или видение... — он в очередной раз откашлялся и, уже не видя меня, а уставившись в потолок, продолжил: — Как будто весь я превращаюсь в символы. Я просто потянулся за чем-то и вдруг увидел, что рука моя... как в кино... превращается в буквы и пробелы... русские, латинские, там были и цифры... И весь я стремительно, как будто... составлен из карточек-перевертышей... становлюсь книгой... текстом...

Его эта новая история, которая могла произвести на меня впечатление в начале нашего общения, теперь была не способна изменить вдруг возникших намерений. Все это или нечто подобное — возвышенное и одухотворенное, странное и необычное — я уже слышал много раз. И всегда, вдруг воспаряя вслед за ним, больно падал — Артур не то чтобы не был последователен в своих словах и действиях, но часто и вовсе забывал о них.

Он лежал передо мной такой беспомощный, переполненный разве что пустым осознанием собственной значимости — бесосновательным и глупым.

Ярость буквально сводила меня с ума. И ему я посвятил столько времени своей жизни? А сколько у него в разное время было таких, как я, учеников, последователей, просто друзей, как он их называл?! Оставалось только догадываться. По сути, не виновный ни в чем конкретном, он, словно Чарльз Мэнсон, должен был ответить за все, что натворил.

Я ударил его в лицо. Глухой звук какой-то кости, отозвавшийся по комнате, кровь, хлынувшая из носа. Явно опешив, Артур поднес руки к лицу и, потрогав нос, стал внимательно рассматривать окровавленные пальцы.

Нет, черт возьми, он не попытался ответить мне тем же. Он даже не собирался мне что-то возразить или о чем-то спросить. Артур не позвал на помощь, а ведь это, как я теперь думаю, могло его спасти. Все, что он сделал, и это было его главной ошибкой в тот вечер, а может быть, и в жизни — взглянув на меня в упор, широко улыбнулся. Все прибывавшая кровь ручейками стекала по его губам, облизывала казавшиеся белоснежными зубы и, немного увязая в бородачке, скатывалась на футболку и край одеяла, оставляя разводы.

Заперев дверь изнутри, я схватил его за волосы и, решительно наклонив над кроватью, хорошо замахнувшись, пробил ногой по лицу. Сбросив в мгновение обмякшее тело на пол, я стал бить его ударной правой ногой по животу, груди, лицу, по всему, во что я когда-то безоговорочно верил, что некогда смогло приподнять меня над окружающей действительностью.

Будто обезумевший, я колошматил его всем, чем мог. И мог бы превратить в труху, если бы выдалась такая возможность.

Я все лучше понимал психологию некогда восхищенной толпы, терзающей десятилетиями властвовавшего над ними тирана. Один камень, полетевший в него, вызывает град булыжников, один неуверенный выстрел — пулеметную очередь, а попытка прямого насилия заставляет кого-то разрывать на куски его еще не испустившее дух тело.

Единственное, чего я теперь по-настоящему хотел, так это отыскать его оставшиеся черновики и, если получится, соединив их, окончательно утвердиться в том,

что все это время Артур попросту водил меня за нос. С этой целью я принялся спешно осматривать его шкафы. Меня сильно потряхивало — я, с одной стороны, очевидно переживал сильнейший стресс, с другой — какой бы глупостью это теперь ни казалось, я всерьез опасался, что Артур, будто злодей в фильме с предсказуемым сюжетом, вдруг оживет и, встав в полный рост, выстрелит мне в спину. Как он мог встать, из чего выстрелить?! Я сам понимал нереалистичность подобных предположений, но ничего не мог поделать с искаженным, будто натянутым изнутри, восприятием действительности.

Вдруг, словно очнувшись ото сна, я подошел к его телу и стал ощупывать карманы его спортивных штанов. В одном из них я обнаружил коробочку, с которой он, сколько я его знал, не расставался.

Только я собирался ее открыть, чтобы наконец узнать, что же Артур в ней хранил, в дверь постучали.

— Ребята, откройте! — довольно спокойно произнесла его мама.

Ее спокойствие, по-видимому связанное с хорошей звукоизоляцией в их безразмерной, купленной в лучшие времена квартире, казалось, передалось и мне.

— Мы немного заняты, — отозвался я как можно небрежнее.

Было слышно, что она поставила поднос на пол и зашагала прочь.

Так я вдруг — по сути, и не стремясь к этому — остался один на один с коробочкой.

Собрав найденные в шкафу оставшиеся черновики — некрасивые ученические тетради, исписанные шариковой ручкой великолепные альбомы с мелованной бумагой, измятые распечатки на принтере, — я засобирился.

Нужно было, найдя временный приют, спокойно поразмыслить о произошедшем.

* * *

Артур отчетливо помнил мамино собеседование — роскошная простота «Петровского пассажа» не могла не врезаться в его пусть даже и прохудившуюся память. Перекрытия из стекла и металла, ровный свет, лежащий на мраморные дорожки, упирающиеся в вычищенные до девственного блеска широкие витрины. В прессе писали, что в лихие девяностые создатель разветвленной империи магазинов одежды, в настоящий момент освоивший всем известный ГУМ, некогда стоял за витриной одного из бутиков «Петровского», товар для которого привозил челноком в клетчатых китайских сумках.

Теперь он, набравший не меньше полутора центнеров живого веса, сидел на вершине огромной пирамиды, в нижний слой которой, состоящий из бесправной обслуги, теперь пыталась устроиться мама Артура.

Выпив недорогого американо в ближайшем кафе, они поднялись на третий ярус пассажа, откуда открывался великолепный вид на обрыв одной из линий элитного торгового центра. Мама заметно волновалась, ведь половина резюме, благодаря которому ее пригласили на собеседование, была, что называется, высосана из пальца, если не сказать, являлась бессовестной ложью, а сама она всерьез не работала вот уже более десятка лет.

Артур вспоминал безнадежно устаревший школьный журнал с оценками и специальные страницы в его финале — с контактами и должностями, которые занимали родители его одноклассников. В графе «работа» мамы он с достоинством в голосе тогда просил поставить «домохозяйка», ведь это означало успешную, живущую в достатке семью.

Теперь все было по-другому, отец стал федеральной знаменитостью со знаком минус, и для трудоустройства даже на самую рядовую работу требовалась граничившая с мошенничеством изворотливость в сокрытии родственной связи с «тем самым».

— Пойдем со мной, — сказала мама едва слышно, когда Артур отпустил ее локоть у стеклянной двери головного офиса, — просто зайди, посидишь там.

— Посторонним туда нельзя, — воспротивился он, неловко ее приобняв, и постарался успокоить: — Ничего сложного не будет, просто разговор о твоём опыте работы — ты ведь запомнила основные даты своего трудового пути?!

Мама кивнула и, сделав глубокий выдох, скрылась за дверью. Артур же, как автор и продюсер ее резюме, был отчего-то абсолютно уверен, что ее возьмут — единственным препятствием на пути к ставке продавца-консультанта бутика женской одежды больших размеров мог стать ее убедительный опыт работы на руководящих позициях, некогда безрассудно вписанных папиной рукой в ее трудовую книжку.

Почти не отрываясь от деревянного поручня, Артур прошелся по верхнему ярусу пассажа, представляя себя в окружавшем его великолепии то капитаном терпящего бедствие корабля, то руководителем одного из южных регионов, имевшим право делать все, что заблагорассудится. Он хотел оказаться великим человеком, кто мог бы оставить след, а точнее, насладиться своим пребыванием на земле. Он хотел крушить врагов и вершить судьбы.

Некогда он — то ли в детстве, то ли в отрочестве — представлял себе город-сад, дворец, где нашлось бы место всем близким и дальним. Каждый пришедший мог бы обрести там место для ночлега и блюдо свежесобранных фруктов. Они бы иногда обедали вместе или пили свой five o'clock tea, а потом Артур вновь удалялся в свои покои. Чем бы он там в этих покоях занимался — вот вопрос, ответ на который он никак не мог найти. Писать или подписывать?! Какая, черт возьми, разница, если в бюджете вдруг сократившейся до двух человек семьи оставалось лишь с десяток мелких купюр.

Незадолго до вынужденного отъезда папы, ставшего вдруг не только по собственной глупости, но и сложившимся обстоятельствам врагом государства, мама выгнала его из дома. Выходило, что он проходил один круг изгнания за другим. Что же ждало его за последним?

Задержавшись у витрины, за которой манекены изображали собой молодую и счастливую семью, Артур в который раз мысленно вернулся к событиям тех дней.

В тот последний вечер Артур уже собирался ложиться спать, когда услышал энергичный топот где-то в районе гостиной. Сквозь матовое стекло двери он увидел мамин силуэт, поплывший на звуки, доносившиеся из прихожей. Ее раздраженному нервическому шагу вторило и тяжелое дыхание.

— Он в Петербурге, — выглянув из-за монитора своего ноутбука, днем ранее делилась она с сыном добытыми «разведанными». — Небось поехал со своей «Мандой-Иванной»...

— Ну почему сразу с ней? — нехотя поддерживал он беседу на порядок осточертевшую тему. — Может быть, по делам каким-нибудь?

— Да по каким делам, по каким делам? — ткнув указательным пальцем в дисплей, продолжала она. — Если звонки ей прекратились в эти два дня, значит, они вместе — нет сомнений.

— А почему ты считаешь, что он именно в Питере? — решил Артур осторожно перенаправить русло разговора в менее разрушительную плоскость.

— Вот подлец! — не услышав вопроса, возмутилась мама и, приложив тыльную сторону ладони к носу, чтобы не расплакаться, добавила: — Мог бы хотя бы сказать, что вообще уезжает.... Если не хочет мне, то хотя бы тебе, ты же все-таки его сын...

Не выдержав постоянно дополнявшегося пресса обид, она все-таки расплакалась. Артур осторожно погладил ее по руке со словами: «Успокойся, мам». Чего тут еще можно было сказать?

Зачем-то последовав ее просьбе, несколько лет назад Артур помог настроить детализации папиных звонков, тщательное изучение которых, наряду с исследованием внутренностей его карманов, в то время стало ее основным жизненным увлечением.

И вот спустя несколько дней отсутствия он, похоже, вернулся домой.

Предчувствуя драматическую сцену, Артур, тогда еще ребенок-переросток, оказавшийся в центре родительской нелюбви, вжался всем своим существом в кресло, в котором сидел.

— Собирай свои вещи и убирайся вон! — раскатисто, будто из вдруг надтреснувшего переполненного сосуда, разлился мамин голос.

Банальная, в общем-то, фраза прозвучала увесисто — всякое слово, вырывающееся из израненного сердца, не могло в те времена не найти сочувствия Артура. Показалось, что пусть шаткие, но все же кое-как сколоченные конструкции их мира вдруг начали разрушаться. Как по щелчку пальцев, сменились кадры — стало понятно, что окружающий мир никогда больше не будет прежним.

Артур тогда успел подумать, что холодная металлическая интонация в мамином голосе была ему доселе незнакома. За, страшно подумать, семь лет папиного распада он не слышал такой тональности в тех редких фразах, бросаемых ею в его безразлично-самодовольное лицо. Привычный женский истерический визг сменился властными нотками наконец осознавшего и, главное, принявшего предательство близкого.

Дым рассеялся, обнажив выпуклые фигуры людей в масках, застывавших на черных шелковых простынях. Одна из масок неловко скатилась на пол — под ней легко узнавалось лицо главы семьи.

— Где ты был все эти дни?!

Судя по звукам борьбы и глухому, вдруг потяжелевшему дыханию обоих, она набросилась на него, возможно пытаясь задушить. Артур знал, что он отобьется — слишком неравны были силы.

— Успокойся... — удивленный неожиданно яркому приему, бормотал он. — Отстань от меня! — и, похоже, наконец оттолкнув ее от себя, более грозно, возвращаясь в привычную для себя роль, сказал: — Ты вообще кто такая, чтобы меня об этом спрашивать? Сперва подумай, с кем и как ты разговариваешь.

Доставшаяся ему после настигшей любви к нимфетке, кое-какая власть и деньги, а также пара телевизионных интервью, которые он успел раздать, окончательно спутали роли в его взаимоотношениях с миром. Излишне, на вкус Артура, уверенными шагами ступал он по остро наточенному лезвию жизни, локтями отпихивая всякого, кто попадался ему на пути. В пропасть по его воле мог упасть и посторонний, и близкий, а всякий упрек со ссылками хоть бы на святое писание натыкался на обескураживающую контратаку.

Стоило найти в себе мужество окончательно признать, что его личность для Артура давно превратилась в нечто невразумительное. Образ любящего отца семейства на протяжении десятилетий, возводимый им с патологическим рвением коммуниста старой закалки, с еще большим усилием был им же и разрушен.

Артур отчетливо видел дымящиеся руины старого города — здесь был бой. Пыльные глиняные стены осыпались, завалив в сотах тесных жилищ не одну семью. Артур ступал по этим развалинам, стараясь не запачкать туристические ботинки из жесткой коричневой кожи. Споткнувшись обо что-то мягкое, он взгляделся в смазанные линии, щедро нанесенные неизвестным художником на окружавшее его пространство. Среди кирпичей и пыли он разглядел детскую руку — маленькие пальчики в запекшихся кружевах побагровевшей крови. Мгновенно он пришел к осознанию, что рука эта — его собственная, а незнакомые декорации — мир, в который эти двое — его родители — зачем-то его пригласили.

Всякая трагедия несет с собой тысячи, десятки тысяч эпизодов — крупных и незначительных сцен, навечно отпечатанных в подкорке сознания, несет она и документальные, неопровержимые свидетельства, становящиеся со временем историческим фактом.

Пожалуй, самым памятным для Артура был день, когда отец по тогда еще действовавшей семейной традиции вез его к метро, чтобы затем поехать по своим собственным амурно-адвокатским делам. Словно глухонемые, они сидели в абсолютном молчании. Еще сонный, Артур вглядывался в боковое стекло — высоко над серыми панельками девятиэтажек он увидел большую птицу, широко расправившую крылья. Сделав пару взмахов, она быстро исчезла из поля его зрения. Артур бросил осторожный взгляд на папино отражение в зеркале заднего вида. Он запомнил эти глаза, массивное плечо, затянутое тканью все дорожавших костюмов, кисти рук на кожаном переплете руля. Кто-то, возможно, и мог угадать по этим глазам влюбленного человека, Артур же с ужасающей ясностью вдруг осознал: все, приплыли, отец никогда не будет прежним. Артур понял это мгновенно, хотя история длилась не меньше полутора лет. Она шла руку об руку с все еще тлевшей в каждом из членов семьи надеждой на скорое восстановление отношений.

В тот день папа, как обычно, уверенно держал руль, периодически перенося правую руку на рычаг переключения скоростей. Что-то в Артуре оборвалось окончательно, и, находясь в головокружительном бреду, он достал из рюкзака альбом для рисования и быстро набросал на плотной бумаге это зеркало и этот взгляд. Стоит признать, что рисунок удался. Позднее Артур часто к нему возвращался, пытаясь напомнить самому себе, что его отец, выйдя на очередной виток жизни, изменился окончательно. Все хорошее, что было прежде, исчезло, скрывшись в тени нескончаемой череды низких поступков.

В тот вечер, сдерживая в себе естественное желание прервать очередную родительскую ссору, он положил рисунок перед собой. Ничего не поделать — все давно пропало.

— Отстань от меня! — снова бросил отец глухо.

Судя по продолжившейся возне, отставать от него мама не спешила.

Массовый кинематограф приучил нас к тому, что такие ссоры должны кончаться страстной безудержной близостью на скрипящей кровати, но отношения родителей Артура можно было охарактеризовать лишь словом «усталость». Усталость от себя самих, друг от друга, от жизни в целом.

— Зачем ты сюда приходишь? — перешла мать на крик. — Иди к ней, живите вместе, что вам мешает?! Только оставьте наконец меня в покое!

Кажется, он что-то ответил.

— Да, мешает! — сообщила она. — Мешает мне твоя лживая противная рожа!

Похоже, ему удалось вырваться из ее рук, и он быстро вбежал в спальню.

— Вот тебе сумка! — что-то грохнулось на пол. — Собирай свои манатки и иди к своей проститутке!

— Ты сама подашь на развод или это сделать мне? — неестественно спокойно поинтересовался он.

Очевидно, что он блефовал. Артур понимал, что к решительным переменам отец был не готов: они были ему не совсем удобны в бытовом плане, однако и теперь он не спешил выпускать вожжи из рук.

— Да мне по фиг, что ты будешь делать, — пошел в ход не свойственный маме в обычной жизни сленг, — главное — свали отсюда, я не могу тебя больше видеть, понимаешь?! Не могу и не хочу!

Судя по звуку вешалок, срываемых с перекладины в платяном шкафу, сумка начала стремительно разбухать.

— Шляешься, как дворовая собака, до ночи, потом приходишь, спишь на диване — зачем тебе это надо? Иди, живи с любимой, начни новую жизнь, дыши полной грудью! — продолжала причитать она.

— Ты лучше посмотри на себя и на то, как шляешься ты! — в стиле «сам дурак» зачем-то огрызнулся он.

Холостой выстрел дал неизбежную осечку.

— Где и как я шляюсь, любопытно узнать? Стираю твои грязные носки и трусы, пока ты болтаешься неизвестно где.

— Посмотри на себя в зеркало и все сразу поймешь, — зачем-то начал он переходить всякие границы.

— И что я там должна увидеть?

— Посмотри хотя бы на цвет своих волос.

Подлый удар ниже пояса.

— На брови свои посмотри.

Еще один неожиданный хук. Она была нокаутирована — считать секунды было просто бессмысленно.

Здесь стоит пояснить, что мама Артура в очередной раз перекрасила волосы — на этот раз в блонд — цвет шевелюры очередной папиной любви. Теперь он упрекал ее за это, имея в виду, что на Кавказе, откуда они были родом, считается, что крашенные светлые волосы — чаще всего признак морального падения их обладательницы.

Артур, не в силах более себя сдерживать, вскочил со стула, к которому до этого был едва ли не приклеен, и решительно двинулся к двери, отделявшей его от участников драматической сцены. Он был настроен ударить отца или что-то в этом роде или хотя бы сказать что-нибудь обидное — мамино мнение отец по привычке мог пропустить мимо ушей, сказанное же сыном могло глубоко засесть в жилах его странного существа.

— Завтра же подам на развод! — крикнул он.

Артур застыл, как если бы его ударила молния. Похоже, что сборы наконец были окончены. Он увидел чуть сгорбленный силуэт отца, с сумкой наперевес следовавший в обратном направлении. Входная дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Наконец выйдя в гостиную, Артур увидел взволнованное, но как-то по-новому, одухотворенное лицо мамы. Она наконец приняла решение, к которому шла долгие годы, и казалось, что скинула с плеч тяжелый крест, пригибавший ее и без того усталое тело к земле.

Через день или два после домашнего скандала Артур, все еще возмущенный, рассказывал о случившемся Лене:

— Он обязательно заплатит за это, ведь долго так продолжаться не может.

— Ну, он ведь выстроил собственный бизнес, если ты о финансах, — унимала его запала она, — а что, кроме отсутствия средств, могло бы сбить его с занятой высоты?

Справедливый вопрос, ставивший его в тупик. Приметой времени было то, что дурак с приличным счетом в банке казался не таким уж и дураком, а просто интересным человеком со странностями. А кто у нас без странностей?!

— Не знаю, — в бессильном раздражении отвечал Артур, — но уверен, что так долго продолжаться не может. Его самодовольное бахвальство должно быть разрушено раз и навсегда — земля ведь круглая и, говорят, полосатая: за белой неизбежно следует черная.

Невольно призывая беду на отца, Артур даже не надеялся, что его желание кармической мести будет услышано небесным нечто настолько быстро.

По большому счету Артуру было все равно — несмотря за благодарность за детские годы и другие отеческие услуги, он давно вычеркнул этого человека из своего сердца. И тем удивительней было странное саднящее чувство, мучившее его едва ли не всю ночь и перекинувшееся на следующее утро после символической сцены изгнания отца из семейного очага. Артур чувствовал почти физическую боль — казалось, будто кто-то аккуратно вырезал мясистый кусок из самого сердца. И, самое главное, этого было уже не изменить.

Благодаря сообщениям прессы и бурлению Интернета многие, если не все знакомые Артура знали о деятельности его отца, но делиться с ними беспокоившими его проблемами он в силу характера не спешил.

Отец Артура, и это надо дополнительно пояснить, несмотря на свой радикально изменившийся образ жизни, что называется, «подсел», а точнее сказать — оседлал — исламскую волну. Горячая тема оказывалась лакомым куском для журналистов, от чьего внимания он в то время стал по-настоящему зависеть и которому, наряду с романтическими увлечениями, посвящал всего себя.

И вот, похоже, занесло. Папа Артура, воспользовавшись вниманием журналиста одного из федеральных телеканалов, вдруг заявил, что планирует создать в стране настоящее исламское государство, а если вдруг кто-то попытается этому помешать, прольется кровь. «Здесь будет второе мертвое море», — привел он образную цитату, сидя, расхристанный, в своем офисном кресле.

Артур вслед за возмущенной общественностью не мог понять ни тогда, ни позднее — что же это было. Весеннее обострение, о котором говорили его оппоненты, досадная ошибка или намеренная провокация. Чего он, за предательство изгнанный из семьи, теперь хотел, рассчитывал ли на такой всепоглощающий резонанс? Вряд ли, ведь будучи человеком страстным, скорее всего, действовал по наитию, в порыве вдохновенного восторга самим собой. К чему в таком состоянии просчитывать риски?

Ко всем переживаниям Артура добавлялось и то, что он мало с кем мог поделиться проблемой, с которой столкнулся. От своей девушки он сильно отдалился — ее загруженность работой, не в пример его вечной расслабленности, добавляла недопонимания. Ведь ей, как и всякому настроенному на семейный быт человеку, хотелось обретения, о это страшное слово, стабильности. Чем дальше они с Артуром уходили в лес, тем понятнее становилось, что ни о какой стабильности в обозримом будущем не может быть и речи. Он, потерянный и трясущийся, словно кленовый лист на ветру, уже не мог показаться ей идеальным партнером. А чувства?! Ну да, чувства, но и они, как и все в этой жизни, похоже, имеют свой лимит.

В моменты, когда Артур ощущал себя особенно одиноким, он замечал за собой странную особенность — пообщаться хоть с кем-нибудь. При этом контрагент подобного контакта был не так уж и ценен сам по себе, обезличивался, а определяющей его характеристикой в такие моменты могло стать — насколько он внимателен к Артуру.

По-настоящему устав от всего происходящего, он решил написать Насте-малышке. Она, сколько он был с ней знаком, всегда была легка на подъем, легкомысленна и весела. Кроме того, она любила алкоголь. В общем, комбинация в сложившихся обстоятельствах была едва ли не идеальная.

«Привет, малышка! Ты здесь?» — включив свой постоянно дополняемый саундтрек к жизни — аудиозаписи ВКонтакте, написал Артур ей в своей манере.

Настя-малышка оказалась на месте.

«Привет! Да. Как дела?» — почти мгновенно пришел ее ответ.

Тем же вечером они уже сидели в одном из кафе рядом с выходом из станции метро «Кропоткинская». Артур был уже порядочно пьян. По совпадению где-то здесь некогда начинались его отношения с Леной.

Через пару дней после прогулки, на которую он ее пригласил в университете, когда они дошли от Моховой улицы, где располагался их факультет, аж до «Октябрьской», Артур приехал к ее дому.

«Выходи, — написал Лене эсэмэс, — я под твоими окнами».

Лена постепенно трансформировалась, с годами естественным образом обзаведясь рядом обременявших требований. Теперь по ту сторону стола от Артура сидела еще совсем юная Настя, с детской непосредственностью гревшая подмерзшую ногу на батарее.

Недавно расставшись с парнем, выдвинувшимся в сторону армейской жизни, она казалась Артуру очень осторожной. Так, при встрече подставила щеку вместо губ.

Они пили, и после дежурных вопросов о ее жизни Артур стал изливать душу.

Он рассказал о домашнем скандале, свидетелем которого стал, и о том, какое чудовищное интервью дал его отец спустя пару дней после случившегося.

— Взмочаленный, он сидел в своем офисном кресле, — периодически окуная губы в бокал с вином, рассказывал Артур, — и говорил, что вместе с соратниками планирует «залить город кровью», если вдруг москвичи решат что-то противопоставить его планам.

Артур вновь и вновь проматывал в голове эту историю, полностью его захватившую.

Он вспоминал, как, взволнованный, снова и снова пересматривал это видео, сидя за компьютером в своей комнате. В какой-то момент Артуру показалось, что он нашел ответ на вопрос, зачем отец это сделал.

«Вы думаете, вы у себе дома, — говорил отец, глядя в камеру федерального телеканала, — но это наш дом, и мы здесь хозяева!» Эти угрозы были адресованы маме и Артуру, но ни общественность, ни органы правопорядка не могли об этом знать, начав заводить уголовные дела по едва ли не политической статье.

Артур был настолько погружен в эту проблему, что не слышал, не знал и вряд ли бы мог вспомнить, что на все это отвечала Настя-малышка. Она в тот момент была лишь слушателем, но никак не равным собеседником.

— Смотри! — сказал он, наконец включив видеозапись интервью и протянув телефон Насте-малышке. — Представляешь, теперь в России будут религиозные суды.

Артур сидел в глубоком тряпичном кресле, наблюдая, как меняется лицо Насте-малышки. Чуть вздернутый носик, бледная фарфоровая кожа. Она могла бы выгодно продать свою красоту, если бы только захотела, но была для этого слишком возвышенной и одухотворенной.

— Сильно, — с едва сдерживаемой ухмылкой только и смогла ответить она. Светлые ее глазки под тонкими полосками бровей заметно забегали — было понятно, что ей стало страшно.

Настя-малышка вернула Артуру телефон, на котором застыл стоп-кадр этого интервью. Он воспользовался моментом, чтобы задержать свою ладонь на прохладной кисти ее руки.

Бросил взгляд на телефон — расстегнутый ворот рубахи, растрепанные волосы, желтоватые зубы-лестница, выглядывающие из глубин широкого рта. Артур не хотел узнавать в этом лице своего отца.

Как человек, некогда работавший с отцом, причем по взаимодействию с прессой, он понимал, что вот он, кусок настоящей славы — блестящий и переливающийся

на морозном зимнем солнце. Назавтра отец Артура проснется федеральной знаменитостью. Его слова вызовут бурю негодования и возмущения у богатых и бедных, здоровых и хилых, умных и глупых. Назавтра он проснется еще и врагом государства, а негативный общественный фон станет удобной средой для саморекламы политиканов всех мастей — будь то министерства, представители партий или отдельно взятые общественные деятели.

Страна и мир живут информационными поводами, и день за днем каждый, чья деятельность связана с тем, чтобы оставаться на виду, цепляется за очередной, старается напомнить о себе, представить в наиболее выгодном свете.

Впереди была тайна, втиснутая в рамки ожидаемого ужаса. Впереди было испытание, в котором, скорее всего, отцу вряд ли мог помочь кто-то, кроме разваленной его же руками семьи. Впереди был сильнейший удар его жизни: растоптанное самолюбие, публично уничтоженное имя, побег и даже нужда. Все это было впереди, а пока была лишь тишина — предстояла ночь.

Артур очень плохо спал, все думая о случившемся с его семьей и о том, как теперь жить в этом городе, который его же отец обещал «залить кровью», этой стране, в этом мире, где все, не обращая внимания на срок давности, можно будет легко найти в Интернете. Жизнь человеческая конечна, но Интернет будто Вселенная — не имеет границ, и сколько бы лет ни прошло, все желающие смогут получить информацию о наших прижизненных потугах.

В детстве Артур отчего-то был убежден, что, когда его не станет, машины на улицах и проспектах остановятся, люди не выйдут на работу, а вместо привычных теле- и радиопередач будут передавать гулкой и пустой звук профилактики. Он пытался понять, как же люди жили до непосредственно его рождения — хотел быть лучшим музыкантом, вырывающим скрипку из рук признанного профессионала, лучшим гонщиком, побеждающим в заездах королевских гонок, футболистом, который год от года получает золотые мячи, ученым, писателем, супергероем. И все это в одном лице, а когда его бы вдруг не стало, жизнь должна была бы остановиться не только в нем самом, но и вовне. Вместо смеха и слез — пустота, конечная станция вместо кажущегося бесконечным пути.

Так же должно было случиться и с папой. Ставший центром их семейного микромира — Солнцем, некогда освещавшим Галактику, он был пульсом времени, пульсом самой жизни. Несмотря на совершенное им предательство, Артур, возможно, по-детски полагал, что в случае его краха жизнь и всего человечества должна была претерпеть серьезные изменения. Солнце закатится за горизонт с тем, чтобы больше никогда не взойти — впереди будет темная морозная ночь длиною в вечность, с привкусом горечи и обиды.

На следующий день, когда отец, еще мало что понимая, успел набрать десятки тысяч просмотров на YouTube и дал несколько интервью, он стал темой номер один в России.

Радиостанции одна за другой обсуждали его инициативу, первые полосы газет и новостных сайтов выходили с его фотографиями и броскими заголовками, а к вечеру, Артур предвидел это, отца должны были задержать.

Снежный ком, обраставший комментариями уважаемых людей, разросся до немислимых размеров, создать его нарочно стоило бы огромных денег.

Конечно, все еще надеясь на лучшее, Артур с мамой не удержались от того, чтобы немного позлорадствовать.

— Он нашел, что искал, — бросила мама, еще не до конца осознававшая масштаб произошедшего.

— Слава, которую он в последнее время ставил превыше всего, его догнала, — грязно отвечал Артур.

После обеда подоспели комментарии религиозных лидеров и глав северокавказских регионов. Игра приобретала опасный оттенок — пора было либо лезть на плаху, либо бежать куда глаза глядят.

«Я считаю, что тебе нужно уехать сегодня же, — наплевав на данный ранее обет молчания, написал ему Артур, — ночью или завтра наверняка пройдут обыски в офисе и дома. Это финал».

Он прошел в родительскую спальню и, всерьез ожидая гостей в масках если не ночью, то уже к утру, стал разбирать отцовский книжный шкаф. Там, среди томиков художественной литературы, появившихся у них едва ли еще не до рождения Артура, он нашел и религиозную литературу. Артур сильно сомневался, что кто-то из его родных, включая отца, когда-то ее читал, но на всякий случай собрал в одну стопку и тут же — без промедления — загрузил в мусоропровод. Книги, рассказывающие о священном для миллионов людей, ударяясь о грязные металлические стенки трубы, полетели вниз, прочь из жизни Артура.

Позже, тем же вечером, он получил короткое сообщение от отца: «Мне удалось покинуть страну — я в безопасном месте».

И завертелся маскарад, более походивший на калейдоскоп: встречи, разгром офиса, который занимало его бюро, еще мысли и еще комментарии, предательство людей, которых он считал соратниками, и нежелание коллег, в которых он был уверен, помочь ему ввиду ожидавшегося со дня на день уголовного дела. Их можно было понять: слишком велики были репутационные риски всякого, кто бы заявил, что вступил в дело «обезумевшего адвоката».

Призывая расплату небес на его седины, Артур не мог ожидать не только подобной скорости принятия решения этими самыми небесами, но и силы кары, которую они вдруг обрушили на голову его одновременно любимого и ненавидимого отца.

* * *

— Вот ключи от «Lexus», — откинувшись в кресле восточного кафе в центре столицы, сказал Тимур, свидетель последних месяцев отцовской жизни.

Ключи переместились со стола в карман легкого — не по погоде — льняного пиджака Артура.

— Вот документы от «сигналки», — с этими словами перед ним возникли красочный буклет и магнитная карта. — Если будут звонить, смело посылай их в одно место, пусть с платежами переждут.

Вообще говоря, Тимур изъяснялся с заметными паузами в речи, которые можно было объяснить обдумыванием тех или иных мыслей, если бы не знать, что он был профессиональным спортсменом и, более того, отставным чемпионом мира по карате.

Справа от него сидел не меньший «шкаф», представившийся Мурадом.

— А вообще, называй меня Морем, — предложил тот сразу после знакомства, — так меня все свои называют.

— Хорошо, Море, — откликнулся Артур.

И эти двое были с ним все последние месяцы?! Артур не мог поверить своим глазам. Неужели с этими людьми его отец был готов за что-то бороться и что-то строить. Он чувствовал свою слабость, с одной стороны, как человек, никогда не бывший в близких отношениях с отцом, с другой — чувствовал и собственную силу: вряд ли он когда-нибудь по собственной воле свяжется с такими персонажами. Артур,

несмотря на охватывавшее его недоумение, успевал еще и внутренне полюбоваться, восхититься отцом — собирал людей с виду серьезных. Где ты — простой, изнеженный столичной жизнью человек — найдешь их, да так, чтобы они гуськом шли за тобой, куда бы ты ни указал?

В маленькой «Volvo C30» Артура, которую он припарковал чуть поодаль, сидела мама, боявшаяся в сложившейся ситуации в одиночестве выпускать его из дома. Артур на секунду представил, как она вертит головой, глядя на многочисленных ночных прохожих центра столицы, и, скорее от скуки, чем из интереса, просматривает содержимое бардачка, подлокотника и других мест для хранения. Ее грузная фигура, зажата в не очень удобном кресле светлой кожи, привиделась ему и в момент, когда Тимур сказал:

— Позже вечером поедем на твоей машине, отгоним «Lexus» от гостиницы «Космос», ты его поведешь, — указав на Море, — а я за тобой, на твоей.

Это была странная схема, подумал Артур, ведь почему бы Тимуру самому не пригнать папин джип туда, куда бы он ему сказал — на этом его дружеская помощь в этом вопросе могла бы быть в полной мере исчерпана. Нет, он зачем-то хотел посидеть за рулем автомобиля Артура.

— Вот деньги, — достав из внутреннего кармана исхудавший «пресс» пятидесяти тысяч, продолжил Тимур, — твой отец просил передать вам. Здесь пятьдесят тысяч рублей.

Но прежде чем Артур успел протянуть руки за оставленной сбежавшим отцом смехотворной по московским меркам суммой, Тимур добавил:

— Но у меня будут свои расходы, поэтому пятнадцать тысяч я оставлю себе, а это забирай.

Вынув три купюры и вернув их во внутренний карман, он наконец протянул Артуру оставшееся.

«Хороша была игра, если в сухом остатке на счету семьи осталось чуть больше тысячи долларов, — с тоской усмехнулся Артур про себя. — Да и друг, изымающий средства из семейного бюджета в критический момент, тоже хорош».

Делать, однако, было нечего. Еще не до конца была понятна ситуация с дорогостоящим автомобилем, купленным отцом незадолго до отъезда, поэтому выяснять отношения с его окружением было, как минимум, рано.

Роль Тимура во всей этой истории оставалась для Артура загадкой. Так, он сомневался в искренности папинова друга еще при первой встрече — когда за несколько месяцев до случившегося тот пригласил сына заснять их очередную встречу.

— Чемпион мира, земляк, — со все повышающимся градусом восхищения в голосе отец представлял Тимура, а потом и вовсе заключил, что отныне он сотрудник адвокатского бюро в должности советника управляющего партнера.

Артур тогда смотрел в дисплей небольшой цифровой камеры, вполуха прислушиваясь к их вялотекущему разговору и удивлялся: зачем папе, имевшему два высших образования, общаться с людьми такого сорта. Одним из его основных упреков было то, что он не окружал себя интеллектуалами, лидерами мнений, а плодил фиктивные структуры и образовывал кружки по интересам, в которые могли войти и отставные спортсмены, и отставные же артисты, утратившие влияние и общественный интерес деятели. Короче говоря, он собирал вокруг себя всякого рода неудачников — людей не сказать, чтобы нуждавшихся, но чаще всего, по их собственному мнению, пострадавших.

После этой встречи, о которой Артуру предстояло написать пресс-релиз для сайта бюро, Тимур вызвался подвезти его до метро.

— Обратил внимание, как тяжело закрываются двери его машины? — тем же вечером спросил Артура отец, после чего сказал: — Это ведь бронированный автомобиль — его брата «завалили» несколько лет где-то в Азии, сам он опасается.

Артур, конечно, внимания не обратил.

— Я сейчас на намаз. Поедешь? — спросил Тимур, когда наш герой уже приоткрыл дверь, как оказалось, бронированной машины, чтобы выйти у метро.

— Да нет, наверное.

— А что? — уточнил он. — Тут недалеко — до одного торгового центра доехать.

Артур, похоже, сморщил лицо настолько артистично, что даже отставной спортсмен смог понять его без лишних слов.

Теперь же, после отъезда отца, он вещал в заметном возбуждении.

— Представляешь, там в Анталию летел наш земляк с местной девчонкой... Ну, на отдых, сам понимаешь. Мы его оттянули в сторону, раскрыли карты, тот пошел навстречу, сняв с рейса свою «кадру».

Тимур и Море расхохотались, а Артур живо представил озабоченное лицо мамы, наверняка шарившей сейчас рукой в бардачке его автомобиля. По пути к этому кафе они без конца переключали радиостанции, гости практически каждой из которой произносили их фамилию.

Сидевший будто на иголках Артур не мог понять, как можно было улыбаться и уж тем более смеяться в голос, когда происходило такое. Он не мог рассказать этим двоим об ужасе, пережитом накануне. Так, к примеру, проснувшись после тревожного сна, он подошел к окну во всю стену — там, внизу, разлегся многополосный проспект — двухъярусные магистрали, ряды многоквартирных домов и пустое, как никогда, небо. Артур никак не мог понять, почему привычная жизнь большинства горожан продолжается, если его мир вдруг разрушился до основания, а на его месте оставались пылающие руины. Это был его детский взгляд: если его нет, то не должно быть и всего, что вокруг.

Были, однако, в сложившейся ситуации пусть и сомнительные, но все же плюсы.

— Здорово ехать в автомобиле и слышать по радио комментарии приятеля, — делалась с ним одна из подруг.

— Ты молодец! Так поддерживать отца в сложной ситуации — дорогого стоит, — утверждала в мигающем на дисплее телефона сообщении другая.

С Тимуром они на время расстались с тем, чтобы глубокой ночью забрать со стоянки папину машину. Ранее, тем же вечером, они с Морем должны были вывезти из отцовского офиса системные блоки компьютеров, запрещенную литературу, другое имущество.

— Как обстановка? — спросил папа позднее, тем же вечером, глядя сквозь солнцезащитные очки из монитора Артура. На голове его была глубоко посаженная темно-зеленая кепка — цвет религии, защитником которой он, скорее поневоле, чем осознанно, он вдруг стал.

— Нормально. Скинул в мусоропровод некоторые книги, вроде бы ничего криминального. Ждем обыска утром.

Артур пытался понять, что бы он сам мог чувствовать там, на папином месте — оказавшись отрезанным от дел и планов, от привычного образа жизни. Что он мог чувствовать после такого эмоционального подъема, вдруг сильно упав на острые рифы ставшей неблагоприятной к нему судьбы?

— Сам как? — уточнил он остро.

— Все нормально, — сдавленным голосом ответил отец. — Телефон я выключил, сим-карту вынул. Немного изменил внешность — никто пока не обращает внимания. А как у вас? Встретился с Тимуром?

— Ты точно ему доверяешь? — вопросом на вопрос ответил Артур и, получив положительный ответ, продолжил: — Завтра мы должны будем забрать твою машину, но он ведет себя очень странно, я бы сказал, подозрительно.

— Тебе, скорее всего, кажется. Ты перестраховываешься, пойми, он просто-напросто тупой спортсмен, — довольно спокойно отреагировал отец. — Скоро приедет ко мне, одно дело провернем, чтобы «вытащить» немного денег на жизнь. Кстати, я там оставлял немного — он передал?

— Да, передал, но пятнадцать тысяч тут же забрал обратно — говорит, что у него свои расходы непредвиденные. Это, если хочешь знать мое мнение, как минимум, не по-товарищески.

— Вот козел! — брякнул в мгновение вспыхнувший отец и, по-видимому вспомнив свое собственное положение, уже менее решительно добавил: — Я с ним вечером поговорю.

Артуру было интересно, понимал ли он масштаб произошедшего или же продолжал безоговорочно верить в свою звезду?! Судя по всему, второе... Черт возьми, его ничем не проймешь.

Жизнь Артура на время превратилась в слипшийся ком из многочисленных действий разной степени бессмысленности: поездок, встреч, разговоров и короткого сна, неизбежно заканчивавшегося в холодном поту. Неужели все это правда?! Неужели это не сон?! Быть такого не может!

Но всякий раз ответами на подобные вопросы оказывались предпринятые накануне действия. Все это было правдой, а вечно пополнявшуюся гору нечистот нужно было кому-то разгрести.

Артур нередко подходил к широкому окну и понимал, что да, жизнь, несмотря на детские фантазии, продолжается. Мужик в окне дома напротив уже начал свои утренние процедуры, крутятся со сковородой и другой утварью у кухонного окна. В тот момент казалось, что в его жизни все устроено идеально, по единственно возможному распорядку.

Тем временем подоспела новость, что переводчик закончил работу над англоязычным текстом дебютной книги Артура и даже успел сдать его в издательство, которое планировало представить ее на международной ярмарке в Нью-Йорке. Впереди Артура ждали сколь бестолковые в финансовом отношении, столь и приободряющие морально выступления на нескольких площадках Большого Яблока.

— Наши планы относительно тебя — в свете случившегося — не изменились, — сказал Артуру представитель организаторов. — Съездишь, отдохнешь заодно.

Кажется, он даже похлопал Артура по плечу, забирая необходимые для поездки документы и откланиваясь. Артур смотрел на пустые в это время года фонтаны на Пушкинской площади и вдыхал холодный воздух. Собственно говоря, он и сам вдруг стал если не центром, то, по крайней мере, частью окружавшей его пустоты. Вокруг было много людей — здесь, зачем-то вспомнил он, прошла часть его юности. Тогда еще работавшие кинотеатры «Пушкинский» и «Kodak киномир» были идеальным местом для первых школьных свиданий, а «McDonald's» отличной возможностью недорого и вкусно утолить голод в том возрасте, когда фигура прощала все.

Между тем он был изгнан отовсюду, где работал и подрабатывал.

— Знаешь, дорогой, — сказал самый откровенный из его работодателей, — твой отец спасся, выехав, но его уже «заказали», а когда не найдут его, угадай, за кого возьмутся?!

— Продолжайте, — ответил Артур, глядя на стучащие по обитому зеленой кожей столу пальцы-сосиски своего тогдашнего руководителя.

— Его убьют, мне сообщили, — сказал он многозначительно и после паузы добавил: — А не найдут его, украдут тебя. А у нас, сам понимаешь... Я не хочу, чтобы это было как-то связано с нашей компанией.

Кашлянув, Артур встал. У добротной деревянной двери кабинета стояли телохранители его теперь уже бывшего босса. Их плечи были закованы в классическое кроя черные костюмы. Артур медленно подошел к ним и, обернувшись к боссу, резко приставил кисть руки к козырьку воображаемой фуражки. Тот молча отхлебнул из чашки в металлическом железнодорожном подстаканнике и безвольно опустил взгляд.

В тот вечер, взяв две банки прохладного пива в соседней палатке, Артур прошелся по странному парку, окружавшему ЦДХ. Не зная, куда идти, он теперь шел на звук: кто-то выступал со сцены. Присев на деревянную лавку в последнем ряду и сделав добрый глоток, он стал наблюдать за пляшущим на сцене полноватым юношей. Он выглядел счастливым, бряцая на электрогитаре, высоко поднимая пухлую ногу и помахивая своей многослойной челкой. Артуру показалось, что он узнал этого артиста — он был сыном того самого предпринимателя, некогда стоявшего за витриной «Петровского пассажа».

Артур быстро пьянел и со скукой оглядывал присутствовавших. Он, в частности, заметил, что несколько девушек, сидевших в двух-трех рядах от него, с интересом оборачивались и тихо шептались о чем-то. Артур вдруг понял, что ему было все равно. «Танцуй, пока молодой, мальчик, — думал он, глядя на парня на сцене. — Когда-нибудь и твоего отца наверняка повяжут — посмотрим, как ты будешь себя вести».

Наш герой безусловно злорадствовал и отмечал это за собой, но вместе с тем не мог не прийти к одной простой мысли. Случись что с отцом этого парня на сцене или с кем-то в его окружении, вряд ли он будет заседать в московских парках, размышляя о том, как бы найти такую работу, где бы его не смогли узнать. Скорее всего, делая очередной глоток, размышлял он, этот парень до конца своих дней ни в чем не будет нуждаться. Более того, в течение пары недель его ждет воссоединение на семейной вилле где-нибудь в Италии или на Лазурном берегу Франции. Все это, естественно, не добавляло в глазах Артура очков его отцу — по сути, бездарно истратившему свои многочисленные возможности.

Допив вторую банку пива и с шумом сжав ее в кулаке, Артур бросил ее в стоявшую подле урну и двинулся прочь из парка. Странная музыка все затихала за его спиной, а потом, совсем растворившись в воздухе, сменилась шумом дорог и металлическим визгом собственных мыслей.

Куда он шел? Он брел в никуда. Брел, от внезапно настигшей его усталости едва переставляя ноги. Брел навстречу своему похищению и убийству своего отца, если верить сказанному.

И все бы ничего, но незадолго до того он пытался устроиться на другую работу, откуда его выдавили через несколько дней за излишнюю, на взгляд молодого редактора, картавость.

— Понимаешь, Артур, — сказал редактор, задумчиво сложив руки перед собой, — некоторых дефекты речи украшают, а некоторым — напротив...

Выждав паузу, чтобы Артур успел осмыслить сказанное, он подытожил, словно опустив остро наточенный гильотинный нож:

— Ты относишься ко второй категории.

Только ком, разросшийся в горле от столь неожиданной аттестации, и вот-вот готовые хлынуть слезы почти детской обиды не позволили Артуру еще больше смешать наплывшие один на другой акульки зубы редактора.

— Ты приходи завтра... Обязательно приходи, — бормотал «зубастик» в спину Артура.

Конечно же, он не пришел на следующий день — все еще движимый по высоким волнам жизни юношеским максимализмом, он моментально возненавидел не только этого человека, но и компанию, в которой тот работал. Артур мечтал о его полном и безоговорочном крахе — разрушении всех основ его жизни.

Едва нахлынувшая ненависть в одну из ночей, последовавших за этим микроконфликтом, трансформировалась в нечто невразумительное: вместо вызова на дуэль Артур зачем-то направил ему письмо, на которое тот, конечно же, не ответил.

Теперь, когда отец покинул страну и вряд ли мог чем-то помочь, Артуру нужно было брать на себя ответственность за их с мамой дальнейшее существование. Пришла пора задвинуть юношеские мечты и устремления в дальний шкаф и взяться за дело. И было абсолютно неважно, что это могло быть за дело — охранник супермаркета или репетитор по чему угодно, — главным критерием выбора его времяпрепровождения становился размер материальной компенсации, до которой раньше ему не было никакого дела.

Это само собой разумелось, а глухое молчание, висевшее между ним и мамой, им и его девушкой Леной, ясно говорили Артуру, чего они от него, как мужчины, ожидали. Сильно затянувшееся в условиях обеспеченности детство закончилось, шмякнув его носом о подлинную реальность. Сейчас надо было лишь съездить в Америку, а там разобраться с происходившими в его жизни переменами.

Говорят, что судьба порой улыбается тем или иным людям — вне зависимости от их жизненных обстоятельств. Казалось, что все происходящее вокруг двигалось по каким-то особенным — никому не подвластным и вряд ли кому понятным — законам.

Именно этим отсутствием логики в происходящем, наверное, и можно объяснить то, что Артура ни с того ни с сего пригласили делать литературную рубрику на одной из радиостанций.

— Ты такой волшебный, — сказала Артуру Оля, ведущая вечернего ток-шоу, в котором он должен был регулярно появляться.

Непродолжительный отъезд в Америку совпал с усилением ее интереса к Артуру, после чего они, само собой, снова встретились. Стрижка каре, грушевидная фигура, большие грустные глаза и улыбка в половину лица. Слушатели ее любили — страницы в социальных сетях были завалены сотнями ежедневно пополняемых дружеских сообщений, а однажды она даже попросила Артура успокоить особо ретивого фаната.

Судя по всему, нормальный мужик, он после вмешательства Артура коротко ответил «понял» и вроде как пропал с ее радаров. Оля с каждым днем смотрела на Артура все более пугающе влюбленно. Казалось, потеряв голову, она была готова положить всю свою жизнь на алтарь вымышленных отношений.

— Я не могу, — бросал он, вырываясь из ее цепких объятий на парковке у радиостанции после очередного эфира, — просто не могу.

Невысокого роста, подвижная, улыбчивая брюнетка, она обиженно и как-то по-детски закусывала нижнюю губу, шкодливо поворачивая голову набок. Артур читал немой вопрос в ее глубоко посаженных карих глазах и, пытаясь справиться с внутренним волнением, в какой-то момент произнес кольнувшую его самого фразу:

— Я не свободен, — имея в виду, естественно, свою затянувшуюся романтическую историю с Леной.

Оля молча покачивала головой, а Артур читал ее мысли: «Ну что же ты так, писатель? Слабоватый сюжетец выходит, прямо скажем. Будь ты настоящим литерато-

ром, занырнул бы в эту историю с головой, мог бы получить бесценный опыт. А так, согласись, ерунда какая-то».

— Я догадывалась, — ответила она, вновь предприняв попытку сжать Артура в объятиях.

В Америке, оказавшись в компании целого десанта российских писателей, он стал случайным свидетелем короткого убийства винным штопором, присоединился к бродячей акции протеста Occupy Wall-Street, где-то выступал и фотографировался.

К нему в Нью-Йорк после долгих уговоров приехала-таки Лена, хотя и старательно избегала посещения литературных мероприятий, в последнее время активно предпочитая им походы в кафе и магазины. Когда Артур привел ее в скромный номер отеля, занимаемый им с коллегой-писателем, она только и смогла произнести:

— Бедные!

И вправду, кровать-полutorка была придвинута к небольшому окну, вид из которого был единственным плюсом гостиницы. Маленький рабочий стол, обложенный чемоданами, и раздвижная дверь в столь же неприметную ванную комнату дополняли картину.

Казалось, что отношения Артура с Леной сами собой истлели под ярким солнцем жизни — слишком долго, слишком медленно, слишком спокойно. Казалось, что всего в этих отношениях было чересчур, притом что вечно чего-то не хватало.

Невысокого роста, с длинными темными волосами, Лена была его первой настоящей любовью, с которой Артур имел неосторожность познакомиться еще на первом курсе университета. Шли годы, а они всё были вместе: ходили в кино, театры и кафе, продолжая при этом жить со своими родителями. Для серьезного, спасительного для отношений шага не было ни повода, ни возможностей, а история про рай в шалаше была не про нее.

При заселении в этот отель Артур тут же направил гневное сообщение представителю организаторов, но, не удовлетворив свой пыл, решил еще и позвонить.

— Так, тут жить невозможно, прошу подобрать другой номер, — начал он с места в карьер.

Спокойный, убаюкивающий тон на другом конце провода поначалу показался возмутительным, но озвученные аргументы возымели свое действие.

— Послушай, Артур, это, конечно, неправильно вышло, но отнесись к этому проще — как к приключению.

— Как к приключению? — отвечал Артур вопросом на вопрос. — Как мы — два взрослых мужика — будем спать на полutorке?

— Да-да, как к приключению, причем с вытекающими из него положительными моментами. Расскажу тебе одну историю: как-то давным-давно я оказался в аналогичной ситуации — нас с главным редактором одного «толстого» литературного журнала разместили в похожем номере, и ничего — в том же году в журнале вышла подборка моих рассказов.

Коротко хихикнув, он продолжил:

— Вот и вы потом друг другу поможете. Короче говоря, я дам каждому из вас по двести баксов, погуляете лучше, чем возиться с переездом. Как тебе идея?

Черт возьми, представитель организаторов был отличным переговорщиком, к которому, знай он хотя бы пару иностранных языков, наверняка бы пригляделось Министерство иностранных дел.

Артуру попался спокойный сосед, который либо, как и он, отсутствовал в номере, либо, лежа на кровати, в очередной раз вычитывал текст своего дебютного романа, который должен был быть опубликован в одном из журналов. Тема двухсот дол-

ларов ему также приглянулась, и он, как и Артур, теперь находил в их совместном проживании одни плюсы.

Пьяные, они как-то брели через ночной Центральный парк (его сосед по номеру, ответственный отец семейства, старался держаться поближе к свету уличных фонарей), и Артур рассказывал ему о гражданской войне, которую собирался развязать в своем расшатанном сознании.

— Так ты будешь за нас или запишешься в контрреволюционеры?

— Я не хочу проливать кровь, я всего лишь писатель, — бормотал тот в ответ и наверняка поправил бы на носу очки, если бы их носил.

— Всего лишь писатель! — передразнил Артур. — Ты в первую очередь мужчина, помни это — хищник, который крушит противников! Решено — вот приедешь к себе в провинцию, сразу откроешь и возглавишь отделение нашего революционного кружка!

Бросив взгляд на его доброе, расплывшееся в улыбке лицо, Артур решил на всякий случай пригрозить:

— А нет, так мы тебя расстреляем по законам военного времени! Представляешь, как зазвучат твои тексты после такого?

Вспомнив о его семье, Артур похлопал товарища по плечу и решил добавить:

— Не беспокойся, о супруге твоей мы позаботимся, лично выпишу ей повышенную пенсию, — и подумав немного: — Помни, что еще не поздно все изменить и вписать свое имя в скрижали истории!

Скорее всего, Артур был невыносим, но людям творческим нравилась его непредсказуемая «придурь», а немногочисленные читатели, приходившие на встречи, считали ее нормой жизни всякого пишущего человека.

Гуляя по Нью-Йорку, Артур все вспоминал свой первый приезд в город — перелет за океан и ощущение полной потерянности, подавленности, одиночества, которое, пожалуй, в полной мере можно ощутить только в мегаполисах.

Вообще, когда он оказывался в новом месте, к нему всегда приходила до банальности простая мысль, стабильно нарушающая внутреннее равновесие: ведь где-то там, за тысячи-десятки тысяч километров, идет привычная жизнь в привычной реальности. Вот твой дом, облизанный лучами закатного московского солнца, широкий проспект, глядя на который ты провел не один пустой вечер. А потом приходит и мысль-перевертыш: когда ты был там, этот новый, чудный мир тоже существовал и жил своей жизнью — люди ходили по улицам, в окнах небоскребов включался и выключался свет, пожарные машины с оглушающим ревом проносились по бесчисленным стритам и авеню.

И вновь мысль о никчемности человеческой жизни начинала путешествие по его организму, больно расковыривая не успевающие затянуться болячки. Стать всем для всего человечества, заместив собой не только настоящее, но и прошлое с будущим, стать экспертом во всех отраслях, лучшим из лучших во всем, да так, чтобы аплодировали стоя. Но достичь этого, похоже, невозможно — становясь экспертом в одной области, ты упускаешь из виду тысячу других, и даже лучший пианист не сможет удержать первенства в игре, скажем, на барабанах, что говорить о более далеких навыках и умениях.

Автобус, впервые доставивший Артура из аэропорта JFK в центр города, стал выплевывать пассажиров.

Артур брел с сумкой-тележкой по центру Нью-Йорка, стараясь отыскать арт-отель, номер в котором забронировал, и воображал себя пришельцем, сброшенным с парашютом с другой, просто другой планеты.

Если нельзя быть лучшим сразу во всем, то какой смысл углубляться во что-то частное — это же натуральная глупость и бессмыслица.

— Твой блин выходит большим, но очень тонким, — сказала прямая, как топор, знакомая, имевшая неосторожность спросить его, что почитать, — все это на первый взгляд звучит убедительно, но ткнешь поглубже, и ты наверняка поплывешь.

— Надеюсь, что этот разросшийся блин постепенно начнет уплотняться, — скорее успокаивал он сам себя, чем отвечал на обидный тезис, — и годам к тридцати пяти-сорока окружающие смогут назвать меня энциклопедистом или, кто знает, даже интеллектуалом. Разве это плохо?

— Тебе лучше знать, но до тридцати пяти-сорока тебе и твоим близким тоже есть-пить надо — научись зарабатывать деньги — это главное, — парировала его собеседница, на что Артуру нечего было возразить.

Артур ненавидел эти разговоры. Какие деньги? А главное — зачем?

И если на этот раз его девушка Лена приехала в Большое Яблоко вслед за ним, то тогда, в первый раз, он присоединился к ней.

Лена, отправившаяся в путешествие со старшей сестрой, ожидала его в двухкомнатной квартире, снятой на несколько суток.

Все хорошее рано или поздно заканчивается, и по возвращении в Москву он вновь погрузился в нескончаемый ад папиного уголовного дела. Министерство юстиции страны вынесло постановление о лишении его адвокатского статуса, следствие продолжало собирать материалы, допрашивать свидетелей злосчастного интервью, людей, с ним общавшихся.

В рамках расследования в орбиту внимания следственных органов попали и члены семьи предполагаемого преступника. В кабинете сотрудника Следственного комитета, украшенного, к удивлению Артура, фотографиями Че Гевары и Тупака Шакура, их с мамой стали опрашивать, каким человеком на самом деле был отец.

Следователь, по-видимому проникшись симпатией к собеседникам, указала на внушительную стопку документов на столе:

— Видите? — вопрошала она, глядя над очками, словно учительница младших классов. — Это все обращения по вашему делу, поступившие через Интернет. И каждое из них нужно обработать и дать ответ по существу.

Артур оглядел плотную стопку бумаг и искренне посочувствовал следователю. Казалось, что кто-то из его родственников увел отару овец у соседей и теперь несчастный участковый вынужден, тратя силы, формировать дело, понимая, что оно ни к чему по большому счету не приведет.

Отец Артура, доступный по Интернету, все так же в солнцезащитных очках и нагнутой на брови кепи, был, насколько возможно, далек от происходящего. Ему, к огорчению Артура, казалось, что все это если не случайность, то обычная глупость, которая не сегодня, так завтра должна закончиться. В общем, он явно не понимал масштабов происходящего и грезил будущими победами.

Артур же мысленно возвращался к своим одиноким прогулкам по Центральному парку Нью-Йорка. Он чувствовал, что, если весь мир был бы против него, он бы по-своему победил. Какой бы была эта победа?! Ответ был комфортен для Артура, ведь в современных условиях трудно продемонстрировать конкретное достижение, а еще сложнее — ожидать его всеобщего признания. Мировая революция, переворот, участником которого он некогда видел себя, теперь отдалились безвозвратно. Артуру, стыдно признаться, все чаще хотелось лишь спокойствия наедине со стаканом, который он все чаще держал в руке.

* * *

Я продолжал исследовать архивы Артура даже после того, как это потеряло всякий смысл. Какую это могло играть роль, тем более в ситуации, когда Артура не стало. Я, словно заведенный, работал над его черновиками, периодически отделяясь от них — то уходя в форменный запой, то прогуливаясь по улицам очередного незнакомого города.

Мы с Артуром превращались в нечто единое — трудно отделимое друг от друга. Так, я по-настоящему проникся его заботами, пусть не высказанными с полной откровенностью; они казались мне, как минимум, небезынтересными. Кроме записок Артура, я словно разговаривал с ним самим, но и тогда наше общение постепенно сводилось к минимуму. Причиной стало то, что Артуру казалось, будто я стал подлинным приспособленцем, каких вокруг было и без того немало.

— Ты превращаешься в жалкое подобие самого себя, — как-то бросил он довольно жестоко.

Я утерся, но запомнил его пассаж, позднее поинтересовавшись, в чем же был его собственный подвиг, его собственная революция.

— Я живу только здесь и сейчас! — кричал он внутри меня, едва не брызгая слюной. — Я не приспосабливаюсь к окружающей действительности и рано или поздно изменю ее на собственный лад.

Я стал восстанавливаться в аспирантуре и все реже обращался к Артуру. По моим наблюдениям, и он утонул в повседневной суете, едва ли не заплыв жиром, который ранее так ненавидел.

Работая с черновиками Артура, на которые я возлагал такие надежды, я постепенно понял, что имею дело не с текстами, способными изменить жизнь и общество, а с ординарными человеческими документами, по-своему любопытными, но ни на что по большому счету не влиявшими и мало кого по-настоящему интересовавшими. Все его фантазии были слишком локальными, идеи простыми. Сам он был мало похож на человека, способного к тому, чтобы возглавить серьезные преобразования.

Так что же это было? Элементарная человеческая лень заняться чем-то по-настоящему ответственным или нечто большее, чем обывательское ничто?!

Чем глубже я проникал в историю Артура, тем чаще мне казалось, что второе. Я по-своему не желал верить в это, ведь из-за него я потерял столь драгоценное время, и потому всякий раз давал ему новые шансы.

В то же время то, что некогда привело меня к Артуру, так и не давало мне покоя. Бессмысленность происходившего вокруг, невозможность изменения хода вещей, собственная слабость и некое охватившее едва ли не всех вокруг безволие внушали ощущение абсолютной беспомощности.

Немногие оставшиеся записки Артура вряд ли могли изменить дело. И тем не менее, поглаживая коробочку в своем кармане, я продолжил работать с его материалами.

Чем дальше, тем более оборванными и разрозненными они мне представлялись. И тем не менее нечто мистическое заставляло меня продолжать разгребать эти записки — написанные от руки или отпечатанные на черно-белом, с потеками краски, принтере.

Вернувшись в город после того, как страсти по нападению на Артура улеглись, я гулял по центру столицы — там, где мы с ним когда-то бродили. В Гнездиковском переулке, где располагалась гимназия, которую он окончил, на Пушкинской площади, с которой, как и у всякого другого москвича, у него были связаны десятки историй, на Триумфальной, где его неоднократно задерживали сотрудни-

ки полиции за участие в несанкционированных митингах. Я, словно потерянный, бродил по улочкам и всюду видел тень Артура. Казалось, вот сейчас он выглянет из-за колоннады Концертного зала Чайковского или улыбнется мне из-за широкой витрины одного из кафе. Я искал его всюду, не мечтая встретить. Казалось, с потерей Артура я безвозвратно потерял и часть себя. И пусть при трезвом анализе выяснялось, что это была не самая лучшая моя половина, но, возможно, она и была стержневой, на которую затем нанизывались другие слои.

Я с досадой осознавал, что, стараясь превратиться в лучшую версию себя, потерял индивидуальность и гнулся при каждом порыве ветра. Отныне мне все было безразлично: выступать ли за правых или за левых, биться за один оттенок добра или за другой, работать ли или окончательно бросить свои окололитературные потуги. Я с ужасом осознавал, что дошел до того, что мне было все равно, что обо мне подумают окружающие. Декан филфака — с рыжей щеткой усов — отныне мог смело вытереть о меня ноги, не получив намека на отпор. Постепенно я становился обычным жителем мегаполиса — задумчивым, строящим вялые планы на будущее, согласным со всем вокруг, точнее, не ожидающим ничего другого. Вместе с потерей Артура во мне исчезло второе «я» — удерживавшее в своей, пусть несовершенной конструкции разрозненные части пазла личности. Теперь, развалившаяся, словно средневековая крепость, она казалась жалкой. И как древние умудрялись удерживать оборону, находясь в таких хилых строениях?!

Проходя сквозь людей, толпившихся в вечерний час на тротуарах, я думал, что же мне делать дальше. Мечты о революционных преобразованиях, описанные Артуром в его первой книге и совсем коротко упомянутые в последующих, никогда не будут претворены в жизнь, ведь сам он перестал существовать, а вокруг меня — и слава богу, что я это понимал — была пустота безвременья, предсказуемая и безынтересная. Артур, и это было его главным достижением, умел создать видимость чего-то важного, рядом с ним казалось, что именно здесь и сейчас вершится история. Ему словно бы без особых усилий удавалось заряжать окружающую действительность особыми токами. Что это было — юношеский ли задор или осознанный выбор взрослого человека — теперь было не разобрать.

«Дорогой, как же хорошо, что ты пришел», — звучало его болезненно-слабое в голове.

Одновременно хотелось пить и вытошнить все, что было съедено и выпито ранее — буквально за все годы жизни. Я вдруг ярко представил себе фонтан, настоящий поток, заливающий центральные улицы города. И всех этих людей — таких же глупых, как и я, таких же пустых, как и я, таких же бездарных и бессмысленных, как и я.

Я хотел утопить в помоях весь мир, который, кажется, окончательно устаканился в своей самодовольной стабильности. Теперь, после знакомства с Артуром и, главное, после его потери, я не мог больше жить в прежних границах.

Мне хотелось одновременно вновь найти себя и крушить все вокруг. Я шел к «Белорусской», не зная зачем, чтобы хоть куда-нибудь идти, когда вдруг зазвонил мой телефон.

— Артур? — услышал я женский голос на том конце провода.

— Нет. Кто это? — уточнил я.

— Артурчик, зачем ты со мной так? — кажется, искренне расстроилась собеседница.

— Это не Артур, это его друг... — выдал я нехотя, заинтересовавшись. — Ты представишься?

— Артур, очнись, это Лена! Неужели ты всерьез думаешь, что я могу тебя не узнать?

Хотя Артур периодически и упоминал о ней, я понятия не имел, что ей ответить. Между тем я приближался к «Белорусской». Новые билдинги офисных центров высились по правую сторону, слева, будто в небольшой ямке, расположилось опрятное здание вокзала.

— Ну... — беспомощно протянул я в трубку.

— Когда мы наконец встретимся?! Куда ты пропал? — продолжала она сыпать вопросами.

Артур зачем-то тянул эти тяготившие его отношения много лет, значит, она что-то для него значила?! Как теперь я должен вести себя с ней, когда его не стало?!

— Лена... — мрачно произнес я, не зная, что ответить. — Давай встретимся... Завтра.

— Конечно, давай, милый! Я так соскучилась! — вдруг осветившийся каким-то внутренним светом голос заверещал, словно трель соловья.

Я понимал, что обманываю ее, но не смог сказать ничего, кроме: «Давай».

Она виртуально поцеловала меня и, объявив место встречи — свою квартиру (мама должна была быть в гостях), бросила трубку.

Заходящее солнце окрашивало окружающее в особенный цвет, придавая всему одновременно возвышенный и печальный тон. Алые лучи отражались в металлическом стекле бизнес-центров. Нехотя опускавшийся на город вечер вяло отвоевывал свои позиции, превращая все вокруг в неоновый красный. Эта неуместная карнавальность на фоне общей разрухи — скорее внутреннего, чем внешнего надлома — еще больше меня разозлила.

«Что делать? Как быть? К чему все это?!» — самые мягкие вопросы, которые я задавал себе, пока ехал к дому.

Там должна была быть мама, которая наверняка, сама того не понимая, успокоила бы меня.

Еще пара оставшихся черновиков Артура. Они пусть не приносили хоть какого-то облегчения, тем не менее придавали всему вокруг какое-то новое значение. Нужно было довести начатое до конца, хотя бы по чуть-чуть редактируя эти тексты.

* * *

Василина появилась в его жизни, когда Артур уже перестал ждать чего-то хорошего. Он просто бросил ждать, научившись жить здесь и сейчас — до тоскливости просто. По-обывательски тошнотворно.

Он помнил, что быстро собрался на первую встречу — они договорились увидеться у памятника Пушкину, и там его, как бы банально это ни прозвучало, словно бы пронзила молния. Странно, но в самый что ни на есть солнечный день стоило им пожать руки, вдруг пошел дождь, да такой мощный, что им пришлось бежать до одной из кофеен.

Там Артур заказал какао, она кофе — и они наконец приступили к тому, ради чего встретились — к интервью. Артур старался произвести впечатление: был многословен и резок в суждениях, много шутил. Когда они прощались у одного из переходов станции метро «Пушкинская», Артур понял, что пропал.

Но где был он и где она? Русская американка, движущаяся по жизни на мощнейшем таланте и выработанной за годы студенчества в западных вузах силе воли, и он. Они проживали разные жизни. Артуру, несмотря на яркую самопрезентацию, все чаще просто-напросто не хотелось вставать с постели.

В те времена он, кажется, забыл о буйном духе, некогда его населявшем, — отвернулся от него, будто его и не было никогда, растворился в толпе. Казалось, он

хотел стать максимально незаметным, и если вдруг замечал где-то одного из многочисленных знакомых, лишь отводил взгляд и убыстрял шаг.

Лишь изредка люди, читавшие его ранние тексты, находили его и сколько было сил поддерживали в нем пламя. Но каждого из них, занятого событиями реальной жизни, не хватало надолго — они отпадали один за другим, всякий раз оставляя Артура наедине с самим собой.

А тут она. Странно, но если бы до встречи с ней Артура попросили рассказать об идеальной женской внешности, получилась бы — о, это редкое имя! — Василина. Открытая улыбка, чуть вздернутый носик, темные волосы, белая полупрозрачная кожа и идеальная же точеная фигура. Разве он мог заинтересовать ее как мужчину?! Он бы никогда ни за что в это не поверил.

Проводив ее до метро, он вновь пожал ей руку. Они договорились встретиться вновь до ее отъезда, и она побежала прочь. Артур смотрел ей вслед, ожидая, как в известной песне, не обернется ли она, но она не обернулась. И вот он остался один — стоять среди спешащих по делам людей, не понимая, что же делать дальше.

В тот вечер он еще долго не мог найти дорогу к дому. То и дело порывался написать ей, но что бы он сказал?! Все, что ни приходило в голову, казалось сущей глупостью, недостойной ее внимания.

Да еще и Лена...

Что же это было, если не любовь с первого взгляда?

И завертелось. Он стал осторожно писать. Василина, из вежливости или взаимной симпатии, отвечала. В какой-то момент она даже предложила встретиться.

«Я бы хотела отблагодарить тебя за то, что согласился на интервью, — написала она. — Давай выпьем вина».

Нет, это Артур был ей благодарен — за то, что она, аспирантка Массачусетского технологического, не просто умница, но и красавица, отыскала его, залегшего на глубокое дно и начавшего покрываться мхом, чтобы расспросить о том, что когда-то было смыслом его жизни. Что оказалась внимательным, искренне заинтересованным слушателем.

Каждый ее вопрос, каждая реакция, отражавшаяся на ее миловидном лице, пробуждали в нем что-то новое, вернее, не пробуждали даже, а напоминали о том, каким он был когда-то, ради чего некогда жил. И каким он должен был стать снова — чтобы, если вдруг решится на эту дерзость, быть с ней.

* * *

Та неделя в Бостоне, в кампусе ее университета, была одной из самых счастливых в жизни Артура. И не потому, что именно там развивалось действие одного из его любимых романов — «Прощай, Коламбус!», а потому, что там расцвел его собственный роман.

Василина встретила его в аэропорту в футболке с надписью на спине: «Team Arthur», как если бы он был всемирно известным боксером, выходящим на ринг в борьбе за очередной титул. Вернее, он уже обладал им и должен был всего лишь отстоять в схватке с обыденностью и своим сложным характером.

В те бостонские деньки они, без преувеличения, были самыми счастливыми людьми на земле. Оторванные от общей прародины, вообще от каких бы то ни было границ, пространств и времени, наполненные любовью друг к другу. Артур нередко пересматривал фотографии тех дней и всякий раз наполнялся особенной нежностью.

Жаль, что, как и многие, они не смогли удержать то, что родилось и расцвело между ними. Цветущий сад постепенно превратился в мрачный лес. Извилистые

тропки отношений всякий раз заводили в колючий кустарник, где клацали зубами дикие звери. Порой им удавалось оттяпать и утащить в лес часть того, что было между ними. Вечная любовь, как нередко случается, сама собой превратилась в незначительную историю.

Воистину «Прощай, Коламбус!», хотя в тот момент мысль о расставании была немыслима. Артур был счастлив тем чувством, которое перечеркивало весь предыдущий жизненный опыт, стирало начисто все, что было за плечами.

* * *

Ну что ж, заметки Артура закончились, я кое-как подредактировал их, что-то сократил, что-то, совсем немного, прибавил. Артур слишком торопился жить, искренне любил ее и, наверное, поэтому никогда не работал со своими текстами всерьез. Очевидный талант писательства его тяготил, а сам он не находил ни времени, ни особой нужды в том, чтобы предаваться этому занятию хоть сколько-нибудь продолжительное время...

Я взгляделся в госдумовском туалете в свое отражение в зеркале. Овал лица, некогда скуластый и острый, быстро оплыл в лоснящемся самодовольстве. Я вдруг отметил, что и кожа потемнела — возможно я подцепил в коридорах власти не сходящий средиземноморский загар. В эти коридоры я, после производственной практики здесь, стал регулярно захаживать.

Мне предстояло провести круглый стол, провести его по возможности ярко и запоминающееся. Особенностью стоявшей передо мной задачи было то, что я не верил в реализацию ни одной идеи, приведенной не только в повестке дня, но и в подготовленном мною же проекте резолюции, которую мы, с молчаливого согласия присутствовавших, должны были принять.

Александр Степанович, олицетворявший собой образ настоящего русского мужика, высокого, долговязого блондина, остроумного, самовлюбленного и вместе с тем исполнительного, подбадривал нас, молодых партийных деятелей, с головой окунувшихся в системную политику.

— Давайте, ребятки, надо поднажать — сейчас вы громко заявите о себе. А дальше дело техники.

И мимоходом подмигнув одним глазом, откатывался на офисном кресле к служебному компьютеру, чтобы проверить, не вышла ли очередная серия популярного западного сериала.

Странно было наблюдать за ним, сидящим в кабинете с большим окном в самом центре Москвы и вроде как уполномоченным решать важные вопросы, но так, черт возьми, выглядели едва ли не все чиновники, оставшиеся вне фокуса внимания средств массовой информации. Ироничные, циничные и все еще казавшиеся человечными. Возможно, карабканье вверх, поближе к вершине власти, постепенно вымывало все это — к таким высотам я еще не был допущен.

Я занял свое место по правую — о, особая честь! — руку от Александра Степановича — во главе стола, за которым уже сидели известные общественные и религиозные деятели, депутаты и журналисты. На многочисленных плазменных панелях, развешанных вдоль зала, мелькали логотипы парламентских партий, члены которых присутствовали на заседании.

Я бросил взгляд на окна в полстены. На стульях для гостей разместились коллеги и друзья пришедших, а также зеваки, не поленившиеся прийти на, как им показалось, небезынтересное мероприятие. За столом разместились большая часть приглашенных спикеров.

Я налил в высокий стакан знакомый с детства лимонад «Буратино», который почему-то пользовался популярностью в казенных кабинетах парламента. Просматривая материалы предстоявшего круглого стола, выпил и подлил еще.

И хотя я притупил в себе чувство брезгливости к самому себе в новой роли и к декорациям, и к коллегам по спектаклю, которые меня окружали, какие-то отголоски все-таки проникали в сознание.

Как бы Артур взглянул на все это? А не все ли, черт возьми, равно?!

Александр Степанович объявил круглый стол открытым и передал мне бразды модератора, я, в свою очередь произнес краткое вступительное слово, передал микрофон первому спикеру. И завертелось. Каждый высказывал свое особое, никому не интересное и ничего не значащее мнение, с разной степенью живости реагировал на вопросы и комментарии, что-то записывал в блокнот. Лживые, никому не нужные слова над столом разлетались непрерывной пулеметной очередью. Кто-то нет-нет и отстреливался из кустов.

Мне хотелось достать револьвер и, запрыгнув на стол, выстрелить в потолок — так, чтобы штукатурка осыпалась на холеные головы собравшихся, а чувство собственной значимости в глазах сменилось животным паническим страхом.

Что бы я заявил? Да черт его знает, так далеко в своих фантазиях я не заходил. Ну и потом, если я в какой-то претензии к ним, то что я сам делал в их кругу?!

Я представлял, что через пару часов вернусь домой, где меня будет ждать мама. Позднее, вечером, наверняка понуро придет и более или менее оклемавшийся от известной истории отец, Лена будет ждать меня с ужином. Я войду в свою комнату с подростковой кроватью и стопками книг, сложенными в новом порядке, и стану переодеваться к ужину.

— Ну как дела на работе? — спросит меня Лена довольно дружелюбно.

Я приобниму ее и расскажу, как прошел мой день. За ужином мы будем говорить обо всем на свете, как это делают в обычных семьях. Возможно, я даже буду чувствовать себя счастливым. И в тот момент будет казаться, что все это может продлиться целую вечность.

Но все это случится позже, когда наш круглый стол завершит свою работу. Мое внимание к деталям неизбежно ослабевает. Я подливаю себе лимонад и, выпив его едва ли не залпом, прислушиваюсь к звону в голове. Возможно, это никакой не звон, а голос Артура, который пытается говорить со мной.

Я закрываю глаза и слегка откидываюсь в высоком кожаном кресле — голос его становится все тише, пока не исчезает вовсе...

ДОМ УШЕЛ

Дом,
с таким трудом
купленный на последнее,
исчез.
Соседнее
здание как ни в чем не бывало
стояло,
окошки сжав.
Замглав
администрации усердно ботинком тюкал
в трубу:
— Никак не пойму,
куда оно испарилось?
Испугалось? Влюбилось?
— К лешему ваши шуточки! —
прямо ему
в лицо выдаю с угрозой.
— Дом, отыщите дом!
Я говорю с трудом
от этой метаморфозы!
А он, извиняясь будто:
— Ладно, придет под утро.

ГОРИТ

И дальний лес, и берег, и река,
и сосны леса, и трава, и ели,
и птицы, что летят издалека,
и птицы, что недавно прилетели.

И первый дом, и третий, и седьмой,
и все дома, подъезды и квартиры,
и дворник, что не дружит с головой,
и муж сбежавшей к дворнику Глафиры.

Антон Николаевич Нечаев — поэт, писатель. Учился в Литературном институте имени Горького (семинар Евгения Рейна). Публикации в журналах «Воздух», «Вестник Европы», «Дети Ра», «Зеркало», «Номо legens», «Квадрига Аполлона», «Ликбез», «Литература», «Топос», «Нева», «Стороны света», «Плавучий мост» и др. Член Русского ПЕН-центра (2004–2016). С 2016 года живет в Израиле, в Наарии.

И магазин, и очередь, и квас,
и гаражи, и лавки, и стоянка,
и дети с первый по десятый класс,
и модный банк, и служащие банка.

И ящериц веселый хоровод
вокруг пенька (в какой-то детской песне),
воздушный шар, знакомый поворот
до города, а дальше интересней:

многоэтажек хмурые столбы,
заборы и реклама на заборах,
закусочных щербатые столы
и папки на столах переговоров.

Трамваи и автобусы, ларьки,
чиновники, спортсмены, онанисты,
военные, врачи, боевики,
учителя, шпионы, террористы.

И выстрелы на стрельбище, и бег
по кольцевой на время, и пространство,
заполненное внешней пустотой,
и постоянство, и непостоянство.

И в сумерках усталый Парацельс,
и ученик, и пепельная роза,
и Кант, и дервиш, и святая цель,
и в безымянном колкая заноза.

И изморось, и Ладога, и снег,
и пелена веками не спадает,
и под дождем бредущий человек,
и как идет, и как он пропадает.

К КОНЦУ АПРЕЛЯ

К концу апреля надоел апрель,
и хочется запрягаться куда-то,
где не достанут, и твердить: спокойно!
Уже октябрь, уже июнь, январь.

Придет октябрь и тоже надоест,
январь придавит оловом лиловым,
июль-июнь как мутный палимпсест,
и вот уж об апреле — добрым словом.

МЫ СМОТРИМ НА ВОДУ

Мы смотрим на воду и видим в воде людей.
Они, развлекаясь, гуляют среди стекол, песка, камней.
Зонтики раскрывают, пугают непуганых рыб,
могилы копают, возводят жилища из глыб.
Такси вызывают: пожалуйста, в аэропорт!
Монет не хватает, а тут еще грипп и аборт!
Сиротки канючат на сотовый телефон,
и я не в тебя, а в твою коммуналку влюблен.

Мы смотрим на воду, но тут подошел теплоход.
Компанией шумной на нем отдыхает народ,
шампанское бьется, и девки от счастья визжат,
и хамски из рубки помощника выставлен зад;
флажок помертвелый над палубой сохнет — истлел,
а берег пустынен. Уж тысячу лет опустел.

СОННАЯ ВОДА

Вода на листьях. Выпить и уснуть.
И даже при дожде не просыпаться.
И лишь к зиме очнуться как-нибудь
и в одури по городу слоняться.

Дома не те, дворы не те, столбы
в бетонные колечки закрутились,
и в парках перевернуты стволы:
листва в земле, а корни отвалились.

И как я пил из листьев сих, и спал
на сей траве, и временем питался
корявым этим, и чего я ждал?
И для кого бесславно просыпался?

Понурый день, как дряхлый старикан,
снежок с волос гребенкою срывает,
и город соблазнительный стакан
еще живым прохожим предлагает.

К МОРЮ

Коля и Толя — сибирские пацаны,
обычные, в общем, неплохие ребята.
Хотели увидеть море, бескрайнюю ширь волны
в память вогнать свою и Толиного фотоаппарата.

Вещички собрали, сказали — идут в поход
(а класс в это время и вправду собрался в лагерь).
Откуда поехать? Рванули на речку, в порт,
а там теплоход «Дудинка», поддатый дядя,
на трапе шатаясь, плюет табаком в волну,
спасательный круг, железно надежный леер...
Дядька кивает зазевавшемуся пацану:
— Давай, малец, на палубу лезь скорее!
И Толька полез, и Колька следом за ним,
а дядька, как сказочный, невесть куда испарился...
Наверное, море большое пришло за ним,
только окурок еще в глубине дымился.
И тронулось судно, как старый матрос кряхтя,
минуя буйки, степенно вошло в фарватер.
— Дома, наверное, уже ищут тебя.
— И тебя. — Но всех нас спасет экватор,
укроет в себе жемчужная синь морей,
где нас не найдут родители и учитель,
там кит под водой живет голубых кровей,
а рыба летит по небу, как истребитель.
Там ночью бездонной уходит на лов рыбак,
звездную сыпь включая, как навигатор...
Город терялся в дымке, словно в снегу пятак.
К ним приближался север, как аллигатор.

ГЕЛЕНДЖИКСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Мальчики фотографируют своих девочек
на белой набережной курортного города,
дальний маяк как заколка
со вспыхивающим электрическим камнем.

Ты выйдешь в ослепительное море,
кораблик крохотный, на берегу
оставив женщину, ребенка и кота
домашнего — таких огромных.

Под навесом невидимых звезд
воздух — третий не лишний — целует целующихся.

Чешуя рыбы, клюв чайки —
нерасторжимый, смертельный брак.

Дым сигареты — прощание несуществующего парохода.
Прогулочный картонный фрегат
намокает в глубине неба,
удаляясь под хохот современной развлекательной музыки.

Солнце, острыми лучами
осторожно ступая по пляжу,
собирает гербарий —
накальвает подсушенные тела.

Солнце, поджаривая нас,
как раскисшие пельмени, —
нас отрицает.

Подплыви, пожалуйста, к берегу,
задумчивая медуза,
повиси в отражении
номеров санатория —
морским одуванчиком
в темной соленой вазе.

К радости моих глаз,
море вернулось.
Оно оставляло меня на семнадцать лет,
и хотя оно не важнее теперь
родины, жены и ребенка,
с родиной женой и ребенком
меня познакомило море.

Вместо хлеба ем грязь уличного Краснодара,
пью молоко добродушных соседей,
везущих в Иркутск корову,
прилепляю к стеклу
мокрый нос одиночества.

Под Уфой взрывают какие-то склады,
и состав разворачивают обратно.
Русское сартровское «приключение».

* * *

Период легкомыслия. Почти что пушкинской жизни.
Где слово легче шлепка дружеского по ладошке.
Где дождевые капли и сосновые шишки
не падают, но слетают, и плавно встают на ножки,
и носятся, словно дети, играя, прячутся за стволами;
а тучи как мамочки со свежими животами.

ТЕОДИЦЕЯ*

Роман

1. Колл-центр

«Вас приветствует единый Колл-центр Церкви религиозного сознания. Звонок бесплатный. Если вы уже являетесь членом ЦРС, наберите в тональном режиме цифру 1. Если вы хотели бы присоединиться к ЦРС — цифру 2. Если вы хотите получить консультацию по вопросам религиозно-философских доктрин, богослужебной литературы, других деноминаций — цифру 3. Ваш звонок очень важен для нас».

Нажавшие «3» несколько секунд слушали отрывок какого-то электронного хора, затем женский голос на полтона ниже, доверительней, чем у сирены, звавшей выбрать одно из трех, приглашал продолжить путь по религиозному лабиринту.

«Если у вас возникли вопросы по действующим канонам, обрядам, сакральной или богослужебной литературе одного из следующих культов, наберите цифры: христианство — 01, ислам — 02, иудаизм — 03, буддизм — 04, тенгрианство — 05, зороастризм — 06, индуизм — 07, шаманизм — 08, конфуцианство — 09, анимизм и язычество — 10, или дождитесь ответа оператора. Вам обязательно ответят».

Культы ветвились на конфессии. Христиане: православные, католики, монофизиты, несториане, протестанты. Далее. Протестанты: баптисты, кальвинисты, методисты, менониты... Вторые производные от протестантов: свидетели Иеговы, адвентисты Седьмого дня, квакеры.

В религиозном лабиринте Колл-центра сидели консультанты по всем церквям, сектам, исповеданиям, зарегистрированным на 16 сентября 2021 года.

Зейдиты, друзья, езиды, алавиты, исмаилиты, мормоны, сикхи, джайнисты, синтоисты...

В перечислении наборы религиозных опций кажутся громоздкими, но... Среднее время обработки запроса, соединения со специалистом: *менее 50 секунд!* Раньше, до того, как Колл-центр вместе с телефонными номерами 8-800-xxx-xx-xx был выкуплен Церковью религиозного сознания, клиентов с порога, без конфессиональных развилочек, засыпали вопросами: *У вас проблемы с уточнением понятия Благодать?.. Троица? Нажмите... Вы испытываете трудности при исповеди, причащении? Других таинствах? — Нажмите... Желаете уточнить определение греха?..*

А как подметил супервайзер Колл-центра Лев Фомич Веденский: «Толковать свидетелю Иеговы о Троице все равно что саентологу — о Таинствах!» Бесплезно то есть.

Классификация — общепольный, технологичный прием, хотя некоторые номинации, из молодых-азартных, грозили начать новый век религиозных войн, прямо как во времена Лютера: только чтоб не считаться ответвлением *тех, погрязших*

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Автор двенадцати книг, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

* Журнальный вариант.

во грехе, не соседствовать с *этими самозванцами...* или *теми исчадиями ада...* Эдакая «детская болезнь левизны» в клерикализме. Заинтересованные люди в правительствах делали вид, что принимали эти угрозы всерьез. Оставляя их подростковую запальчивость за рамками работы, Колл-центр ссылался на доклад Комиссии Свенсона—Гелашвили—Цветанова, Резолюцию ООН от 2 октября 2021 года, в приложении к которой все конфессиональные юниты не только перечислены до последней секты, зарегистрированной на 16 сентября 2021 года, но и разложены на манер Карла Линнея по классам и семействам. Выражаясь подобающе, библейски: *по роду и подобию их*.

Не обошлось без прикладной мудрости 1990-х годов: Политкорректности. Помимо генеалогического древа, официальное хождение имел Регистр деноминаций: все организации, структуры, претендующие на религиозное происхождение, переписаны в порядке английского алфавита. Одни хитрюги успели за три дня до Всемирной Переписи зарегистрироваться, попав на первую строчку: *Аадианьтики*. И деланно возмущались обвинениями, что затеяли это ради перепродажи бренда и домена *aadianytick.com* какой-то калифорнийской секте. Прохиндеям пришлось-таки судиться с храмом Визионеров последнего дня по катехизису (*совпадения до степени смешения, плагиат*), а список догматов, как выяснилось, они вообще скачали у методистов-реформатов Новой Конгрегации. И даже эти маркитанты голого маркетинга набрали-таки 397 000 членов в США, Канаде, Бенилюксе благодаря первому месту в Регистре деноминаций, а значит, в справочниках, телефонных книгах.

Некоторым деноминациям помогали правительства, готовые вложить в пиар, археологию любые суммы, чтоб подтвердить исторические приоритеты, доказать, что *их* страна приняла христианство еще в 238 году до нашей эры. Термин «*пиархеология*» грозит перейти из памфлетов в реальные учебные планы университетов: наука раскапывать то, что для престижа государства нужнее.

Но все ж *Двенадцатидневная война 2020 года* убедила: смешение и хаос несут больше угроз, чем строгая классификация, даже прищемляющая каких-либо неопитов. И Устав ООН, порой смотрешийся дряхлее Ветхого Завета, высмеиваемые Комиссии ООН, бессильные резолюции оказались все ж единственным путем, шансом на спасение рода человеческого. Даже мелькала идея придания самой ООН черт некоей Всемирной церкви, а шести первым ее Генеральным секретарям до Курта Вальдхайма или даже до Кофи Анана включительно — звания новосвятых. А зданию на Ист-Ривер (Нью-Йорк) — статуса Центрального храма.

Политическая энергия вождей и наций, что век билась, «как между двух берегов», меж двух социально-классовых систем, после обрушения в 1991-м одного берега, потом размывания другого попала, продолжая лексикон речника, на пороги и водопады начала 2020-х, когда медиакликуши уже анонсировали «*новый век религиозных войн*». И все восемь миллиардов, кроме разве каких дикарей, джунглевых счастливых, так и не узнавших о начавшейся, но замершей в дебюте Атомной войне, все дружно молились о спасении. Разноязыко, разнобогово, равноусердно.

Три ядерных удара, четвертый, перехваченный, прямо по-голливудски, в последнюю минуту, реально ожидавшиеся еще сотни, то есть «Конец света», официальный Армагеддон, вновь распахнули врата храмов. Статистические сводки, опросы общественного мнения показывали рост посещаемости церковных служб (в среднем по Европе — 14,3 %, в России 14,7 %), убыль атеистов (–8,4 %), агностиков (–2,7 %). Индекс подачи милостыни на улицах вырос на 5,9 %, объем продаж религиозной атрибутики на 24,8 %... Количество рок- и поп-песен со словосочетанием «*emptysky*» или «*emptyspace*» в припевах, сократилось в четыре с половиной раза (в натуральном исчислении: на 1 700 штук в год).

После пароксизмов-кризисов пошли поиски новых критериев объединений, обособлений. Как и тысячу лет назад, то были религиозно-философские нюансы, правда, теперь «разминированные» научным анализом, телеболтовней, вселенскими сам-

митами, соборами, ассамблеями, экуменизмом. Обезвреженные классификаторством, отвлекающими прениями по вопросам процедуры, формата, включения/невключения в регистр Свенсона—Гелашвили—Цветанова (да хранит их каждый из Господов!).

Эти глобальные сдвиги применительно к отдельно взятому «маленькому человеку» Гере Петровичу Ламину, сидевшему в религиозном лабиринте Колл-центра в ячейке под шифром: 8-800-NNN-NN-NN2(гудок)*3*001#021*3785 — весьма положительно сказались на статусе, зарплате, квартальных бонусах, в общем — на *бытии* (библейзмы стали его профессиональным жаргоном).

Многошаговое ветвление — не блажь московского руководства или даже Конгрегационного конгресса ЦРС в городе Пасадена (штат Калифорния, USA). Всякий представляющий принципы работы многоканальных колл-центров поймет главную задачу. Входящий поток звонков (в идеале — непрерывно растущий) надо как можно скорее распасовать специалистам, освобождая каналы для новых обращений. Гера Петрович Ламин (филфак МГУ, 2009), старший эксперт Фонда «Открытое сообщество» (2009—2010), эксперт Фонда Карнаби (2010), менеджер Клиентского центра Пи-Лайн (2010—2011), менеджер..., менеджер..., безработный... — стал специалистом по Теодице.

Томимые духовной жаждою припадали к нему в случае непринадлежности к ЦРС (нажатие «*3»), далее: признания христианской ориентации (код 01). Потом специальные вопросы гнали их по развилкам и поворотам двухтысячелетней доктрины. *«Верите ли вы в Предистинацию (Божественное предопределение)? Если да, наберите цифры... Верите ли вы в объективную реальность Зла? В существование ангелов, демонов (для звонков из сельских районов: чертей)?»*

Огромный зал был поделен на прозрачные кабинки: 27 рабочих мест. Консультанты, в документах ЦРС называемые «братья-миссионеры», были вооружены гарнитурой «хэндс фри». Похожая на половинку нимба сверкающая дуга, впивавшаяся в уши, от правого наушника — еще четверть: дуга микрофона. Итого: $\frac{3}{4}$ нимба над миссионерской главой. Свободные руки парили на манер Святославо-Рихтеровых над клавиатурой, набирая почти аккордами ключевые слова, извлекая из поисковиков справки, цитаты, цифры. Задача: определить, какой именно вопрос, дефект веры клиент ощущает как свою проблему. Кто-то не верил в церковь как условие спасения, однако хотел разобраться с Благодатью. Кто-то отвергал Таинства, нуждаясь лишь в укреплении веры в вечность души. Или, наоборот, принимая церковную иерархию, Крещение, никак не мог поверить в объективное существование дьявола, Ада, без чего и сама Церковь проваливалась в Пустоту.

В общем, следовало уяснить, так сказать, «тарифный план» данного клиента и вести консультацию соответственно.

Хотя католики, православные с гордой вершины своего 2000-летия и даже баптисты-методисты припечатывали цээрэсовцев: «Религиозный модерн, новодел!», московский директор Стелл Хизинг держал ставку на добрый старый Человеческий диалог, Доверительную беседу.

К тому же траекторию этого on-line богоискательства миссионер ЦРС прочерчивал сам, вне зависимости от хитростей строителей интернет-лабиринтов, рекламной корысти сеятелей ссылок и баннеров.

Кроме двадцати семи стеклянных выгородок, были и полновесные кабинеты: супервайзера Колл-центра, начальника секьюрити-отдела и шестерых миссионеров, консультировавших, приводивших к вере по скайпу, — получали они в полтора раза больше простых миссионеров, а дополнительных трат: только белые сорочки, свежестью не более двух дней (это строго). Узкие темно-синие галстучки с вышитым вензелем ЦРС выдавались бесплатно.

Важный момент: работники Колл-центра необязательно — прихожане ЦРС. Так что Аркадий Незванов, бывший аспирант Санкт-Петербургского педагогического университета, почти не обманывал своего друга Сергея Вашенина, приглашая приехать в Москву на собеседование.

— Да если и завлекут! Меня в том году приняли, и че? Эта ЦРС — типа профсоюза. Проповеди, правда, по воскресеньям, начало в десять утра. Неудобно, старик, согласен, но проблемы бывают, только если пропустишь четыре раза подряд. Читает прелат-директор, мужик прикольный. По-русски — почти как мы, славист из Гарварда, потому и прислали. Всегда что-нибудь из Чехова вплетает. Ты набери в поисковике: Стелл Хизинг, автор монографии о постановках «Трех сестер» в США. Это и к собеседованию полезно, он будет польщен. Кстати, воскресная проповедь, два часа — это считая и вопросы-ответы, слайд-шоу, нарезку трансляций из Пасадены. Бывает не скучно... Вопросы-ответы? А с этим у нас серьезно. Лучше пару воскресников пропустить, чем пять раз просидеть молча. Миссионеру бывают о-го-го какие вопросы. Их ретранслируем Хизингу, он дает установки. Все увязано... Есть еще грипти-час, это типа производственного совещания, темы те же, но уже строго в рабочее время... Молодежи больше половины, две чиксы классные. К одной, сразу предупреждаю, не вздумай подкатывать. Хотя... можешь попробовать — так пошлет, мне даже интересно будет... Правда, наш непосредственный начальник, супервайзер Веденский — иезутище конкретный. Зато, старик, работа — практически по нашей специальности. Религиозные звонки — не сто процентов. У нас же как? Прознали, что по качеству консультаций мы супер, и бесплатны, и не посылаем на три буквы. И пошли нас вместо психоаналитиков, семейных психологов юзать. Сына от дурной компании отвадить, по философии, истории к экзамену проконсультировать... А начальство: о'кей, число обращений — главный показатель! Тут, кроме психологов, все наш брат филолог. Текстология, ссылки-сноски, цитаты... Только богословы сюда работать чего-то не идут. Мы, получается, типа штрейкбрехеры...

Говорил это Аркадий Незванов совершенно открыто, со своего скайп-миссионерского места и даже не был бы против, если б у супервайзера Веденского достало бы времени снять с (виртуальной) полки запись этого трепа, просмотреть. Пропаганда, привлечение людей, продвижение идей. А вольности речи — одно из достижений ЦРС, религия разума. Ну, может, Хизинг на «штрейкбрехеров» чуть поморщился бы, а Веденский на «конкретного иезуита»...

В день служебного повышения, перевода в скайп-миссионеры Гера Петрович Ламин собрал в коробку свой офисный скарб (календарь-ежедневник, кружка, две рамки с фотографиями, авторучка, блокнот) и переселился из стекляшки за тяжелую дверь. Рядом, через диванчик и кадку с искусственной пальмой — такая же, но с золотистой табличкой «Лев Фомич Веденский». Пунктик корпоративного стиля, которому в Пасадене наверняка было обоснование. Какие-нибудь маркетинговые, бихейвористские исследования и... оригинальное решение: таблички на дверях кабинетов Колл-центра и ЦРС все по размерам демократично одинаковы. По фактуре наоборот: аристократично вызолочены. По содержанию: никаких должностей, только фамилия-имя-отчество (некоторые уволенные свинчивали на память). Например, соседом Веденского был начальник секьюрити-отдела, отвечавший за безопасность сотрудников, техники, финансовых средств, взаимодействие с полицией... важный человек, а на двери только: «Павел Иванович Измайлов».

Кабинеты скайп-миссионеров были с книжными стеллажами от пола до потолка, так что духовно заинтересованный клиент оказывался еще и заинтригованным, когда его собеседник, легко оттолкнувшись, катился в кресле метра два, разворачи-

вался к стеллажу, шевеля губами, всматривался, вставал, иногда восходил на трехступенчатую лесенку-подставку, снимал с полки том... возвращался в фокус веб-камеры к почтительно ожидавшему собеседнику, открывал книгу и:

— Итак, Иосиф Флавий «Иудейские древности», том второй, страница 42...

Такое почтение к «бумажному носителю», личному разговору — результат многих событий. Электронные сети, сайты-библиотеки, все более быстрые, все более бесплатные, дошедшие уже до отрицательных тарифов (проще говоря, платили «веб-мани» за просмотры), оставались незаменимыми, базовыми средствами, но все же подмочили свою репутацию.

Потоки фальшивок, участие в войне на «информационном фланге» еще можно было извинить. Но, кроме лояльного участия, было еще и вполне конкретное провозирование. Всякая армия имеет авангард, «застрельщиков», но... где бойцы-авангардисты превращаются в провокаторов? Граница неявная. И все ж, по мнению многих, «электронно-серверная империя» Бена эль-Лауберга преступила ее в числе первых. Их ближневосточную фэйк-атаку теперь смачно называют «электронный выстрел Гаврилы Принципа». Надеюсь, возможно, лишит Бена прибылей, душевного равновесия (ха-ха-ха!), уважения в мире, семье, ночного сна... напоминанием о 249 460 жертв, хотя точная цифра погибших в «Двенадцатидневной войне» — предмет новой войны, уже информационной.

И теперь, когда все признали, что по известной русской поговорке «Худой мир лучше хорошей гибридной ссоры», вырос спрос на доверительное общение, зачитывание бумажных книг, буквально вождение пальцем по строке. Кстати, классный прием миссионера Лизы Сумароковой: в ее кабинете веб-камера приподнята на штанге, давая вид сверху, на тонкий наманикюренный пальчик, бегущий по строке Кумранского свитка нового, эхмовского издания. Ламин, когда в гритти-час крутили примеры наиболее успешных скайп-проповедей, тайно любовался этим пальчиком.

Не было никаких письменных установок, унижающих вольный дух собраний братьев-миссионеров относительно порядка рассаживания, однако исторически сложилось так, что шестеро скайп-миссионеров усаживались в кресла первого ряда. И в эту пятницу Гера Петрович Ламин впервые полноправно сел рядом с Лизой Сумароковой. Хотел до начала докладов завести разговор, но миссионерка упреждающе погрозила наманикюренным пальчиком, тем самым, пробежавшим уже ...надцать километров вдоль строк Писаний и Толкований:

— А я знаю, почему вас взяли в скайперы!

Поворачивала голову, кивала Лиза всегда нарочито резким движением, так что ее агатовая, антрацитовая... в общем, ярко-черная, блестящая челка и боковые пряди, вскидываясь, хлестали по щекам и серым глазам. Похоже на пантеру, нахлестывающую себя хвостом перед броском...

Насчет своего продвижения в скайпер-миссионеры Гера Петрович сам точно не знал. Если и догадывался, все равно цеплялся, перебирая другие варианты... Кстати, служебный взлет и самой Лизы тоже оставлял простор для версий, самых... вплоть до скабрезных. Цветущая девица чуть за двадцать пять — в роли проповедника, толкователя? Утешителя? Теоретически да — мостик к молодежному сегменту. А может, и... президента США во время осмотра работы Колл-центра подвели именно к ее кабинке, ее микрофон-наушники он взял, торжественно ответив на два звонка, *случайно выбранных из потока*... Телекамеры информационных каналов крутили-водили прицелами объективов, как прожекторы ПВО в войну, и, отклонившись на градусов тридцать от псевдовальяжного президента, нет-нет да захватывали в перекрестья взмывающую агатовую челку, серые глаза чуть навывкате, носик и вздернутые грудки миссионера...

— И почему же, Лиза? По-вашему?
— Свою тетушку Серафиму, вип-колдунью, будете должны перетащить сюда. Типа цэрээсную Матронушку здесь воздвигнуть.

— Что ж, спасибо, Лизавета... Патрикеевна.

— За что же, бедный Гера Петрович? — показала, что додуманным лисьим отчеством польщена, интонацией доиграв сказочно-басенную интриганку и хитрюгу.

— Что предупредили. Пока намеков не было. Но буду начеку. — Отвечал он бодрячком, но после этого даже эсэмэска «Зачислено 26 775 руб. Зарплата», нарочно оставленная им на экране, чуть потускнела, словно села батарейка мобильного. Платили в ЦРС, как на западных фирмах, понедельно, задержек не случалось, но... Тетку? Сюда? Денежная эсэмэс-строчка, бежавшая и по мозговым извилинам, совсем полиняла. Как? Чем ее заманишь? К тому ж племянник я двоюродный.

«Затопанная радость, прорастающая тоска» — примерно так специалисты по визуализации эмоций назвали бы состояние, мимическую рябь на лице Геры Петровича в момент, когда супервайзер Веденский, сидевший ровно под портретом основателя ЦРС, преподобного Джекоба Меддока, переходил ко второму пункту повестки.

— Теперь, уважаемые братья, выслушаем друг друга, поделимся мыслями о работе московского отделения нашей Церкви.

Полуоборот влево, Лев Фомич покосился на Стелла Хизинга. Московский и восточноевропейский прелат-директор кивнул. Долгие речи давались Льву Фомичу с заметными физическими трудностями. Дыхательные проблемы, сухой кашель. Одышка? Астма? Что похуже? Собеседники видели: оставались еще пункты разговора, но... супервайзер доставал из кармана спрей-баллончик, вонзал белый хоботок повыше языка и пшик-пшик-пшик.

— Мы знаем, многие положения нашего Катехизиса воспринимаются российскими абонентами колл-центра как... непривычные. Порой даже смешные. За второе полугодие зафиксированы три новых анекдота про нашу Церковь... Далее. 47 % обратившихся к нам в прошлом году использовали Колл-центр как психотерапевтическую консультацию, привлеченные высоким качеством и бесплатностью нашей службы. Халява... *Hal-lyav-va!* Старательно «по-иностранному» выломав язык, он пояснил Хизингу. Прекрасно зная русский, тот отставал по сленгу, жаргонизмам.

— Так в чем вы видите главные функции миссионеров нашего центра? — Веденский надеялся, что серьезные размышления сотрудников дадут ему отдышаться минуту, но бойкий мерзавец с третьего ряда через мгновение потянул руку и, радостно подрагивая, привстал.

— Слушаю, уважаемый брат Сергей.

— Главная функция миссионера — разъяснять абонентам положения Катехизиса, квартальных бюллетеней ЦРС, указывать на особый их исторический контекст, чтоб... короче, не смеялись. Пояснять, что тезаурус, набор идиом обусловлен общей культурой места зарождения ЦРС, Пасадена, штат Калифорния, родины преподобного Джекоба Меддока...

Сопроводив порцию давно выверенной *инфы* Сергей Викторович Метрохин оглянул ряды собрания. Аккуратно одетый, как все миссионеры, но при том еще красивый мужчина около тридцати пяти. Прямой пробор, правильный профиль, бритые и высокий воротничок героя оперетт...

— Правильно, брат Сергей, но не полно. Наша миссия — еще и должная обратная связь. Пасадена ждет нашего слова. Мы, носители русского языка, культуры, должны не просто транслировать идеи ЦРС, но и внимательно суммировать реакцию соотечественников, передавать ее. В этом оправдание нашего существования и щедрых зарплат...

Но в России, что в еле живых НИИ, что в богатых филиалах международных фирм, карьеристы, стукачи, тянутели рук, вроде Метрохина, всегда уравновешены остряками, ехидами, «ВРИО оппозиционеров», ради красного словца не жалевшими и карьер. Один из таковых, Аркадий Незванов, сидел слева от Лизы и совершенно завладел ее вниманием, рассказывая, что из Германии до Москвы дошла новая ролевая игра «в сектантского проповедника».

Якобы вчера в секс-шопе на улице Красина, рядом с Тишинкой, он самолично видел за шпалерами черных трусов, кожаных жилеток, хлыстов, рядом с костюмом «медсестры», фартучком школьницы, комбинезоном «немецкого сантехника» — новый комплект:

— Черные брюки, синий узкий галстук, рубашка, типа военная, с накладными карманчиками на груди. И на левом карманчике латинскими буквами вышито имя. Как у саентологов: «Dennis», «Vera», «Mark». Или, как в Армии спасения, со званием: «Sergant», «Capitan».

— И все?

— А че ты хотела, Лиз? Сутаны? Шапки кардинальской? Это ж будет другая игра. А тут — реальная жизненная ситуация и... полет фантазии! Прикинь, звонок в дверь. Открываешь, стоит такой... С цветными буклетиками, журнальчиками. Их правда, в Секс-шопе на Красина не было, но можно набрать отдельно, хотя б у нас на стенде ЦРС. В общем, стоит, улыбается: «У вас найдется пять минут поговорить о нашем Благом Создателе?» Ты, типа домохозяйка, выпускаешь его, как «немецкого сантехника», он заходит и... начинает тебя соблазнять.

Забывший новоиспеченный скайп-миссионер Гера Ламин видел только спину, трясущиеся плечики Лизы Сумароковой...

Супервайзер Лев Веденский пытался в пределах отпущенных порций дыхания донести до инертной, легкомысленной миссионерской массы уникальные возможности, что представляла ЦРС.

— ...Организационная прочность структуры Церкви религиозного сознания сочетается с огромной свободой, допускаемой вариативностью переводов вероучительной и богослужебной литературы, — пшик-пшик. — В отличие от других централизованно управляемых церквей, ЦРС представляет собой как бы холдинг со свободными горизонтальными связями. Надеюсь, эта условная аналогия понятна? Вы же все... — набрав сил и воздуха, — после 2021 года были свидетелями религиозного прилива! Неужели мы допустим, чтобы все опять... как всегда у нас... Что, уважаемый брат Сергей Викторович?

— Я правильно вас понял, что Пасадена дает нам свой логотип, катехизис, догматы, эмблематику... как бы во франшизу?

«Далеко, мерзавец, пойдет», — устало подумал Веденский, пшикнув еще три раза.

Более чуткие собеседники по частоте и числу спреевых «пшиков» уясняли степень (не)нужности своих речей и сворачивались так, чтоб с ответом Лев Фомич мог уложиться в два слова:

— ... верно, Лев Фомич? — Верно.

Вчера в коридоре со Стеллом Хизингом разговор случился еще короче:

— О. К., Fomich? — О. К. Stell!

И сколько не тянули «миссионеры» Колл-центра головы из своих стеклянных клетушек — больше ничего о своих перспективах из обмена окоями вызнать не удавалось. Впрочем, можно успокоиться и на том. Московский Колл-центр на хорошем счету: 373 068 обращений, результат отмечен в третьем квартальном Bulletin, Бюллетень ЦРС. Сокращения штатов не предвидится. Ближайшее индексирование сэ-лэри — в июне.

2. Не давите гадину

Поверхностные (или завистливые) комментаторы объясняли крупный успех ЦРС в России удачным сочетанием факторов. Во-первых, очередное окончание «холодной войны». Новому окончанию «холодной войны» бренд пока не подобрали, прагматически повторяя: «Не сглазить бы! Да, худой мир лучше хорошей гибридной...»

Во-вторых, новый президент США, впервые за последние 17 лет посетивший Москву, был прихожанином ЦРС, и в трехдневную программу его пребывания, конечно, втиснули двухчасовой визит в Московское отделение и Колл-центр, медиамолебен, беседу с адептами и прелатами, съехавшимися по такому случаю со всего СНГ, стран Балтии, из Финляндии, Польши, Словакии...

Еще Джекоб Меддок со товарищи, составляя в глухие, темные 1980-е годы катехизис Церкви религиозного сознания, так упредительно-мудро исключали конфликтные пункты, что любой вчитавшийся должен был вздохнуть: «Ээ-х! Живи отцы-основатели ЦРС во времена апостольские — не было бы ни религиозных войн, ни застенков инквизиций, ни костров на площадях! А эти... Джордано Бруно и Ян Гус, скорее всего, умерли бы своей смертью. Хотя и безвестными».

Седьмая и девятая поправки к Катехизису ЦРС в русском переводе звучали так: «Религиозная свобода — мать всех человеческих свобод... Религиозная толерантность — основа национальной, социальной толерантности, фундамент разумного планетарного общежития». Но в идеях разрядки религиозной напряженности преподобный Джекоб Меддок с первыми учениками пошли даже дальше своих предтеч, таких приверженцев веротерпимости, как Гольбах, Руссо, Вольтер. Последний, например, борясь с религиозным фанатизмом, в конце каждого письма любому корреспонденту по любому поводу делал внизу, на манер нынешнего спама, свою знаменитую приписку: «*Раздавите гадину! (Ecrasez l'infâme)*», имея в виду, как известно, католическую церковь.

Так вот, в электронных письмах, рассылках ЦРС, после рекламы новых изданий религиозной литературы, сообщений о концертах, медиамолебнах, номеров контактных телефонов, в левом нижнем углу всегда стоит приписка мелким шрифтом: «*Не давите гадину!*»

Принципиальная толерантность, незамеченность в агрессивном прозелитизме (погоне за чужой паствой) вознаграждались тем, что священники, пресвитеры большинства деноминаций не запрещали настрого своим прихожанам обращаться в Колл-центр.

Располагался он на одиннадцатом этаже гигантского стеклянного бизнес-улья «Аделина». Всяк проходящий Цветным бульваром при впадении его в Трубную площадь, если только не мешали задрать голову падающая кепка, папаха, берет или широкие поля шляпы (допустим, проходящий — хасид), мог разглядеть работу, устройство колл-центра почти «в разрезе».

Выше, на двенадцатом этаже «Аделины» располагалась сама Церковь религиозного сознания. Оттуда на гритти-часы и воскресные проповеди спускался к своим миссионерам директор-прелат Стелл Хизинг.

Из значительных соседей можно упомянуть: девятый этаж — рейтинговое агентство, десятый — Инвестиционный Фокус-банк. А выше одиннадцатого-двенадцатого цээрэсовских этажей сидели какие-то стартаперы, мегаколлекторы... и PAN-DEM, межконтинентальная корпорация совсем уже непонятного направления деятельности — ее менеджеры, хотя особо и не прятались, ходили вместе со всеми обедать в ресторан на первом этаже, болтали в лифтах, уличной курилке, но так и не могли точно объяснить соседям фактуру своего бизнеса.

О соседях ЦРС по бизнес-центру «Аделина» достаточно. Упоминания стоит лишь конструкционная особенность здания: гигантская, сплошь стеклянная башня.

Начиная примерно с 2000-х годов в Москве построили десятка два подобных бизнес-центров: принципиально прозрачные стены, прозреваемый насквозь пример Открытости. Если совсем уж злопамятствовать: эпохе Гласности на смену (или в подкрепление) с началом третьего десятилетия XXI века пришла Прозрачность.

Но не будем далее плести нити аллегорий-аналогий на поругание или, наоборот, к вящей славе Церкви религиозного сознания из-за их стеклянного офиса. Вообще никакого подтекста, только стоимость аренды. К тому ж до 2019 года ЦРС размещалась на Якиманке в самом обычном московском бизнес-центре: монструозное здание с беседками типа парковых на крыше, башенками, колоннадками и прочей кирпичной банальщиной.

После выпытываний супервайзера, чем еще миссионеры могут послужить ЦРС, краткое слово взял директор-прелат Стелл Хизинг.

— Друзья! После gritti-часа не расходитесь. Фотограф сделает несколько общих снимков. Конгрегационный совет решил поместить репортаж о нашем Колл-центре в квартальном Бюлетине ЦРС. Поздравляю всех!..

Расставить 38 человек под портретом отца-основателя, преподобного Джекоба Меддока, да чтоб, как на картине Репина про заседание Государственного совета никто никого не заслонял, задача нелегкая. По американским демократическим играм начальники рассыпались в рядах сотрудников почти случайным образом. По нашему «демократическому централизму» собраны группой, ровно в центре второго ряда. Остановившись на формате отечественном, фотограф «накернил», обозначил центр Стеллом Хизингом. Пятидесятилетний славист, чеховофил и ман, редковолосый блондин выше среднего роста с несмываемой уже улыбкой, в футболке Гарвардского университета. Справа шеф-секьюрити Павел Измайлов: атлетичный, под два метра, чуть старше шестидесяти, галстук, строгий костюм, короткая седая стрижка, тяжеленные нижняя челюсть и верхние веки, в общем — «бывший силовик». Слева супервайзер Веденский в серой кофте, около пятидесяти, общая пухлость или одутловатость, волосы, усики — цвета прошлогодней травы. Яркая, впечатлившая CNN брюнетка Лиза Сумарокова, улыбчивый шатен-живчик, поблескивающие глаза — Аркадий Незванов, неопределенного затридцатилетнего возраста Гера Ламин, прической напоминавший одуванчик в желтой фазе. Вторая, по мнению многих, колл-центровская красавица Светлана Кудрявцева...

После десятка общих кадров фотограф, желая, наверно, оправдать свое командирование аж из Гамбурга, потребовал такой композиции: в центре по-прежнему руководство, наверху под самым портретом преподобного Джекоба, на высоких стульях (притащили из бара, с первого этажа бизнес-центра) — шестерка скайперов. Их белые рубашки, длинные узкие темно-синие галстуки подали идею: двое центральных вертикальны, а крайние наклоняются к ним, так что векторы галстуков стоят не забором, а сходясь, указуют на портрет преподобного. Или же (все относительно), наоборот — посылаемыми лучами расходятся от него.

— Вуд би беттер: дарк униформ, вайт тайс. Ай кэн вэйт.

Конечно, белые галстуки-лучи на темном фоне были бы лучше, символичнее, но другой униформы нет — объяснили немчуре.

— Аркадий, а какой третий был анекдот про ЦРС, что Веденский докладывал? — спросила Сумарокова, оттирая плечом настырную Кудрявцеву. И Незванов подтвердил их с Лизой полное взаимопонимание, не уточняя: «А какие первые два?» — траванул:

— ЦРС проводит теледебаты. Тема «Когда нужно молиться?» И наш прелат спрашивает какого-то мужика: «А вот вы молитесь перед едой?» А тот: «Зачем? У меня жена нормально готовит»...

И на десятом-двадцатом композиционном кадре... то ли модели устали, то ли Кудрявцева увернулась от привалившей по инструкции фотографа Сумароковой или даже подтолкнула, но Лиза, ойкнув, полетела вниз и основательно бы расшиблась — реакция и мощные руки шефа-секьюрити Павла Измайлова спасли. После секунд нечаянной поддержки (немец продолжал тарыхтеть фотокамерой и успел дважды вякнуть «Гут! Гут!» кадрам Сумароковой на руках Измайлова) тот аккуратно поставил миссионерку и скомандовал фотографу: «Шабаш... Капут, натюрлих». Стелл Хизинг кивком утвердил окончание затянувшейся фотосессии, миссионеры пошли по местам, Гена Кортес, уборщик бизнес-центра, уносил стулья к лифту. Только Аркадий успел обменяться визитками и парой фраз с фотографом...

Орудие/оружие миссионера — скорость мысли, но еще голос, тембр. Ведь кругом XXI век и любой пользователь может сам прекрасно извлечь из Интернета нужные факты, цитаты, пройти по цепочке ссылок...

Здесь из проблемы кибернетической, технологической змеем-искусителем выползал вопрос почти религиозный. К Гере Петровичу Ламину сей «искуситель» подполз примерно через год работы, словно дождавшись, когда чувство благодарности бывшего многолетнего безработного прошло острую фазу.

Колл-центр принял его, дал достойный круг знакомых: кандидаты филологии, истории, психологи, хорошо оплачиваемое место в кабинке перед компьютером с тремя четвертями нимба: наушники, микрофон.

И когда через месяц после повышения его первый раз вызвал к себе супервайзер Веденский, Гера Ламин посылал:

— ЦРС хоть и стремится охватить поток запросов по всем мировым религиям, однако ж имеет конкретное конфессиональное происхождение: протестантская ветвь. Шестое отпочкование, если вторым считать отделение в конце XVI века пресвитерианства-кальвинизма от общей протестантской линии. Основа всей протопетви: отказ от епископата, священников как назначенных посредников меж человеком и Богом, демократическая выборность пресвитеров (старейшин).

И, — продолжал Ламин, — строго применяя сей принцип, мы, работники Колл-центра не дрейфует ли к таковым назначенным посредникам? А информацию, сведения, которых жаждут обратившиеся, мы берем в тех же книгах, Интернете. Так, может, более честно, демократично по-нашему, по-пресвитериански будет сказать позвонившему: веди свой собственный поиск. Свое паломничество по сайтам и порталам...

Ламин хотел добавить еще пару сравнений, но супервайзер Веденский, вызвавший его совсем не для выслушивания подобных размышлений, достав из кармана баллончик, устало упрямил:

— Не утруждайтесь далее. Ваше, Гера Петрович, беспокойство — хороший признак. Совесть, работа мысли... Но мы не посредники. Мы лишь помощники человеку, пустившемуся на поиски. Где он может встретить и настоящих посредников. Навязчивых, нетерпимых, агрессивных... Уфф — пшик-пшик-пшик.

И отдышавшись, супервайзер очень кратко объяснил, зачем его вызвал и с чем было связано его недавнее повышение... Увы! Лиза Сумарокова была права! Он, Гера — просто тетушкин племянник. Колл-центру нужна Серафима Борисовна Калугина. Было и еще немножко странное поручение.

— Тетушка ваша, кажется, хочет продать картину. Банкир один подарил, исцеленный. Такая продажа — дело опасное, когда связей в этом мире нет. Очень не хотелось, чтоб *потенциального* Колл-центровского сотрудника, союзника хоть как-то обидели — кинули. На этот случай можно порекомендовать экспертов абсолютно надежных. Марк Эльчин, галерист, и Герард Брунин — люди верхнего московского уровня. Тетушке можно просто показать их буклеты. Конечно, выбирает пусть сама, главное — бегать от случайных, проходимцев... Уфф!

3. Визионерша

— Серафима Борисовна, это давление, — робко, полувопросительно сказал молодой врач.

Сухощавая дама лет шестидесяти с янтарными слезящимися глазами не возразила, только грустно усмехнулась:

— Давление — чего?!

— То есть, Серафима Борисовна, кровь, артериальное. Сосуды... Да и нижнее, диастолическое, у вас тоже...

Вся усвоенная книжная мудрость, полувековой ток и биение собственной духовной жизни не позволяли Серафиме смотреть на кровь, сосуды, сердце — как на элементы внутрителесной... гидравлики. Хотя и на этих наивно-нахальных уличных сектантских приставках с буклетиками, запрещавшими переливание крови, «ибо в ней душа», она смотрела с тем же ласковым недоверием: Что ж, выходит, гипертония — повышенное давление души?

Обитая нежно-розовым бархатом стена ее гостиной, висевшая посередине картина «Феодосийский залив после бури» Айвазовского, подлинник 1859 года, вдруг поплыла, пошла водной рябью и представилась ей кирпичной стеною школьной котельной с приваленной горой старых кроватных спинок, ржавых автомобильных жестянок, дырявых тазов и кастрюль, битых, ломанных, как после гестаповских пыток, велосипедов. Выше горы на стене были надписи учительским мелом: «4-6 класс, 5-6 класс, 6-6 класс».

Да, годы. Зарубки, приметы времени. В их зауральском городке счастливые пионеры, отпущенные с третьего урока, еще собирали металлолом, но Стройтрансколлонна уже переставала его вывозить, присылать грузовики с грузчиками.

Шестой класс. Она — долговязый вождь небольшого, сборного с трех дворов отряда. Все младше ее на год-два, а Нюрка аж на четыре: огромная разница, принята на правах двоюродной сестры командирши. Войнушки, прятки, помощь Симиному классу в сборе макулатуры, металлолома, секреты и планы, планы. И вдруг в конце шестого — резкая дрожь, такая же водная рябь по стене школьной котельной, по шеренге разрисованных гаражных ворот, месте их сбора, «штаба».

Взросление школьника — оно как старение пенсионера, только гораздо тревожней. Ведь тут впереди — Жизнь, которая может проскочить и мимо, особенно когда вдруг поняла, что ты дурнушка. А там ... которая уж точно мимо не пройдет.

Выбежав со своей дворовой армией к площади перед булочной, где поставили новые газировочные автоматы, Серафима вдруг оглянулась и страшно застеснялась. Увидела, как ужасно постарела ее армия, стала негодной для прятков, войнушек. Как становятся негодными, уходят на пенсию офицеры из настоящей армии.

Дядя Витя открыл своим тайным ключом дверцу автомата, за которую и на мгновение заглянуть-то было счастьем — сродни сеансу кинофильма, позвал командира: «Сима! Идите все, сейчас налью». Раньше если и застеснялась бы она перед дядей Витей, то лишь из-за своих «чик» (хитро подобранных медных кругляшей из цеха Сашкиного отца, скормленных доверчивому автомату как настоящие «3 коп»), но в тот раз — из-за своей шумной армии, собственных голых расцарапанных коленок, ситцевых цветочков затрепанного платья. Памятная зарубка. Блуждая по древу детства-отрочества, легко отыскать и проставить дату: «5 июня 1972 г.», благодаря соседней, более глубокой, к тому ж задокументированной. В том году на следующий день, 6 июня умерла бабушка Витольда Казимировна. Несколько лет она приезжала к ним из своего Гомеля, но именно в тот раз (период тревоги, возрастных прояснений) Серафима вдруг поняла, что приезжала баба Вита — к ней. Что и в прошлые года «наша полячка» (словцо взамен более крепких от зятя, Симиного отца) пускалась в тяжелую дорогу только ради нее, Серафимы.

Починка автомата, испорченного, возможно, ее фальшивомонетчиками, затягивалась. Дверцу Витя (какой «дядя» — только три года как после армии!) все не закрывал. В приборном нутре, сложном, таинственном, как космическая станция, среди кроссворда трубок, проводов и гаек он все подтягивал фланцы баллонов, матерно бормоча: «Давление...»

— Давление... чего? — очнулась Серафима Борисовна.

Врача уже не было. Маша, помощница по дому, сказала, что доктор минут двадцать как ушел, бумажки, рецепты оставил на камине, денег не взял.

— А сколько ты предлагала?

— Пять, потом семь тысяч.

— О, моя экономка — большая транжира!

Маша, улыбаясь, щелкала пультом, перебирая каналы, но не решалась включать звук пока Серафима не очнется полностью. Мало-мальски пригодными для глухонемого просмотра ей показались новости и телеканал «Animal planet». Там корреспондент вместе с людьми в разной униформе (военные и, кажется, пожарные) бегал вокруг огромного самолета. Захвачен террористами или просто поломался? — Маша пыталась угадать по выпученным глазам парня с микрофоном. Сходить за очками для бегущей строки было лень, ей передалось хозяйкино оцепенение: а что удивительного, при Серафимином-то Даре внушения?

На «Animal planet» пятеро волков, сведя взгляды в одну точку, тянули что-то.

«Молятся прямо! Еще бы поднялись на задние лапы и сложили бы передние», — показалось Серафиме. Маша, заметив пробуждение ее внимания, включила звук и пошла за бумажками. Выть и вправду походило на какую-то молитву, мусульманскую или тибетскую...

Рецепты Маша принесла, по-прежнему улыбаясь этой, в общем-то, старой, но удачной шутке про экономку-транжиру, чмокнула Серафиму в лоб («не горячий»): «А еще звонил племянничек ваш Гера Петрович». Плюхнулась в кресло и выбросив вперед, как на дуэли, руку с пультом, сменила волчий молебен на самолет-аэробус, который и вправду оказался захвачен.

— Знаешь, Маш, скоро пульта телевизионные будут делать в виде револьверов.

«Ну слава богу, точно очнулась. Пророчесствует», — подумала Маша.

— А револьверы-то зачем?

— Для соответствия, снятия неврозов. И целиться легче. Ты сейчас вскинула руку, прям как прицелилась. Бах! — и нету волчков, нету сереньких!

— Я счас и эти новости застрелю, достали уже, захватывать!... Оп, а этого козла уж точно! — (После «Новостей» ей попался лопающийся от самодовольства ведущий ток-шоу)... А я, кажется, знаю, зачем вам Герка звонил. Си-им! Я же тут у вас за семь лет тоже набралась... духа пророческого. На двести милливанг, да... Да? Да, Сим?

Дар Серафимы открыли, признали еще в 1980-х. В эпоху строгого материализма статьи о «чудесных исцелениях, предсказаниях» были редки, потому и гремели на всю страну. Странички «Комсомольской правды», обрстая слухами, расходились в бесчисленных полуслепых ротапринтных копиях.

В одной рассказывалось, как Серафима Калугина излечила своим истекающим из пальцев биоэнергетическим полем стопроцентно зафиксированные всеми ведущими онкологами Четвертого Главного управления Минздрава («Кремлевская ЦКБ») и Академии медицинских наук злокачественные опухоли последних стадий. Еще она перезапустила два безнадежно остановившихся сердца, полностью изгладила следы инсультного мозгового погрома у народной артистки СССР. В числе исцеленных были еще жена министра энергетики, мать главного журналиста-международника... а прилагавшиеся к статье слухи дополняли: «и лично Леонида Ильича Брежнева» — он тогда как раз чуть ожил в теленовостях.

А как иначе было объяснить ту революцию, тот всесоюзный нонсенс, когда какой-то «зауральской девчонке» выделили свой биоэнергетический институт! По правде говоря, то была лаборатория, только потом ставшая филиалом института, но даже это перечеркивало напрочь сложившийся полувековой номенклатурный порядок прохождения кадров, утверждения тем диссертаций, научных теорий. Даже филиал мог получить лишь остепененный, заматерелый зубр, никак не раньше сорока лет. Знакомые с законами «застоя» поймут, почему слухи об исцелениях столь будоражили страну. Почему убогое газетное фото перефотографировали, спорили, всматриваясь в исхудалое, если не изможденное лицо?

Ведь Серафима не только опухоли, инфаркты, инсульты — она побеждала еще и «бюрократию», советскую медицинскую науку. Шире: «советскую науку» вообще. Еще шире: материализм и прочий железобетон в книжных переплетах. Приземленные обыватели завистливо формулировали: «Оно конечно! Ты сперва вылечи генсека, а потом можешь хоть по воде ходить безнаказанно! Хоть в вино ее превращать! Разрешат, *в порядке исключения... учитывая особую... Типа Талон на временное освобождение от действия Законов диалектического материализма!*» Но были и те, что яростно болели за вызывающую индивидуалку, за пробившееся исключение — они ругали, уничижительно припечатывали всех возражавших, сомневавшихся академиком, директоров НИИ.

Подтверждая именно эти Следствия из Теоремы Преодоления, словно не удовлетворяясь своей всесоюзной знахарской славой, Серафима позволила себе еще и начать предсказывать будущее. Здесь уже подрывая здание академии, неизвестно каких конкретно наук, может, и — вообще всех. Само упоминание в советской газете *еще малоизученных сфер, биоинформационных полей* и... после всех предваряющих околонуучных экивоков *«заглядывания таки в будущее»* — это... с чем сравнить? Ну, как будто все граждане СССР залпом выпили по бутылке шампанского. Головокружительно, в общем...

С открытием цензурных шлюзов выяснилось, что Серафима с точностью до месяца предсказывала Чернобыль, падение Берлинской стены, покушение на папу римского. Из благополучного: орбитальную станцию «Мир», успех пары Роднина—Зайцев (кстати, ее хороших знакомых)...

В общем, многие успели ее полюбить. Жалели и особенно негодовали на тех замшелых догматиков, что смотрели на науку как на свою деляночку и, борясь с «шарлатанной самозванкой», писали что Серафима Калугина — психически не совсем здорова. Сочувствовали: нескладно-долговязая, тоненькая, на некоторых фотографиях совсем изможденная. Ловили застойных завистников на противоречиях, пробивавшихся даже в самые выверенные критические статьи «Правды», «Известий»: если уж она и «расплачивается душевным здоровьем» — так, значит, есть, за что (расплачиваться)!

Вот что значит устойчивая репутация! — где-то с конца 1980-х приходившим за исцелением она вдруг что-то предсказывала, а пытающих о будущем, наоборот, лечила — и все были довольны. Особенно Аркадий Манский, хозяин Стройинвестбанка, избывший через ее пламенные пальцы совершенно неоперабельную опухоль, а сверх того, получивший верный эскиз всех финансовых событий 1998 года...

Знаете, сейчас можно что угодно болтать о тех советских министрах, наивных народных артистах... но вот новорусский банкир! Причем *после* курса лечения взял и подарил ей, с роскошеством обставил, украсил Айвазовским четырехкомнатную квартиру на Остоженке да еще назначил поквартальную ренту: значит, *реально* чувствовал себя исцеленным, обогащенным.

Но все ж Серафима Калугина жалела о годах противостояния «академбюрократам», редких статей «Комсомолочки». Ведь в (с)мутные годы за непрошеными

материальными благами потянулись такие дикие, совершенно неожиданные угрозы, настойчивые предложения от политических партий, невнятных бизнесменов и «бизнес-структур», сект и отдельных персонажей, типов, о существовании которых она раньше и не ведала. Громкие репортажи об *экстрасенсной ясновидящей*. Повалило. Но что были за статьи! Кроме дежурной чернухи, Серафима вдруг различила в них еще и подстрекательство, почти «инструктивность». Как-то прогремели возмущенные репортажи: «До чего дошло! Беспредел и бездействие властей! Знаменитый экстрасенс Серафима Калугина получает письма с угрозами!» Потом публиковали опровержения: писем-то не было. А потом и вправду ей пришли эти угрозы. Точно так же и со скандальным нападением на выставку ее картин: сначала сенсационные сводки, потом опровержения, а потом и настоящее нападение. Так и на саму Серафиму... Как-то она спросила одного богача, хозяина много чего, в том числе пары из той газетной своры: «Зачем это?» И услышала поразительный ответ: он, хозяин, при всем уважении к Серафиме, должен распорядиться поощрить своих резвых журналистов. Значит, улавливают, что носится в воздухе. Угадывают, как и... «как и вы» (это, произнесенное, в свою очередь угадала Серафима).

Лет двадцать назад лилась эта чернуха, тогда и пестрых газет было больше, и голодных репортеров. Один вцепился в журналистское расследование. Якобы некий маньяк подбросил ему сообщение, что собирается убить кого-нибудь из знаменитых экстрасенсов: или Джуну, или Серафиму Калугину. Несмотря на несколько черт сходства внешних биографий, Серафима никогда не встречалась со старшей, более знаменитой Джуной. Но он, журналист-расследователь, заводил их под общий кричащий заголовок, лез с вопросами, как бы пробуя предотвратить грозящее преступление: А вы никого не подозреваете? Не угадываете личность угрожавшего и его мотивы?

Когда получить интервью не удавалось, то заполнял страницы пестрых газет-журналов слухами и версиями, порой тесня даже гороскопы и «Звездно-кулинарные рецепты». Опытные редакторы в таких случаях просто к очередному сенсационному заголовку прибавляли в конце вопросительный знак: «*Джуна сказала, что видела во сне своего убийцу?.. Маньяк вчера позвонил Серафиме?*»

По сути, тот журналист на девять лет превзошел знаменитое телешоу «Битва экстрасенсов» и весьма разбогател бы — догадайся он запатентовать идею. И не отправься в многолетний тур по больницам, врачам, знахарям: однажды вечером на Каширском шоссе его машину остановили неизвестные, вытащили, ограбили, жутко избили. Пестробумажный шлейф (газеты его пула, от «Оракула», «Тайн вселенной» до «Мира новостей») почти две недели перебрасывались версиями: «*Поклонники Джуны имитировали ограбление репортера? Тайный фанат Серафимы имитировал изнасилование отважного журналиста?*»... Но потом подробности не на шутку развернувшегося Всероссийского конкурса кулебяк, «испеченных вместе со звездами», съели почти все газетные площади.

Проект Веденского по привлечению в ЦРС Серафимы мог обернуться успехом всероссийского масштаба, даже всеэснэгэвского: волны ее известности, слухов о ней, обегая границы СССР, несколько раз и перехлестывали. Спасла онкологически зависимую племянницу чехословацкого генсека. Что-то хорошее о Серафиме сказала сама Ванга.

Читавший, как и все рассказы *той* «Комсомолки», Веденский в «феномене Серафимы» тоже поражался ее самостоянию. Стоять вот так одинокой лермонтовской сосной против всех обкомов, академий. Точней, не «против», не диссидентка, слава богу, какая, а *напротив*. Отдельно, несмешанно, неслиянно. Будто она с КПСС подписала на равных какой-то тайный Пакт. Точно так же потом и с православной церковью.

«Ну вылечила бы какого-нибудь там... митрополита! — переживали, „болели за нее“ поклонницы. — Ведь верующая, каких поискать! В каждом интервью упоминает Бога, Пречистые Божия мать. В кабинете, за креслом, во всех телепередачах: иконостас почти до потолка!» Но опять молчание, словно тоже подписан какой-то секретный Пакт. «Эх, Серафима! Такой огромный потенциал, не тронут, не использован ни одной деноминацией. И в такое время! В... ее время!» — поражался нерадению коллег, конкурентов Лев Фомич Веденский...

А сейчас, как подтвердили собранные сведения, Серафима Борисовна стоит на жизненно-финансовом распутье. Главный спонсор, банкир Манский год как убит, квартира с помощницей, сложившийся уклад жизни требуют поддержания. Недавно Калугина выясняла возможность продажи своего Айвазовского. Но... авторитетные эксперты Марк Эльчин, галерист, и Герард Брунин огорошили: «Феодосийский залив после бури» (Айвазовский, 1859) — подделка. В таких Серафиминых обстоятельствах Колл-центр, 55 тысяч рублей в неделю должны стать спасением.

А уж о духовных нуждах нынешнего времени, запросах населения Веденский мог судить лучше всех. День и ночь (Колл-центр работал в дежурном режиме, три миссионера) собирались звонки, интернет-обращения. Сортируясь, классифицируясь, запросы ложились на собственный сервер ЦРС... Только рассортированные вопросы и представляли статистический интерес, не оседали хаотичной массой, становились ценнейшим источником для аналитиков, политологов. Один «клик», микросекундный выход поисковой программы, и готова справка: «Сколько человек (с разбиением на пол, возраст, профессию) желали в феврале 2022 года уточнить определение Греха»; «Что признали бы за Сверхъестественное событие, Чудо: студенты вузов города Томска... таксисты Московской области... лесбиянки Твери... любители рыбной ловли Ставропольского края... судебные приставы Уральского федерального округа».

Огромная часть запросов была далека от религиозной тематики. На том собрании, где Аркаша Незванов развлекал миссионера Сумарокову рассказом о новой ролевой игре «В сектантского проповедника», супервайзер Веденский как раз выдал свежую статистику:

— 47 % обратившихся в прошлом году использовали Колл-центр как психотерапевтическую консультацию, привлеченные бесплатно — 0,1 % — малая, но важная доля: звонки с угрозой суицида. Миссионеры обрабатывали эти вызовы, переводя разговор в долгое путешествие по россыпям богословия. На стене Колл-центра в рамках: «Благодарность» от мэрии, «Благодарственное письмо» — замминистра здравоохранения.

Не забыл Веденский 8,4 % пытавшихся использовать Колл-центр для решения социальных проблем: работа врачей районных поликлиник, побои в школах, взятки в вузах, сбой коммунальных служб. Ангельски терпеливые миссионеры вежливо подводили разговор к завершению в случае отсутствия в данном запросе какой-либо религиозной компоненты. Но особо хитрые граждане умели вывернуть линии претензий, например: лишение пяти микрорайонов дешевой химчистки — «истинный сатанизм». Только подпавший под гипноз тоталитарно-деструктивных культов префект, мог позволить снять маршрут автобуса № 728...

Итого в активе миссионеров Колл-центра набиралось выполнение дополнительных социально значимых функций вплоть до «Горячей линии» мэрии и «Телефона доверия»...

Еще вариант: использование миссионерок Колл-центра как «секс по телефону». Но число невелико: разговор записывается, номер определяется... Правда, бо-

гословски подкованные скабрезники пытались выйти на интересующие темы — издалека, чуть не с Лота и его дочерей.

Скопились огромные файлы запросов из бывшесоветских стран, по цепочке диаспор вытягивалось и дальше зарубежье. Так что расчет Веденского, что нынче Серафимин дар будет востребован, имел основания. Религиозный импульс послекризисного мира до сих пор «не окормлен». Люди просто потеряли доверие, а то и возненавидели материализм, «рациональный взгляд на мир», едва его не погубивший. Но что далее?

С объемами накопленной Веденским информации не могла сравниться ни одна частная, научная госорганизация, ни даже все они, вместе взятые. Тут Лев Фомич чувствовал себя Ротшильдом, Кощеем, единственно что... «*чахнуть*» в его планы не входило.

— Теть Сим! Пусть я по-прежнему наивный... обдуванчик, как меня называла. И даже если я там за дурачка, а они пытаются загрести твой дар моими руками, ты ведь сможешь разглядеть это в один миг! И перенаправить ситуацию «ко благу всех живущих»... Вафф! А это у тебя, теть Сим, на чем? На калгане?

Во всяком случае, силки наивной лести, расставляемые племянником, Серафима разглядела в один миг. Фразой «ко благу всех живущих» она когда-то заканчивала свои импровизированные проповеди. Запомнил же, мерзавчик.

— Это на алтайском красном корне. Михай в том году привозил.

— И уж точно, ни России, ни... православию они не враги. Супервайзер Веденский — это ж явно предки священники, может, пять поколений! Церковная была фамилия, явно — Введенский. Как Покровский, Успенский, Рождественский. И Лев Фомич, кстати, в Духовной академии три года учился...

— Сам ушел, иль выгнали за что?

— Не знаю, теть Сим. Никто не знает. А паству они если и перехватывают, то скорей у иеговистов, саентологов, мунистов всяких. Или осуждаешь, что церковь — международная, богатая? Да, у них сеть гостиниц, «Приют мечты» называется. Круизных паромов — линии. Вроде часть роттердамского порта им принадлежит, терминалы всякие. И акции портфелями по миру, в России тоже, комплексы жилые. И что? Веденский сейчас пользуется спокойно их дотациями, а потом раз, и...

— Что раз и?

— Не знаю, но чувствую. Фамильное, может, чутье, — с заискивающей хитринкой. — Лев Фомич, наверно, самый умный, кого я встречал. Умный и двойной.

И дождавшись хоть какого-то интереса, полувопросительного вместо усталого взгляда, Гера продолжал:

— Как с американцами дела ведет, как нас собирает, воспитывает. Как говорит, даже как кашляет... Мое чутье — это ладно. Но что зла, вреда никакого — точно. А польза очень даже может. Я даже загордился, как узнал, что такому... ты так нужна. Помнишь, ты рассказывала, как баба Вита, Витольда Казимировна специально из Гомеля приезжала, тебя маленькую в костел водила.

— Вспомнил, обдуванчик, подхалимчик мой! — погладила по желтым волосам, когда-то — «вихрам». — Только какой костел! Возила она меня в Курган, там жил ее знакомый, Юлиуш Константинович Войцеховский, ссыльный.

— Так, может, теть Сим, ты у нас католичка? — продолжал игру племянник.

— Что ты, Гер! Юлиуш Константинович и не служил давно, бухгалтером работал. А костелов в нашей области до самого Челябинска ни одного и не было. Да и в Челябинске не было, а ближайший, кажется, в Свердловске, а то в Перми, другая планета. Вот и все католичество! А бабушка Витольда, она первая сказала, что какой-то Божий дар почувствовала во мне. Первая и до самого конца школы — единственная. Отец бабушку не любил, но все ж держал линию: «гонбровую». Дру-

зьям своим, шоферам Строймехколонны объявлял: «Месяц к нам ни ногой! Их светлость пани теща Витольда приехала! У нее от вашего уральского мата мигрень сделается». И издевался самолично.

А мать тихая, робкая, мне Нюра твоя всегда ее напоминала. Только недавно я вдруг сообразила: отцу чем-то даже нравились эти приезды, поединки. Пить переставал, материться, для тещи специальное словечко выдумал: «пшиздэц». Весь подбирался. Один раз с завгаром договорился, путевку оформил и на своем зилке нас с нею до самого Кургана довез, километров сто двадцать было... Ой — быстро схватила платок, прижала к глазам. — Ой, Маш, будь ласка, принеси еще графинчик михеевской и грибочков!

Маша — *экономка*, разбалованная, почти родня, сидевшая уставив кулак в щеку, неспешно поднялась, недовольно покосилась на Геру, пошла в кухню.

— Вот, Герочка, целая жизнь прошла, а как мы в Курган ехали, помню, как вчера. Десять лет мне было. Жара. Отцу остановиться пришлось, так он даже когда скаты менял — не матерился. Чай кипятили. «Пани Витольда, вы тушенки похавать не изволите?»

Маша принесла графин, салатницу, грибы, разлила сама (маленький укол Гере: и эту мужскую обязанность ему не доверит). Помянули Витольду Казимировну, родителей Серафимы, Герину маму Нюру.

— Сим, а что, Витольда Казимировна из каких-то графских польских кровей? — Маша это уже не раз спрашивала, ответ помнила, но «семейный разговор» пускать мимо не хотела.

— Нет, наверное. Она и полячкой была наполовину, и по паспорту — белоруска. Учительница... — И словно дорешав в себе какую-то задачу, уравнение, резюмировала: — Нет, точно, отец в конце жизни ее полюбил. Он же представлял, каково ей со всеми болезнями каждое лето приезжать из Гомеля, со мной возиться. К Юлиушу Константиновичу в Курган возить. Так в один приезд у нас и умерла, в 1972 году. Шестого июня.

— А может, тетя Сим, они тебя и крестили? На дому? Так бывает. Юлиуш Константинович, он чем вообще, занимался с тобой?

— Книжки читал. Рассказывал много, рисовать научил. Я на одной выставке корреспонденту так и ответила: «Мой учитель — Юлиуш Войцеховский, картина „Краков 1939 года“, самая главная в моей жизни, посвящена ему». Именно тогда, в Кургане я... *видеть* начала. И поняла, как это страшно...

Маша и Гера знали ее значение слова *видеть*. Серафима не любила слов: экстрасенс, ясновидящая, контактер... Но как-то дар называть было надо. Меньше отторжения вызывали слова: визионер (как Эммануил Сведенборг), духовидец, но... Серафиму они очень смешили в женском роде (попробуйте, произнесите). Обычно она ограничивалась самым простым: я — *вижу*, я *могу видеть*. Один известный журналист в своей телепередаче весьма насмешливо переспросил: «Ну а мы, что — не видим, что ли?» Серафима Борисовна тогда оглянулась на него, удивленно, как только что разбуженная: «Ты? Конечно, нет. Ты — шуришься! И щупаешь».

— А почему ты сказала: видеть — страшно, Сим?

— Когда я быстро рисовать научилась, они, Витольда Казимировна, Юлиуш Константинович, очень удивлялись, радовались. А однажды пан Войцеховский сам потом говорил, не зная почему, вдруг попросил нарисовать ему Краков. Они с бабушкой Витой там родились, жили до войны. А я, пигалица, тоже не зная зачем, переспросила: «А точнее? Вам какой Краков нарисовать?»

— А такой, — засмеялся Юлиуш Константинович, — какой он сейчас, сию минуту!

Я схватила карандаш, тюбики. Наверно, язык высунула, двенадцать же лет девчонке! Рисую. Смотрю на них — весело болтают по-польски, вспоминают что-то. По-

том ко мне стали заглядывать, притихли. Я дорисовываю, смотрю на них и замечаю, как они испуганы.

— Что это, Серафимочка?

— Ваша улица, Юлиуш Константинович.

— А-а как? Откуда ты узнала? Почему?... Пани Витольда, вы Серафиме показывали какие-нибудь фотографии Кракова?

— Только эту. — Она достала старую почтовую открытку, всегда ее с собой носила.

Пан Войцеховский за голову держится, ходит по комнате:

— Может, журналы? В библиотеке?

— Я хожу с ней в библиотеку, никогда там польских журналов не было.

— А как ты, Серафимочка, Краков увидела?

— Не знаю, я только вас, Юлиуш Константинович, видела, вы же его сейчас вспоминали.

— А это, Серафимочка, что?

— Луна. Только она у меня совсем не получилась.

— Луна?

— Вы же сказали: как в сию минуту! Там сейчас рассвет ранний, но луну еще видно. Но не получилось, она бледненькая должна быть.

А они с бабушкой Витой все смотрят, сердешные, на меня, друг на друга, сами все бледненькие. Пан Войцеховский вытащил часы на цепочке, что-то считает, шепчет: «Матка Боска! Точно рассвет, полятого утра». И пока они так испуганно молчали, я решила им подарок сделать. Сижу, другую картину рисую. Я когда *вижу* — очень быстро рисую. Тогда этого не знала, не сравнивала. Час прошел, может, два, они все сидят, изредка шепчут, крестятся. Теперь я решила сразу же все им объяснить:

— Ту, где рассвет, не надо, уберите! Вам же другой Краков нравится, какой он до войны был. Вот смотрите. Дом с магазином и почтой, сейчас там — площадка рынка. А эти дома стояли у вокзала раньше. А это... а это... А тут я пририсовала, как с бабушкой Витольдой вместе идете, но это я придумала, чтоб вам приятнее было, хоть вы тогда не знакомы были...

И так им все щебечу, экскурсовод эдакий, самозванный, и только потом оборачиваюсь от картины на них. До сих пор помню, как мне страшно стало — из-за их лиц. Ужас. Крестятся, бормочут «Матка Боска». Такой ужас на лицах я видела в жизни только два раза. И сама струхнула! Вот, значит, что такое «зеркальные эмоции».

Заметно было, как утомило Серафиму курганское воспоминание.

— Да, «развеселила» их своей картинкой... Бабушка Витольда приезжала к нам и на следующий год, у нас и умерла. Теперь я знаю отчего — хотя и болезней у нее, бедняжки, много было.

И Серафима, встав, размашисто перекрестилась справа налево, православно, тоже, получается *зеркально* тому, как крестились в Кургане насмерть перепуганные добрые католики Юлиуш Константинович и Витольда Казимировна.

Присев, она долго молчала, потом вдруг спросила:

— А что, Гера, когда американский президент к вам приезжал, ты стоял близко?

— Метрах в... семи. Я ж рассказывал, тетя Сим! Мы сидели по своим кабинетам. Должны были отвечать: звонков тогда как раз повалило! Цунами. Транслировали в режиме реального времени.

— Помню-помню. Реклама вам устроил на весь мир! Мы с Машей потом по всем новостям пересматривали, так тебя не углядели... Президент еще сам отвечал на звонок. Взял наушники у какой-то вашей девчонки. Мы еще тогда подумали — верно, Маш? — как та пигалица может Слову божьему учить! Такая красивенькая, накрашенная, пучеглазая немного. Ей бы в телеконкурсах глазками-коленками сверкать, лет двадцать небось...

— Оставляй старца и учаше кто млад, — процитировал кого-то Гера, как с амво-на. О давнем пиетете Серафимы пред любой фразой на церковно-славянском знал не как все, из газет, где она фотографировалась среди икон, а на правах «вхожего в дом», особенно в детстве-юности. Пока жива была его мать, двоюродная Сими-на сестрица Нюра.

— И она не такая уж молодая. Лиза Сумарокова. Выглядит, может, как тинейд-жерка, губы, да... Но ей двадцать пять скоро.

— Двадцать пять, — вздохнула Серафима, и о своем перезрелом племянничке тоже, — Маш, голуба, порежь-ка еще балычка. И будь ласка, плов заberi, подогрей чуток, остыл тут за разговорами. А она-то, твоя Лизанька Сумарокова, вижу, ой как тебе нравится! Прямо женился, сей бы миг!

— Ну что ты, тетя Сим, — алая ушами-щеками, пробормотал Гера, — она такая...

— Какая?

— Дерзкая, азартная... и гордячка очень. А я...

— Ладно, Гера, давай теперь за то, чтобы на работе все у тебя заладилось. — Упомянутая Серафимой 40-градусная настойка была «на алтайском красном корне, привезенном Михеем»). — Я не говорила, но пока ты по своим фундам-фирмам мол-тался да потом без работы сидел, мне же Нюра почти каждую неделю ночами виде-лась. С тобой, но чаще будто с грудным еще, спеленутым. Большущая такая толпа на путях, рельсах, прямо море людское, вокзальное, а она сквозь проридается, сама такая... малютка, пичужка божия и тебя, обдуванчика, несет. И дым почти всегда какой-то носится над толпой. А я повыше стою, на вагоне плоском, где песок возят... и всем сотням, всем надо на эти вагоны попасть. Лезут, оттирают. А она все протис-кивается, меня глазами ищет — как встретимся, так я и проснусь.

По тону, по мелькнувшей слезе, по всему Гера понял, что Серафима исполнит его просьбу, придет к ним, поговорит с Веденским. И буклет тех галеристов, Марка Эльчина и Герарда Брунина, взяла глянуть. А как там дальше? Он едва представлял, что именно нужно их мрачному супервайзеру, но как было повторено: ты приведи, дальше не твоя забота. А может, просто наделают фоток, наснимают сюжетов, вы-везят на сайте, и будет ему «зачет». Достаточно, чтоб оправдать повышение?

4. Олигархия и другие

— Миссионер Сумарокова!

— Да, Лев Фомич!

— Что у нас на сегодня с этой... женой этого, с...

— С Анной Петровной Лейх. Пока пауза.

— Сколько пауза?

— М-м... сейчас, — заглянула в планшет. — Шесть дней... Вы же говорили, самим звонить, навязываться не следует.

— Говорил. Но это общее стратегическое правило. А если уж такая... клиентка вдруг прервала общение, вы должны были мне сообщить. Что у нее было в прош-лый раз?

— То же, что и в позапрошлый. Ощущает свою полную, абсолютную зависи-мость от... В общем, некто сидит на островке, типа атолла, посреди Тихого океана. И он оттуда может заставить ее даже руку, ногу опустить, поднять. Пошечину са-мой себе влечь. А уж засмеяться вдруг, зарыдать при всех — легко. Стихи ей раз-ные диктует... Человек ли он, колдун, гипнотизер? Может, ангел там, охранительный. Или, наоборот, искусительный, она, короче, не знает. Это я и должна ей помочь выяснить.

— Сумарокова, ну что за безобразные ухмылки! Вы же у нас — скайп-миссионер! И над кем смеетесь! Что может увидеть клиент, доверивший вам, нам свои сокровенные духовные проблемы! Фу! Да, наверно, если вас вернуть в кабинку — такую ухмылку кандидат почувствует и по телефону!

— Во-первых, Лев Фомич, у меня всегда есть книга под рукой, раскрыть, уткнуть-ся. Если что, я всегда успеваю. А во-вторых... во-вторых, меня просто сам случай рассмешил. Меня, может, сейчас, тоже этот ее, тихоокеанский, с атолла, ухмыльнул! И моего сочувствия к доверившейся это никак не отменяет! И Анна Петровна, между прочим, в этом уверена. Хотите, заберите, передайте ее Кудрявцевой или Ламину — посмотрите, что получится!

— Ладно-ладно, Сумарокова. Но если эта... Анна Лейх не проявится еще два дня, сообщи мне обязательно! Да, напомни-ка, с чего у нее это все началось?

— Аллергия на причастие была. — И перехватив полезшие на лоб брови супервайзера Веденского, миссионер Сумарокова пояснила: — Аллергическая реакция. Зуд там, жжение, краснота... И крайний конфликт с окружением мужа: бизнес-партнеры, жены. Третировала всех подряд.

— Да-да-да. Теперь вспомнил.

— Илья Евсеевич Лейх очень ее... ценит. Носится с ней, как незнамо с кем. А тот тихоокеанский колдун...

— Все-все. Иди. — И хорошо известный всему Колл-центру знак, достал спрей-баллончик, пшикнул три раза: утомила, значит, крайне. — Ступай. И запомни, Сумарокова, два дня.

Закончив отчет добрыми, энергичными пожеланиями добра и процветания Конгрегационному совету и лично преподобному Сайрусу Меддоку, он хотел уже выключить ноутбук, но все ж пересилил навалившуюся усталость. Поднявшись, дошел до полки, сняв бутылку, долил коньяка в остывший кофе. Три быстрых глотка, потом два в оттяжку, и он снова прилип к экрану, набрав свой буквенно-цифровой *Сим-сим-открой-дверь!* — к архивным кладовым. Илья Евсеевич Лейх, президент совета директоров «Нефтеойлпетролеуминвеста», восстановил два храма и построил третий в новом пригороде Салехарда, получил орден и грамоту от патриарха. С женой Анной Петровной действительно «носитя». С колокольни своих сорока девяти лет он прекрасно разглядел: лицо императорского фарфора, зеленые глаза, брови соболиные. И обильные золото-платиновые волны по плечам. Он и сам носился бы... Помечтать больше минуты Павел Фомич себе не позволил, вернувшись к делам записал в файл «N. V.» пометку: «Миссионер Сумарокова путает *причащение* с *причастием*. На ближайшем гритти-часе напомнить ей. Не упрекая, лучше даже в шутливой форме: „Причастие! Еще скажите, Сумарокова, деепричастие!“»

И вернулся к архивному файлу. Так, венчались Анна Петровна с Лейхом в ноябре 2019-го, шафером у него был... венцы держали... ох ты боже ж ты мой!

Запись велась в дуплексе, можно было, поделив экран, видеть и Анну Петровну, хватающуюся за подлокотники какого-то роскошного кресла (только что не трона), резко поднимающуюся и вновь плюхающуюся, красивые, соболиные страдальчески заломленные брови... и рядом, в правом окне, нашу миссионерку Лизу Сумарокову. Правду сказала, прикрываться книгой она всегда успевала: проматывая долгие беседы, супервайзер Веденский видел ее вытаращенные, усиленно моргающие серые глазищи поверх распахнутых книг.

А вот Анна-то Петровна!... Вот это да! И так никогда особо к сеансу не одевалась, то халатик, то пеньюар... А на какой-то там сороковой с чем-то минуте она и вовсе скинула кружевную лямочку с левого плеча... и, продолжая сбивчиво говорить, правой рукой то поглаживала, то щипала темно-розовый сосок, тоскливо глядя в веб-камеру. Этот ее тихоокеанский колдун с атолла, похоже, еще и развратник

отменный. Хорошо, еще предупреждение о ведении записи разговоров, видеоконференций, получение «согласия на обработку, хранение информации» — все разработано тщательно. Юристы работают, проигранных процессов у Колл-центра пока не было. Но почему про эту скайп-эротику она не рассказала? Чтоб постеснялась? Сумарокова?! Ни в жизнь не поверю...

И Веденский еще раз пересмотрел сорок третью—пятьдесят седьмую минуты сеанса. Отдадим должное серьезности супервайзера: изучал он реакцию своего миссионера. Сумарокова проявила весьма похвальную выдержку, словно пред ней какая-нибудь старушка жалуется на плохую компанию ее внука (обычная тема обращений) и просит совета, какой молитвой отвадить. Слушала, тараша серые глазища, лишь на сорок девятой минуте схватила книжку, прикрылась. Боже, «Иудейские древности. Иосиф Флавий»! Что она там могла подходящего ситуации зачитать? Это юмор ее такой? Но, увы, есть предел и у возможностей телеслежки: что именно чувствовала, замышляла Сумарокова, наблюдая красавицу олигархиню, разобрать было нельзя — вся мимика укрыта Иосифом Флавием...

Но недаром супервайзер Веденский за четкую, неумолимую работу ума имел кличку Иезуит, известную даже и в Пасадене. Значит, так... 1) Непрерывная запись всех сеансов — изначальное, всем известное условие. 2) Карьеристка Сумарокова точно знает, что за свое поведение, выдержку, проявленную в конце четвертого сеанса бесед с Анной Лейх, она получила бы небольшое поощрение («молоко за вредность» — ха-ха-ха!). 3) Но не сообщила. 4) Сумарокова могла предположить, или хотя бы не исключить, что у супервайзера не хватит времени, терпения досмотреть сеансы ее работы до сорок третьей минуты. 5) И она оставила этот... случай Лейх — «про запас». 6) Если я никак не проявлю осведомленности, то она может считать эту «инфу», компромат на Анну Лейх своей личной собственностью. 7) И в подходящий момент использовать. 8) Шантаж? Контрсоблазнение?

И Веденский поставил в ежедневник еще одно *N. V.*: «Сеансы Сумароковой просматривать — все! Через неделю, возможно, обратиться к Измайлову: сопровождение второй степени». Прыткая провинциалочка!

Семья неполная. Мать: Сумарокова Вера Михайловна, учитель литературы восьмилетней школы поселка Торфобрикет Костромской области. (Круто!) Примечание: Вера Михайловна окончила 25 лет назад этот же самый факультет, даже руководитель дипломной работы у них один, Ядринцев Михаил Степанович, темы дипломов, соответственно, недалеко ушли. Что-то там из поэзии Серебряного века... Диннастя, х-хы! А Ядринцев этот (внимание!) «через два рукопожатия» или даже одно знает с нашим чеховоманом (Хизингом) и в период реформирования Колл-центра умудрился рекомендовать на собеседование аж двух своих выпускниц (еще Светлану Кудрявцеву) а те, в свою очередь, умудрились пройти конкурс (1:5).

Внешняя привлекательность (в ЦРС записываемая как «Коэффициент Мэлори») имела значение с прицелом на скайп-миссионерство — так кто ж тут оказался больший поклонник женской красоты: тот университетский Ядринцев или Хизинг?

Все относящееся к Стеллу Хизингу супервайзер Веденский, словно готовясь к дальнему, но вполне вероятному поединку, держал на отдельной полочке внимания.

Мать, отпуская красавицу Лизу в Москву на первый курс, твердила: «Ты только найди себе хорошую, достойную пару и сразу выходи замуж, чтоб мне хоть помереть спокойно». И когда дела пошли совсем по-другому (то, что в досье, собранном шефом-секьюрити Измайловым, помечено: «краткий период: содержанка»), Вера Михайловна, почувствовав, собрала все силы, сбережения, заткнула свой «букет» (болезней), словно в ведро, и приехала.

Маневр смелый, полная отвага, ибо родственников в столице — ни души, абсолютно. Но поражалась дочь — такие «финты» ей удавались. Даже странно, при столь

внезапных взрывных способностях мать так и не вышла замуж. А еще ведь и при красоте! Из Коэффициента Мэлори (у Лизы Сумароковой равен 96) «вкладчиком» 70 % можно было признать ее маму. От неизвестного отца достались: быстрый, подвижный ум, большие серые глаза навывкате, черные вскинутые дуги бровей (у матери и костромских теток бледно-голубенькие, а брови подразмыты).

Отец, незамужество остались необсуждаемыми темами. Скорее, конечно, полный негодяй, но, может, ведь и какая-то тяжелая, неупоминаемая трагедия. Молчание, и... целая вселенная — поле для фантазий. Отчество «Михайловна», как бывает в таких случаях, дала свое.

Ладно, замуж не вышла, но «финт» по возвращению дочери на праведный путь удался. Два раза ночевала у малознакомой институтской подруги, в Хлебниково, Савеловского направления. Потом каким-то чудом прибилась к уборщице храма Иконы Казанской Божией Матери в Подмоскowie. Просто попутчица в электричке храм тот, настоятеля отца Владимира похвалила. Пришла, молилась, помогала мыть полы, окна, попросилась ночевать, так и прибилась на почти две недели. Удаются у нас пока еще такие «финты», ну и слава богу! Разыскала дочь, заставила восстановиться в университете (училась-то почти отлично). И еще раз повезло: Лизкин «папик» оказался не каким-то бандитом, крутым бизнесменом, а весьма нервным господином, мнительным, ипихондриком. Наверно, всю твердость, решимость забирало его рекламное агентство, так что угроз и грубостей костромской учительницы его первому, паникерскому «я» хватило: оставил (или отставил) Лизу.

Очередной фокус краткой московской гастроли Веры Михайловны: старый ее университетский преподаватель, по старым же, литературоведческим(!) связям вышел на Хизинга. Далее собеседование, конкурс — уже личный дочкин успех. Колл-центр, выкупленный ЦРС, переформатировался, Лиза перешла на вечернее и вскоре получила работу по общемосковским меркам весьма завидную. Престижность центра получила и совершенно внезапное подтверждение: среди миссионеров оказалась Светлана Кудрявцева, наверно, самая мажорная девушка на их факультете, дочь банкира.

Новая нагрузка отвлекала Лизу от прежних «полусветских» потягушечек. Мать взяла с нее самые страшные клятвы, грозила, что так и не уедет домой, будет жить у церкви, потом на вокзалах, что при ее болезнях смертельно. Видно, помогло и еще что-то. Ведь сколько клятв дается-принимается, и все справочные файлы Веденского не вместят, а *эта*, Лизина, была выдержана в основных параметрах.

Зато потом при дочкиных побывках в поселке разговор у них складывался кратчайший, но примечательный, со стороны послушать — так просто фантастический:

Мать (вставая, крестясь на икону Казанской): О, я тебя отмолила!

Дочь (закатывая глаза, отстраняя мобильник): О, я тебя умоляю!

И так несколько раз за вечер: Я тебя отмолила. — Я тебя умоляю.

После бесед с супервайзером Веденским Сумарокову обычно тянуло чуть-чуть «разжать клещи на висках», и лучшим релаксантом был ее воздыхатель Аркадий Незванов, для краткости Аркан. Сегодня у него на руках была и особая приманка: после фотосессии для квартального Бюллетеня ЦРС успел закончить с немцем-фотографом и получил, говорит, пять кадров с памятным ее падением в руки шеф-секьюрити Измайлова. В паседенский Бюлетин они, конечно, не попадут. Эксклюзив. Что называется, заарканил — тут не обойдется без обжиманий и чмоки-чмоки, снимки того стоят.

И не обошлось... Скачав их на свой телефон, она еще минут пять пересматривала.

— Нет, смотри, Аркан, вот здесь же видно: Светка толкает меня!

— Лиз, еще раз — и я подтверждаю, что она здесь ударяет тебя ножом.

— Мне лжесвидетели не нужны.

Их и всего Колл-центра общий приятель, клининг-менеджер, уборщик Гена по кличке Кортес давал им карточку прохода в свою «кондейку», склад ведер, щеток, стоянку машин-пылесосов. Комната хозяйственного хлама имела важный плюс — отсутствие камеры слежения. Психологическая отдушина, *джаст релакс...* А незвановское «Лиз, еще раз» — означало лишь поцелуй с объятием и легким запусканием рук — тут Аркадий был словно возвращаем в школу, в свои скромные восьмой-девятый классы...

— Лиз, но честно, тут же видно: когда ты в композиции того немчуры со стула грохнешься — Кудрявцева просто отклонилась назад. Но Измайлов-то молодец! Смотри, успел, схватил, а на лице мимики — ну абсолютно ни малейшей! Брови, все на месте. Неожиданно ведь было.

— Да! Об его морду ножи точить можно.

Но Аркадия не обманывала эта нарочитая грубость. Вдохнул, пока Сумарокова туда-сюда гоняла на экранчике удачную подборку.

— А знаешь, Кудрявцевой с ее пинаповской красотой, пухлыми губками, щечками перекараситься в блондинку — стала бы на Мэрилин Монро похожей, да, Аркан?

Незванов ухмыльнулся: столь великодушные оценки Лиза Сумарокова не выставляет просто так. Жди выпада... Пожалуй, да, стала б тогда Светлана Монро, блондинкой и уже полным антиподом своей врагини, брюнетки Сумароковой. Плитка на первом этаже бизнес-центра в клетку, вот и выпускай на поединок черную и белую королеву. Другие «анти» давно наготове: томность — против резкости, богатые родители-москвичи — против костромской учительницы, двухкомнатная квартира на проспекте Мира в подарок к окончанию еще четвертого курса — против снимаемой однушки на Алтуфьевской.

Странная изнаночная оппозиция возникла даже на линии родительской обеспокоенности интимной жизнью дочерей.

Парадокс, но в семействе банкира Кудрявцева как раз были бы не против, если б дочь завела какой-нибудь роман, даже с сожительством. Более современные, более столичные взгляды внушали и совсем другой набор страхов, нежели те, что подняли, бросили в дорогу большую учительницу поселка Торфобрикет Костромской области.

Отсутствие у дочери кавалеров, бой-френда в школе, потом на первом, втором, четвертом курсах университета сначала удивляло, потом беспокоило родителей не меньше, чем саму Светлану. Четыре неуклюжих сводничества с сыновьями друзей. Мальчики уклонялись. Пятая попытка «в своем кругу», опасались родители, могла сделать их предметом сплетен, насмешек. И ведь объективно симпатична... Поздний ребенок, понятные мысли о внуках. Но не менее тяжело вдруг оказаться не в тренде. Дочери их знакомых выходят замуж, давно живут в гражданских, пробных браках. Варламовы при их миллионах весь прошлый месяц упоенно протягивали смартфоны, показывая фото: какое кольцо их Татьяне подарил любовник, человек «вполне нашего круга». Отвечать на банальное «Ну а как ваша красавица?» становилось все неприятнее. Тяжко выпасть из тренда.

Но после того, как Лиза вывесила на своей страничке добытые Аркадием фотографии, где немецкий фотомастер поймал момент, где Измайлов поймал падающую ее, а сама она поймала пятьдесят девять «лайков» в первый же день... причем почти треть — от коллег по Колл-центру... Через неделю после этого на страничке Кудрявцевой появилась галерея снимков неожиданно смелых, немного даже откровенных, два — в обнимку с загорелым красавцем, подпись: «Со знаменитым теннисным тренером Виктором Нейманом».

— У нее все пять курсов ни-ко-го не было! Не только родители, все поражались, но это уж судьба. Знаешь, Аркан... одни вечно не знают, куда пихнуть мобильник, другие — куда спрятать злость и обиду на жизнь. Мы же с ней как полюса магнита. Даже не знаю, что сильнее: я притягиваю или она отталкивает? Вот и твой питерский Сирожа — все туда же.

Аркадий подтверждающее вздохнул. Питерский дружок Сергей Вашенин, недавно рекомендованный им в Колл-центр, несмотря на всю благодарность трудоустроенного экс-аспиранта, несмотря на предупреждение Аркадия, еще в самом первом телефонном трепе: «Тут две классные чиксы, смотри, к одной не подкатывайся», выбрал все-таки именно Сумарокову. Еще один воздыхатель, в отличие от Аркадия — безнадежный, тема шуточек.

— Я-то хоть и язвлю, но в душе-то мягкая, правда, Аркан? А у этой пухлячки полдюйма подкожного жира и далее — камень, да еще неотесанный... Да. А тренер-то Виктор на ее страничке, знаешь? — «знаменитый» не теннисом, а другим. Угадай рифму с двух раз!

— Неужели?

— Что, Питер поотстал? Теннисный тренер: лучшая «гигиеническая прелюдия к браку». Богатые тоже плачут, но о другом и нанимают таких с целью... Упретить возможные дочкины сексы, прежде всего — романтически-лузерский! А то завалится на порог такой олух, типа твоего Сирожи. Да еще со всхлипом: «Знаете, у нас со Светой, кажется, будет...» Вот по контракту с ее предками тренер и готовил Кудрявцеву в грамотные, легко не ведущиеся женщины. Эти снимки на ее страничке — двухгодовой давности! На окончание «теннисного курса».

— Складно-гладко, но откуда ты... — протянул Аркадий.

— ...Остались общие знакомые. Мы ж имели счастье учиться на одном факультете. Но она на два года старше.

5. Экс-зэк

— Аа-бед! — Поверх жужжания абонентских жалоб и вопросов в наушниках донеслось зычное «ключевое слово» шефа секьюрити-отдела Павла Ивановича Измайлова. И словно специально для тех сотрудников, кто случайно посчитал эту команду армейской ностальгией шефа, последовало громовое продолжение-опровержение: — Второй отряд! Выходи строиться на обед!

Конечно, никаких правил в Колл-центре ходить/не ходить обедать не существовало, ни строчки, ни буквы, демократия. Разделение на две смены — это было обычное для непрерывных производств дело. Первая смена: перерыв 13-00—13-30, вторая: 13-30—14-00. А еще часть сотрудников, не все двадцать семь, разумеется, человека три-четыре посменно дежурили и ночью, принимая обращения неспящих или дошедшие из других часовых поясов. И еще одно: секьюрити-шеф Павел Измайлов действительно отсидел, четыре с половиной года общего режима.

Этот выбор Стелла Хизинга, восточноевропейского прелат-директора, начальствовавшего над Московским и еще четырьмя отделениями ЦРС, Колл-центром, издательством и другими подразделениями был не так уж парадоксален. Отдаленно дилемма походила на выбор российских бизнесменов «лихих 90-х»: крыша бандитская или ментовская? В те годы мистер Хизинг приезжал в Россию по славистским связям и чеховским делам.

«Империя ЦРС» была масштабным предприятием, напрямую касавшимся и менталитета граждан, и само собой было понятно, что кого ни выбери он в шеф-секьюрити — все равно тот будет в контакте с ФСБ. В принципе охрана сотрудников-миссионеров, техники, финансов, поддержание порядка на съездах, выездных меро-

приятнях и предполагала постоянный рабочий контакт с правоохранителями. И из всех вариантов, «подвернувшихся, случайно рекомендованных» кандидатур Стелл Хизинг выбрал не просто «бывшего мента», а «бывшего мента и бывшего зэка». Из русских газет, литературы тех лет знал, что почти всякая «посадка» мента, тем более подполковника — в определенной степени его «подстава», «сдача» коллегами, значит, его эмоциональная связь с «кураторами» будет в этом случае менее сильной, не такой однозначной. Про себя он это назвал: «поймать двоякодышащую рыбу». С вероятностью, что в какой-то важный момент она окажется пускай и не «антирыбой», но во всяком случае — «не только рыбой».

Впрочем, то были теории американца, человека книжного, теоретического, хотя насчет «свои сдали» он, похоже, угадал. Павел Измайлов служил во внутренних войсках, охранял какие-то объекты, и что-то там вышло с результатами министерских проверок, должностными инструкциями, так хитро составленными, что их и нельзя было точно выполнить, не остановив работу тех объектов. А еще подрабатывали, охраняя бизнесменов... Далее — «избирательное предательство» — об этом он рассказывать не любил, при том, что с удовольствием повествовал о своей тюремно-лагерной карьере.

Рослый здоровяк шестидесяти четырех лет, седой упрямо торчащий ежик, шрамы (в основном на руках, костяшках пальцев). Неотвдимый, неопускаемый взгляд, столь же уверенная рубка фраз, приправленных казарменным юмором, лагерной философией (*Кто меня посадит — я сам себе тюрьма...*) — в общем, интересное, для некоторых женщин и вовсе убойное сочетание.

Стелл Хизинг, вообще говоря — филолог, чеховед, фил, ман... автор монографии об истории постановок «Трех сестер» в США. На нынешний пост назначен с учетом и второй специализации: Максим Горький, Леонид Андреев и русские ницшеанцы, богоискательство начала XX века. Хизинг считал, что разглядел в Павле Измайлове проявление очень важного тезиса немецкого философа: «амор фати», Любовь к Судьбе. Как известно (Хизингу, во всяком случае, было известно) каждый, носивший красные погоны внутренних войск, попав на зону, подвергался особой опасности. И несломленный Павел в итоге сумел полюбить свою судьбу (откуда, наверно, и эти постоянные тюремные шуточки), не скатиться к «ресентименту». Многие начинающие миссионеры Измайловым бывали шокированы, но мистер Хизинг игнорировал, как-то даже выдал жалобщику что-то вроде: «А стьючать — нехорошо».

В общем, одно дело — умственный, сочиненный Заратустра, другое — бывший подполковник ВВ МВД и зэк. Бравый. Хизингу казалось, английское «grave» не передавало всех оттенков образа и поведения его шефа-секьюрити. Осваивая лексические пласты страны пребывания, он, казалось, нашел подходящую популярную формулировку, идущую еще от диссидентов 1970-х: *узник совести*. Объясняя Пасадене кадровый выбор, повторил несколько раз, пробовал ввести в обращение, словно нацеплял сей устный «бэйджик» шефу-секьюрити. И не совсем понял поправку (шутку?) адресата, когда Измайлов пару раз назвал себя «узник бессовестности».

Еще меньше шансов было у Хизинга понять другую фразу Павла Ивановича. Однажды после жалоб миссионеров на посторонние шумы на линии Измайлов сам сел к пульту, надел, проверяя, наушники и услышал самый обычный залетевший вопрос:

— А это правда, это точно, что Второе Послание Коринфянам написал апостол Павел?

— А вы с какой целью интересуетесь?

Сие даже из природно русскоязычных могли оценить только те «кто в теме». И по совершенно идиотскому, невероятному совпадению попавший тогда на Измайлова, некий Вадим Перов оказался именно таковым. Давно откинулся, завязал, удачным

макаром женился. Все как у людей, да, на беду, как-то заспорили с тещей: она известные сомнения критической школы Баура в авторстве апостола Павла Послания к Ефессянам совершенно ошибочно перенесла на Второе Коринфянам. Вадим-то знал — да вот решил к вечернему продолжению спора с тещей еще и подкрепиться справкой авторитетного Колл-центра и нарвался. Ужаснулся. «Кого они там набрали?» Вспомнилось многое. Выпил, еще повспоминал, еще выпил — в общем, вечером богословского диспута не получилось.

А еще Павел Измайлов порой проявлял свое «глубоко иерархическое восприятие реальности», что выражалось в постоянном применении самых различных классификаций и рейтингов, мышлении сравнительными категориями.

Так Серафима Борисовна Калугина, ставшая сотрудником Московского ЦРС, однажды спросила его о племяннике Гере Ламине. Измайлов рубанул прямо:

— На нашей зоне *его* опустили бы... через два часа.

Но и за мимоходной блиц-оценкой стояла «иерархичность». Человек-де, не сам по себе, но всегда — на шкале, в какой-то ячеее рейтинга, в этом все судьбы схожи. От генералов, воров в законе и до... Никто не избежит ранжирования, от приложенной линейки не уйдет. И (что следовало из фразы Измайлова): другого на *их* зоне может, опустили бы и вовсе через час. А на другой зоне, ее племянника, может, не опустили бы и вовсе...

А что до его юмора («Второй отряд, строиться на обед! Приборка в барак!»), то еще в лифтах, по дороге к столовой-кафе бизнес-центра «Аделина», располагавшейся на первом этаже, офисные сидельцы страхкомпаний, банков, агентств, особенно те, кто помоложе, начинали разминать занемевшие спины, ноги и остроумие — и, как заметил мистер Хизинг, в смене, с которой шел обедать шеф Измайлов, желающих спуститься в кафе «Аделина» всегда прибавлялось, убывало число «бутербродников», перекусывающих за столиком возле офисного кулера.

Серафима Борисовна, придя в Колл-центр ЦРС, попросила не представлять ее «ясновидящая, целительница», соблюдать линию: она *не член* ЦРС, здесь — в рамках работы для всеобщих духовно-религиозных целей. Количество обращений, как и предсказывал Ведынский, выросло почти на 35 %, вопросы для Серафимы откладывались, сортировались. Некоторым отвечала и в «режиме реального времени», для чего и учредили персональную передачу на Интернет-ТВ. 87 000 просмотров в первую же неделю и устойчивый рост далее.

6. Исцеление

И в Колл-центре продолжила она свою методу: делать не то, что просят. Освоенную еще с поздних 1980-х, когда приходившим за исцелением она давала предсказания, а пытавших о будущем, наоборот, исцеляла. Так и в ЦРС, придя второй или третий раз, оставшись в кабинете с супервайзером Ведынским и шеф-секьюрити Измайловым, она внезапно «вступила в свои права». Когда Павел Иванович прервав долгий разговор, начал вздымать грудь, готовясь ко всем знакомой, давно уже всем надоевшей арии «мучительно кашляющего гостя», достал свой спрей и хотел было вонзить хоботок — Серафима Борисовна вдруг привстала, мгновенным, но не резким, кошачьим движением выхватила баллончик.

У Ведынского перехватило дух от дикой бессмысленности произошедшего. Удивленно замер и бывалый, тертый Измайлов.

Дальше — не легче: Серафима Калугина, продолжая вертеть в длинных своих пальцах белый баллончик, разглядывать... и вдруг еще одним кошачьим движением бросила свободную левую руку на горло супервайзера. Словно собираясь придум-

шить его или прощупать пульс на сонной артерии. Дико и представить: Лев Фомич в дорогом породистом сером костюме, абсолютно белой сорочке, галстук тоже дорожный... а выше галстука: смуглая худощавая женская рука сжимает горло. Секунда-две-три, может, даже пять, а потом столь же внезапно фигура Серафимы сделалась заметно слабой, словно колеблемой сквозняком. Отпустив Веденского, устало присела в кресло, откуда только что взмылась. Единственное — дурацкий баллончик продолжала вертеть перед глазами, словно впервые в жизни видела что-то подобное.

— Прошло?.. Грудь, горло, говорю... прошло?

Не сразу, но все же Лев Фомич положил руку на грудь, потер проверяющим движением, прислушиваясь к себе, со взглядом опытного страдальца, поднял к освобожденному горлу: п-прошло.

— Теперь совсем пройдет. Не будет кашля, спазмов больше. Совсем.

— Аа-а как? Почему? То есть... а-а что ж раньше было? Девять лет?

— А ты притворялся!

Серафима всем говорила «ты». Во всяком случае, пока ни Измайлов, ни Веденский, ни Хизинг ни одного «вы» от нее не услышали.

— Че-го?

— Ты притворялся, что астма или чахотка...

Наблюдавший эту сцену с трех шагов Павел Измайлов почувствовал некую потерю ориентации, как когда-то в лагерной драке: его сзади внезапно ударили по голове кирпичом, завернутым в бушлат. Реальность раздвоилась, он верил изумлению Веденского: ну не притворялся он! И одновременно верил Серафиме: да, Веденский притворялся...

А она, словно не наигравшись, еще зачем-то швырнула баллончик в форточку. Что еще хотела показать? А, ну да! — меткость, дворовую доблесть. Сидела метрах в пяти от окна, форточка приоткрыта на треть — попала.

Спазмы, кашель Льва Фомича, между прочим, и вправду прошли...

Стелл Хизинг смотрел на Серафиму Калугину, как он смотрел на все и всех: случай для статьи, материал для монографии, интересный пример, который должен что-то проиллюстрировать, объяснить.

А миссионерская молодежь, и так увязавшая в трактатах, таинствах, догматах, определениях сверхъестественного, от свалившегося «феномена Серафимы» пыталась закрываться шуточками. В общем, известное «молодежное бравирование». Сумарокова, опасаясь подозрений («Да ты ревнуешь к Измайлову»), злословила сдержанно, убеждала Аркадия, что Серафима — Пиковая Дама, «реинкарнация той старухи».

— Сходи, спроси у нее три карты.

— Так Пиковая запретила играть ими на деньги. — включался Незванов.

— А ты скажи, что собрался играть на раздевание... с самой Кристиной Агилера.

Насмешники, менеджеры Фокус-банка приветствовали цэрээсовцев в зеркальном холле перед кафе:

— А! духовный Доширак!

— Анкл Бенц! — Мимоходом бросил Измайлов, уточняя географическую принадлежность их «фирмы», но и показывая: сегодня больше ни слова не будет. Сейчас ему было не до полудружеских пикировок: в семяющей за ним стайке сотрудников в кафе спустилась и Серафима Борисовна. Миссионеры рассаживались за столами, весело болтая. С ними, с колоритным Измайловым бывало очень прикольно — считали многие соседи, а клининг-менеджер (уборщик) Гена по кличке Кортес, прибывший к Колл-центру, так и вовсе глядел ему в рот. В хозяйственном отделе бизнес-центра «Аделина» за Генкой были закреплены 7—12 этажи (вынос мусора, уборка, вода в кулерах, замена лампочек), но почти все время он терся в Колл-центре,

развлекал, наслаждался общением. Общий любимец, типичный растафара. Мама наполовину кубинка, там до Джамайки рукой подать. И эта официальная четверть карибской крови становилась тремя четвертями на смугло-чернявом лице и абсолютными ста процентами в манерах, поведении. Из-под униформы уборщика — цветастая рубашка, бусы, накрученные в карибском стиле кудельки волос. Когда его возвращали к щеткам и урнам, он, вздохнув, заканчивал свои дивертисменты, врубал Боба Марли, так что слышно из-под наушников и дредов...

Снимая тарелки с подносов, миссионеры делились историями сегодняшних сеансов.

— ...А она, говорит, уеду за ним в Израиль. Я ей тогда: а в чем ваш вопрос?

— Ага-ага, представляю! Ска-а-ажите, па-ажалуйста, что такое гиор и чем он отличается от педикюра? — передразнил Незванов усредненную интонацию обращавшихся дамочек.

— ...У меня от этого зануды аж наушники вспотели...

— И у меня вчера! Она себе перевязала трубы, а он перерезал вены. А что я должен ответить ей? Виновата ли жена, что отказалась иметь детей?

— Это мировое правительство! Они еще в 60-х годах привили моду: трубы перевязывать! — Очарование Гены Кортеса состояло в: 1) свободном, легком включении в разговоры/споры с кандидатами любых наук; 2) грациозном сочетании растафарской веселости с главной, сквозной его темой — мировом заговоре и всемирном правительстве.

— Ген, ну зачем им трубы...

— ... перевязывать? Да им на земле нужен только миллиард! Золотой миллиард! Джон Кеннеди попытался — и что они с ним сделали, а? Ба-бах!

Серафима Борисовна смотрела на племянника, его коллегу, пританцовывавшего Кортеса совершенно забывшись. Она и всегда-то была немного «с луны», злоречивые твердили, что это игра, часть образа — глянули бы они на нее теперь! Вмиг бы признали, что на тех старых фото «Комсомольской правды» она была еще адекватна, как магазинная кассирша. Сейчас же она плыла, тихо, потерянно любуясь, дивясь повороту Судьбы...

А вот Павел Иванович Измайлов смотрел на нее предельно внимательно, не отвешивал своих обычных казарменных сентенций. Сейчас было не до того. Рядом с ним шла Серафима! Вытянутая фигура и лицо, морщинки, если приглядеться, тоже вертикальные. На два года его моложе. Старили ее в основном слезящиеся глаза, из пронзительно карих выцветшие в янтарные. И поверх полной, эталонной ее рассеянности — вспышки тревоги. Словно лунатик, приведенный на расстрел, но не выведенный из своего транса.

А у Павла Измайлова мелькало другое предощущение. Что если бы сюда, сейчас вломилась группа, человек хоть 10, как однажды на выставку ее картин — он бы схватил вот этот стул бросился на них всех и бил бы, бил и бил. И, может, даже... сохранивший часть богатых своих сил, может, даже и победил, разметал бы. Наверно, опытный психолог в этом предощущении вычленил бы не только физическую смелость Измайлова, а еще сердечную симпатию и предчувствие опасностей, грозящих Калугиной, так отважно покинувшей многолетнюю уютную домашнюю крепость.

О всемогущая беззащитность! Потерянность, с какой она смотрела поверх салата, супа, компота — на стаю щебечущих миссионеров, словно на свалившихся инопланетян. Теперь — ее коллег! И даже в таком «сомнамбулическом» состоянии ей сопутствовал некий смежный эффект, ореол ясности, сигнал: «Все ясно. Это можно не объяснять».

Даже странно: когда-то газеты столько спорили: *загадочный эффект, тайные силы, параспособности...* а здесь, в причудливом пасьянсе московской ЦРС она была самой понятной, почти «простушкой».

Измайлов видел, что Серафима, связавшаяся с ними из-за племянника, финансовых проблем, неудачи с продажей Айвазовского, теперь, четыре месяца спустя, привязана и чем-то еще. Не из-за Геры стала приезжать сюда почти каждый день. В свою передачу на интернет-канале стала вкладывать столько сердца, отвечая на вопросы зрителей прямого эфира, сбивалась на такие волнительные проповеди, что Измайлову становилось боязно за ее здоровье. Какую-то свою миссию разглядела в таком неожиданном месте.

Когда число просмотров с 87 000 в неделю перевалило за 275 000, потребовала ее переименовать. Сначала она называлась «Беседы Серафимы». Без фантазий, согласилась буквально на первое предложение Веденского. Теперь же она подобрала сама. Длинновато, но интригующе:

«Уравнение с неизвестным числом неизвестных».

У двенадцати миссионеров трансляция Серафиминых проповедей шла в фоновом режиме. Их обязанность: ведя душевспасительные беседы, параллельно следить за канвой передачи. И если пересечение тем станет интересным, высечь новые искры — переключить разговор на Серафиму. Кратко представив позвонившего, проанализировав возникший вопрос, на 30—40 секунд дать ему слово. Взвинчивая динамику передачи, они работали, по сути, как обычная редакторская группа ток-шоу.

Как-то, перебив Серафиму, вклинили просьбу слушателя: дать оценку одному очень важному иерарху, вещавшему в это время на федеральном телеканале. И она, видно боясь затерять оставленную нить предыдущего разговора, мимоходом пустила: «А! Притворившегося спящим — разбудить невозможно!» И скайп-миссионеры, телеаудитория, все забыли, о ком и вопрос-то был. Замерли, приподняв носы, потом энергично закивали, зацокали: «А верно! По определению! Разбудить — вывести из состояния сна. А притворившийся, хоть стреляй над ухом...».

От жизненных советов (непременная исходная база) Серафима переходила к сложностям души, жизни. Но как эта «песнь о сложности мира» сочеталась с предельно простым обыденным поведением, тоном речи, ее ореолом «Все же ясно» — этого Измайлов вместить не мог, сколько ни приглядывался... Но как-то ведь сочеталось! Вытягиваемые из нее предсказания («Что будет? Что делать?») резко ограничила. О будущем отвечала только: чего НЕ будет. Чего НЕ делать. Отрицательное предсказание — тоже предсказание, отрицательная программа действий (запреты вместо советов) — тоже Программа. И аудитория потихоньку привыкла, тем более подтверждалось: про что она говорила — НЕ будет — не происходило.

Веденскому поступило 6—7 предложений о включении Серафиминой передачи в программы спутниковых ТВ-пакетов. Один из переговорщиков особенно хвалил название: «Уравнение с неизвестным числом неизвестных — очень креативно». Потом добавил вопрос Веденскому показавшийся полнейшей чушью, очередным идиотизмом тэвэшников. Что в раскрутку такой передачи можно вложиться потому, что она меньше зависит от одной личности, ведущего.

— То есть?

— Ну, понимаете, если что случится, что изменится... «Беседы Серафимы» — по определению закрылись бы. А вот «Уравнение..» — оно без вашей Серафимы, конечно просядет, рухнет, процентов даже на 70. Но 30-то останутся, бренд-то уже прозвучал! И с десятью можно перезапускать. Вон на Первом, «России», НТВ, скольких незаменимых позаменяли. В заключаемом договоре надо будет предусмотреть и такой поворот

— Вы, э-э... — взгляд на визитку, — Геннадий Петрович, видно, не совсем... Вы сами смотрели нашу передачу?

— И я, и мои референты.

— И вы... Геннадий Петрович, сегодня с утра ничего не пили?

— Если имеете в виду что-то помимо чая с лимоном — ничего не пил.

- Что же вы сейчас предлагаете?
- Мы же вкладываемся в ток-шоу, Серафима Борисовна может уйти, а может, вы сами захотите... Десятки примеров: ведущий казался незыблем, как сфинкс. Знаете, который с пирамидами на заднике. А потом в чью-то бойкую карьерную голову вошла мысль, кто-то начинал копать, и...
- ...до свидания, Геннадий Петрович.

Механику работы, отношений в Колл-центре кратко обрисовывает случай периода начала благотворительных кампаний ЦРС. Буквально через полчаса после вывешивания на сайте самого первого объявления (*ЦРС будет оказывать поддержку...*) пробился отклик. Включился скайп, на экране явилась в пестрых одеяниях женщина легко угадываемой национальности. Отвечала ей Сумарокова, но в фоновом режиме, картинка электронной гостьи появилась в правых нижних углах экранов Серафимы, руководства (Измайлов сразу встrepенулcя, приник к компьютеру).

Абсолютно всех поразило сочетание новейших кибернетических технологий, экранов, картинки в HD-формате, и затянутого старинного певучего канона, знакомого как «Отче наш», как рок-н-рольный квадрат...

- Ой, вы простите меня, люди добрые, что я, такая молодая, к вам сейчас обращаюсь...
- ...Да не такая уж и молодая, — машинально, почти сквозь зубы пробормотала Сумарокова, и цыганка, потрясенная мгновенностью перебивки, спонтанным ответом, прервала свой канон. Экран погас.

За прерванный сеанс специальная компьютерная программа начислила скайп-миссионеру Сумароковой 4 красных балла, зафиксировав прерывание разговора из-за ее реплики. 4 красных бала эквивалентны легкому замечанию, одна восьмая выговора, и то лишь при утверждении компьютерного вердикта — лично супервайзером. Программа расставляла метки, красные, зеленые и синие вешки для привлечения внимания, вылавливания записи сеансов из общего гигантского Гольфстрима обращений — иначе нужна было бы еще дюжина супервайзеров.

Структура работы, стиль руководства представлен пометками в файле «Текущая деятельность» скайп-миссионера Сумароковой.

Программа: 4 красных балла. Время скайп-сеанса: 11 секунд. Прерван — обратившейся.

Супервайзер Веденский: 4 красных Утверждаю. Миссионер грубо ответила обратившейся клиентке, представителю национально-социальной группы, возможно интересной для ЦРС.

Прелат-директор Хизинг: 4 красных. Не утверждаю. Цыгане — интересная группа? Ха-ха-ха! Они в принципе не обращаемы!

38 красных баллов на двоих + выговор шефу-секьюриту

А это дело — видно по числу баллов — было более серьезное. Из помянутых Веденским на gritти-чaсе 47 % «посторонних» звонков, он выделил: использование миссионеров как высококачественных и бесплатных (*Hal-lyav-va!*) психоаналитиков, семейных консультантов. А еще Колл-центр использовали как телефон доверия, для жалоб на префектов. О попытках заигрывания с миссионерками (развести на телефонный секс) упоминалось, но был и огромный класс звонивших просто: «джаст хэв э чат» (потрындеть). Выбирали любимых миссионеров, попадали в «черные списки», использовали любые другие доступные телефонные номера, IP компьютеров.

Измайлов, как-то заглянув в кабинет Сумароковой, увидел на экране уже знакомую рожу какого-то старого эротомана. Поблескивая губами, глазами, он на этот раз выпрашивал:

— Елизавета, а на каком языке говорят в раю?

— Тебе... трухлявый, надо скорей адский разговорник подыскивать! — Не влезая в кадр, негромко, в расчете лишь на уши Сумароковой брякнул он.

А Елизавета успела повернуть микрофон к шефу-секьюриту и вывести на максимум приема, так что, начиная с «трухлявый», этот он-лайн ловелас все расслышал, и от себя быстро добавила:

— Да-да-да, язык общения в аду. Интересная тема. Это вам к миссионеру Кудрявцевой. Переключаю.

Зная их отношения, несколько миссионеров включили диалог в фоновом режиме. Кудрявцева обычно в таких пикировках проигрывала главной конкурентке, но сей раз прыгнула выше головы. У нее в тот момент столь же праздный, *озабоченный* собеседник просил «ответственного комментария». Как известно, в католических странах не принимают в публичные дома женщин по имени Мария, потому что это имя Пресвятой Девы. Но поскольку проституция теперь легализована, не является ли подобное отношение дискриминацией, ограничением в профессиональной деятельности?.. И прочие скабрзные умствования.

— Да, Марий в публичные дома не принимали, зато Елизавет туда отводили, даже не спрашивая! Потому что это имя — ветхозаветной блудодейной царицы Елизавели!..

Пикировка была опять же — поймана сначала программой. Далее: «Выговор шефу-секьюриту». Далее супервайзер: «по 22 красных балла Сумароковой, Кудрявцевой». Далее Хизинг — «скостил» до 19-ти. Итого: 38 красных баллов на двоих.

А еще Стелл Хизинг, прелат-директор Циз Уральской России, так и не дал добро на серию публикаций о чудесном исцелении супервайзера Колл-центра Веденского. Основание: возможные подозрения в трюкачестве, *постановочном исцелении*. Даже горы принесенных Львом Фомичем «Историй болезней», собравшихся за 10 лет, справок от российских и двух американских пульмонологов, могли быть отвергнуты конкурентами. Да и кто в них будет вчитываться на... на ток-шоу! Печати проверять? И главное: *междусобойность... свой своего, рука руку!*

А умопомрачительное объяснение чуда: «Он просто притворялся!»

Что Веденский не притворялся Стелл Хизинг знал: сам во время их поездок в Пассадену организовывал за счет ЦРС визиты к пульмонологам Калифорнии. Кашель становился все дробней и суше, дело их Fomicha шло, похоже, к раку легких...

Хизинг соглашался со своим супервайзером: ситуация «на их рынке» требовала, абоненты Колл-центра, все «целевые аудитории» ждали-жаждали — Чудес, Исцелений, сбывшихся Предсказаний!

Да, ждут! Так пусть подождут еще немного: «информационный залп» должен быть выверен, без возможной «ответки». Если уже на четвертый визит миссис Калугина так волшебным образом взяла за горло супервайзера, что мешает ей, через пару месяцев исцелить еще кого-нибудь. Только...

— Только запиши Fomich. Человек должен быть явная знаменитость. Никак ранее не связанный с ЦРС. Болезнь его так же должна быть знаменитой, обсуждавшейся ранее на других ток-шоу. Нельзя же, Fomich, сразу в одной телепрограмме и раскрывать тайну болезни, и сразу про Чудо исцеления. Ружье на стене должно провисеть четыре акта...

— О'кей, Стелл!

Веденского при всей громаде благодарности за исцеление смущала Серафимина версия. «Притворялся». Вроде совсем не в точку, а ведь поймала! Не насчет болезни,

тут кой черт «притворялся»! После визита к калифорнийскому пульмонологу он и во все готовился к скорбной онкологической череде: зачитывание диагноза, операция, химия, счета, облучение, «Подписка о согласии...», еще счета, облучения...

Нет, притворялся Лев Фомич в другом: перед Хизингом, пред всей *своей Церковью* (странно как-то и звучит) Религиозного Сознания, пред коллегами по Колл-центру...

Все читали (Веденский — особенно) про то, как собаки могут унюхивать запах онкологических заболеваний на ранней стадии, как это уже всерьез используется для массовой диагностики. Вот и Серафима, наверно, учуяла притворство, общий дух Притворства. Ошиблась только в конкретном «органе».

Приехав с миссией ЦРС, Хизинг предполагал вначале, что русскому, крещеному, проучившемуся три года в Духовной академии Веденскому будет неприятно слышать об административно-маркетинговых технологиях, «целевых аудиториях», «рынке религиозных услуг» (термины, кстати, не только ЦРС, а принятые во многих нынешних деноминациях)! Хизинг даже разработал программу постепенного внедрения новых терминов и вдруг с удивлением обнаружил, что его супервайзер во все не мучается с новыми терминами, а обнаруживает большую американизированность. Так что наоборот, Хизинг мог на фоне Льва Фомича вообразить себя каким-нибудь древним седобородым Антиохийским архиепископом, а сам Веденский выходил... Ронем Хаббардом, по крайней мере.

Запрет на внешнее раскручивание исцеления Фомичева не означал молчания внутрикорпоративного. Веденский славословил Серафиму. Как упоминалось, за чертой полукабинок простых миссионеров был просторный коридор, за ним долгая стена, двери кабинетов начальников чередовались с диванчиками, кадками искусственных пальм, столиками. И на ближайший к своему кабинету столик Лев Фомич торжественно вынес большую коробку с этими надоевшими всем (даже повествователю) белыми баллончиками. Теоретически, можно было подразумевать и «берите, кому надо» (спреи импортные, весьма дорогие), но так он торжественно вынес, водрузил, что в этом увидели скорее Памятник! В ряду с отброшенными костылями библейских исцеленных, отодвинутым могильным камнем, размотанными погребальными пеленами воскрешенного Лазаря...

Выждав неделю, не меньше, применение им нашел Аркаша Незванов: пшикал на зажигалку изображая Змея Горыныча.

Насчет чудес, метафизики, всего сверхнормального ЦРС занимала мудро-выжидательную позицию. Веденский прямо-таки видел сквозь тысячи километров тихий кабинет преподобного Сайруса Меддока, зятя первооснователя преподобного Джекоба Меддока, усыновленного, получившего фамилию и империю ЦРС. Стол под портретом тестя-отчима. На столе раскрытый словарь идиоматических выражений, и отчеркнутый какой-нибудь английский вариант «*незабегания поперед паровоза батьки в пекло*». ЦРС и не забегает, глупо тратить ресурсы, потенциал влияния на подобную борьбу. Похоже, и Роггер Конноли, зять Сайруса, станет третьим преподобным, продолжит линию. Усыновится, фамилию возьмет. У них там как у лучшей древнеримской династии Антонинов: успехи на весь мир, а прямых наследников сто лет нема, все через зятьев, усыновленных...

Конечно, в статье для пасаденского Бюллетеня, если и сравнивать династии калифорнийских Меддоков и римских Антонинов, то завуалированной, на более ши-

рокой исторической подкладке, кому нужна глупая лесть?...Лев Веденский «Взгляд из России»:

Итак, дремучий фанатизм показал себя. И вопреки штампу — у показавшего себя с самой худшей стороны оказывались еще и еще худшие стороны (прямо многогранник, бриллиант!).

Но что, кто всегда были защитой от фанатизма? (И значит, еще будут!)

Вспомним-ка средние века, казни на площадях, четвертования, колесования, сдирание кожи, вспарывание животов на глазах горожан — возможных следующих жертв. «Высокое духом средневековье» — штамп продвинутых интеллигентов (вспомнил Лев Веденский свои споры в Духовной академии, до нее и после). Только кто из вас, господа, согласится хоть пару минут понаблюдать за сжиганием на жаровне своих кишок, вытянутых так «аккуратно», чтоб обеспечить казнимому жизнь на эти минуты?

И вот — Ренессанс (Возрождение), потом Просвещение! Восемнадцатый век: казней меньше и, главное: без театра, садизма. Деятнадцатый: мешки на головы казнимым. Это же — преграда! Жалкая мешковина — стена для тех жадных средневековых взглядов!

Кто ж прекратил тот «театр», погасил костры на площадях? «Утонченно-духовно» осмеянный Вольтер, «первый спамер»! Подвижники Ренессанса, Просветители — все ныне в святцах ЦРС! К восстановлению их престижа приступили и нынешние гуманисты, европарламентарии. Начав с эпохи Ренессанса. Практические результаты: в сентябре прошлого года в Страсбурге, на сессии Европарламента принят закон, по которому «отрицание факта Ренессанса является уголовным преступлением». Несколько национальных парламентов приняли законы, подтвердившие действие страсбургского в своих странах. Подавляющим большинством голосов, в атмосфере бурного ликования: в британской палате общин депутаты даже «пустили волну», на манер футбольных болельщиков.

Вот так, Вольтер, Руссо, Гельвеций, «предтечи, учителя мудрости ЦРС» — ныне-то пошли в гору! А вы, «традиционалисты» — высмеивая прогресс, пользуясь благами смягчения нравов — хаеете тех, кто это обеспечил! Есть же меткое определение: «Традиционалист — это пессимист в отношении будущего и оптимист в отношении прошлого».

Веденский пересмотрел написанное, хмыкнул:

— Эдак стану поставщиком банальностей, как мой миссионер Метрохин. Годится разве что для зачина. Но далее — надо перейти к своему, российскому вкладу в духовную копилку ЦРС. Чего, собственно, и ждут от Колл-центра, меня, этой моей статьи...

Оторвавшись от экрана, Лев Фомич встал, подошел к окну. Высота 11-го этажа и Трубная площадь, отодвинувшая подальше дома, вкупе открывали хороший вид, панораму. Выше самых высоких деревьев Цветного и... бульваров — хаос, сошедшиеся, как на митинг, толпы крыш, купола, кресты, высунутые цветные языки рекламы, дразнилки «Sony», «Mersedes» банков...

Как и все секты-новоделы ЦРС наименования обрядов, церковных должностей выбирала крайне свободно — жаль только на самые верхушку пробился сквознячок католического влияния: прелат-директор. А хорошо бы их эклектика дала другой уклон и в номенклатуре должностей был бы: митрополит-директор! Вспомнив о данном себе слове: учиться у династии Меддоков толерантности, Веденский попробовал успокоиться, вернуться к статье. Но вскоре от компьютера его оторвало привычное-зычное: «Второй отряд! Выходи строиться на обед!... Старший по бараку (так Измайлов иногда звал супервайзера Веденского) — на выход!»

«Пойти, что ли, правда пообедать? Нет, аппетит что-то вовсе пропал».

— Ну как, Гера, Теодицея твоя? — спросил Незванов, составляя тарелки на поднос. — Вот пример тебе к размышлению. Исцелила твоя тетка супервайзера, а он и во все с катушек слетел. Сумарокову как гнобит. Как теодицируешь, оправдаешь... ся?

Ламин вздохнул, вырывая по никелированным рельсам к кассе.

7. VIP-паломничество

Поскольку вся восточноевропейская ветвь ЦРС была пока дотационной, «пастырские визиты пасаденского начальства», членов Верховного Конгрегационного совета были для всего московского офиса настоящим экзаменом, «госприемкой». И наряду с предъявлением отчетов, прокручиванием на экране «файлов-презентаций» с комментариями, показом работы Колл-центра (оцененного и самим US-президентом), гостей положено было развлекать.

В прошлом году, кроме подмосковной бани, эскорт-девиц, озер и рек лучших водок, был еще и блиц-тур в Смоленск. Сошлось так, что Роггер Конноли, зять преподающего Сайруса Меддока, слышал о каком-то красивом смоленском соборе, а Энтони Коллинз, прелат-директор Луизианы, когда-то долго целивший в астронавты, просил заехать в Гагарин, бывший Гжатск, родину Юрия Гагарина: «...только пара фото, джаст мэйк, друзьям послать...» — ну и так далее. В Москву обещали вернуться через день.

Автобус Измайлов нанял специальный, второй этаж: кресла, обзор, открытая площадка на корме. На первом: туалеты, душ, кухонька с кают-компанией, четыре капсулы-спальни с двухъярусными шконками. Отдохнуть можно поочередно, для 12–16 человек — полный дорожный комфорт, членов Конгрегационного совета с сопровождающими, набралось 15, наши на креслах покимарят. В дополнение к своему сотруднику (охрана, улаживание вопросов с полицией, другими охранниками, в местах посещения) выбирая сопровождающего миссионера, Измайлов с некоторыми сомнениями все же взял Аркадия Незванова. Балагур, затейник, слишком хвастается своим Питером, тамошними громадными связями, но пить — умеет. Английский в совершенстве.

Приглядывая за грузимыми баулами, получая у Измайлова деньги на все мылимые дорожные расходы Аркадий заверял, что...

— Все будет в лучшем из возможных видов. Эх, Павел Иванович, если бы пасаденцы решились двинуть в Питер — все было бы на порядок интереснее, и соборы, и...

— Да я б за милую душу. Из пятидневной их программы вычесть денька четыре! Публика сложная. Отправил бы их хоть твой Питер смотреть, хоть другие места, мне известные. Что б так до самого Шереметьева... Нам бы с тобой Веденский и Хизинг — проста-авились бы! Ну ладно, помечтали и хватит. Послезавтра у них прием в мэрии, начало в 19-30. Душ, переодеться, отдохнуть, на все про все... примерно так к 17-00 должны быть здесь, — кивнул на стеклянную вертушку гостиничного входа. — И постоянно будь на связи.

От музея Гагарина до Смоленска включительно Измайлов еще получал доклады, с каждым полчаса все более отвязные, слышно было, что хохотал не только миссионер Незванов — пол-автобуса. Сообщения Аркаша теперь начинал: «Алло, Хьюстон! У нас проблемы!!!...», и с каждым повтором дурацкая шутка имела все больший успех...

— Нне, Ив-ваныч, я серьезно. Водка кончается. Я сейчас иду закупаться.

— Аркадий, слышь!? Обязательно доедь до какого-нибудь крупного магазина, лучше сетевого! Осмотри внимательно каждую бутылку, чтоб не паленая! Потравишь

наших конгрегаторов — я тогда, тебе... десять бутылок этой водки самолично залью, и еще пять — затолкаю...

После этого связь прекратилась на мучительно долгие тринадцать часов. В принципе продержаться всю делегацию в сумеречном, полубессознательном состоянии, как признавался Измайлов, было идеальным вариантом для московского отделения. И от Аркадия нельзя же было требовать стопроцентной трезвости, при его массовик-затейнических функциях. Но сопровождавший делегацию собственный измайловский «офицер по безопасности» позже оказался — не на высоте момента. Через транспортную фирму разыскали номер мобильного водителя, но не отвечал и он...

Водителю, как выяснилось, просто случайно зацепив, сломали подзарядник.

Вы представьте лучше другое: состояние Аркадия и трех добровольцев, отправившихся с ним за водкой. То была уже третья вылазка, с ними увязался и рыжий пресвитер из Канады купить что-нибудь противоаллергенное.

Квартал жилых домов, так и не выказав признаков какого-либо супермаркета, закончился, далее улица шла вдоль невразумительного бесформенного парка.

— Бирюлево, что ль? — обернулся к своим Аркадий Незванов. — А, нет, Чертаново. — Кивнул на россыпи бетонных кубиков и деталек поменьше, типа леговских. — Или это, как его, Коньково? — через три минуты.

В Колл-центре он всегда хвастал, что в Москве знает только Сретенку, где снимал квартиру, бульвар вниз к Трубной площади, месту работы, пару клубов от Цветного до Пушкинской и дорогу к Петербургскому вокзалу. Аркадий тогда интуитивно решил, что водитель въехал в Москву откуда-то с южных шоссе и сейчас, извиняясь перед иностранцами за отсутствующую архитектуру, успевал бормотать: «Следующий год, обязательно Петербург. Невский, Каменный остров, Фонтанка. Стрелка Васильевского!.. В былые дни и я переждал, х-холодный д-дождь под колоннадой б-б-биржи».

Хорошо, еще местные были очень любезны, радушны. Болтали, успокоили, сказали, что парк сейчас закончится, «и после здания посольства, как повернете, направо сразу же увидите супермаркет».

Справа рябила долгая скучная ограда: каменный столбик, шеренга двадцати торчащих железных пик, следующий столбик, еще шеренга... «НЕ решетка Летнего сада» — это очень мягко выражаясь.

На очередном строю пик висела вывеска-указатель «Консульский отдел направо, 70 метров», на следующем — триколор, потом двуглавый орел и железная же табличка: «Посольство Российской Федерации».

Браво, Канада! — Только их рыжий пресвитер и врубился, заорал, тыкая: «Аркадий! Эмбаси! Посольство!» Незванов досадливо (поход затягивался) обернулся: «Ну да, посольство! Сейчас направо, и будет магазин, о'кей? Пошли».

— Да, но почему посольство — ваше, России?!

Увы, Питер! — Аркадий и в эти минуты никакой логической ямы не заметил. Ну посольства, ну министерства, ну управления! Орлы, повсюду триколоры, таблички на дверях. Привык. Перефразируя Есенина: «Москва казенная» — но интересовал Аркадия как раз оригинал: «Москва кабацкая».

И только на кассе, только когда он выгружал тележку водки, а кассирша нежно и смущенно сказала, что не может принять его рубли, первый низковольтный разряд пробежал по «отпускаемым» нейронам-извилинам.

— Да вы сходите, обменник вон, сразу за последней кассой, где аптека. А я не могу принять, не положено, Инструкция, — почти со страданием. — Вы же еще спрашивали супрастин или димедрол для вашего товарища. Там и посмотрите. Вы тележку-то оставьте, я вас сразу, без очереди обслужу. Курс там хороший, лучше, чем в банке.

Только взглядевшись после фокусировки сознания в милое смущенное личико, синие глаза под соломенной челкой, вслушавшись в ласковое, сначала абсолютно

для него бессмысленное воркование, Аркадий наконец начал понимать, что канадец насчет посольства орал не зря... Чтоб очнуться с тележкой водки на кассе в другой стране!

И я, когда отпустило, когда только начал соображать, куда мы заехали — я что, думал тогда, что Измайлов меня убьет? Да хрен-то ему! Я тогда... так влюбился в ту кассиршу! (игриво посматривая на Сумарокову). Вспоминаю, Оксана звать... Ну знаете такие, спросят: «Вам пакет нужен?» — так что слышится: «А замуж меня возьмете»? Причем — без самоунижения... на одной чистой душевности! Еще бы раз туда заехать... Минск! — Мечтательные потягушечки уносили взятого под крылья Аркадия из круга слушателей.

Готов поспорить, такого «трипа» не было ни у кого! Ну, может, у «Роллингов», и то — лет шестьдесят назад. Чтоб очнуться с тележкой водки на кассе в другой стране!

А судьба, что по русской же поговорке «березит дураков и пьяниц», Аркадия после того вояжа немного даже возвысила. Теоретически больше ответственности падало на сопровождавшего измайловского «офицера по безопасности». Прием, ужин в мэрии, конечно, пролетели, но... все живы-здоровы! Настроения, отзывы прекрасные. Вот и славно. ОК! Будут еще приемы, будут еще мэрии! А кто кого тогда напоил? Почему отключили мобильники? Кто наливал «измайловцу»? Кто первый сказал, что «возвращаться в Москву лучше по Минке» (Минскому шоссе)? Кто и как транспонировал этот приказ водителю? Кто сломал ему подзарядник?.. О сколько бледных, абсолютно ненужных вопросов можно еще задать!

Через неделю Аркадий Незванов стал скайп-миссионером. Из Пасадены, Торонто, Мехико ему на адрес Колл-центра приходили старомодные такие, картонные открытки. И шутки тоже старомодные, милые, иногда со старательной кириллицей: «*Поехали! Хьюстон, у нас проблемы! Посольство России в Бирюлево.*»

8. Супервайзер и другие

— Ладно, прилепили мне еще в академии «иезуита», так прилепили, — холодно размышлял Лев Фомич, — проживу. Но если вдуматься, что же главное в «иезультстве»? Хитрость? Нет!.. Коварство? О, банальные глупости!.. Главное, если мы и вправду что-то о них знаем, это — неспешность. Доловременность планов. Посланики вечности. «Фавориты Луны?» — Нет, лучше. Интриганы эонов!..

После *Исцеления* супервайзер Веденский раскладывал карты своей тягучей партии с миссионером Сумароковой, олигархиней Анной Петровной Лейх, выскочкой Хизингом, а заочно еще и с одноклассниками по Духовной академии, владыкой Амвросием — будто у него на эту игру есть лет эдак 50... Эти доп. годы ему подарила конкретно щедрая Серафима. «С неба свалились»? Кто бы хоть знал, благодаря какой долгой изумительной интриге Калугина здесь оказалась! Боже, включено ведь было... более 10 фигур, и даже Айвазовский, Царствие ему Небесное! И галерист Марк Эльчин, и картинный эксперт Герард Брунин, и немножечко втемную — Измайлов, и бедный спец по Теодицее Гера Ламин, и вот... Серафима Калугина здесь, можно сказать моя сотрудница. И в третий же свой приход на работу — она выбрасывает вперед свою волшебную смуглую руку... До сих пор помню, похоже на бросок змеи. Так ведь змея и есть символ Асклепия-Эскулапа...

Тут и любой второгодник, слышавший хоть чуток о героях на жизненных развилках, вспомнил, повторил бы: «Так, значит, для чего-то важного я рожден/спасен...» Впрочем, и до «волшебной руки» из многих тактических приемов Веденский чаще выбирал неспешное выжидание. Может, к тому подталкивал сам факт наличия таких архивных сокровищ, полное ими распоряжение, банкир банка данных...

Вот Сумарокова Елизавета Михайловна, 26 лет. Филфак МГУ «с отличием», тема дипломной работы: «Ранняя поэзия Бориса Пастернака». Место рождения: поселок Торфобрикет Кологривовского района Костромской области. Круто! Коэффициент Мэлори (внешняя привлекательность) — 96. Эко хватило! Я бы, м-м, может... Нет, 89 все же бы дал.

Внешние данные всех кандидатов в скайп-миссионеры ЦРС суммировались, анализировались: визуальный контакт налагал требования. Имаж-комиссия рассылала по континентам анонимные фото-видеофайлы, собирая независимые оценки. Работа при всем ее «планетном масштабе» совершенно малозатратная, почти бесплатная. Рассылки, «фоток», выкладки в соцсетях с любых акаунтов, с игривыми просьбами оценить лица: «самые сексапильные», «самые искренние», «кому бы из них вы доверились?»...

И «гуляки праздные» Интернета, перебирая лица, выставяя баллы, сами того не зная, влияли на кадровые движения в ЦРС! Дешевле и в миллион раз объективнее любых комиссий, жюри. Детализации опросов учитывались в дальнейших кадровых перемещениях. Так внешность Сумароковой получила наивысшие оценки в Скандинавии (понятно — яркая брюнетка), Австралии и... странах Западной Африки.

«Карьеристка», если точно воспроизвести: «высокая степень ориентации на ценности служебного роста» — эта строка лежит на электронной полочке, в файле «Миссионер Л. М. Сумарокова», необъятного сервера ЦРС. «Растиньяк в юбке» — мысленно дополнял супервизер Веденский заполняя служебные характеристики.

Общаясь по обязанности, интересу с этим миссионером, Лев Фомич заносил в блокнотик тезисы: 1) «Растиньяк». 2) Необходимо: подобрать интонацию для дальнейших бесед. 3) Сочувствие?.. «Мне, Лиза, тоже приходилось?»... «тайный союзник, мы им покажем?»... Нет! Атараксия! — вот ключ. Бесстрастно, как философы! 4) *Беседовать, чередуя мировоззренческие, личные темы миссионера — и контроль движения «Проекта Анна Лейх»...*

— Лиза, если конкретнее, в чем чувствует себя виноватой Анна Петровна? Что этот «колдун с атолла», управляющий всеми ее движениями может оказаться... дьяволом? И она думает, что виновата? Да ведь, Лиза, почти 24 % запросов в Колл-центр так или иначе касаются «чувства вины». И как мы обычно? — Правильно... освещая тему всесторонне, с привлечением богатств философских, религиозных исследований. 1) Философы-экзистенциалисты: Вина — категория мировоззренческая, бытийного характера, существующая даже не в душе, а в самом бытии. Экзистенциальная вина, сиречь ответственность человека... 2) По Зигмунду Фрейдю «вина» — главный рычаг управления. «Суперэго», возбуждая в «Эго» чувство вины, ведет его... Видишь, Сумарокова — Контроль, а не саморазрушение! И в условиях сложившихся меж вами доверительных отношений будет уже твоей виной, если ты не сумеешь...

У самой Сумароковой это чувство, «вины» — было очень большим, но... используя алгебру: «большим по модулю». То есть по абсолютному значению чувство большое (как и ее «Коэффициент Мэлори»), но по направлению вектора... Виноваты все — перед ней. И мать-одиночка, не алкоголичка, но идеалистка. Красивая (тут гены) — но не зацепившаяся, ни за Москву, ни за какого-либо опорного человека. Вынудившая Лизу стартовать из того же поселка. Из той же общаги...

— Но, Сумарокова! Даже этот ваш... Ядринцев, Михаил Степанович. Может, и он чувствовал себя виноватым, что не сумел твою мать оставить в аспирантуре, в Москве. Но ведь и помог же! Сама рассказывала: взять тебя на бюджетный, с предоставлением общежития... Сколько было тогда бюджетных мест?

— Одиннадцать. Или двенадцать.

— Вот помог же. Повлиял, «заразил»... Серебряный век, Пастернак, поэзия... Может — момент духовной... стимуляции, не осознаваемый тобой сегодня, но тем не менее. А этот Ядринцев, Михаил Степанович, он что, жив сейчас... еще?

— Жив. — ответила Сумарокова, но очень отрывисто, и Веденский держа лично-служебный баланс, перешел к инструктажу по Анне Лейх...

Себе Лев Фомич казался Кутузовым, Лао-цзы, Квинтом Фабием Кунтактором, кем там еще... но в краткие самооткровенные минуты разглядывал за этим — слабость, боязнь не просто решительных ходов — всякой определенности вообще.

Но, натура одаренная, он боролся и с этой слабостью, напоминал себе, что и самые удачники, на полмира раскинувшие сети, все равно не освобождены от необходимости фехтовальных ударов.

О возобновившихся скайп-сеансах с олигархиней он переспрашивал, нарочито интересуясь такими частностями, чтоб у Сумароковой укрепилось ощущение, что записи ее бесед он пока не пересматривал. Ведь контроль супервайзера — сугубо выборочный, обращений тысячи, какие-то конфликтные — он должен просматривать, но чаще — доверяться (до поры) кратким устным пересказам миссионера.

Через неделю «сопровождение второй степени» (просил Измайлова организовать) показало: миссионер Сумарокова с Анной Лейх встречались один раз, днем, в громадном Афимоле Москва-Сити. Место, возможно, было выбрано, как наиболее многолюдное, из мола никуда далее не отправились. Сидели в кафе, делали покупки для миссионера Сумароковой, судя по тому, что пакеты остались у нее. Лейх взяла себе только две книги в пакете, прозрачном, но названий книг разобрать не удалось. Через полтора часа они расстались, там же. Сумарокова поехала к себе в Алтуфьево.

Встреча с подопечным, за пределами Колл-центра и без уведомления начальства — это уже прямо нарушение должностной инструкции, контракта. На увольнение вчистую Сумарокова, глупышка, уже нагуляла. А вообще-то очень способная, теперь со всеми тузами на руках можно с ней и с ее Анной Лейх и продолжить партию.

За окном светофор еле-еле оберегал красным светом Трубную площадь с ее раззявами-пешеходами от хищной стаи, налетевшей с Цветного бульвара.

— Тебя, Павел, осудили неправильно. Наказать тебя надо было. Даже уволить из... войск твоих. Но посадить должны были другого. Майора того. Кажется... зятя или племянника начальника штаба.

— Зятя, — выдохнул Измайлов.

— Вот. Прожил ты четыре с половиной года за проволоккой. Очень тяжело, знаю. А там, у зятя-майора детишек — м-м...

— Четверо.

— И он бы к ним не вернулся. Или бы там, за проволоккой с ним сделали бы очень плохо, или он, обиженный на тестя, что не помог... но не вернулся бы, точно. Так что считай, ты свою миссию, *там* — уже выполнил, и годы не зачеркнуты, и жизнь.

Один жест Измайлова хорошо был известен Колл-центру. Дивились несоответствию, даже противоположности значений: сжатый кулак, поднесенный к губам, как обычно изображают игру на трубе, пионерском горне, у Измайлова означал минуту полного и тяжелого молчания.

Сейчас прижав кулак, он еще и крепко зажмурился, отвернувшись к стене, и оставался в такой не совсем вежливой позе, пока Серафима не поднялась и всегдашними своими легкими быстрыми шагами вышла из его кабинета.

А Измайлов, так и не разжимая глаз, хотя его слезы увидеть было уже некому, все сидел, сжатым кулаком отъятый от губ, отмахивал сверху вниз и чуть наискось, как иногда сопровождают ритм заслушавшиеся рок-музыкой меломаны.

Потом он встал, перестал отмечать неслышимый миру ритм, и подойдя к окну, начал считать машинки, затормозившие перед светофором, там, где Цветной бульвар

впадает в Трубную площадь. Досчитал до семнадцати и обернулся к тому месту, где перед этим сидела Серафима.

— Так, справку о погашении судимости я, можно сказать, получил. Полная, ххх-ы, реабилитация!

— Лев Фомич, помните, вы предполагали, что Анна Петровна Лейх в свой сюжет с колдуном этим на тихоокеанском атолле, дергающим ее за ниточки, включает случайные обрывки из реального мира?

— Да? Возможно. Я, Сумарокова, в ваши частности пока не вдавался, я эти недели был очень занят. — Брови. Брови — оружие бюрократа! Испытанное суровое их сведение, создав Веденскому репутацию строгого начальника, оставляло и еще пару оттенков, например, этот: «Не до вас сейчас, но так и быть, разберем твой случай...» — Но, Сумарокова, общая психологическая картина подсказывает мне, что Анна Лейх будет брать куски реальности, воспроизводя с абсолютной точностью.

— И ваше предположение, Лев Фомич, подтвердилось совершенно блестяще! Я недавно просила ее уточнить координаты этого атолла. И она, не задумываясь, сразу же продиктовала мне цифры. Уверенно, без сбоя. Вот (заглянула в планшет): 11 градусов 37 минут северной широты, 165 градусов 24 минуты восточной долготы. Уфф. Я сама-то в жизнь запомнить бы не смогла. Вчера проверила по Интернету: это координаты атолла Бикини, где американцы атомные бомбы испытывали, а всякие мировые общественности тогда протестовали. И еще случайно так совпало в новостях 1946 года, что и купальники стали называть в честь того атолла. В общем, Бикини, как подтверждает поисковик, самый известный из тихоокеанских атоллов. Координаты эти попались ей когда-то на глаза. Запомнила, как вы говорили, с абсолютной точностью.

— М-м. Сумарокова, а тебе не жаль свою подопечную? Ведь...

— ...Да-да, конечно, Лев Фомич! Очень-очень бывало мне жаль эту жену миллиардера. Богатые тоже плачут! — но о другом... Как раз завтра собиралась еще раз ее пожалеть...

— Что-что? — насторожился супервайзер.

— Я же снимаю квартиру, однушка в Алтуфьево, завтра хозяйка приходит за деньгами. На следующий месяц, спасибо, хватает. Вот расплачусь завтра вечером, сяду на пол и как стану жалеть нашу Анну Петровну!

— А, ты в этом смысле, Сумарокова. Усмехайся. Здесь, правда, под рукой «Толковой Библии» и Александра Меня нет, чтоб по твоей методе прикрыть ухмылку... А спросил я тебя, — Веденский взял на два тона построже, — спросил, жалеешь ли — потому, что миссионер не должен быть простым фиксатором жалоб! Эдак мы Сумарокова, заменим тебя звукозаписывающей приставкой. Ты должна предлагать позитивную эмоциональную программу, делиться своим опытом. Хотя... — и махнул рукой, будто говоря: «Ну какой тут опыт!»

Вздыхнул, глядя мимо Сумароковой: Эх, навязали нам пасаденские шефы эту гендерно-возрастную политику, по-советски — молодежную «квоту». Прimitивный, социальный, импульс Сумароковой разочаровал супервайзера. Он готовился к какому-нибудь философскому, экзистенциальному противостоянию, уже припоминал, подбирал цитаты — а тут деньги, имущественная зависть.

— Напрасно вы, Лев Фомич. Я ей на той неделе очень полезный совет дала, и как раз из своего, представьте, опыта.

— Ну-ну, — позволил себе осьмушку улыбки Веденский.

— Прочитать стихи Бориса Пастернака. Много, сразу и подряд. А потом попробовать написать, в смысле сочинить самой, ему в подражание...

— А в чем тут...

— Позитивная программа? Анну мучает вопрос: «колдун на атолле», ее 24-часово-суточный руководитель: он ангел-хранитель или, наоборот, смердящий дьявол? В первом случае, как понимаю, ей можно спать спокойно. Даже подругам похвастаться: есть мол, *свой, настоящий эксклюзивный ангел, от Бикини*, а у вас — разве что любовники...

— Сумарокова! Вот уволю, и знаешь, что будет стоять в твоей трудовой книжке? «За предельный цинизм!» Единственная на всю Москву будешь с такой записью! Ты же говорила, женщина по-настоящему несчастная. Муж, Илья Евсеевич Лейх, носится с ней «как незнамо с кем». И сам такой измученный, прямо как побитый. Сегодня утром в новостях про инновации в нефтедобывающей сфере случайно его увидел. Правда ведь, выглядит как... Ина все готов же ради ее здоровья, счастья, а она...

— ...срывается на него, на бизнес-друзей и их жен. Скандал — раз в квартал. А что вы такого Лейха в новостях утром видели, это позавчерашний был фортель. Она выхватила и проглотила его бриллиантовую запонку. Да, колдун, наверно, теперь зовет ее на свой атолл — какать. Муж, как она рассказала, подскочил, стакан водки себе налил, схватил вторую запонку. Готов был ее проглотить и запить, но она выбила. Запонку и стакан «рокс», коктейлевый такой, массивный. Ну и задело тогда чуть-чуть Илью Евсеевича по щеке, гранью.

— И что смешного? Анна Петровна — твой духовный пациент! Доухмыляешься до летального исхода.

— Ну, Лев Фомич, в той запонке, по счастью, не было режущих граней, острого, колющего в застёжке — ни миллиметра. В общем, как было написано у царя Соломона, правда на перстеньке: «*И это пройдет*». Лев Фомич, я не глумлюсь, я лишь трезво оцениваю все ее обстоятельства, окружение, темы разговоров. То есть выполняю прямую свою работу, — и Сумарокова взяла тон потверже: — А моя позитивная психологическая программа со стихами такая: объективировать ее подсознательные импульсы, дать им проявиться. Ведь если рука дернулась, или тик на левом глазу, или неудержимо, прямо на вечернем приеме в Кремле пи-пи захотелось, или брошку уронила — тут можно сто лет гадать, насчет плюса/минуса того ангела: добрый или демон. А вот уж как он в стихах вылезет, как себя проявит — можно будет понять определено.

— Согласен. Принимается. А почему именно Пастернак?

— Тьфу! — да просто диплом я по нему писала!

— А не боишься, что какая-нибудь чертовщина явная полезет? Сатанизм в промышленных масштабах?

— Не боюсь.

— С чего такая уверенность?

— Чувствую... Я, может, как ваша Серафима. Что, почувствовать не имею права? Да к тому же, успокойтесь, стихи ее истолковывать буду тоже я. Уже мне доверено!

И торжествующая нахалка покинула кабинет. Веденский для успокоения подошел к окну и стал по измайловскому методу считать машины на Цветном бульваре. За один зеленый миг светофора их с Трубной площади промчалось 39 штук.

Без отцовской руки Гера Ламин вырос хлипким и робким. Мечтателем, полускрывшимся от жизни. То есть скрывшимся от жизни наполовину. Или — скрывшимся полностью — от половины жизни. Второе толкование позволяет очертить эту «половину», то, чего был лишен: друзья, компании, стычки, знакомства с девочками, «походы по девушкам», драки, резкие разговоры, кулаки, спортсекции.

В университете: два-три тихони в углу. Работа в школе противопоказана: дети старше пятого класса чувствуют и лихо опускают таких учителей, а пойти в первые-четвертые классы не позволяет образование (учитель начальных классов — не фи-

олог, вообще другая специальность). И когда тетя Серафима взялась пристраивать Геру, ей посоветовали: лучший вариант — какой-нибудь тихий аналитический фонд, «потому что в коммерческих офисах тоже грызня, конкуренция, работа локтями». И когда тети-Симины знакомства дали Ламину возможность даже выбора (!), из организаций самых разных политических направлений, он выбрал Фонд «Открытое сообщество» — не из-за каких-то демократических, либеральных политсимпатий... А потому (признавался себе), что даже беглый взгляд подтверждал: в демократических тусовках — больше интеллигентов, очкариков, девушек, старых дев. Меньше брутальности, физических рисков...

Потом еще два случайных места, нудная капель годов безработицы и, наконец, сбывшаяся мечта: кабинка с наушниками, микрофоном и экраном, общение on-line. И Елизавета Сумарокова...

И вот... карьера — неожиданное слово, на четвертом десятке. Ведь если раньше на всех местах работы бывала только одна должность, увольняли с той же ступени на которую брали, значит, карьер не было, пожизненный менеджер. А теперь: миссионер, скайп-миссионер, и позавчера Веденский обещал старшего миссионера. Благодаря тетушке? — ладно, даже хорошо, что есть кого благодарить.

Позавчера Лев Фомич доверил ему организацию ток-шоу, встроенного в тетушкину программу «Уравнение с неизвестным числом неизвестных». Удачно его провести и он — старший миссионер. Правда... в старшие метит и Елизавета. Эх, как было б здорово добиться — и уступить ей! А ведь... может, это и реально, все с помощью нашей доброй феи... Но провести ток-шоу надо все равно с блеском. Только б не сбиться на вечную лузерскую дорожку. (И Ламин углубился в «Методическую инструкцию» написанную Веденским.)

Теледиспут: «Есть ли Бог?»...

Да-а, тема лобовая. Прямо как в 1920-е годы...

1) Представить гостей-участников, договориться о формате спора. Важнейшие фрагменты выступлений, цитаты обязательно взять заранее на флэшках, отдать Петрухину для монтажа титров, иллюстраций. Эти фрагменты обязательно должны сопровождаться энергичным видеорядом, можно даже клипами.

Что ж, очень толково, даже креативно.

Гости-участники. Есть договоренность с дьяком Антоном Валуевым и академиком Гамбурцевым. Просится приехать и выступить Никита Весков, хочет рассказать, как Бог ему помог записать пластинку, которая выходит в следующем месяце. Надо поговорить Серафиму Борисовну принять его.

И это понятно. Рейтинг тетушкиной передачи растет.

2) Организовать живой спор. Выступления — не более минуты подряд. Давать перебивку. «Благодарим. Мы вернемся к этому чуть позже. Теперь слово...» Поддерживать динамику передачи!!

Хм-м. Минута на «Есть ли Бог?». Успеет, наверно, только Весков. «Вот Бог помог, покупайте! Телефон оптовикам...» Надеюсь, когда слово по кругу им вернется, академик и дьяк не забудут, на чем им врубили «перебивку».

3) Выбрать трех арбитров передачи. Обязательно из числа лиц, незаинтересованных в этом вопросе.

Шорох... легкий сквознячок абсурда. Безумия. Вроде правильное Веденского указание... но как это? Где взять «незаинтересованных лиц»? Ну ладно — атеистов. Есть тут фанаты Докина, называют в Колл-центр частенько. Ну ладно — неверующих! Но... «незаинтересованных»! (...)

Ламин честно пытался исполнить пункты инструкции, но как только пробовал... хотя бы вообразить, представить себе человека, «не заинтересованного в этом вопросе»... чувствовал, что сходит с ума.

9. Трудный день миссионера Сумароковой

Да, люди, бывало, приезжали в Колл-центр благодарить. Хорошая работа ведь всем видна. Шила, как говорится, в мешке... Привозили подарки, иногда деньги. Чаще, конечно, подходили к специальному терминальчику, вставляли карточки и, оглянувшись, прикрывая корпусом, так, чтобы только Всевышний мог разглядеть ПИН-код, исполняли свои арпеджио на клавишах лицевой панели.

Большие люди обычно присылали порученцев, водителей, так что самоличный приезд Ильи Евсеевича Лейха, был исключением из ряда вон. Точнее, единственным визитом такого уровня в истории Колл-центра. А подсчитывая еще точнее, применяя интегральные показатели, учитывающие меру влияния, рейтинги, места в таблице Форбса... из преступивших сей порог Лейх шел вторым. Сразу за президентом США.

Чуть загодя его секьюрити быстро и взаимоуважительно переговорили с Измайловым, прошлись по залу, комнатам.

А еще более загодя, за три часа до визита, супервайзер Веденский лихорадочно допрашивал Сумарокову, листал принесенные распечатки, но решительно не мог определиться. Ясно пока лишь, что будет не «расстрел офиса в стиле 1990-х». Благодарственный, во всяком случае, визит. Помощник Ильи Евсеевича, учитывая сменный характер работы Колл-центра, попросил обеспечить, отдельно подтвердить присутствие миссионера Сумароковой.

Выходило так, что затея с чтением Пастернака и тестирующими стихами удалась, но каким именно образом, супервайзеру было совершенно непонятно! А ведь очень не хотелось, когда придет Лейх, тупо простоять рядом, важно кивая на манер членов когдатошнего Политбюро, полагаясь лишь на эту нахалку, растиньячку.

— Сумарокова, что это? Говорила, она какую-то книжку написала.

— Это и есть. Рукопись, распечатка. Две недели она... по моему заданию, — тут Сумарокова словесно обозначила подчеркивание, курсив, жирный шрифт, — по моему заданию читала стихи Бориса Пастернака и писала свои. Так сказать «с погружением». Написала вот 23 стихотворения. Илья Евсеевич, наверно, издаст в течение месяца, вряд ли быстрее — качественная полиграфия требует много времени. Глянец, золотой обрез. Можно и суперобложку.

— Сумарокова, ты смеешься?

— Я? 23 стихотворения, может, для поэтической книги и маловато, но ведь всегда выход — фотографиями добить. Название, зато красивое. — Сумарокова элегантно протянула руку к лежащей у супервайзера стопе и отлинула назад...

— «*Кухня моя жизнь*», — протянула она, как в школе раньше требовали: «с выражением», но опять-таки непонятно — с каким? Радуетса успеху? Предвкушает награду? Издевается? Над своей чудящей олигархиной или еще и над ним, супервайзером?

До назначенного времени Визита оставалось сорок минут. Лев Фомич предпринял еще усилие вчитаться, вычислить из набора этих стишков траекторию предстоящего разговора и, возможно, последующих... Если получится открыть отделение ЦРС в Ханты-Мансийске, прелат-директором ставить надо своего. На открытие можно попробовать и самого преподобного пригласить. И Хизинг будет ни при чем... Ханты-Мансийск. Эх, не замечтайся! Пока все еще... Так что же с этими пастерначками? Боже, от какой ерунды порою зависят великие шаги!

— *...И рвется приводной ремень, и дольше века длится день!* Это она чего?

— Лев Фомич! Это называется: центонная поэзия. Как и было задано, Анна оперирует пастернаковскими цитатами, обыгрывает фрагменты, создавая вокруг них поле нового, своего лирического настроения (зачитала заученными университетскими ин-

тонациями). А насчет приводного ремня, самый раз — эмоушенэл рескью, эмоциональное освобождение, что и требовалось доказать.

— Допустим, — еще минута лихорадочного листания. — А вот это?... И это?

Бред: супервайзер Колл-центра, уважаемый в Москве, хорошо известный Когнгрегационному совету, ближайший кандидат в директор-прелаты, и... сидит, читает какие-то абсурдные стихи! Барахтался в тягучем бреде, почти не веря, что это он сейчас сканирует взглядом столбцы диких словес.

И пытаюсь зацепиться хоть за какую-нибудь физическую достоверность, Веденский вслух, громко зачитал последние строфы:

Утопить вас — лучшее из действий.
Я кричу: «Считаю до пяти!»
Но говно — не тонет.
Даже в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти...

— Это, Сумарокова, что вообще такое? Пародия? Центонная? Но э...

Свою обязанность выдать сейчас хоть какую-то оценку ситуации этой бредово возникшей рукописи он ощущал как самую наитягостную...

— Впрочем, Елизавета, последняя строчка, кажется, удачная.

Сумарокова схватила верхнюю из стопы его книг и уже знакомым ему скайп-миссионерским маневром прикрылась. Типа чадры...

А это был, между прочим — *«Протоиерей Александр Шмеман. Дневники. 1973—1983»*, издательство Русский путь, 2007 года. Умнейшая книга, кладезь! И предназначена сейчас — лишь прикрывать ухмылку этой нахалки. Второе издание, дополненное, 720 страниц.

— Ну что опять, Сумарокова? Смеешься? — устало, хотя пока только начало дня (Визит назначен на 10-30), спросил Веденский...

А еще совершенно против воли у него мелькнуло словно разрешение старой загадки: «В чем именно — выигрышность чадры»? Будто он и вправду мучился этим. Нет, ну, может, когда-то мельком и думал, а сейчас абсолютно случайно Сумарокова напомнила. Глаза у нее — да! Вытаращенные, но это на общий образ работает. А когда еще лицо скрыто чадрой или вот сейчас... томом протоиерея Александра Шмемана — поверх одни глаза остаются царить. Весьма, весьма подчеркивает... В общем, чадра или повязка доктора ей бы пошла, довела бы сероглазый эффект до убойного градуса.

— Ладно, Сумарокова. Я в стихах — не особо. В Пастернаке тоже. Но это желание утопить приятелей мужа и их жен, это как? Да еще: в чем утопить! Добрый ангел такое надиктовал?

— Лев Фомич, некогда объяснять! Ведь Илья Лейх прямо сейчас едет благодарить нас, вот, может, уже к Неглинке подъезжает. А вы вместо того, чтоб поцеловать ручки своей ми-ми-ми-миссионерке, еще допрашиваете.

И возвращая книгу Шмемана, она жеманно задержала протянутые руки, как для опереточного поцелуя.

Дичь! Дичь-Дичь! Нереальность первого мига, внезапность, дерзкое переступание сразу через пять, семь ступенек теоретически возможных отношений. Словно она вдруг, кроме ручек, протянула под столом еще и свою ножку — выбив из-под супервайзера его кресло!

Целовать ручки он, конечно, не стал, принял и аккуратно положил том «Дневников» мудрого протоиерея и, не зная, чем накрыть растекавшуюся лужу растерянности, отправил миссионершу на ее рабочее место.

Получили Веденский и Хизинг по одинаковой продолговатой бархатной коробочке. «Часы», — не разворачивая определил Лев Фомич, продолжая решать свою теорему. Почему Илья Лейх приехал лично? Ведь это человек такого уровня, что скажи он сейчас: «О, засиделся тут с вами! Простите, мне еще надо к Суркову заехать!» — это не выглядело бы неуместным. Может, это оказалось бы даже и неправдой, допустим, в сей конкретный день, но точно не смотрелось бы ни хвастовством, ни наивом. Потому что не в этот, так в другой день он с Сурковым точно встречался и, значит, имел право использовать такое клише, допустим, для завершения переговоров.

Немного мешала, отвлекала давешняя выходка Сумароковой. Она представилась ему сейчас куколкой, дерзко вылезшей из шкафа, из своего классификационного ящичка «Карьеристка». Перешла в наступление? Или, может, он сам виноват? Ведь до протянутых для поцелуя ручек он же отвлекся немного, хоть и секунды, но прикидывал — как Сумароковой пошла бы чадра или маска врача? Мысленно. А она, суперфизиономистка, вдруг это прочитала? Абсолютно невинное, мысленное прикладывание к ней чадры, без последующих гаремных фантазий — но вычитала. Прямо второй экстрасенс у нас в Колл-центре! И протягивание ручек — посчитала эквивалентным ответом на его микрофантазию...

Перед заходом в переговорную с ним и Хизингом Лейх спросил: «А где кабинет миссионера Сумароковой?» — и решительно туда проследовал. Непонятно, чем, как именно он «дал им понять», но начальники сообразили верно, оставшись в коридоре. Однако пробыв Илья Евсеевич там всего три минуты.

В переговорной Лейх был подольше, минут десять вежливо слушал вдохновенного Хизинга и осторожного Веденского, посмотрел экранные презентации, фотоальбомы ЦРС и в выверенный миг вскинув брови вспомнил: «О! Засиделся тут, отвлек! Вам же работать надо! А мне еще к Суркову заехать...» И обрамленный свитой исчез.

А собственно, выводы? Резюме визита? — за всем пришлось обращаться к Сумароковой. Устроилась, ловкачка...

Вошедших Хизинга с Веденским она великодушно успокоила:

— Благодарил. Меня, нас очень, очень благодарил. Теперь саморазрушительные импульсы Анны Петровны, «весь деконструктив» перенаправлены на творчество. И радовался: его, приземленного Илью Евсеевича, она оставляет! С его пошляками бизнес-друзьями, их идиотками-женами! — потом он глубоко вздохнул и пояснил: — Оставляет как необходимый объект вдохновения. Пусть критического, что ж, может, когда-нибудь заслужу и эту, как ее... оду.

— Сублимация, — вынужденно важничая произнес Веденский, но Сумарокова поставить точку ему не позволила. И как только Хизинг вышел, перешла к закреплению успеха.

— Называть можете как хотите, но должны признать: мой метод оправдал себя. Потеснил Борис Пастернак колдуна тихоокеанского. «Кузина моя жизнь» будет издана в течение месяца. На презентацию *мы с вами* — приглашены.

— А что сама Анна Петровна?

— Будет продолжать читать Пастернака. С погружением. У мужа ее позавчера поясницу напроць скрутило, так, может, за пару месяцев или квартал напишет роман: «Доктор Люмбаго». Тут уж Илья Евсеевич изданием не отделается. Роман экранизацией пахнет.

В другое время Веденский и полюбовался бы, как распирает и заносит его миссионерку, но мелькнувшее и исчезнувшее новое Ханты-Мансийское отделение ЦРС поглощало все его мозговые процессоры. Может, для первого раза нормально?

— Хорошо, Сумарокова. А для общего успокоения на пару бесед мы, наверно, подключим и Серафиму Калугину...

Веденскому показалось, что он вдруг нечаянно наступил на хвост кобры и та взвилась столбиком прямо перед его лицом.

Сумарокова, конечно, привскочила резко, во весь рост, но более всего напугали Веденского распахнутые гневом и злостью чернеющие серые глаза!

— С какого, Лев-ффф...! Нет, с чего это вдруг сюда Калугину! Я все сама выполнила! Я справилась полностью! А теперь, когда успех — вы мне подсовываете эту... Ягу! Думаете, она вас исцелила! Да Кашпировский это полный! Ги-гипнотизерша запенсионная!

И Сумарокова, устав от своей гипервспышки или посчитав, что израсходовала, превысила лимит наглости, отпущенный после сегодняшнего триумфа с Лейхами, присела (сложила раздутый «капюшон») и спросила негромко:

— Это она вас попросила подключить ее к Анне Лейх?

— Вовсе нет, Елизавета Михайловна! Я сам посчитал, что Анне Петровне было бы полезно, так сказать, сбавить обороты, а Серафима Борисовна это умеет. Умиротворять. Вы-то сами уверены, что справитесь с такой подопечной? Ну а как она вправду опять погрузится на месяц, писать роман «Доктор Люмбаго», и надорвется? И весь ваш триумф обернется кошмаром. И муж ее примчится сюда не подарки раздавать, а... — И не зная точно, чем пугнуть миссионерку, что конкретно творят сегодня взбешенные олигархи (все ж не 1990-е!), Веденский продолжил неуверенно: — И положат вас прямо красивым личиком в пол. И как следует надают... по попке, а то и по почкам...

Этот тупичок кабинетной, неуверенной фантазии Сумарокова почувствовала лучше самого супервайзера. Вновь набросила вуалетку вежливости и попытожила:

— Уважаемый Лев Фомич! Я вполне согласна с вашими опасениями. И когда я почувствую какое-то перенапряжение реципиента Анны Петровны Лейх, я немедленно дам вам знать. И вы... тогда, если сочтете нужным, подключите к нашему проекту... кого угодно. Но только в этом случае. И с моего ведома.

Выскочив от взбесившейся кобры, Лев Фомич почти забежал в свой кабинет, плюхнулся в кресло, схватил верхнюю в настольной стопке книгу, открыл на случайной странице и стал читать, первые пять минут не понимая ни слова. Спасительный обряд, медитация, привычка (к чтению) свыше нам дана, замена... Только сбавив обороты, он вернулся к обложке, прочел: «Краткий курс (фальсификации) истории» — и наконец вспомнил, что из этой книги он вчера делал выписки, перетаскивал абзацы в свой «Третий путь»:

Россия — как сухопутная Атлантика.

Долгое время два великих пространства были границами Европы, брали ее «в скобки» с Запада и Востока: Атлантический океан и Россия. Две великие глади моря и суши — в одном были для Европы схожи: нечто огромное, что трудно, но все же можно преодолеть на пути к заветным Индии, Китаю, Островам Пряностей (подсчитано: торговля пряностями давала 800 % дохода! Главный стимул Великих географических открытий!). Напряглись, построили аппараты, прорвавшиеся через Атлантику к Индии. А случайно встреченная Колумбом «фальшьстена», его «фальшь-Индия» оказалась весьма ценным призом.

Россия для этих устремленных тоже была Пространством, неприятным своей величиной. Европейских купцов интересовал транзит в Китай, Индию, их мореплаватели гибли в Баренцевом море в поисках знаменитого «Северо-восточного прохода» к Островам Пряностей. Архангельск, промежуточная стоянка, выкатывал свои товары, но все же... одна каравелла имбиря, корицы, мускатного ореха стоила как пять караванов наших классических «льна, пеньки...».

Для Васко да Гамы (потерял два из четырех кораблей, но на оставшихся, набитых корицей, озолотился!), для Колумба, для Баренца *каждая лишняя миля Атлантики, России была минусом, допространством на пути к цели.*

Папский посланник Антоний Поссевино, его миссия (1581—1582), зондаж возможностей объединения церквей, кончается, разумеется, неудачей, но: «Несмотря на все трудности, которые стоят на пути введения католицизма в России, для достижения этой цели не следует пренебрегать никаким средством, ибо Россия благодаря своему географическому положению предлагает несравненные возможности для распространения христианства в Азии».

Россия — средство! Пусть не Европа, не Азия, но «дорога в Азию»!

Мартин Лютер, памфлет против папы (1520): «Русские и московиты... также являются христианами, а не еретиками потому только, что не дают беспрерывно спускать с себя шкуру...» Bravo, Мартин! И еще с протестантского фланга. Губерт Лангет пишет Кальвину, имея в виду Москву: «Если какое-либо царство в Европе должно возрастать, так только это» (сентябрь 1558 года).

Лейбниц: Россия должна быть культурно оценена Европой! Россия станет связующим звеном между Европой и Китаем:

«Поскольку Царь хочет деварваризировать свою страну, он найдет в ней *tabula rasa*, новую землю, которую хотят распахать... Наша обязанность и счастье состоят в том, чтобы, насколько это в нашей власти, способствовать царству Божьему, которое — у меня нет сомнений — заключается в широчайшем распространении настоящей добродетели и мудрости... Одному подобному человеку (*царю Петру*) влить усердие к славе Божьей и совершенствованию людей значит больше, чем победа в сотне сражений (...) Но Петр-то, преимущественно занимался этими „сражениями“. А Лейбниц опасался ослабления протестантской партии из-за поражения шведов (...)»

И от цитат — переход к статье для Бюллетеня ЦРС. Да, мы важны — как дорога в Китай! И прекрасно. Вот оно — подлинное смирение!

Убогая политкорректность в Регистр деноминаций Свенсона—Гелашвили записала конфуцианство как религию, чтоб «не ущемить». А это — НЕ религия!! Это учение, великое, многострадальное, подготовившее два миллиарда учеников к принятию настоящей религии, и событие это (крещение Китая) будет вторым по важности, после Рождества Христова... ЦРС, опираясь на Россию, совершит этот великий шаг.

С таким «приданным», можно и к патриарху на разговор, Ваше, мол...

— Так, Сумарокова... — Испуганной миссионерке сразу стала ясна половина предстоящей беседы, как только шеф-секьюрити Измайлов закрыл за собой дверь и каменным гостем двинулся к ее столу. — Ты выключи, выключи свой матюгальник. Секретов особых не будет, но и, как их... душеполезных радостных вестей они, — кивнул на экран, — тоже не услышат.

— Паж-жалуйста, могу и выключить! — Пожала плечами, мобилизуя все резервы храбрости.

Измайлов медленно оглядел кабинет, рабочий стол и вдруг присел на его уголок, чуть отодвинув стопу книг, удерживая тяжелым взглядом сверху миссионера от попыток привстать.

— Ты, Сумарокова, чего это Ламина чморить взялась? Раньше еще ладно, шуточки-смешуточки, понятно. А теперь...

— Что теперь?

— Мне-то не крути. Я тебе не Хизинг, вижу прекрасно, ты... — пару секунд выбирал слово потяжелее. Не выбрал, но легче Лизе от этого не стало, — ты ведь и сама знаешь, что я тебя — наскрозь. А Ламин, конечно, парень с психикой неустойчивой...

— Хорош себе парень, тридцать пять лет!

— Не... перебивай. — Навис над ней всей сотней килограммов, ментовско-зэковским тяжелым проникающим взглядом. — Думаешь, опустишь его еще пару раз при всех — сорвется чаморный, сбежит, уволится. Как раньше, из фонда того! Кар...

— ...из Карнаби. — Шеф-секьюрити так властно щелкнул интонацией, паузой, что Сумарокова, как по обязанности, подсказала, только что по стойке «смирно» не привстала, и то из-за нависшего Измайлова.

— Вот. Все ты знаешь, досье собрала, — дополнительно уличил шеф-секьюрити, — Думаешь, значит, убежит наш Гера, а за ним и... Серафима Калугина уйдет. Ее телеканал вести — тебе, старшему скайп-миссионеру. И эту Анну Лейх доокучивать — тоже тебе. А как наш Лев Фомич поднимется в прелат-директоры, то вот и супервайзер готовый! И с американским президентом рядом уже на весь мир нарисовалась, и язычок бойкий, и соображаешь быстро. Да и Веденскому наверняка закидывала тоненького, так? И все в 26 лет! Головокружение от успеха. Да ты подумай, посмотри на себя — ну какой из тебя супервайзер! Ведь людьми руководить надо, а не только играть, интриганить. Пилотка ты... глицериновая.

Последний сленг-эпитет, означавший примерно: «податливость, ситуативное согласие на торговлю телом», происходил из очень суровых мест, но Сумароковой был знаком, тут Измайлов отвесил точно.

— Знаешь, Сумарокова, за что я тебя реально уважал? — Она вскинула взгляд, подобралась, будто сто лет ждала этого вердикта. — Что ты, приехав из таких-то..., одна, без единого родственника в Москве, с такой-то внешностью — а проституткой все ж не стала. Или, скажем... в содержанках не задержалась. Но тварь ты все равно бессердечная! Ум, красоту Бог отмерил — во как щедро! А про остальное, наверно, сама решила: обуза только... Но слушай сюда, запомни, с-с стерва. Геру Ламина — больше не задевать ни пальчиком! Не опускать словесно... «Тетушкин петушок» и все такое — вообще забудь!

По необходимости решился Измайлов на неприлично для него длинный монолог. Но расчет оправдался, бастионы Сумароковой были полуразбиты. И кивком, что он в курсе про краткий содержанский ее период, и общей внезапностью натиска. Ведь Измайлов, честно говоря, нравился ей. Даже более... Особо фантазировать себе не позволяла, но рассчитывала когда-нибудь на каком-нибудь жизненном, служебном повороте выражения к себе встречной симпатии. Сурового в его духе признания, что-то вроде: «Мы, Сумарокова, одного с тобой поля ягода... Среди этих слизняков... Я вот отсидел — вышел без единой наколки, ты тоже, прорвалась из своего Торфобрикета. Сумела». Как-то так примерно... Но Калугина, вип-ведьма старая, и здесь обошла.

— Я — не задевать вашего Геру?! Да он мне сам в прошлом месяце... в любви объяснился!

Она брезгливо пожала плечами, свела брови. Но при том дала понять (средствами выражения эмоций, тонких нюансов Бог ее не обидел), что морщится она не в смысле отрицания любви как чувства. Не такая уж «бессердечная тварь». Но ведь — дистанция! Они с этим... Герой — абсолютно на противоположных концах секу-шкалы. На разных планетах! Где водятся одни — просто не водятся другие. Так что, наверно, даже сам факт «объяснения в любви» — знающий жизнь Измайлов, едва ли...

— Что, не верите, как ваш Герочка мог рискнуть? Так он и не рискнул. В лицо сказать, конечно, побоялся. По скайпу. Удобно, для всяких таких... — покосилась на каменный утес измайловского лика и решила, что «задевать, чморить Геру» ей запрещено даже заочно. — Удобно, сидим мы весь день в скайпах, иногда советуемся, инфой перебрасываемся. Вот он мне и выкатил. И еще, что я на... Наташу Ростову похаж! То ли из фильма, то ли на иллюстрациях. На которые он, наверно, не один раз... Молчу-молчу-молчу. И, между прочим, все это говорил — в служеб-

ное время, у меня и запись, — невинным таким тоном, — где-то осталась, не помню точно, надо будет поискать на домашнем винчестере...

— Поищи-поищи. Отправь хоть Хизингу, хоть в самую Пасадену. Что выйдет, сама знаешь. Порожняк. Выговорешник для Геры даже полезен будет, надо его потихоньку обтачивать... Ты, главное, про себя и для себя сейчас усвой. — Он придвинулся еще ближе, осторожно взял двумя пальцами ее за фирменный скайп-миссионерский галстучек с вышивкой «СРС». Тут Сумарокова и совсем рухнула: «Придушит?»

Но Измайлов вдруг зашипнутым кончиком, почти нежно, провел... ей под носиком туда-сюда, вправо-влево. Наверно, так отцы вытирают сопельки своим дочкам, мелькнуло вдруг у полусироты Сумароковой вместе с навалившейся, совершенно непонятого происхождения тяжестью и слабостью. Какую-то секунду показалась себе оплывающей свечкой. Что она сейчас заплачет, заснет или даже уже плачет и спит.

— Так усвой, Лизанька, про себя и для себя. С Герой ты теперь говоришь исключительно ровно, без твоего юмора и цинизма, без подначек, не выставляя его перед другими. Чтоб он не сорвался из нашего богоспасаемого Колл-центра...

Тут Сумарокова, словно из последних сил борясь с наплывающей и застывающей на руках, плечах, груди парафиновой тяжестью, оттолкнулась, немножко отъехала на кресле из-под нависавшего Измайлова и, наконец, собрав силы, приподнялась.

— Так, может, мне вашему Гере, чтоб он не сорвался отсюда, еще и — дать, раз за два или три?!

— Ну, Сумарокова! Смотри. Я сейчас тебя за язык не тянул!

Тяжелыми зэковскими интонациями заслоняя надежду, что это все шутка, Измайлов словно отмерил: так, на сегодня мой «мент», «работник правоохранительных органов» выключился. Остался только...

— Ой! Это кто ж тут нашу злую и такую красивую девочку обижает! — В кабинет Сумароковой вошли Серафима Калугина и чуть сзади — Гера Ламин.

— Ах, Измайлов, громила эдакий, посмотри, что устроил! — И своими легкими шагами Серафима подошла к Лизе, выхваченным на ходу, кажется, из рукава платочком оттерла блестящие дорожки на пухлых щеках миссионера.

— А ты, Лиз, ну кого ты испугалась, глупенькая! Ай! Только представить: работать с самим Веденским — и бояться Павла Ивановича! Вот же глупенькая.

Это уже точно было — слишком! Минуту назад ей отечески вытирал носик каменный шеф-секьюрити. А еще пару часов тому — она чуть не вцепилась в горло своему супервайзеру Веденскому. А еще отмотать три часа, сюда к ней со своей далекой верхней (высокоэнергетической) электронной орбиты заскочил сам Илья Лейх и, почти приобняв ее, преданно заглядывал в глазок веб-камеры, чтобы нарисоваться им вместе — пред очами своей невероятной супруги, сочинившей за две недели «Кузину мою жизнь»... И безмерно усталая Сумарокова опустила в свое кресло, на котором обычно, ошеломляя дозвонившихся, так лихо разъезжала до книжных стеллажей и обратно.

Бог посылает нам испытания по нашим силам? Получила (огребла) их сегодня неумная Сумарокова, но ведь и телок-переросток, тетушкин петушок Гера Ламин тоже получил и, кажется, даже выдержал испытание в масштабе своих силенок. Увидеть скалоподобного Измайлова, грозно распахнувшего дверь кабинета Лизы и столь же свинцово-тяжко затворившего ее за собой. Влюбленным сердцем догадаться об угрозе, нависшей над объектом чувств. И главное же... Зная единственного человека, взглядом смирявшего шефа-секьюрити, не постесняться позвать его на помощь, хотя это и еще плюс двести баллов для будущих издевок. Ведь

действительно смешно: вот так войти вдвоем, более того — войти вторым, следом, выглядывая из-за плеча. Тетушкин петушок. Пусть.

Тяжелый для всех день закончился под приглушенное бормотание ночной смены. Пройдя через затихающий улей мимо кабинок уполовиненного миссионерского состава, вслушивающегося в вопросы и всхлипы из других часовых поясов, от бессонных москвичей, Измайлов с Серафимой вышли в лифтовый холл. Падение в бесшумной клетке до минус второго этажа, паркинг. Стон усталости издавала, кажется, каждая клеточка Серафимы, так что Измайлов, и не помышляя ни о каких ухаживаниях, «победах», осторожно усадил ее на заднее сиденье своего «гелендвагена» и лишь поглядывал в зеркало, закладывая виражи на пунктирных стежках Трубной площади...

— Странно, Серафима Борисовна, представляете, первое, что я узнал о вас, это то что у вас есть картина Айвазовского и вы планировали ее продать, но она оказалась подделкой.

— Вот как?

— Веденский поручил мне навести справки, пробить некоторых знатоков, экспертов. И выяснилось, да, собираетесь продать. А потом уже завертелось все дело с вашим приглашением.

— Да, Павел, дивно приключилось. Пристраивала всю жизнь своего племянничка, а теперь вышло, что он меня пристроил, — устало усмехнулась Серафима и, кажется, задремала.

Но когда Измайлов, в очередной раз отвлекшись от московского поздневечернего трафика, сначала потянулся к зеркалу, а потом и обернулся, то увидел, что Серафима не спит, а вглядываясь в подсвеченную высотку на Смоленской площади, что-то шепчет, считает или просто шевелит губами.

— Серафима Борисовна, а к чему вы сегодня сказали Лизке, когда слезы ей вытирали. Что дескать, глупая она, если работая с Веденским — боится меня.

— Сказала.

— Ведь не в том смысле меня она может не бояться, что Веденский ее прикроет... от меня. А я так понял, вы имели ввиду, что Веденский будет пострашней меня.

— Ага, громила, правильно понял. А ты чего? Обидки взяли, что есть и пострашней тебя?

Засмеялись в унисон.

— Нет, Серафима Борисовна, я правда так рад! Хоть вы-то меня поняли. Знаете, я ведь ко всей их религиозной банде да и... простите к экстрасенсам очень нейтрально отношусь. Думать даже об этом не хочу.

— То есть не веришь?

— Да как сказать... Ярлыков тут понаклеили. Но вот что вы меня порой просто наскрозь видите, это я чувствую, просто знаю. А экстра — это не экстра, мне как-то неважно совсем. И как про мою судимость мне же и рассказали, и сейчас, что я не страшней Веденского. Вы просто... изумительного... душевного дара женщина, а что вас экстрасенсом назвали...

— Мне это слово тоже очень не нравится.

— Эта экстра, я так понимаю, следствие, дым над огнем. А все так не любят, боются смотреть на причину, и заслоняются болтовней всякой...

Еще раз заговорить о себе, даже просто как об объекте ее духовного всевидения, было неудобно. Измайлов вспомнил о второй точке сегодняшнего сравнения.

— А Веденский-то чем таким страшен? Говорите разглядели... что он притворялся чахоточным? Так он, по-моему, и правда верил, ему и доктора диагноза ставили. Он и мне говорил...

— А что ты о нем еще знаешь? — перебила Серафима.

— Ну... на работу они меня с Хизингом взяли, спасибо им, конечно, не знаю, кому из них больше. Колл-центр Фомич так наладил, поднял. Хизинг на него всю практику скинул, доверяет. И в Духовной академии когда-то учился, два с половиной года.

— Выгнали?

— Непонятно, но скорее да, выгнали. Митрополит один приезжал, беседовал, и про Веденского сказал: «Наполеон! Ему б не в Духовной — в Академии Генштаба учиться!» Может, имел в виду гордыню? У них там не любят этого дела. Любое дело подвоят: «А, гордыня!» — и привет.

— О, приехали! Спасибо, Паша.

Встрепенулась, из «гелендвагена» вышла почти бодро, может, давая понять, что провозжать до дверей квартиры не требуется.

10. Тяжелый хлеб, горькое вино

— Скажите! Спаситель воскресил Лазаря, своей волей, так?

— Как к вам можно обращаться?

— Настя, но это не важно! Вы лучше скажите, ведь и умер он, Лазарь, перед этим по Божьей воле?! И потом, после воскрешения, ему ведь пришлось умирать еще раз, так?

Сбивающийся, но звонкий голосок и такой запальчивый тон, что в Колл-центре составила целая конференция. Гибкие технические возможности позволяли к разговору подключаться, если они были «on-line», на линии, и супервайзеру и даже прелат-директору Хизингу. Причем они могли выбирать: или звучать только в наушниках миссионера, давать ему советы, или включаться полностью, так, чтоб слышал и обратившийся.

Появление в Колл-центре Серафимы и сложившаяся практика подключений усложнила набор возможных форматов конференции почти до безумия, до сетевой шизофрении. Начальники общались меж собой, советуясь по сложившемуся направлению разговора, стоит ли его выносить на телепередачу Калугиной. Следили не проявляясь или вдруг подключались — вместе или порознь — к одному (миссионеру), к другой (Серафиме), к обоим сразу. «Эффект присутствия», экспромт, драматургия передачи порой зашкаливали. Варианты подключений тоже дробились на опции: видео/аудио. Видео требовало большего градуса включенности, морального напряжения, приведения себя в порядок, галстучка с вышивкой «CRC», а у супервайзера и прелат-директора был еще длинный список обязанностей, и они предпочитали оставаться закадровым «гласом с небес».

Разговор мог начать дрейфовать в сторону конфликта, угрозы миссионеру, всему Колл-центру, Церкви. В этом случае миссионер набирал комбинацию из трех клавиш, и вся видеоконференция вываливалась на компьютер шефа-секьюрити, с уведомлением на его сотовый. Он возле экрана торчать не обязан, но по сигналу «тревожной кнопки» должен был подключиться в течение 15 секунд, максимум 25. Должен был вникнуть в характер конфликта, поведения обратившегося и сделать вывод о степени серьезности. А уж все последующие действия шефа-секьюрити как раз и должны быть «off-line»: связаться, обсудить с полицией, охранять миссионера своими силами.

Вообще-то формат Измайлова назывался «пассивное подключение», но видеовые его установщики компьютерной сети, тем более пользователи-миссионеры, знающие еще и с его биографией, не рисковали произнести правильный термин.

— Настя, вы только, пожалуйста, не волнуй...

— ...ведь если Лазарю пришлось дважды... Умирать — это самое ведь тяжелое в жизни, да? И еще раз, так?

— Ох уж эти русские мальчики, — литературоведчески вздохнул Хизинг, отложив томик «Рассказы» Чехова и поворачиваясь к монитору.

— Это, между прочим, девушка позвонила, — машинально, негнушными губамиотреагировал супервайзер Веденский.

— Понимаете, мне пришлось видеть агонию! До самого конца. Папину... Я не могла отойти, я должна была сделать еще укол, десять миллиграмм, ровно через час после предыдущего, раньше, сказали, нельзя. А прошло только тридцать девять минут...

— Настя, я вас прекрасно понимаю, но вы...

— Ерунду вы понимаете! Я же вас сейчас про Лазаря спрашиваю. Что это значит, если заставить дважды умирать...

На экране измайловского монитора Гера Ламин протирает пальцами лоб, сбиваясь на совсем уже маловразумительные цитаты.

— Молоко давать надо за вредность, — вздохнул Измайлов, — и год за два считать. За три.

Хотя и не было никакого нажатия «тревожной кнопки», шеф-секьюрити включился. Системного администратора он недавно попросил сделать ему отдельное, дополнительное оповещение, когда религиозно-конфессионально-богословская распасовка переводила запрос на Геру Ламина. Тот для Измайлова, по сути, весь был большой «тревожной кнопкой».

Во-первых... Серафима чаще всего подключалась именно к беседам миссионера Ламина. Естественно, кому помогать, как не племяннику? Но очень уж она сердцем вошла в этот бесконечный поток. Насколько ее хватит? Закрывать, ко всем чертям, обесточить, обезинтернетить этот Колл-центр, но... он видел, что такая кошмарная «работа» ей почему-то нужна.

Это те телеэкстрасенсы могут в своих «битвах» нести околесицу, «давать установки», отыскивать потерянные часики, убежавших кошек, а она, как Измайлов невнятно для себя объяснил — она итожит свою жизнь, как бы выслуживает прощение. У кого?! В монастырях, это кажется, называется — послушание. Ее-то сюда привели не телережиссеры... жизнь. Совесть. Да, и племянничек.

Сколь ни далек был Измайлов от существа работы Колл-центра, бесед, своих охраняемых подопечных — однако постепенно въехал, что Гера-то попал на самый морально надрывный участок работы. Те-о-ди-цея, теодицея, словечко-то! Нет, в общем, слово как слово, годится и для женского имени, но стоит за ним... Измайлов еще раз раскрыл книжку из ряда бывших ранее лишь строем корешков на полках подопечных миссионеров: *Theodicea* — *богооправдание* греч. *θεός*, «бог, божество» + греч. *δίκη*, «право, справедливость») — *совокупность религиозно-философских доктрин, призванных оправдать управление Вселенной добрым Божеством, несмотря на наличие зла в мире.*

То есть кому-то из миссионеров выпало тарабанить догматы, уточнять списки таинств, ну в крайнем случае отбиваться от истеричек-феминисток по поводу ущемления прав женщин при назначении на церковные должности, а на кого-то, поди ж ты, вываливают все «зло мира».

Сегодня, когда Серафима переключив на свою программу, утешала эту... Настю (вот тоже дурища! Отец родной умер, а она взъелась за какого-то Лазаря) и пульс беседы потихоньку выравнивался, он, Измайлов, в упор видел, как Серафима в своем интернет-эфире, *оправдывая управление Вселенной добрым Божеством, несмотря на...* рвет свою душу. И почему-то именно в тот день, с «дважды умиравшим Лазарем», Измайлов вдруг прочувствовал, что он сможет вытащить Серафиму из этой ямы. Единственным и решающим условием было увести ее так, как она сама себе разрешит уйти. Совпасть с поворотом ее диковинного душевного маршрута.

Решит ли она, что *оправдать* такое *управление Вселенной* все равно невозможно, или, наоборот, что все давно уже *оправдано* — Измайлову было неважно. Главное, он вдруг почувствовал, что сможет попасть на эту ее внутреннюю карту, логично, стать если и не вровень со всякими *теодицеями*, божественными знаками — то вполне различимым дорожным знаком, указателем, которому она может последовать. Психотерапевты, которым бесплатный Колл-центр изрядно подсократил «рынок», назвали бы это надежда на ответное чувство.

А еще жизнью немало битый Измайлов раньше многих почувствовал: некие трещины побежали по монолиту Колл-центра, Московской ЦРС. Еще полгода назад он, после своих ВВ, судимости, «ходки», считал должность шефа-секьюрити подарком Судьбы на старости лет. А если б он был краснобаем, вроде охраняемых миссионеров, то назвал бы еще торжественней: Последним Подарком Судьбы... Вот и правильно, что не красобай, что не назвал «Последним» — теперь встретил Серафиму. А Колл-центр получается, был... Предпоследним... А более Подарков он уж точно не желал. Уяснил жизнь, измерил наконец свое «водоизмещение» и, главное, впервые, с самых курсантских лет, еще с Ростовского военного училища внутренних войск МВД СССР, впервые остался совершенно доволен. Этим «замером водоизмещения», планами на оставшиеся годы, судьбой вообще...

Измайлов вышел в зал, оглядел свой гудящий улей, миссионерские затылки и макушки в нимбах наушников и, переведя телефон на виброрежим, пошел в Комнату релаксации. Против собственных ожиданий ему понравилась эта американская, где-то в Калифорнии запатентованная прихожанином ЦРС электронная примочка.

Большая, метров 35 безоконная комната, круг мягких кресел с подголовниками, тихая, ласковая электронная музыка — это еще так-сяк, банальщина. Но сверх того для психологической поддержки вымотанных миссионеров было придумано небольшое светопредставление. Так и было написано в поясняющем буклете. Литера «д» должна была отделять фирменное запатентованное высокотехнологичное шоу «День-Ночь-Утро» от светопредставления («конца света»). Какие-то датчики вроде как разгадывали электромагнитные импульсы утомленных мозгов и выдавали на стены картины: море, холмы, клеверные поляны или плывущие абстракции, цветочные пятна. Что там они, датчики, разгадывали, недоказуемо, но общий уровень активности мозга как-то улавливали: вспышки мысли меняли картинки. Ноу-хау, наверно, состояло и в том, что никаких шлемофонов с проводами, как в репортажах из лабораторий, не было. Датчики сидели в подголовниках кресел. Поднятие, удаление затылка тоже меняло картину. Расположение кресел — как у рыцарей Круглого стола, но с противоположным знаком, смотрят не друг на друга, а на свой участок стены. Это все — «День» цветоэлектромагнитной сюиты, примерно три минуты. Потом в синхрон снижающейся активности мозговых импульсов яркость картинок, освещенность снижались, на потолке загоралась модель звездного неба, точная для данной широты. И далее после двух минут полной тишины и темноты (гасли и созвездия московского неба) — рассвет под вагнеровскую увертюру к «Лоэнгрину», там где скрипки постепенно проникают как радиация.

И готовя миссионера к возвращению в строй, экран заполнялся строками из Библии, в основном притчами Соломона, цитатами известных проповедников, пословицами.

Среди выбранных изречений с поправкой на данную страну, подобно звездной карте, рассчитанной на московское небо, Измайлову запомнилось грозное: «*Не играй своим Спасением. Игнатий Брянчанинов*».

Что Комната релаксации была дорогой игрушкой, миссионеры понимали. Патентованная, разрекламированная калифорнийская «примочка» вполне могла стоить и чистые копейки, но 35 квадратных метров офисной площади, в центре Москвы —

это да. Пользовались только они, спускавшиеся с 12-го этажа работники отделения ЦРС, изредка — гости Хизинга.

Сильно в последнее время устававшая Сумарокова выбирала и весь свой лимит в Комнате релаксации да еще дорогу домой превращала в некое подобие: брала такси, плюхалась на заднее сиденье, надевала вторые за день наушники — и под электронное мурлыканье непритворно засыпала. «Логистически» устроилась она неплохо: арендованная «однушка на Алтушке» (Алтуфьевское шоссе), хотя и упоминалась в раздраженно-недовольной речи супервайзеру Веденскому, имела удобство: 35 минут в метро и без пересадок до «Цветного бульвара». Утром, всегда упругая и полная планов, она прыгала в метро, экономя на пробках время и деньги. Но вечером она все чаще садилась в такси и задремывала, жалея уходящую молодость, страшаясь за пока державшуюся красоту. Надеясь, что если ей не придумается, то хотя бы придремлет, приснится блестящий и наконец победный ход в ее партии. Но единственное, что придремывалось, это понимание: У тебя, Лизушка, не партия — а сеанс одновременной игры... и она в полудреме пересчитывала «доски». Веденский, Измайлов, Серафима, Кудрявцева, Анна, Илья Евсеевич Лейх. Союзников не было по определению, просто некоторые партии и «соперники» были очень просты, а то и вовсе норовили перейти на «поддавки». Это воздыхатели: Аркаша, Гера Ламин, теперь еще и Вашенин... Беззлобный, но ужасно неопределенный Хизинг явно не прочь пошалить в периоды возвращения семьи в Бостон, но все никак не досочинит подходящую «ролевою игру»: предложить мне всех трех сестер или только Ирину? Нину Заречную? Запас нерешительной неспешности таков, что, кажется, можно спокойно ждать, когда в пору будут Аркадина или Раневская...

С момента героического материнского десанта в Москву Лизе везло. Колл-центр, при всех нараставших моральных тяготах «консультирования», интриганства, был в числе наиболее высокооплачиваемых мест.

Везением был и случай двухмесячной давности, когда ее, полуспящую, сговорившись с двумя подельниками, чертов частник завез в глухой закуток промзоны за Алтуфьевской эстакадой. Неизвестно, какой именно реакции ожидали насильники (и грабители?), но она, вскинувшись и выхватив слезоточивый баллончик, заорала так громко, таким благим матом, такой пожарной сиреной, что *эти* дали ей убежать.

После того случая Лиза разрешает Аркадию сопровождать: он торчит на переднем сиденье гордым Рэксом, не развлекаемый даже беседой, провожает до дверей... и все.

11. Учет и контроль

— Как к вам обращаться? Петр Степанович? Очень хорошо, а меня зовут Сергей. Итак, Петр Степанович, вы считаете проблемой свое коммунистическое воспитание — или материализм в целом как таковой? Понимаете, Петр Степанович, упомянутая вами фраза, как вы выразились, манифест материализма: «Человек есть то, что он ест», в действительности не может отягощать ваше партийное прошлое. Вы говорите, что давнее ваше членство в КПСС, отголоски материалистического мировоззрения смущают вас лично, провоцируют споры с супругой. Ваша супруга посещает православный храм, я правильно вас понял? Хочет приобщить вас, но вы...

Пауза. Миссионер Сергей Метрохин слушал или просто давал выговориться человеку сложной судьбы (самоаттестация Петра Степановича). Ловкий казуистический финт в голове Метрохина уже вполне сложился, и под бормотание клиента он вытаскивал Яндексом достоверные справки. Итак.

— Вьевшаяся, как вы говорите, фраза «Человек есть то, что он ест» не должна вас смущать, ибо не имеет отношения к научному коммунизму, на котором вы были

воспитаны. В действительности «Человек есть то, что он ест» — фрагмент рецензии немецкого философа Людвиг Андреаса Фейербаха (1804–1872) на книгу немецкого «вульгарного материалиста» Якоба Молешотта (1822–1893)... Припоминаете, Петр Степанович? У них — вульгарный, у вас научный! Две, как говорится, большие разницы. И если хорошенько вспомните, ваш «диамат», диалектический материализм беспощадно критиковал ошибки вульгарных. Так что будьте спокойны, дорогой Петр Степанович, вы же состояли в КПСС, а не в партии Молешотта и Бюхнера... Уф-ф, долдон.

Последние два слова были произнесены после опускания трубки беспокойным экс-коммунистом.

— Да. Ловко распасовал, — вздохнул Измайлов, — Вот только чаще все же Человек есть то, что он ел часов пять назад.

Присевшие на соседний диван миссионеры Незванов и Сумарокова дружно прыснули, затряслись, расплескивая кипяток в кружках.

Стопроцентно компьютеризированный характер работы миссионеров доводил идею «учета и контроля» до предела, немислимого для большинства других профессий. Пара «кликов» — и статистика по каждому вытягивалась на экран или в распечатку: количество принятых вызовов, время (до секунд!) проведенных бесед. И не только посещение Зала Релаксации (11 минут, раз в день) — простое арифметическое вычитание из времени «он-лайн» (непосредственная деятельность, наушники-микрофон включены, взгляд на мониторе), из 8-часового рабочего дня позволяло так же досекундно высчитать время всех по-старорежимному — «перекуров», то есть отлучек, туалетов, выходов в коридор. Достижение этой суммы уровня 22 минут/день отправляло сотрудника в «красную зону».

— Конвейер Форда, потогонная система Тэйлора, — ворчал, проходя в туалет, миссионер Георгий Петрович Гальцин, из тех, кто постарше и помнил что-то из курса политэкономии.

— Мочегонная, — то ли сочувственно соглашался, то ли уточнял Измайлов. Он понимал, что на тысячах других рабочих мест «пашут» больше и дольше и получают меньше, чем в Колл-центре, но этот посекундный тотальный учет да и вся утешительно-просветительная служба, моральная сторона этих полурелигиозных консультаций весьма тяжелы для национального характера.

Большинство миссионеров, а Аркадий Незванов и Лиза Сумарокова особенно, любили эти минуты (подсчитываемые) выходов в холл, плюханье на диванчики... и реплики каменного шефа-секьюрити. Между собой называли их снисходительно-насмешливо, порой восхищенно: «Измайлики». Спасительную отдушину чувствовали в общении с бывшим солдафоном и бывшим ээком в одном флаконе. Хорошая порция казарменного юмора и лагерной философии — вот что требовалось после тягостного листания и зачитывания догматов и постулатов.

— ...Но ваше предложение, Гурий Абрамович, о включении в современный религиозный контекст сочинений философа Ницше встретит обоснованные возражения на всех уровнях, от онтологического до даже примитивно-бытового.

Это Светлана Кудрявцева отработывала по «рацпредложению» некоего Гурия Абрамовича, жителя города Серпухова, представившегося потенциальным адептом ЦРС. Контингент, понятно, руководством особо ценимый. Однако этот *потенциальный* неверно истолковывал линию интеллектуального синкретизма ЦРС, позволившую причислить к сонму «учителей мудрости» не только философа Канта, но даже и Вольтера с Гельвецием. Требовал причем в качестве предварительного (наглец!) условия своего присоединения к ЦРС подобного же отношения и к Фридриху Ницше.

— ...Вы говорите, Гурий Абрамович, о важности ницшеанского Культа сверхчеловека? Я правильно вас поняла? Что именно сегодня подлинный, нелицемерный гуманизм — его лозунг «Падающего — толкни!»? Но знаете, Гурий Абрамович, некоторые обстоятельства жизни предлагаемого вами «учителя мудрости» могут серьезно подорвать облик всего Сонма учителей мудрости, всей ЦРС, да, наверно, и любой деноминации, что рискнула бы принять Ницше в ряды авторитетов. Особенно последние его годы, вы, наверно, в курсе... помрачение ума, клиника... принимал медбрата за канцлера Бисмарка, ругался, пил из сапога собственную мочу! Предлагаемый вами учитель истинного гуманизма вызовет, возможно...

Измайлов, кивнув Аркадию на ноутбук, транслировавший духовно-интеллектуальный поединок миссионера Кудрявцевой с серпуховским ницшеанцем, вопросительно поднял бровь. Аркадий из-за соседнего столика энергично и утвердительно кивал, мол, правда насчет клиники, медбрата, сапога... и всего прочего.

— О-о! — протянул Измайлов, — А то я все слышал: Ницше, Ницше, да не знал толком. Объяснили, вишь. Ну супермена-то видно сразу, по полету... Пьющего — подтолкни. Чтоб расплескал из сапога... Все четко, *чиста по-человечески*. Гуманизм конкретный.

Полухохот Незванова с Сумароковой, вышедшего на оживление в холле Гальцина, притормозившего со щеткой Гены Кортеса. Оказалось, «тупой», но формально правильный перевод всем порядком надоевшего ницшевского «сверхчеловека» — в *супермена*, зримо встававшего в своем голубом трико, маске, черном плаще... спасал изнемогавших миссионеров!

— У меня вчера тоже упертая была, — Незванов отодвинул чайную кружку, пытаясь, кроме Сумароковой, привлечь внимание и шефа-секьюрити — Пишет свой собственный энциклопедический словарь. Альтернативный, что ли? Дошла до буквы «Е» и остановилась на десять месяцев. Требуется от меня, чтоб я объяснил ей причину задержки... Семьдесят два года, писать его начала, говорит, в сорок четыре. И прикинь... опасается, что не успеет дойти до своего любимого «Экзистенциализма»! Именно, говорит, из-за него она вообще взялась за это дело. А десяток буковок перескочить, это я ей по-простому предлагал, тоже *чиста по-человечески*, сочувствуя — она, представь, не может! Интеллектуальная ответственность, весь кодекс ее правил не позволяют перескакивать, это будет, дескать, уже не энциклопедический словарь. Якобы и французские энциклопедисты с нашими цээрэсными Гельвецием, Дидро не перескакивали, шли подряд. Этого я не нашел где проверить, а, Лиз? Ты не в курсах?

— Нет. Спроси Геру.

— О'кей... А так, по всем остальным разговорам — абсолютно адекватная бабулька, умные вещи задвигает. Завещает свой словарь нашей московской ЦРС с пожеланием, если не успеет — нам продолжить. Грозится на днях прийти принести копию. Она-де продолжит штурмовать эту, букву «Е», а копия чтоб лежала на всякий случай у нас... Ужас.

Рассказывал Незванов, обращаясь к Сумароковой, но так, чтоб слышал и Измайлов. С расчетом на выдачу очередного «измайлика», а кстати, может, и вполне дельного совета. Авторы различных проектов: единых всеконтинентальных Церквей, проектов мировых гармонических укладов, общепланетных Кодексов, в общем, всяких социальных перпетуум-мобиле, нередко навевались в ЦРС лично. Предлагали купить, но чаще дарили раскопанные или таинственно унаследованные реликвии. Электронное кадило (сработано одним воронежцем по технологии электронных сигарет). И для бесед с *этими* всегда выделяли тех миссионеров, кто «вел» их в режиме он-лайн, то бишь консультировал телефонно, интернетно — и не сумел отговорить от идеи заявиться сюда лично. Два стеллажа Хизинг в своем кабинете отвел под своеобразный музей приносимых ходаками рефератов и артефак-

тов, если те были достаточно интересны и приемлемы по размерам. В принципе, как он объяснял гостям и пасаденскому начальству — это тоже своеобразное свидетельство популярности ЦРС, включенности ее в контекст российской жизни. Стояла там, на третьей полке, и одна скульптура, копия очень известного, даже самого в мире известного шедевра, выполненного из самого неизвестного материала... Так что место для альтернативного Энциклопедического словаря, доведенного до буквы «Е», возможно, нашлось бы...

Но Измайлов на неявный запрос Аркадия не откликнулся — переключился и всматривался в ход очередного сеанса, свалившегося на Геру Ламина. Лимит их «перекурного» времени давно вышел, и Аркадий с Сумароковой, взяв кружки с подостывшим кипятком (чай плохо заварится), пошли к своим кабинетам.

— Аркаш, ты скажи ей, что новые правила орфографии допускают самые старые транскрипции и сейчас можно писать «Екзистенциализм». Пусть шурует.

Аркадий «заценил» юмор:

— Лиз, «измайлика» я сегодня не получил, зато... Назову это — «сумарлик»!

— Оки-доки! — Сумарокова скрылась в своем кабинете, погрузневший Аркадий пошел к своим клиентам-пациентам.

После сеанса, окончания которого ждал Измайлов, в коридор выполз Гера Ламин и через полминуты Серафима Борисовна.

— Нет, у нас, конечно, самый широкий религиозный базис, но ведь не сатанисты мы все ж!

— Че, Гер, досталось? Я смотрел. Но ты молодца, хорошо держался.

— Да, Павел Иванович? — ободрился скайп-миссионер, главный по Теодицее.

— И о причинах войн хорошо сказал, от сердца, — подключилась Серафима.

— Нет, но начало-то было самое обычное. Почему убийства, почему от голода умирают, когда по божией воле родились. А потом как они пошли, хором...

Видеоконференция была у Геры — из сложнейших. Коллективное обращение, целый старший класс московской гимназии. Веб-камера захватывала человек 8—9, но по голосам, возмущенному ору похоже — весь класс. Инstrukция ЦРС обязывает на коллективные обращения отвечать предельно тщательно, да и так понятно: целый клин ломится во врата церкви.

— ...И потом от убийств — на всю убогость, мировую скверну. Вот зачем, например, мирозданию комары, слепни, моль, глисты?! Что, без них у Всемогущего картинка не получалась?

— Чего-чего, Гер? Ты извини, меня в тот момент пара весельчаков отвлекла со своим Ницше, мочой из сапога... Чего, говоришь, эти гимназисты насчет слепней?

Но у вымотанного Ламина не было сил повторить всю канву покушения гимназистов на его теодицею. Он склонился к измайловскому компьютеру, нашел файл записи видеочата, чуть промотал и повернул экран.

Серафима хоть и участвовала по мере сил в этом духовном ристалище, но не удержалась, опять начала всматриваться в лица гимназических богборцев.

Плечи их соприкасались, головы тоже были рядом — иначе экран не фокусировал. Выслушали список претензий, ответы Геры, еще претензии... Что за мир им вручают?! Зло смеялись над Герой. Но и смеясь, Геру они не отпускали. И он ни в коем случае не имел права прервать затянувшийся сеанс... Уфф.

— Контрольную за четверть они, что ли, провалили?... — вставил Измайлов. — Паскудники! Корытники избалованные!

В странной для абсолютно сдержанного Измайлова вспышке виноваты, возможно, были не только лоботрясы-гимназисты, а и вся его тяжкая работа последних не-

дель... Серафима, отстранившись, самую чуточку отклонив голову, смотрела уже не на «хор паскудных корытников», а только на дышащего усталым гневом Измайлова и словно пробовала послать ему знак.

Сработало, нет — неизвестно, но на очередном наборе воздуха он вдруг сменил гнев... нет, не на милость, на крайнее удивление, какое-то изумление. Беспомощно посмотрел на Серафиму, даже на Геру, словно ища и у него (Он! — у Него!) защиты, теодицеи.

— Видать, мне уже не понять. Это что ж? Весь мир... но если с комарами не принимают!? Это как это? — Удивленный взгляд на Серафиму. — Планету, звезды, там... солнышко... травку, дельфинов и вообще все... — ладно, да. Но если еще комары, моль и слепни — то уже и не надо?!

Именно этой внезапной беспомощностью Измайлов, сам того не зная, но тронул колесико, нечаянно задел какой-то анкер, маятник Серафиминого внутридушевного механизма, и... «невозможное стало неизбежным». Жалость и нежность к этому растерянному громиле вдруг переполнили Серафиму, и, желая как-то отвлечь его от обнажившейся жестокой дилеммы, она потянула, выдернула самую первую попавшуюся ленту:

— Моль? А у нас... девчонкой помню, тоже однажды моль завелась. Отец злится: «Это пани теща со своим старьем привезла!» Тогда только нафталин был, пересыпали все. Шкаф одежный у нас один, проверить легко. Вещей немного, все целы. А они порхают себе. Что ни вечер, у нас, как на съезде партии, бурные, продолжительные аплодисменты. Отец жидкость какую-то достал, поядовитей нафталина, да куда ее прыскать? Одежка вся цела, койки железные — тоже не спрячешься и не разъешься. Наконец взялись, отодвинули шкаф, а она — там, в клубках пыли сидит. Фырх — и полетела, в страхе, что гнездо ее нашли. Как объяснили, она, оказывается, той пылью, одежной, тополиной — за милую душу и питается. Вымели все, отец еще жидкостью побрызгал. Правда сильная, они от нее уже не вспархивали, только ползали по кругу, как помешанные. А я тогда... ну все ж девчонки на котятках, лягушках, птенцах помешаны... я им, отцу с матерью, возмущенно, как твои, Гера, гимнастики сейчас, эдак с претензией кричу: «Что вам, даже пыли жалко?!»

Нехитрый рассказ, и совсем не по теме так возмутившей Измайлова (одно только и совпадение: имя насекомого), но помог ему, правда, непонятно, каким образом. Может, просто тем, что отвлекся, ярко представив свою Серафиму долговязой нескладной девчонкой, возмущенно стоящей посреди убогой комнаты: «Вам что, даже пыли жалко?!»

Когда на диванчике, посту визуального контакта с миссионерами, «выявления ментальных тенденций», Измайлова сменял супервайзер Веденский, было не приколно. Трудовые пчелы предпочитали не покидать стеклянный улей или пролетали без задержки к туалетам или кулеру. Разве что пчелы-подхалимы, Кудрявцева и Метрохин, присаживались ненадолго.

— Сумарокова, э-э, я чего тебя сейчас вызвал, — Веденский устало обвел взглядом свой кабинет, — не догадываешься?

— Не знаю, Лев Фомич, вопросов у нас много, вы лучше сами.

Что-то Лиза невесела. «Я-то ладно, — смотрел и думал Веденский, — мне почти пятьдесят, и это все на меня легло! Ее, разве касается, откуда, как, почему поступают нам... те же денежки, металл презренный. Ей-то лишь мои 38 тысяч, еженедельную сэлэри — вынь да положь! А все время и мысли — на интриги да развлечения. И где там у них с этой Анной Лейх кончается одно и начинается другое — дьявол их

разберет. Так? Да... Но почему ж тогда и она, муха-развлекуха, тоже какая-то невеселая, усталая. С чего бы? Может, догадывается, что я ее с Анной встречу в Москва-Сити проследил, и что она сейчас под увольнением ходит... Вроде не такая азартная. А когда затевала эту штуку — о-го-го! Когда Илья Лейх к нам уже ехал, а она торжествующая — всех переиграла! — через стол книгу протянула и чуть задержала: „Да вы должны ручки целовать своей ми-ми-ми-миссионерке!“»

— Так что с этой... Анной Лейх, ее книгой, м-м, помнится «Кузина моя жизнь» называлась? Ты говорила, что Илья Евсеевич ее прямо в один месяц напечатает, и на презентацию мы с тобой уже приглашены? Полтора прошло уже.

— Месяц, я говорила метафорически — показать, что сделает он так и в такие сроки, что нам не снилось. Вы же, Лев Фомич, тоже когда-то писали книжку, наверно, издать хотели? — «Ну это ей Хизинг болтанул. Она ж и с ним конфиденцирует, растинька. Вряд ли, что Измайлов. Хизинг», — прикидывал Веденский. — Месяц — метафора невозможного, но... — протянула цирковую паузу, разве что сеть барабанной дробы не повесила, — но в два месяца все-таки выйдет! Подарочное издание, золотой обрез, суперобложка. Верстку и цветопробы я уже видела. Умри все живое!

О, разошлась понемногу, дурочка. Даже не заметила, как подставилась, как я ей сейчас могу мат в два хода объявить. Проверить записи всех сеансов, и если ей там Лейх ничего не показывала, а цветопробы как по скайпу разглядишь — то, значит, был внеслужебный, несанкционированный контакт, нарушение должностной инструкции, трудового договора, и привет, пташка, лети без выходного пособия... Но вопросов у них, как она заметила, действительно много, и супервайзер начал с другого.

— И что, Сумарокова, в этой книжке так и оставят то, что ты мне здесь показывала, — про *говно не тонет. Даже в фарисействе...* Там это будет, под подарочным золотым обрезом? Говоришь, верстку видела?

— Понимаю, Лев Фомич, иронию. Отвечаю: будет. Непременно. Дело в том, что Анна Петровна это наговорила... — спохватясь, уточнила, — по внушению того колдуна с тихоокеанского атолла, с которым и попросила меня побороться. В лицо бизнес-друзьям Ильи Евсеевича, их женам и много вещей похуже. А теперь явилась прекрасная версия, объяснение: не шизофреничка — поэтесса! Не хамство — эксцентричность. Вон актуальные модернисты говно едят, на площади под объективами, интервью потом раздают, а у Анны Петровны то — метафора. Центонная поэзия, Пастернак.

— Все равно дарить друзьям такое... Не обрушит ли это его связи, положение?

Поднятым большим пальцем, как показывают «Во!», Веденский огладил усики цвета прошлогодней травки. Жест, раздражавший Сумарокову до тошноты, до желания ударить.

— За Ханты-Мансийск опасаетесь? Новое отделение ЦРС? — хлестнула нахалка. — Она же, повторяю, поэтический всплеск выдает! А не разоблачительную документалистику с именами, нон-фикшн фамилиями. Те мерзавцы только рады будут такой щекотке, они... Вы Дмитрия Гарина знаете? В смысле слышали?

— Ну что-то... В новостях бизнеса.

— Компаньон Ильи. Начинили в одной лодке с ним, сейчас по русскому Форбсу на 37 пунктов отстает, но влияние огромное, может, даже специально там во второй сотне запрятался, скрытно дирижирует. Моральный тон задает. Так он недавно почку себе вставил. Третью. При том, что две своих не беспокоили. Так, инвестиция. В себя, в будущее. Если безработные, молдаване, чтоб семью прокормить, почку продают, значит, кто-то, имея два миллиарда, может и прикупить, вставить. Каково?

— Диковато, да. Это Анна Петровна тебе рассказала?

— В их бизнес-котле книга будет эмоушенал рескью. Клапан предохранительный, подарочный, издательства «Похорони всю классику».

— Еще что-то выдумала? Вы специальную фирму под эту книжку учредили?

— Нет, правда, есть такое издательство. Сейчас за деньги, тем более за такие — только свистнуть, а уже под окном офиса три тысячи таких... только выбирай. «Давайте у нас. Мы лучшие». Да, Лев Фомич, издательство выбирала я! «Похорони всю классику»!

Гордо вскинулась басенной, только черно-бурой лисой, опять безудержно хвастаясь и подставляясь. Ну вот, хоть привычная Сумарокова вернулась, и то слава богу.

— Значит, кроме того, что *не тонет в фарисействе*, еще и значок издательства будет — «Похорони...». Набор подарочный, что и говорить. Наверно, это я виноват, надо было раньше вмешаться, отстранить тебя...

— Опять, Лев Фомич? Говорю же, обычное издательство, это мы их английское название так прочли. Рип олл классик! — и, опять спохватившись, уточнила: — Никаких личных коммерческих интересов там не имею. Знать не знаю, спать не спала! Просто повесть прочитала: про одну погибшую рок-певицу книгу воспоминаний издают, заказчик богатый, тоже с причудами. И по радио случайно он слышит рекламу издательства «Рип олл классик», вспоминает, как он вместе с покойной когда-то играл «Рип зис джойнт» Роллинг стоунзов. Так он и выбрал, чисто по созвучию. Я и решила, вот настоящий подход поэта! Ане... Петровне тоже понравилось. Проверили: есть такое! Заказали. Не торговались. Они на сдачу нам еще мальчика одного сорокалетнего прислали: организовать подсветку, статьи всякие, рецензии. Так что через три недели, 12-го в четверг, в 19-00, презентация «Кузины...». Я — вас — приглашаю! Я (перехватила вопросительный взгляд) — именно сегодня и собиралась вам это сказать. Дату, время только утром определили. Ах, я же место не сказала! Клуб «Барон Рохас».

С этим «Ах забыла сказать место!» был бы эффект, если б старый пенек ориентировался в карте московских клубов. Очень дорогой, престижный. Бейонсе в прошлом году пела для 65 человек, презентация книги там вообще впервые.

Предположение мысленно в этот момент оскорбляемого Веденского тоже было не очень лестным: «Да, выйдет у вас книжечка... Разве что для Хизингова музея».

— И еще, Елизавета, — протянул супервайзер. Можно было б написать «Сумарокова насторожилась», но настороже она была и весь разговор, все разговоры с Веденским, — тут зарегистрирован звонок из твоего поселка, — заглянул в распечатку: — Правильно, Торфобрикет Кологривовский район Костромская область. Это не твоя ли мать звонила? Записи разговора почему-то нет, так бывает, или сбой по напряжению, или миссионер, если очень знающий, может успеть суметь удалить.

— Не знаю, у матери и телефона нет, ходит звонить к соседям, Кульневым. В поселке четыре тысячи населения. Мне этот вызов не приходил. — «Ни при чем, — убедился Веденский, — если только не какая-то сверхактриса). — А кому, Лев Фомич, был распределен-то? Это ж удалить нельзя.

— Ламину, потом переадресован на Серафиму Борисовну.

— Так и начинайте с них, — с неподдельным раздражением Сумарокова встала с безмерно надоевшего стула.

— Ладно, иди, — супервайзер сказал уже в спину уходящей миссионерки. Так, для сохранения авторитета.

«Ну, Серафима! Все собой заполняет. Прямо не человек, а субстанция какая-то», — злилась Сумарокова.

12. Музей Хизинга

К упоминавшимся стеллажам с наиболее занятными принесенными в ЦРС документами прожектами, книгами, рефератами, артефактами хозяин подводил новых посетителей, вдалбливая: «Это все свидетельства популярности ЦРС, нашей включен-

ности в духовную жизнь Москвы, России». Проекты, книги требовали вчитывания, но один экспонат был явным хитом.

— Сейчас я покажу вам копию самой известной в мире скульптуры, выполненную из самого неизвестного в мире — но не в России — материала. Итак.

Известную скульптуру угадывали легко: Венера Милосская, а далее Хизинг, подняв пластиковый футляр полуметровой высоты, ликовал.

— Прошу не трогать руками! Узнав судьбу этого шедевра, уверен, вы сами проникнитесь уважением. Прошу желающих делать ставки. Из чего, по-вашему, выполнена копия? Одна треть натуральной величины! Ставка 10 тысяч рублей, у законопослушной ЦРС все на рубли! Угадавший забирает банк! Мистер Аtemanс, вас прошу молчать, — рыжий пресвитер Канады, когда-то первым обративший внимание Аркадия Незванова на «Посольство России в Москве», был частым гостем.

Гости присматривались, принимались. Собрав все подкрепленные купюрами версии, Хизинг объявлял: «Итак, Венера Милосская, одна треть величины луврского оригинала. Автор... Георгий Венедиктович Дубинин, зэк. — Первое из русских слов в его речи, произносимых, кроме родного английского, порой на французском, немецком, испанском. Прелат был полиглот). — Зэк, обитатель лагерного учреждения, город Воркута. Материал... хлебный *мякиш*, — произнесенное как *мьякиш*. — С небольшой примесью школьного мела. О, джентльмены! За этим материалом — великая история, целая русская эпоха! В „Архипелаге ГУЛАГ“ зэки делали из мякиш чудеса, шахматы, фигуры Мадонн... Скульптор Дубинин? История тоже интересная, но не такая долгая: три года общего режима, пригласили в дом умершего композитора Рыкунова, сделать маску, слепок лица, а он сделал еще и слепки всех ключей...»

Собранные на музейном тотализаторе деньги Стелл Хизинг отдавал скульптору Дубинину. Немеркантильному Георгию Венедиктовичу (слепки композиторских ключей делал по просьбе друзей) хватало, но в этом году ЦРС учредил и специальную благотворительную программу. Бурные восторги гостей, делегаций прелат-директора разбередили художническую гордость. Осознав, что «в этом материале» он — ведущий скульптор мира, бедный Георгий Венедиктович вступил со своим мякишем в творческий поединок с самим Зурабом Церетели...

— Мне-то что, — повторял горячий взглядом скульптор, — в день и нужна-то булка черного, для себя. И пятьдесят для работы.

День начала благотворительной кампании в пользу скульптора Дубинина зафиксировался в памяти и файлах из-за быстрого, через минуты после вывешивания объявления, отклика — скайп-обращения цыганки и столь же мгновенного ответа миссионера Сумароковой, стоившего ей 4 красных балла, проставленных программой и супервайзером, но не утвержденных прелат-директором Хизингом.

Дотошные гости спрашивали, как вообще в поле зрения ЦРС возник и задержался этот скульптор Дубинин с его Венерой Милосской-Воркутинской? Оказывается, он становится таким известным в Москве, героем телепередач, работая и на общий авторитет Церкви религиозного сознания.

Правда, пафос одной из телепередач безнадежно загубил, получив за это 48 красных баллов, миссионер Аркадий Незванов. Телегруппа специально приезжала в Колл-центр, снимала Дубинина, Хизинга, симпатичных миссионеров. И Незванов выхватил припасенный хлеб, завыл: «Я Микеланджело! Я просто беру булку черного и отгрызаю все лишнее!» — и впился зубами. К тому ж режиссер передачи оказался со схожим странным чувством юмора и оставил этот вой в сюжете. Казус. Но Хизингу еще оставалось немало простора для гордости.

— Это еще одно подтверждение важности прогрессивного мировоззрения ЦРС. Господин Дубинин пришел к нам из-за конфликта с *батьюшкой*, священником высшего градуса доверенности: ду-хов-ник, ударение на «ник». Который не только от-

казался освящать принесенные распятия, фигуры Мадонн, вылепленные из мякиша, но объявил греховными, грозил разломать. Они сильно заспорили... Вы, господа, представляете эти русские, Достоевские споры! Хотя я не очень их ценитель. Считаю, русским полезнее Чеховские споры.

Батьюшка ему говорит: делать распятие, Спасителя из такого материала — грех! Сказано: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь!»

Дубинин: на зонах, еще в ГУЛАГе из хлеба делали, молились. А Солженицын, Шаламов потом писали, как на пайках хлеба экономили, ради святого...

Батьюшка: именно потому и грех! Там ради нужды, ради молитвы, а ты — чтоб в телепередачу попасть!

Дубинин: что же мне, опять небо в клетку надо?!

И на таком градусе этот спор попал нам, нашему специалисту по Теодице...

— А при чем тут Теодицея? — поражаются зарубежные гости.

— Но я же говорю, господа: чисто Достоевские споры, сразу наверх, к небесам! Дубинин кричит на батьюшку: Значит, делать газовые камеры, ГУЛАГи — Бог позволял, а мне лепить распятие из мякиша — запрещает?! А батьюшка...

Горячечный скульптор еще не раз в интервью поминал ретроградство священников и мягкие, как мякиш, широкие взгляды Церкви религиозного сознания.

Давшие себе труд вникнуть в статистику и суть работы Колл-центра замечали, что количество посторонних обращений (как к бесплатным психоаналитикам, консультантам) так и держится на уровне 45—50 %, а вот подлинно религиозные запросы постепенно от всяких частных дрейфуют к тому Глобальному, что находился в ведении несчастного Геры Ламина. Все больше и больше. Похоже, в пределе так и останутся лишь они: Халява и Теодицея.

— Вызывали, господин прелат-директор?

— Да, Елизавета Михайловна. Чтобы сообщить вам пренеприятное известие...

— К нам едет...

— Едет-едет. А мы сейчас с вами проедем вниз и еще чуть далее, ввиду одного разговора.

— О'кей, Стелл! Зубную щетку брать?

Супервайзер Веденский ухмыльнулся, но совершенно напрасно. То был пример установившегося стиля общения прелат-директора и миссионера Сумароковой. Юмор, игра. Зубная щетка символизировала выезд куда-либо с ночевкой: театральная деталь, реквизит роли девицы, легкой на подъем, легкого поведения и т. д. Хизинг в таких случаях мог ответить: «Без нажима, Сумарокова! Без нажима!» Или вообще: «Не верю!»

Канал № 4, прослушка кабинета Хизинга, удобно и просто выводилась через микроблок и чип, прямо на телефон Веденского, так что послушать он мог даже в присутствии посторонних: извините, мне звончек.

«Что-то серьезное, если наш „Чехославский“ решил оторвать задницу. Погуляют, наверно, по Цветному бульвару, может, выберут кафе. Вряд ли заберутся далеко, у Хизинга через полтора часа совещание», — и супервайзер выключил бесполезный канал № 4.

Хизинг выбрал «Гнездо глухаря», сто метров от их «Аделины».

— Елизавета Михайловна, извините, просьба к вам на этот раз будет совсем пустяшная... конечно, важная, я хотел сказать, не потребует много времени, только два часа. Завтра, с четырех до шести вечера, проехать со мной на Большую Ордынку, в офис Федерации российского барстепа и технофанка.

— О! Что-то по спортивным танцам?

— Да, они отделились от акробатического рок-н-рола девять лет назад. Развод был конфликтный, и теперь к олимпийской программе их ни за что, ни на выстрел не подпустят. Рок-н-рольщики и еще пять федераций и все спортивные танцы против... А завтра в Российскую федерацию барстепа и технофанка на Ордынку приезжает из Атлантик-Сити президент Международной Невилл Хатчинсон... Чизкейк?

— Нет, мне только капучино. Слушаю вас, чиф.

— Понимаете, Елизавета, мне самому эти новации смешны. Скоро рэп-почитание сделают Олимпийским видом спорта. Бр-р! Думаю, греков античных уже от программы Игр 1992 года стошнило бы, а с тех пор еще сколько набилось! Видно, есть во мне от классицизма, да, Елизавета? Я как увижу этих, со швабрами на льду... на Зимних...

— Кёрлинг?

— Сразу выключаю... Главное, я точно знаю, что и преподобный Сайрус Меддок столь же... не любит эти дурацкие новинки. Но мы, ЦРС, считаемся самой передовой, всеобъемлющей деноминацией, с самыми широкими взглядами, и потому должны помогать всему новому. Как-то так, наверно, решил преподобный... Кошмар?

— Ужас, — улыбнулась. — Барстеп — это что? Чечетка по-нашему? Ну-н-не мог-гу.

Сумарокова рассмеялась, на Хизингов взгляд-просьбу поделиться причиной ответила: «Представила, что теперь у спорт-чечеточников тоже будут допинги, тесты, пробирки...» И возвращаясь к теме делового свидания: «Так куда их хотят? К Летним, Зимним?»

— О, Лизавет, не угадала!

На *ты* и редуцированные формы ее имени он переходил неспешно, аккуратно. Словно заново оглядывал, вежливо обводя ее контур, поблескивая своими темно-кариыми кельтскими глазами. Сумароковой это ужасно нравилось, предугадывать момент первого перехода. Можно было простить и весь его последующий боязливый эгоизм, фиксацию на разговорах, устных фантазиях.

— Но и никто бы пока не угадал. Еще три дня это будет — гранд-гранд-сикрет.

Русский Хизинга почти безупречен, английские словечки он добавлял специально, причем ровно в тех дозах, что и средний москвич, особенно в молодежной компании, подсыпает всяких «о'кеев, гудбаев». Американизмы для полного слияния с русским разговорным. Собеседники из тех, что на одной волне с Хизингом, держали эту же пропорцию.

— Сикрет... Но тебе, Лизавет, перед боевым заданием... так и быть. Давай ухо.

Сумарокова отвела рукой агатовые пряди, приблизилась.

— Будут еще одни Олимпийские игры, Осенние. Пятнадцать видов, федераций, которых сейчас не пускают ни на Летние, ни на Зимние и — как это? — мордой возят, теперь объединятся. Во главе Оргкомитета будет Пхук Ван, президент федерации какой-то национальной бирманской драки, вольного стиля. К ним сейчас в Европе перетекают все, кому в карате, тэквондо, кунфу стало безмедально. Название не помню, там можно бить всем и абсолютно по всему, по всем частям тела, запрещены только подножки. Бирманцам Олимпийский реестр тоже «не светит», вот и объединились.

— А почему игры осенние?

— Маркетинг. Исследования показали. Из свободных сезонов — лучше осень. И информационный повод: война-то закончилась в ноябре. В память. Время глобальных новаций. Потом, наверно, кто-то займет и весну. Цикл четырехлетний и времен года четыре. Сейчас лето-зима, а будет... Доделят... Но это мы, Лизавета, отвлеклись. Наша задача — поддержать прогрессивную инициативу только Невилла Хатчинсона, президента барстепа.

— И моя частная задача? Отбить им чечетку? На столе? В одних только ботинках и синем галстуке ЦРС?

— О, Лизавет! Бешеная, бешеная фэнтэзи, джаст крэйзи. Надо будет подумать и об этом. А пока у нас задача проще. Как я понял преподобного Сайруса, нам надо — изобразить, обозначить поддержку. Кроме спортсменов, я сведу их с Комитетом по делам молодежи и советником Григория Арсеновича. Все.

— А в это время я...

— ... просто побудешь со мной. В их офисе. Подчеркиваю, в офисе, в переговорной. Будешь тоже кивать, иногда записывать. Это и будет нашей мощной поддержкой. Блокнот возьми. Только не розовый с кошечками.

— Обижаешь, Стелл.

— Видишь ли, Лиза. Тебя Хатчинсону представили как персону растущего влияния, показали кадры, где ты с президентом США. Обрисовали, как за эти два года преуспели твои лоббистские возможности... Единственно неприятно... Почему-то эту банальную миссию преподобный сопроводил требованием полной конфиденциальности до конца недели. Не знаю, может, правда, конкуренция? Конфликт в их спортивных танцах. Чувствую себя, Лиза, просто смешным.

— О, бедный Стелл! — шутливо-заговорщицкий зачин. — Ты недооцениваешь тайное тысячелетнее могущество ордена акробатического рок-н-рола! Расспроси нашего уборщика, Гену Кортеса. Обоих Джонов, Леннона и Кеннеди, Линкольна они застрелили ради...

—...И у нас не лучше. Прослушка, записи. Веденский, Измайлов. И я точно знаю, что они знают, что я знаю, что они мой кабинет поставили на запись. Это все подразумевалось, еще когда нас только пускали в Россию. Считалось обычной издержкой, как и в работе посольств... И я получаю такие деньги, живу в Москве, спокойно дописываю книгу о Чехове и Станиславском. Но сейчас... вынужден тащиться сюда, как какой-нибудь резидент, и подставлять тебя! Да-да, подставлять, Лиз, потому, что Fomich сейчас приписывает тебе заговор на миллион долларов, принимает свои меры, а я прекрасно знаю, что ты — честный сотрудник, и ничего не могу сделать. И эти идиотские переговоры ни о чем будут с четырех до шести вечера, получится: ты уехала со мной после обеда и не вернулась. Еще тема домыслов.

Шуточный тон Хизинга улетел далеко, он раздраженно оглядывал стены неприличного клуба: «Нет, что-то точно идет не так»

— У нас или вообще?

— Еще задолго до Двенадцатидневной войны. Тотальное недоверие, все вслепую, на ощупь, жестами. Словно уже убиты последний русский, знавший английский язык, и последний американец, знавший русский. И мы тут, — горько усмехнулся. — Краткий курс по минированию культурных мостов... Пошли, Лиза.

«Мякишевая феерия» особенно злила Веденского из-за задвинутого в безнадежно долгий ящик его проекта «Исцеление». ЦРС развернулась достаточно мощно: пора было думать о долговременных общественных и пиар-программах. Он предложил раскручивать тему Исцелений, использовать потенциал Серафимы Калугиной. Снять, показать в прайм-тайм документальный фильм. Ну и что с того, что первым исцеленным оказался сам Лев Фомич?! Он же не просил, даже не сообщал о своем недуге. И все знают, а Измайлов лично с полутора метров видел, как это было, как мим сюрпризом обрушилось. Да, исцеление постороннего, тем более знаменитости было бы лучше, но Серафиме-то не прикажешь. Ей, «как сердцу девы, нет закона».

Отложили. И вот теперь социально-рекламные бюджеты, что могли пойти на фильмы об Исцелениях, брошены, смешно сказать... на хлебный мякиш. Сам маньяк-скульптор обходится, может, и недорого, готов лепить хоть за так, но все сопутствующее... Подписан договор с Хлебокомбинатом № 7, пять лотков в день — это, в об-

щем, терпимо. А площади под мастерскую и, главное, эту безумную галерею?! Сейчас — 160 метров, и это в центре Москвы, бизнес-центр «Аделина», Трубная площадь.

Наши миссионеры в сравнении с этим — просто как китайцы в Чайна-тауне теснятся. А когда галерея откроется (вход бесплатный, разумеется) — Веденский видел проект: 340 квадратных метров! Уже сейчас толкотня, корреспонденты, постоянное отвлекание миссионеров. Кто-то приходит со стороны (еще надо поручить Измайлову разобраться: что за люди?). Но главная часть галереи будет: миссионеры, руководство ЦРС в образах знаменитых мировых скульптур. Во-первых, не оригинально, какой-то глянцево-журнальный уже сто лет ведет такую серию: нынешние артисты, политики — в костюмах или без костюмов всяких королей и Данай со знаменитых портретов. Вся разница: там фотографии, тут скульптуры.

Во-вторых, этот Дубинин при потакании Хизинга уже полностью вошел в роль безумного гения: расхаживает, зыркает, единолично решает, кому кем быть. «Я так вижу!» Господь-Творец прямо. Позировать миссионерам — в рабочее время. Значит, работа побоку. А еще же — выбор «шедевров»! Большинство знаменитых скульптур — античные, отсюда «обнаженка», фривольные разговоры. Каково! — особенно если «натурщицам» потом идти в свои кабинки, сеять разумное, доброе, вечное... И все под каким-то покровом. Тайна не тайна, но внятного ответа у Хизинга не добьешься. Измайлов вчера предположил (голова!), что если заказали и привезли арматуру, то, может, скульптуры будут транспортабельными. Хлебные передвижки? Абсурд, Боже, какой абсурд!

Извиняя злоречие Веденского (собственный его пиар-проект отвергнут), отметим последовательность прелат-директора Хизинга: наравне со всеми он покорно принял от ваятеля *свой образ*: «Я вас так вижу».

Надеялся он, как позже проговорился, на «Мыслителя», даже вымученно намекал Дубинину, что он-де давний поклонник Родена... но получил назначение очень странное (оказавшееся пророческим, позже вознесшее авторитет скульптора): «Жрец Лаокоон с сыновьями».

— Нет, всмотритесь! — Скульптор тыкал смущенному Хизингу на картинку. — Что видите?

Прелат-директор послушно глядел. Буйные власа, борода — совсем не Хизингов вариант. Лаокоон больше был похож на Карла Маркса — если бы не такое страдание на лице. Хизинг загрузил программу «Виртуальный музей», позволявшую на экране крутить скульптуры, смотреть под любым углом.

— И еще, Георги. Это же группа, с сыновьями.

— Сын будет один... И это будет... Ну-ка промотайте мне своих кадров.

Хизинг пролистывал картотеку сотрудников, пока Дубинин не ткнул уверенно: «Вот он»!

— Ламин?

— Главное ведь — не бороды и прочее. Главное на их лицах — страдание! А на ваших... — Гений и деликатность — вещи столь же несовместные, но Дубинин все-таки запнулся. — А на ваших — готовность к страданию!

Так первый раз за все четыре года своей московской синекуры (галереи, презентации, светская жизнь, окружение красивых женщин, спокойное завершение книги о Чехове и Станиславском, вся деловая текучка — на Веденском, Измайлове), первый раз у Хизинга что-то «екнуло». И нехорошее предчувствие скользнуло, как змея по ноге.

Выбор в «сыновья-напарники» именно Ламина усиливал это предчувствие, подтверждал тайную зрячесть художника. Ведь сколь ни дистанцировался Хизинг от текущих дел Колл-центра, но ситуация с Теодицеей, перегруженностью, мучением миссионера Ламина были ему известны.

«А Дубинин! Ведь с первого раза, мельком, на экране, — распознал!»

— А почему сын будет один?

— А приглядитесь!

Хизинг снова вертел на экране знаменитый антик-шедевр. Раньше казалось: положение Лаокоона и сыновей одинаково безнадежно, вся троица обвита, переплетена анакондами, словно трассами американских горок. Но проследив по тыканьям художника змеиные петли, выражения лиц, Хизинг согласился. Похоже, тот сын, что справа, спасется. Стаскивающий, как трусики, змеиный виток с ноги, с досадливым сожалением смотрит он на отца и брата, «погрязших в клубке противоречий»...

— Георги, когда назначать Ламина?

А «Мыслитель» Родена, объективно говоря, лучшая аллегория мудрого, задумавшегося начальника, не достался и супервайзеру Веденскому. Возможно, привлеченный физической мощью, Дубинин назначил в «мыслители» — Измайлова...

— А Веденского можно и вовсе не лепить! Так, оставить на постаменте полбуханки засохшего черного. Чтоб в нашей галерее и абстракционизм наличествовал! — Сумарокова, кто ж еще! В вечном своем тоне.

Забавно, но самая мощная (считая по числу обрабатываемых вызовов), передовая компьютерно-телекоммуникационная сеть со своим сервером, веб-камерами по всем углам, возможностью мгновенного образования видеоконференций, многосторонних чатов, нарезающих экраны на квадратики и строки оповещений, — вся эта машинерия делала передовойший в Москве Колл-центр похожим на патриархальную деревню. Все про всех все знают...

Девушки бегут из деревень, поселков и малых городков, твердя давний лозунг-инвективу: «Тут шагу нельзя ступить! Все доложат, обсудят!»

И те, бежавшие в поисках свободы, анонимности, дерзкой любви в Москву, и те призеры успешно добежавшие аж до Колл-центра, где-то через год говорили: «Ну, приехали». Или «приплыли»...

А Кудрявцева всю жизнь прожила в Москве, если и видела что-то кроме, то разве что Рим, Майами, Лондон, Тенерифе да Барселону проездом.

Для нее школьный выпускной, потом университетский не были таинственными рубежами, волнующими вратами в новые страны. Карта ее иллюзий, надежд и разочарований не была географической. Но была... Были нервные надежды, пришли подвздошные разочарования, впереди ждали...

В том, что Сумарокова наговорила Аркадию про неудачные сватовства, растущий психоз Кудрявцевой и ее предков, про теннисного тренера, якобы по контракту нанятого на роль «гигиенической прелюдии к браку», много было неточностей. Но была и простая суровая правда: Светлане уже 29 лет (исполнилось месяц назад), с мужчинами — неудачи, внешне — привлекательна, значит, дело — в характере, душе. Ко всем провалам в довесок, Кудрявцева еще и не была глупышкой, простушкой. «Красный диплом» МГУ, так что еще и самоедство, рефлексия, постоянный «разбор (неудачных) полетов».

После той сетевой пикировки («А Елизавет отводят в публичные дома и не спрашивая») была, кажется, и ответка-обратка. Через неделю Кудрявцевой пришлось гадать, не была ли подстроена переадресация к ней вопроса: «Признает ли церковь наличие „венца безбрачия“, и не является ли грехом обряд его снятия». Около часа она тогда сидела с горящими ушами, постеснялась идти со всеми на обед...

Зеркальность судеб двух выпускниц МГУ очевидна. Богатые родители-москвичи — костромская учительница, двухкомнатная квартира на проспекте Мира, подарок к окончанию еще четвертого курса — съемная однушка на Алтуфьевской. Ось странной симметрии проходила и далее. Когда мать пристроила Сумарокову в ре-

формируемый Колл-центр, важным допсвидетельством, что это Чудо, Удача, престижное место, было обнаружение среди коллег Светланы Кудрявцевой, *из таковой семьи!* И... симметрия! — тот же факт, нахождение рядом этой Сумароковой столь же объективно понижал акции Колл-центра в глазах Кудрявцевой. Но после-университетские годы в банке отца, потом в холдинге его друзей были и вовсе беспросветны, да и Хизинг не обманул: коллектив складывался молодежный, и еще... Аркадий Незванов.

Но чертова зеркальность судеб проникла и сюда — хоть переводы буквы фамилий на цифры, проникая в каббалистические шифры (совпадение числа букв в «Сумарокова» и «Кудрявцева» уже как-то настораживало).

Питерский остроумец с ласковым, спаниельским взглядом, красавец почти сразу прилип к этой костромской лягушке. Схоже было и в прошлой жизни на филфак МГУ — точнее, в жизни, которая должна бы стать прошлой, но никак не становится.

Сегодня, сразу после обеда за *ней* пришел Стелл Хизинг, и они, только что не под ручку, прошли к лифтовому холлу. Представительский лимузин ЦРС водитель подал к подъезду, выходящему на Цветной бульвар, так что весь Колл-центр, весь стеклянный ковчег «Аделины» мог наблюдать, как галантно распахнул дверцу прелат-директор, и, нагнувшись, жеманно отставив руку с болтающейся сумочкой, на заднее сиденье взошла скайп-миссионер Сумарокова.

Вторая половина дня была отмечена видеоконференцией о женских правах. Фемицистка Диана Шахова звонила второй или третий раз за этот квартал, нападала в основном на католиков и православных. Аркадий Незванов вежливо напоминал ей: «А в чем ваш вопрос?» Диана бойко оперировала цитатами из патристики, указывала, что во времена отцов церкви — были диаконысы, женщины занимали любые церковные должности. Аркадий не собирался ее спихивать — Серафима Борисовна подключилась сама, в своей манере, ничего толком не разъясняя, но вдохновенно. Некто Седов из Пскова, поклонник ее программы, недавно выдал определение: «Серафима — собеседник всех, разговаривающих сами с собой!»

А вырвавшаяся на простор Интернет-ТВ Диана Шахова тоже зачитала свои манифесты. Женщина не должна отказываться от себя, своей личности и прав, а все-все остальные (мужчины, получается) должны... В общем — манифестомания. Но выход в свет, в люди всегда сопряжен... и феминистка «огребла»... Молниеносные разоблачители, «анонимусы», выложили фото, сканы документов, подтверждавших, что Диану «в реале» зовут Зинаида Курицына, то есть, выходит, она сама отказалась от своей личности...

Аркадий следил за перепалкой, уже не надеясь вставить хоть слово. Странно дрейфует запущенный когда-то проект ЦРС универсальной религиозно-философской справочной. Все меньше вопросов, все больше заявлений. Месяца два назад он формулировал, красуясь перед Сумароковой: «В пределе в Колл-центре останутся только Халява и Теодицея!» Нет, похоже, все сведется к трем «китам»: Халява, Теодицея и Манифестомания...

А Мякиш-Микеланджело, подтащив поближе хлебные лотки, сверяясь с фотографиями скульптурной группы «Лаокоон...», выгибал руки-ноги, наклонял, передвигал раздетых до трусов Хизинга и Ламина. На секунду задумался о «реквизите», змеях-душителях и тотчас (гений же!), подскочив к застекленному красному шкафику, рванул дверку и начал сбрасывать могучие кольца толстого брезентового пожарного рукава: «Надевайте!»

«Абсурд» — как твердил отодвигаемый супервайзер? Но как пиар-проект хлебнотомьякишевская галерея работала превосходно. Журналисты, телегруппы городских новостей и новостей культуры охотно и безо всяких «проплат» приезжали на Трубную площадь, включали телекамеры, микрофоны.

— Я чувствую, что понимаю. Что это поможет мне с моей новой книгой о Чехове и Станиславском, — давал очередное интервью прелат-директор, душимый мощными пожарными рукавами, — Чехов поехал на Сахалин, с туберкулезом спал на станциях в мокрых валенках! Россия — это страдание, это любовь, стремление к страданию.

Мощными пятернями разминавший буханку Дубинин вдруг встрепенулся.

— Кто, кто тебе это сказал?! — От возмущения он перешел на «ты» и так потом на этой ступени и остался. С тех пор в Колл-центре, Москве, вообще в России «тыкали» Хизингу два человека: Серафима и Дубинин.

— Любовь к страданию? От-ить мазохист выискался! Не знаю, чего вы в своем Колл-центре вещаете, все недосуг послушать. Я ж тебе, Лаокоон недодушанный, когда эту, — кивнул на скульптурную группу, — предлагал, говорил... *готовность* к страданию! А любовь, стремление, это к... — но, увидев оборотившихся корреспондентов, вдруг смутился, перевел всю энергию на пластичный мякиш...

А когда последняя телегруппа подхватив камеры, кабели, покинула мастерскую, вернулся к теме, но извиняющимся тоном, уже как-то неуверенно, словно ранее, в порыве у него были более точные слова, да сейчас забыл:

— А стремление, Хизинг... оно к гармонии, красоте. Чтоб наконец оправдать и все страдания, чего мы сейчас с тобой и лепим. И Бога оправдать, и мир его.

— Чего-чего? — всполошился Ламин, сдвигая на груди мощный брезентовый виток. — Как-как? Оправдать кого?

— Всех. Если оправдывать, то только всех. — И скульптор опять потерял интерес к разговорам, давя и вытягивая хлебный поток.

А ведь еще не назначенной, «не увиденной» Художником-Пророком оставалась...

— Пал Иваныч! Вы вчера вот здесь, возле кабинета Серафимы Борисовны скульптору нашему полукруг какой-то очерчивали, — Аркадий с Сумароковой на два голоса вопрошали шефа-секьюрити, предвкушая очередной прикол, «измайлик»... Законные ожидания обмануты не были.

— Вчера? Артисту этому? Полукруг? А, ну да... — Измайлов еще раз стал возле двери с золоченой табличкой «*Серафима Борисовна Калугина*» и повторил мощное циркульное движение. — Просто предупредил. Чтоб он, галерейку свою собирая, обходил вот эту дверь за полтора метра.

— Гениально. — только и выдохнул Аркадий.

Но от Измайлова («*О его морду можно ножи точить*» — Е. Сумарокова) горюхом отскакивали и самые комплименты. Сейчас он снова вперился в экран, где изнемогавшего Геру Ламина добивал какой-то рыжеватый прохиндей средних лет.

— ... И я тогда сказал: Господи, если Ты хочешь, что бы я в Тебя поверил — подай же мне Знак! А еще лучше — Знаки!

— А еще лучше — дензнаки! — мрачно резюмировал Измайлов, физиогномике наученный в местах самых разных.

В холл на их «духовный перекур» или на «кипяток-брейк» с кружкой-предлогом выскочила и Светлана Кудрявцева, присела рядом.

— А я сейчас с таким серьезным старшеклассником говорила. Звать Евгений. И красивый такой, — цепляя взглядом Аркадия Незванова, — и мысль интересную выложил. Он школу заканчивает, как раз советовался по выбору вуза. А придумал он хитрое, очень мощное опровержение Чарльзу Дарвину, теории отбора, так что может ему даже в Духовную академию надо идти! По теории Дарвина полезные для выживания признаки закрепляются, а бесполезные сходят на нет, вместе с носителями. — Пару секунд она подождала вопросов и продолжила: — Тогда получается, в Европе не должно было бы остаться черных кошек. Ведь инквизиция сжигала их вместе с хозяевами. Борьба с сатанизмом и колдовством. А главное, их же держала боялись: путь на костер, улика в тайном сатанизме! И так все средние века. Так что признак объективно смертельный и что черных кошек много, доказывает, что теория

Дарвина не вер-на! — открыл мой Евгений. Правда, зачем-то добавил еще вариант — или что много тайных сатанистов.

Успеха кудрявцевская история не имела...

— Подбрасывают казуистики, — равнодушно заметил Аркадий. — Мне сегодня бабушка из Воронежской области тоже выдала. Подруга ее собиралась к машине за молоком, банку трехлитровую ополоснула. А в банке перед тем была святая вода. Моя возмущается: ЧЕМ, получается, более чистым можно ополоснуть святую воду!

Видно, послеобеденный отъезд Сумароковой с Хизингом располагал к грустно-стоической задумчивости. Аркадий медленно шел к лифтовому холлу, услышав сзади знакомую командную рубку коротких слов, легкий смех, спрятался за угол, там где когда-то был проход к «курилке». Ожидал подслушать, получить очередной «измайлик», поделиться потом с Лизой? (Они их просто смаковали.) Или просто не хотел попасться на глаза, делить лифт со счастливою парой.

— Серафима Борисовна! Зря вы сегодня так горячо вступились. Феминизм, женские церковные должности — тема Незванова. Поберегите себя!

— Слово они случайно произнесли, сразу детство вспомнилось: диакониса. Мне всегда оно так нравилось, бабочку напоминало, я потом даже в справочниках смотрела, нет ли такой. Бабушка Витольда Казимировна возила меня в Курган к ссыльному Юлиушу Константиновичу, помнишь, который еще меня рисовать научил. Они мне много чего рассказывали, про Лурд, Жанну д'Арк, мать Терезу, папу Иоанна XXIII, блаженную Марию Кандиду... И в каком-то рассказе про времена апостольские мелькнуло: диакониса! И так мне понравилось слово, говорю: вырасту, буду диаконисой! Юлиуш Константинович отвечает: нет, то было только в древней церкви, после Лаодикийского собора уже тысячу лет диаконис нет. Вообще в католической, православной церкви у женщин карьер нет. Епископов, кардиналов, митрополитов, даже диаконис нет!

И я тогда тайком от них задумала... Ой, Паш, ты же кнопку забыл нажать!

Измайлов пробормотал неразборчиво, слышны были только шаг и мелодичный сигнал вызова лифта.

— А что задумали, Серафима Борисовна?

— Насчет церковной карьеры — свое опровержение. Если нельзя диаконисой, епископом, папой, патриархом, то ведь можно стать... Святой! Женщины-святые есть, они выше папы. Патриархи им молятся... Понимаешь ты, мой громила, ведь у Юлиуша Константиновича в одном ряду на стенке висели портреты, фотокарточки: папа Иоанн XXIII, святая Мария Кандида из ордена босых кармелиток, Блаженный мученик Николаус Грос... А икона у него сохранилась только одна — Казанская Божья Мать! Православная, представляешь! Ты хоть знаешь, чем Владимирская от Казанской отличается? Запомни, если младенец щекой к Матери прильнет, вот так, громила, — Аркадий не видел, но, возможно, Серафима показала, прислоняя щекой к щеке Измайлова), — то это — Владимирская. А если ровно сидит, смотрит — то Казанская.

— Так, что вы задумали, Серафима Борисовна, про диаконису, святую?

— Так это и задумала, — передразнила тугодума, — если диаконисой нельзя — вырасту и стану святой! Несколько лет таила этот план. Бабушке Витольде и Юлиушу Константиновичу, конечно, не сказала, уже ведь чувствовала себя виноватой, что так их напугала, нарисовав Краков довоенный, а тут еще...

Подошедший лифт просигналил окончание странного рассказа. Аркадий вышел из-за угла еще более задумчивый, чуть даже пришибленный. Выждал минуту — не был готов встретить их внизу, ему казалось, подслушанный разговор гуляет по лицу его, глазам — и чуткий Измайлов легко разоблачит его. Нажал кнопку.

— Аркадий! Подожди-подожди!

В лифт залетели закрывшие смену Гальцин и Кудрявцева.

— Наши Ромео-Джульетта уже уехали?

— Да, минутой раньше.

На первом этаже Светлана так подчеркнуто пропустила вперед Гальцина, что Аркадий машинально взял ее под руку.

— Ты же где-то рядом живешь, проспект Мира?

— Улица Щепкина, параллельная, в одном квартале от проспекта. Мечта москвичка, Аркадий, ходить на работу пешком. Я потому так за Колл-центр и держусь. Где сейчас найдешь работу, чтоб пятнадцать минут пешком!

Более внимательный собеседник разглядел бы за этой подчеркнутой деловитостью другое. Родительских сил, а потом — их наследства хватит еще лет на сто безбедной жизни. Но...

Кудрявцева истолковала молчаливую отрешенность Аркадия отчасти верно: «Лизка укатила с шефом» — но все же упрощенно. Сейчас его зацепила арифметика: Измайлову 64, Серафиме 63. Их роман, «укрощение громилы» уже месяцев 10 длится. «Наши Ромео-Джульетта уехали?» Это — самая большая вольность в обсуждениях при свидетелях, причем произносимая с полным почтением: тут надо видеть и знать Измайлова. Но невероятно другое: 10 месяцев! Сумарокова уверена, что они еще — *не*. Другие знатоки соглашаются, как и с тем, что Серафима зажглась ответной симпатией, месяцев 5 назад. А Измайлов до сих пор: «Вы, Серафима Борисовна...» Она ему: «Ты, громила!», но это стиль такой, «вы» не произнесла еще ни разу, ни Хизингу, никому.

Вот же что! Обоим за 60, и скоро год знакомства. А они не спешат! Словно им вечность еще... Кудрявцевой вон 29 — и в полной панике, а им... Интересно, задумывался еще кто-то над такой интригой? Спросить бы Лизку.

Возможно, эта *арифметика* зацепила Аркадия из-за подслушанного в лифтовом холле разговора: «Бабочка-диакониса — или святая»!

Кудрявцева, реально умная девушка, понимала: впрямую размазывать костромскую лягушку — глупо и просто не ко времени. Достаточно, что сейчас Аркадий идет с ней под руку по Трубной улице, в направлении ее квартиры. Максимум, упомянула эскорт-девиц вообще как профессию, но это ж сегодня все видели: Хизинг... лимузин.

Судя по фотогалерее на страничке, Аркадий в Питере симпатизировал или, может, даже состоял в НОД и Нацболах. Это была куда лучшая стезя разговора, тем более, что в американской политической системе Кудрявцева разочаровалась еще со дня выбора кабинки Сумароковой для разговора президента США.

Второй верный ход Светланы: «не строить девочку». Если уж ему нравятся такие, как Сумарокова, глупо повязывать бантики. «О, я тоже в теме, просто жаль, что раньше мы все как-то не пересекались... Аркан!» — как-то так. Колоритное прозвище она слыхала в транскрипции Сумароковой, но, может, это его еще питерское, а не «Мэйд ин Торфобрикет»?

— Аркан, а ты знаешь, какую скульптуру подобрал для меня Дубинин? Венера, но не Милосская, а Таврическая, которая совершенно обнаженная. Вчера я ему почти час позировала. Он лепит меня из белого хлеба... Такие мы, выпускницы МГУ! Вон у Сумароковой, — все ж не удержалась, — даже самая простая фраза «Я уложилась в срок» звучит как-то неприлично. Сегодня случайно услышала, когда они с Хизингом уезжали.

Третий рокс «Джек Дэниельса» со льдом наконец отвлек Аркадия от измайловской арифметики.

— Свет, а теннисная ракетка у тебя далеко?

— Н-на балконе... может. А зачем тебе?

— Отшлепать тебя хочу немножко, чисто по-тренерски...

— Побежала искать!

13. Слежка слежек

Увлеченность Измайлова приглашенной Серафимой Калугиной, если б это Веденский планировал заранее, получила бы еще сто очков в копилку своего признанного иезуитства. Но и такой случайный поворот «небесного ключа» может быть приобщен к делу. Тем более Измайлов и сам видит: Серафиму всеми силами сплавляет Сумарокова, может, уже и Хизинга натравила, в этих конфиденциальных разъездах.

— Не знаю, чего она на нее взъелась. Но главное, наблюдал? Лейхов на себя, как одеяло, танком тянет. А как дотянет — представляешь, Иваныч?

Иллюстрируя, сколь успешно и далеко зашла Сумарокова в деле «перетягивания на себя Лейха через его супругу», Веденский показал и краткий фрагмент записи их видеосеанса.

Тот самый, где на 43-й минуте Анна Петровна, сбросив с мраморных плеч ночную сорочку, глядя на скайп-миссионера Сумарокову, трогая соски... и так далее.

— Видишь, Иваныч. Откроет он, Илья Евсеевич, отделение ЦРС в своем Ханты-Мансийске — тогда все! Для Пасадемы Хизинг с Сумароковой станут альфа и омега. И нас с тобой, Серафимой отсюда сдует! — так уверенно и убедительно комментировал Веденский, словно между Анной Лейх и прорывом ЦРС в нефтегазовую Западную Сибирь выстраивалась прямая, очевидная причинно-следственная связь...

— Ты, Иваныч, помнишь, кто Серафиму Борисовну сюда пригласил?! Если хочешь, чтоб она, в общем, если желаешь ей добра, должен теперь сработать на меня — как на себя... А Хизинг — он-то сегодня здесь, а там, глядишь, книжку дописал и уже где-нибудь в Бостоне... В общем, завтра Сумарокова с Лейх опять встретятся. Операцию сам продумай, тут я пред тобой пас...

Измайлов молчал, прижав тяжелый, иссеченный шрамами кулак к губам, медленно дыша в него, словно изображая трубача или горниста.

— Риск есть, — признавал Веденский, — прикрыть тебя могу только должностной инструкцией. Меры по безопасности миссионеров, клиентов, то да се... Подписываешься?

И после долгих блужданий по стенам кабинета взгляд супервайзера вперился в Измайлова, зрачок в зрачок.

«От, езуитушка. Метит... Насчет Серафимы-то он все правильно...» — Измайлов поразмышлял еще сколько-то секунд, ответил: «Подписываюсь».

— Прекрасно, Иваныч, — Веденский не скрывал облегчения, — столько лет вместе. И дальше об руку. Кому бы мог доверить! Взваливаю на тебя, конечно, но здесь, ты сам видишь, исповеди, конфиденции, можно сказать, интим! Тут ведь без единого магнитного силового, «силовиковского», — подмигнул, — поля — хаос, каждый начнет шантажировать каждого. Что доверяю тебе, Иваныч, собирать данные, следить за нашими миссионерами, — надавил интонацией Веденский, как бы очерчивая круг риска, мол, лишнего не нагружаю.

— Только миссионеров? А как же эти... Марк Эльчин, галерист и Герард Брунин, эксперты по картинам? Когда Серафима Борисовна у нас еще не работала? — встал поперечину Измайлов, чтобы прервать поток радостной суетливой болтовни.

— А? Ну... тоже для дела. Ведь как хорошо и правильно обернулось. И Серафима Борисовна к нам пришла, и вы...

Измайлов смотрел вникательно, напряжение подрастало, но вдруг словно вспомнил: «О, Фомич! Говоришь, завтра! Мне ж надо еще людей, машины готовить! Пошел я».

Аккуратно ведя Сумарокову до самой ее встречи с подопечной олигархиней, на этот раз возле мебельного гранд-салона за МКАД, слежка Измайлова обнаружила

неподалеку слежку Лейха. Законный вопрос: а наоборот? Тут шеф-секьюрити мог поручиться: нет. У него — профи высокого разряда, а лейховский был «заточен» не на это. В сущности, тот парень был не совсем и слежка — охранник. Просто поручено было оберегать Анну Петровну, не стесняя ее, не попадаться под руку и на глаза.

Это, конечно, плюс Илье Евсеевичу, пекшемся о безопасности супруги, но минус по другим задачам: контроль, анализ ситуации, и в результате Илья Лейх не имел ни малейшего понятия: с чего это вдруг его жена увлеклась мебельными салонами, причем самой демократичной ценовой категории? Раньше без особого энтузиазма встречала фуры из Италии, Лондона, привозившие в их поместье на Новой Риге коллекционные гарнитуры, рассеянно переспрашивая: «Чипендэйл стайл? Ну что ж, пускай...», а ныне уже четвертый раз за полтора месяца выезжает в эти околосалонные салоны, снует там незнамо среди кого и привозит оттуда какие-то диваны, которые, не уронив общий уровень, и приткнуться-то в их доме некуда. Хобби... Ну что ж, пускай (одна из фраз, снятых Ильей Лейхом с губ супруги). Значит, пускай и это. Стихи, Борис Пастернак, «Кухня моя жизнь»... диваны из общенародных мебельных салонов. Правда, вставлять свои приобретения в интерьер какой-либо из комнат она и не пробовала (давний художественный вкус) и, словно осознав стилевую промашку, вскоре бросалась за новой покупкой. Три предыдущих дивана пока громоздились в просторном гараже у северных ворот.

Простые, эффективные действия Измайлова отыграли и в этот раз. Сидя в «рено логане», припаркованном напротив длинной шеренги дверей мебельного салона, из коей действовали только две, он принимал доклады двух своих сотрудников. В салоне «Гарант», громоздившемся у впадения Каширки в МКАД, в это время было достаточнолюдно. Измайлов не только вычислил напялившую парик блондинку и куртку сотрудника салона «Гарант» Сумарокову, но почти на 100 % определил и то, что «лейховские» маскарада этого не раскусили. И не заметили, что юркий «мебельный менеджер» остался в фургоне, куда загрузили большой красный диван. Потому и совершенно непонятными остались для них причуды жены босса: махнуть в окно своего «кайна»: «Поезжай домой» — и полететь вдруг в кабину к водителю фургона. Дичь. Будто сегодня еще кому-то надо показывать дорогу — у всех навигаторы.

Однако кавалькада тронулась, путь дальний: предстояло обогнуть Москву с самого юго-востока на северо-запад, шестьдесят километров пробочного МКАДа («И чем ей глянулся этот салон на Каширке? Другой конец да еще час пик!») и потом еще тридцать по Новой Риге.

«Оригинальнейший комплект!» — подивился бы всякий, кто сумел бы вычлени из плотного машинопотока именно эту четверку, разделяемую порой двумя, тремя случайными автомобилями. Впереди неспешный «форд» — среднее между грузовым фургоном и безоконным автобусом. Далее, через две-три машины — «лексус» с негласным лейховским охранником (своему «кайену» Анна Петровна дала команду ехать домой, и он давно обогнал их караван). Потом, также с интервалом: измайловский «рено логан» и такой же не первой свежести «шевроле», в который запрыгнули его «бойцы», ведшие Анну Лейх и Сумарокову по оживленным проспектам и перекресткам мебельного салона.

Предыдущий раз Измайлова везла неброская «дэу», предпредыдущий — «лада гранта». Сегодня, в отличие от простых прошлых слежек, в программе были сложные, даже опасные маневры. Где-то через битый час с четвертью, примерно на восьмом-девятом километре Новой Риги, «шевроле» измайловских бойцов вдруг пошел на обгон и повизгивая тормозами подрезал и подставился под удар «лексуса». Едва взглянув на аварию, Измайлов дал команду пристроиться к фургону. Через пару километров он не спеша натянул жилет дэпээсника, водрузил на крышу «рено» «мигалку» на магните, взял полосатый жезл и кивнул водителю. Обгон и подрез,

в этом случае, конечно, без аварии, но с энергичной жестикуляцией прошли гладко. Водитель фуры остановился и начал собирать по кабине документы. Но вместо ожидаемого появления мента подле левой дверцы тот быстро, в пять шагов подошел к правой, рванул ручку и через мгновения сидел рядом.

Взяв предложенные накладные на груз, он совершенно не по-служебному обмахнулся ими, как веером, забрал мобильник водилы и энергично обернулся назад, где за узким проходиком виднелась дверца в фургон.

— Сейчас проверим твои диваны, — пробормотал громила-дэпээсник, едва-едва протискиваясь к дверце. Но и на ограбление это было не похоже. Водитель «рено» тоже вылез, подошел вплотную к окошку коллеги, вежливо улыбаясь. А Измайлов толкнул дверцу и протиснулся в грузовой отсек.

— Ба, знакомые все лица!

На Измайлова ненавистно взглянула Сумарокова. Столь вызывающе приветствовать парочку Измайлов, наверно, имел право. Затягивать «немую сцену» он не собирался: Лейхов охранник, хоть и не высшего, похоже, класса, но вряд ли, потеряв из виду фургон с хозяйкой, будет долго торчать возле подставившегося «шевроле». А своим сообщил уж точно — так что на завершение «операции» у Измайлова были минуты.

— Собирайся. Мигом.

Определив по тону команды, сколько ей отпущено секунд, Сумарокова полетела к проходу.

Обернувшись, Измайлов столь же кратко, но вежливо сказал:

— Анна Петровна, оденьтесь. У вас минута-две.

То ли от желания сломить, доунизить Сумарокову, то ли правда до появления охранника оставались секунды, но Измайлов протискиваясь следом, не дал ей задержаться на сиденье. Потянувшись через нее, распахнул дверцу, кивнул: «Пошла». Впрочем, большого публичного дефиле не предусматривалось: Рено стоял впереди, почти вплотную к фургону, так что подталкиваемая Сумарокова прошлепала до дверцы и протиснулась на заднее сиденье.

Плюхнувшийся Измайлов скомандовал, «рено» резво стартовал, развернулся через сплошную и покатил в сторону Москвы. Примерно через километр навстречу им пролетел «лексус» охранника с разбитой левой фарой, чуть помятым передком. Еще полминуты, и они миновали, не останавливаясь, сработавший, подставившийся «шевроле».

Кресло под громилой Измайловым было отведено назад до упора, и Сумароковой пришлось тесниться на узеньком пятачке.

— Куда мы едем? — первые ее слова.

— Куда-куда, на работу, конечно. Время-то служебное, сейчас будешь старушкам про Ветхие Заветы заливать.

— У меня с полудня — отгул. Мне Веденский заявление подписал.

— Это? — Измайлов удостоив ее менее чем полуоборотом корпуса, вытащил из грудного кармана листок и, подержав пару секунд, порвал, бросил в ее сторону. — Прогульщица! Вылетишь из Колл-центра.

Опыт эмвэдэшный, лагерный подсказывали: обрабатывать кобру сразу, пока головка ее прижата к земле, а хвост бессильно хлещет по воздуху.

— Куда с Хизингом вчера ездила?.. Ты, Сумарокова, на денежки Анну Петровну особо не выставляла? Презентки, текущие карманные, да?

— Да-с, — лякнула Сумарокова.

— Тоже небось долгосрочные проекты загадывала... Нет, ты даже молодец! Штирлиц в чулках! Вот смотрю на тебя, — Измайлов и вправду мощно обернулся и посмотрел. — Смотрю и понимаю присказку, что новичкам везет. Вязалась в та-

кое дело, а ведь... прокати-иило! — восхищенно протянул Измайлов. — Или вы это вдвоем сообразили? Что поездки ко всяким подругам, отели эти почасовые — отслеживаются на раз. Нет, додуматься же — мебельные магазины! Это в каком-нибудь дамском детективе вычитала? Или сама?

— Не читаю, — с акцентом гордости. — Сама.

— Но это еще сколько бы? Раза два? А дальше?

— Придумала бы.

— Теперь не сомневаюсь. А водитель фургона, сколько вы ему там «заряжали»? Не боялась, что сдаст Лейху? — Заметил мимолетную гримаску Сумароковой. — Да, Сумарокова, тут ты без равных. Природа не поскупилась.

Даже эти три-пять тактов измайловского восхищения, ну, или чего-то помимо ломания об колесо, мордопоземлевозительства, диктовки жестких инструкций помогли Сумароковой прийти в себя.

— И еще, дуреха. Насчет Серафимы Борисовны, — Измайлов и не оборачиваясь видел вжавшиеся уши Сумароковой, — даже пугать тебя не хочется. И так знаешь, что я с тобой за нее сделаю, но сейчас ты просто мне поверь, — Измайлов еще раз обернулся, продолжив не как раньше, а доверительно, почти просительно (хотя он-то мог напугать и просьбой). — Поверь, Лизанька, Серафима и не думает оттирать тебя. Ее к Анне Лейх подключить — исключительно Веденского была идея. А она, может, и отказалась бы. Ты же вроде вычисляешь всех, неужели не видно — Серафима тебя жалеет. Ты сейчас дергай плечиками — не дергай, а именно так. После того, помнишь, разговорчика в скайп-кабинете, когда я тебе сопельки, а она еще и слезки вытерла — уж поверь, как она потом просила тебя не обижать, беречь.

— Но выдать, не упростила! — Сумарокова «с выражением» повела взглядом по салону авто.

— А-а? Сегодня... — Измайлов повторил жест миссионерки, — еще на пользу тебе обернется. Тут Серафима Борисовна не в курсах. А ты скоро сама зачтешь это как «бережение». Стратегически. Убедишься.

«Скоро, да не сейчас», — мелькнуло у Сумароковой, когда они заехали в подземный паркинг бизнес-центра а Измайлов резко распахнул ее дверцу.

Лифт нежно прозвонил. Измайлов скомандовал: «К Веденскому», и она так и пошла, как сквозь строй стеклянных кабинок, в фирменной куртке мебельного салона с бирочкой «Менеджер Рената».

Обещанное в дороге «стратегическое бережение» началось, однако, для Сумароковой с весьма тяжелых служебных моментов. Завершая операцию, Измайлов привез пойманную птичку прямо в кабинет супервайзеру, «сдал по описи» и более всего хотел уйти. Но Веденский его остановил, и для Сумароковой пытка пошла на второй круг.

— Садитесь, Елизавета Михайловна.

— У меня отгул за вторник, за ночную смену. Он порвал мое заявление.

Веденский затанул свою иезуитскую волюнку.

— Знаете, Елизавета Михайловна, есть еще немало документов, которые бы и вы, и, может, я, и Павел Иванович с большим удовольствием порвали бы, уничтожили, размагнитили бы, обнулили, стерли — но, увы, это уже не в наших силах. Документы ныне копируются, саморазмножаются, как гомункулы. Вы слышали средневековую теорию гомункулоса?

Эти елейные лирические отступления ненавидел весь Колл-центр. Сумарокова вдруг сообразила, что подробностей сегодняшней «операции» (где? как? при каких обстоятельствах?) супервайзер пока еще не знает. Да, ведь от вламывания в фургон и до самых дверей кабинета Измайлов был рядом и по телефону говорил только два раза. Один: краткая инструкция своим сотрудникам. Второй — еще

более краткий доклад: «Все в порядке. Взяли. Еду с ней». Значит, все выяснения, детали... сейчас предстоят. Сумарокову едва не стошнило.

— И первый в череде документов, которые вы наверняка хотели бы уничтожить, вот эта запись вашего видеосеанса с Анной Петровной Лейх.

И Веденский промотал кадры до *той самой* сорок третьей минуты. Если бы носителем информации был не супермодерновый компьютерный диск, а что-то вроде старой виниловой пластинки — на этом месте она была бы затерта до дыры.

— Сразу скажу, что в самом, э-э-э... поведении Анны Петровны еще не было никакой вашей Сумарокова вины. Если бы... если б вы выполнили 17-й пункт вашей должностной инструкции и сообщили мне. Но вы, зная, что мой круг обязанностей оставляет мне возможность лишь крайне выборочного просмотра записей сеансов, решили этот факт пока, временно, скрыть, — говорил Веденский с интонацией дореволюционных адвокатов, так, что тошнотные позывы ощущали не только миссионерка, но и каменный Измайлов. — К тому же, вероятно, полагали вы: аж 43-я минута! Однако, видите, я нашел время проверить запись до этих минут. И как же я истолковал ваше умолчание? Ведь вы точно знали, что по сообщении о фактах девиантного поведения клиента и подтверждении правильной реакции миссионера его ждет материальное вознаграждение, то, что наш шутник Незванов называет «молоко за вредность». Вы же, рассчитывая на более крупный выигрыш, решили сначала выждать. Именно так я объясняю двухмесячную паузу до первого вашего свидания с Анной Лейх в Афимоле Москва-Сити. Вы помните наши с вами совещания по развитию ситуации с Лейхами. В ходе их я и сумел рядом косвенных шагов убедить вас, что записи я не проверял. Заметьте, мы не следили за ней, мы следили за вами. По специфике нашей работы и подписанному вами трудовому контракту вы приняли условия некоторого ограничения тайны вашей частной жизни и некоторых наших действий, предпринимаемых в случае серьезных оснований, и такие основания у нас появились. Контакты с клиентами вне Колл-центра запрещены, мы просто должны действовать в интересах их безопасности... Сегодня, как мне сообщили, вы встречались с Анной Лейх в мебельном салоне? Да, а что это на вас? Куртка того салона? Бирка «Менеджер Рената»?

Возможно, Веденский и не играл, возможно, в своем самоупоении, адвокатском самолюбовании он и вправду только что обратил внимание на одежду Сумароковой. Пригляделся.

— А я так и знал, что дойдет до этого! — протянул тоном завуча из тех старосоветских фильмов, где занудам отводилась роль скептиков, кляузников, не верящих в перевоспитание хулигана, победу добра в отдельно взятом пионере. Казалось, следующей фразой Веденского будет: «Я завтра же вынесу *это* на педсовет! На партком!»

Но нет, он вернулся к прежней форме занудства, повторил и заставил Сумарокову подтвердить пункты, на которые она уже согласилась с Измайловым, по дороге. Дополнительное отягчающее условие она услышала одно: перевод вместо Ламина на Теодицею.

Сумарокова оборотилась на Измайлова и, как только могла (а могла!), презрительно хмыкнула.

И пробила-таки каменную грудину. Первый раз за этот день шеф-секьюрити можно сказать, что испугался. И это при том, что сегодняшний придорожный трюк прямо ставил его под две или три статьи Уголовного кодекса. Слежка — еще так-сяк, но команду на автоподставу отдавал он. Выставлял мигалку, надевал форму дэпээсника (пускай лишь жилет и фуражку), врвался в фургон он уже самолично. Вытащил Сумарокову, вез ее через всю Москву. Повернись все по-другому, для ранее судимого — комплект полный! Это огорошенная Сумарокова да лунатичка Лейх не представляют, кто сегодня по-настоящему был в опасности.

Но сейчас Измайлов дернулся из-за этого презрительного взгляда. Все цели сегодняшней сложнейшей «операции», виртуозной вербовки отошли в сторону, остались лишь его дорожные заверения, что Серафима не интриганка, а добрая и вообще другая, что она Сумарокову, наоборот, всячески защищает. И вдруг такой ход Веденского! Хоть бы предупредил, иезуитушка!

— Все миссионеры, и вы, Елизавета Михайловна, прекрасно знаете, что самый психологически тяжелый участок работы — Теодицея. И видите, что миссионер Ламин последние месяцы едва выдерживает это напряжение. Мы не можем рисковать, в любом случае я собирался его перевести. А тут и ваш случай. Ваши-то направления вон сколько оставляют вам моральных сил! На все хватает... Так что Сумарокова будет это вам некий временный...

— Штрафбат, — резанула миссионерка и опять посмотрела на шефа-секьюрити. Измайлову вспомнился первый день на зоне...

Разное говорили и думали в Колл-центре про Серафиму Калугину, ее «паранормальный дар», но через несколько секунд после того, как в кабинете Веденского прозвучало и повисло где-то между абажуром и столом слово «штрафбат», у троих коллег появилась возможность кое-что уточнить в своих частных мнениях: в кабинет обычным своим летящим шагом вошла Серафима. Измайлов — будто добить его сегодня захотели — вслед за презрительным взглядом Сумароковой уловил и крайне тревожный Серафимин. Первой его мыслью было: что-то случилось в Колл-центре! Может, даже нападение. Но за защитой она бы обратилась только к нему, а Серафима устремляла свои янтарные, чуть слезящиеся глаза и на Веденского, и Сумарокову.

Так и стояла в центре их треугольника, приложив к щеке правую и под локоток подхватив ее левой, молчала-молчала да и обьявила:

— Лев Фомич, скамандуй завтра, чтобы Герины звонки, которые... теодицейные — чтоб на меня переводили. — Измайлов схватился за голову). А ту, м-м... — и опять все трое в тревожном ожидании, пока Серафима или вспомнит, или подберет слово, — богачку, которая стихи написала, помнишь?

— Ну да, — неуверенно протянул Веденский.

— Так ты ее — за Лизáнькой оставь. Непременно. Я не возьмусь.

Треугольник заговорщиков замер еще в одной паузе. Молча переглядывались, не двигались, словно весь кабинет супервайзера залила тягучая оранжевая смола и они сейчас в «режиме реального времени» обращались в янтарных мушек.

Серафима оглянулась на Измайлова, словно спросив: «Я что-то не так сказала?» — и неуверенно сделала шаг к Веденскому. Тут одна Сумарокова и спохватилась, перегнулась через стол начальника, схватила верхний в стопе том (опять Александр Мень), привычным движением разломила книгу пополам, но в этот раз не для прятанья своей ухмылки. И зачастила: «Да, Лев Фомич, там у Меня есть один интересный аргумент, я вам говорила. Наверно, его можно использовать в беседе с Анной Лейх?»

Веденский наконец сообразил, положил руки на книгу: «Да-да, Елизавета Михайловна! Я непременно прочитаю и сообщу вам».

Серафима еще по разу заглянула в глаза каждого, покачала головой:

— Ну я пойду. Совещайтесь, совещайтесь.

И в дверях обернулась, погрозила Веденскому: «Но ты там Лизáньку-то не обижай!» И вышла. И все разом выдохнули, как разведчики в кинофильмах.

— Вот, а ты не верила, Лизáнька! — Измайлов более всех чувствовал облегчение, радостно разминал ручищи после «немой сцены». — Только все равно, Фомич, нельзя Серафиму на теодицею эту. Она и так на надрыве.

— Да-да, сам понимаю. Кудрявцеву тогда? Или Незванова? — покачал головой еще более сомнительно. — Ладно, подумаем. Ну а теперь по сегодняшнему случаю.

Постараюсь тебя, Сумарокова, как просила Серафима Борисовна, не обижать. Хотя ты сама кого угодно... Так что же там, в мебельном магазине, приключилось, — добрался наконец Веденский.

Сумарокова уткнула пальцы в виски. Измайлов доложил очень сдержанно, без фактуры.

— Ты, значит, решила добаться до Ильи Евсеевича через его жену? Устроить, как это, лямур дэ труа? А я-то, признаться, очень надеялся на твое здоровое провинциальное воспитание!

— Ну прям позор всей Костромской области, — злобно процедила Сумарокова, не разжимая висков. Сообразила, что под Серафиминым знаком «Лизáньку не обижать!» большую выволочку они сейчас разменяют на несколько охов-ахов.

— Как вообще можно столь развращенную девицу оставлять в Колл-центре, ведь мы же образец для всей Москвы!

— Ах, Москвы! — хмыкнула Сумарокова, — Я-то, между прочим, в Москву приехала девушкой-девственницей. — Измайлов прикрыл глаза, словно читал листки ее досье. Прочитав, кивнул: «Да, может быть». — Вы знаете неудачу моей матери, с чем она вернулась в наш Торфобрикет. Так она мне настрого велела: «Лизка, с твоей красотой, чтоб в Москве не пропасть, сразу же ищи себе достойную пару! Прямо как хочешь, а только оглядись и на первом же курсе подыщи. И смотри, не на дискотеках этих! Пройдох всяких чтоб за версту! Выдам тебя за достойного москвича и помру спокойно. Так я строго по материной инструкции никуда не разбрасываюсь, после первой же сессии даю на сайт знакомств объявление. Короткое, лишних денег у меня нет: «Студентка, 18 лет, ищет достойную пару». И!.. И!.. — повторила, ожидая догадки, но старпер был «не в теме».

— Что, неужели никто не откликнулся? — Под такое драматическое «И!..» Веденский подобрал развязку, как мог.

Сумарокова презрительно хмыкнула.

— Семьдесят два ответа. Потом я и заходить на тот сайт перестала. И все ответы... — еще раз повела взгляд на супервайзера: — «Интеллигентная пара 35 и 31 год...», «Супружеская пара 47 и 42 года...», «Москвичи 38 и 35 лет...». Это я только по две цифры зачитываю, в большинстве писем, кроме возрастов, целые таблицы. Цифры, тактико-технические данные. Так что, Лев Фомич, можете Москвой мне не тыкать.

И Сумарокова решительно поднялась. Увольнения не будет, «штрафбата» не будет, Анна Лейх — за ней. Лимит нотаций закрыт.

— Правильно, Лизáнька, — восхищенно откликнулся Измайлов, — Вот и всегда так ври: чтоб 95 процентов правды было, не меньше!

Сумарокова только хмыкнула и направилась к двери.

— Постойте... — Веденский перевел взгляд на свой стол, на раскрытый том Александра Меня...

Сумарокова в тот момент шла к двери и обернулась: усталый взгляд, скользнула вон, и недвижим остался он. Лязг двери. Занавес!

Филологи в Колл-центре собраны были действительно высокого уровня. Равно и Сумарокова, несмотря на все ее эскапады. Отточенная за годы телеконсультаций, проворная память ей сейчас подсказала самую точную цитату.

«Что меня не убивает, то делает сильнее. То делает сильнее», — бормотала она, направляясь к лифту. Мелькнул в памяти и недавний момент, когда они с Измайловым и Аркадием сидели в этом холле, а на экране шел сеанс, где Светка Кудрявцева так бездарно отвечала на предложение какого-то Ницше-фана... Что не убивает... Сегодняшнее приключение, эта слежка слежек, захват и бросание ее в машину, допрос с пристрастием у супервайзера и... И!.. Она только теперь осознала свою неувязимость: все их козыри уже биты, весь «компромат» из их поганных файлов

предъявлен. И — она остается здесь. А через неделю — презентация книги Анны Лейх. Заменить ее в Лейх-проекте могла только Серафима, тут Веденский рыл, копал. Других миссионеров отверг бы и Илья Евсеевич. И тетка, правда, молодец оказалась... «Надо ж! Лизáнька, Лизáнька. Лизáньку не обижай! Это кто ж меня так еще называл?» — вспоминала она, подняв руку на Цветном бульваре. И садясь в такси, все прокручивала краткие «файлы» детства.

— Так, мама: «Лизок, Лизунчик...» Нет. Может, баба Галя? «Лизочек. Мой Лизочек так уж мал, так уж мал». Нет. Дядя Гриша? «Лизка — моя черно-бурая лиска!». Охотник, запах псины, кислый порох, папиросы, самогон. Тетя Дуся? Нет...

Больше вспоминать было некого: отец и теоретически возможная вторая половина родни — знак пробела.

Странно, очень странно сошлись ощущения сумасшедшего дня и вечера: вдруг обретенная полная неуязвимость, колпак никем-ничем не пробиваемого стекла, конец долгих лет расчетов и маневров. Победа и... эта привязавшаяся задачка: «Лизáнька, Лизáнька». Как язык неудержимо трется о свежий зубной скол, и отлаженный всесильный мозг не в силах его остановить. Странное противоречие: победа, неуязвимый колпак — и этот царапающий скол: «Лизáнька». Какое-то время она думала даже о Серафиминим гипнозе, хотя никогда в ее «дар» особо не верила. Но странно: и сегодняшний простертый купол неуязвимости, и этот неожиданный царапающий скол — все связано с Серафимой... Измайлов тоже подхватил «Лизáньку», два — нет, три раза назвал ее так.

И дома, сбросив надоевшую мебель-салонную куртку и не вспомнив задернуть шторы, она все сновала из комнаты в кухню и обратно, открывала-закрывала дверцу бара, так ничего и не тронув, клацала холодильником, повторяя: «Лизáнька, Лизáнька».

Наконец все напряжение дня: прерванное свидание с Анной Лейх, «как бы арест», «как бы допрос», потом минуты торжества и эта прицепившаяся неотвязка — подкосило, и, как была, она плюхнулась лицом в подушку...

Разгадка ей пришла, как Менделееву одноименная таблица, во сне.

Или в момент Пробуждения. Настоящая тайна и магия Пробуждения — в том, что совершенно неизвестно, откуда приходит в мозг *самая* первая мысль! Вторую, любую последующую можно как-то объяснить: вытекает из предыдущих плюс реакция на сигналы окружающего мира: от звонка до выстрела. Но самая-то, самая первая? Кто-то ведь ее послал, забросил?

Такой первой мыслью проснувшейся Лизы Сумароковой и была разгадка: отчето вчера в синхрон с ее колл-центровским торжеством вдруг прицепилась эта «Лизáнька»? Только глянув на мокрую, черную подушку (косметика вчерашнего свидания с Анной Лейх) она и поняла, что «Лизáнька» — это же ее жалкое, уполовиненное детство. Так бы мог ее называть отец. Родители же перебирают варианты, чтоб не повторяться, внести собственный оттенок нежности. И если одна — «Лизочек», то другой — «Лизáнька». Вот и Измайлов вчера это произнес.

Вторая часть теоремы решалась проще. Почему эта детская ущербина возникла именно в момент выигранного сражения и только что обретенной безопасности?

Да потому что она всегда была! Только раньше заслонялась опасениями за свое место, зарплату, без которой — только домой в Торфобрикет. Страхами за успех своих планов (для конкурентов — интриг), в общем — за продолжавшуюся жизнь, даже сказать: «выживание». И как только этот постоянный, фоновый гул стих, сразу пробился мотивчик: «Ущербное детство-отрочество-юность». В этом решенном кроссворде нашлось место даже и Измайлову. Дурак, дурак Аркашка запуская ревнивые попреки. И сама она полная дура, когда раньше мгновениями, но все же думала об Измайлове — любовнике, восхищенном помощнике в ее планах. Отец же! Строгий, но снисходительный. Даже вчера, когда сказал: «Правильно, Лизáнька!

Всегда так ври, чтоб 95 процентов правды было!» Да! Он же вчера еще шлепнул ее, там, в фургоне. Точно...

Бездомная собачонка заглядывает в глаза прохожим, ищет хозяина. Вот так и достигай побед, высших уровней безопасности! Сразу всплывет... И самое ужасное (еще ожог), Боже, самое главное — так же будет всегда!.. Жалость, жалость, обида, жалость, быстро переходящие в ненависть к себе.

Ночное это открытие порадовало Сумарокову куда меньше, чем таблица — Менделеева. По правде говоря, и вовсе не порадовало, а совершенно даже подорвало ее силы. На сегодняшний новый день приход в Колл-центр, на грядущую презентацию книги Анны Лейх она теперь смотрела так отстраненно, словно все это должен будет провернуть какой-то другой человек, а ей, Сумароковой, просто в офисе дали поручение дозвониться до этого человека и передать: сегодня в 10-00 *его* смена в Колл-центре, а в следующий четверг в клубе «Барон рохас» в 19-00 начало презентации.

Но даже и это малое офисное задание ее страшно тяготит: не хочется дозваниваться, слать эсэмэски и электронные письма *этому* человеку, и черт вообще с *ним*, с *его* сменами и презентациями!

Психоаналитики (кои Колл-центр сильно сократил рынок) называют ночную мысль Сумароковой надутым важным фрейдовским словом: сублимация. Часто слово это произносит и козлина Веденский. Выдай кто ему все подробности и последствия Лизанькиной ущербной «победы», он бы и сейчас сказал: «Миссионер Сумарокова, это сублимация». И она, честное слово, со всех сил врзала бы по его одутловатой морде... Как в этот миг врзала по мокрой черной подушке.

Она посмотрела на часы: 10-54 — и с прежним безразличием, механически считала: *тому* человеку, даже если сейчас же за 2 минуты одеться (а накраситься? — *он*, наверно, и не красится!), выскочить, добежать до метро «Алтуфьевская», доехать до «Цветного бульвара», добежать до бизнес-центра, подняться на 11-й этаж — *он* все равно опоздает на... час и 45 минут... Приподнялась на кровати, поглядела по сторонам, подняла мобильник. Батарея пуста, вчера было не до подзарядок. Вот почему *ей* нет звонков. Ведь кто-то уже мог *о ней* и побеспокоиться — час как началась смена.

Она поискала еще, у двери на тумбочке стоял забытый-заброшенный городской телефон, дисковый! Хозяйке было все равно, ей — тем более. Поморщившись и протерев углом простыни пыль, она приложила трубку к уху и, удивляясь самой себе, начала крутить колесико с дырочками и цифрами, собирая номер... с которого и начиналось это повествование.

— Вас приветствует единый Колл-центр Церкви религиозного сознания. Звонок бесплатный. Если вы уже являетесь членом ЦРС, наберите в тональном режиме цифру 1. Если вы хотели бы присоединиться к ЦРС — цифру 2. Если вы хотите получить консультацию по вопросам религиозно-философских доктрин, богослужебной литературы других деноминаций — цифру 3. Ваш звонок очень важен для нас...

Тонального режима на этом драндулете не было, но через двадцать секунд (молодцы, работают!) ее соединили. Секретарь, техническая функция, не из их миссионерского полка, просто замена электронного коммутатора для таких дремучих абонентов. Сменяются они часто. Девушка, кажется Клава, в прошлом месяце пришла.

Странный эксперимент, впервые Сумарокова — с *той* стороны. Словно бактерия на стеклышке вдруг подняла глазки, заглянула в микроскоп, увидела напряженно расширенный зрачок биолога.

Промямлив чужими негнушимися губами про свою христианскую ориентацию, она совершенно сбилась на сути своего вопроса. Секретарь неумело попыталась, а у Сумароковой пред глазами стояла схема работы, структура, новые оптимизации разветвлений Колл-центра, стрелки, рисуемые фломастерами на доске в григги-ча-

сы. Подсознательный счетчик отмечал, что сейчас ее вызов забивает только один канал, секретарский, а звонки в тональном режиме продолжают обрабатываться. Она была одновременно и бактерией, и биологом.

— А! Вы, наверно, считаете, что если рядом ходят и здоровые, счастливые, и калеку, невинно пострадавшие, лишенные родителей— значит, весь мир создан несправедливо?! И устроивший это Бог или не добр, или не всемогущ?! Тогда вам надо теодицею! Сейчас соединю...

Бактерия еще что-то бормотала, всхлипывая, а биолог уже перецелкнул линзы. Услышав голос Серафимы, она попыталась, сколько возможно, изменить свой, но не выдержала, разрыдалась уже в полный рыд.

— Лизанька! Ты где? Мы тебя ждем, волнуемся. Что... нет только скажи, ты сейчас дома? Я пришло Измайлова. Где ты живешь? А, у него ж есть адрес, у него все есть. Подожди немного, он скоро придет. А я с тобой поговорю, только сейчас подожди минуточку, мне ж надо этого громилу позвать...

Шорохи, стуки: Серафима ищет свой телефон. Нашла.

— Измаайлав!

14. «Кузина моя жизнь»

Как всегда нескладно, не вовремя (надо было уезжать на презентацию книги Анны Лейх) супервайзера подловил Гера Ламин. Отказывается, не в состоянии организовать ток-шоу «Есть ли Бог?», встроенное в передачу Серафимы Борисовны. Считает, что невозможно найти *«арбитров из числа незаинтересованных лиц»*, и еще какая-то чушь. А ведь Веденский уже пообещал: Никиту Вескова пригласят выступить. Ладно, подумаем... *«незаинтересованных лиц»*... До завтра, Ламин.

— И еще, Лев Фомич. Еще новость, но уже хорошая, — улыбнулся наивный племянник всемогущей тетки. — Вы же всегда говорили про важность коллективных звонков, обращений. В том месяце звонили две сестры-сиделки из «Евпраксы», это дом ребенка, то есть малютки, — продолжал Ламин, «не замечая выразительного взгляда на часы». Или у меня все-таки взгляд невыразительный? — вздохнул опаздывающий супервайзер.

— Грудных детей, от которых отказались, передают. Сестры Наталья и Анна Леонидовна, и еще две — они уже несколько раз в Колл-центр звонили. Надрывно у них, конечно, каждый день детей брошенных видеть. Многие дети с физическими отклонениями. Ну а поскольку сестры не только спрашивали, но и возмущались, почему Бог такое допускает, их на меня и переводили. Я, как мог, рассказывал, а они подносили, показывали по скайпу грудничков этих. Тяжело...

— Ну так в чем дело-то Ламин? И хорошая новость?

— А, — встрепенулся. — Я с ними уже раз три говорил, а сегодня позвонили, сказали: одну девочку назовут в честь меня. То есть в благодарность мне, Колл-центру. Им же надо имена давать. Они назвали ее... Теодицея! Девочку выбрали, они сказали, потому что очень красивая, даже странно, что от такой отказались. У них ведь — и даунята, так они их называют. А эта красивая, они говорят: все оправдывает. Работу их, мою. Мне показывали, по скайпу не очень разберешь, я в грудных не очень разбираюсь. Но, получается, крестным отцом стал. А мне ведь, честное слово, и раньше иногда казалось, что «Теодицея» звучит как женское имя. Гликерия, Федосья, Гортензия... Теодицея.

— Ты знаешь, Ламин, идея хорошая.

— К-какая идея?

— Расскажем об этом. И в нашей передаче, и газетам. Девочку наверняка удочерят. Это же всем хорошо будет, так? Поймут, что мы не только Венер, Лаокоонов

из хлеба лепим, но и живые судьбы устраиваем. Так, я уже опаздываю. Подопечная Сумароковой выпустила книгу, приглашала нас на презентацию. Надо, хотя бы мне, сходить, поддержать. Интересно, клуб «Барон Рохас», ты, случайно, там... может, слышал о таком? Говорят, страшно дорогой, престижный.

Совпадение редчайшее: в эти минуты и прелат-директор собирался в клуб. Редчайшее, понятно, из-за Веденского, выбиравшегося второй раз за полтора года, для Хизинга же то была среда естественного обитания. Работал в России, можно сказать, «вахтовым методом». Семья в Пасадене, навещает редко. Кроме ежегодного отпуска, заезжает к ним, когда вызывает Конгрегационный совет. Жене Барбаре в Москве не нравилось по тем же причинам, по каким нравилось Стеллу Хизингу: вечные презентации всего и вся. Клубы. Валящие, как русский снег, друзья-приятели, подмосковные виллы, дворцы и девицы, девицы, девицы, страшно красивые и наглые. Мобилизуя всю современность и широту взглядов, она еще могла по полгода оставлять в этом чаду мужа, но самой... Увольте — предпочитала не столь лихорадочные уик-энды. К тому же русские, московские уик-энды начинались в четверг или даже в среды. Нет, на работу ее муж выезжал, но она же видела — все крутилось вокруг очередных гала-фуршетов, мегатусовок, телетрансляций из галерей, представительских функций... Это при том, что именно Барбара достала Стеллу такую московскую синекуру: она была давнишней подругой, любимой партнершей в бридж у всесильной Виолы Меддок, жены преподобного.

Хизинг не то чтобы стеснялся... нет, все же стеснялся, избегал подробно высвечивать корни своей карьеры. Просто зачем? — все и так складывалось в достойную, естественную картинку. Он — известный славист, гарвардский выпускник, совершенный русский язык, автор монографии о Чехове, статей, в том числе в московской прессе. Литературные, смिशные знакомства. Идеальный представитель для ЦРС — умной, «зрячей» религии, к тому же — на фланг реальной работы, колл-центровской практики подыскал двух достойных помощников.

А в этот совпавший с лейховской презентацией вечер его должны были представить дочери и внучке покойного академика Андрея Книппера. Дело в том, что издатель отверг рукопись его книги о Чехове и Станиславском.

— Очередная... У-фф. У вас будет третья, а в США, наверно, сто тридцать третья. И никаких новых фактов, людей, никакого эксклюзива. Словно вы и не в Москве сейчас, а в Пасадене в библиотеке роетесь! Для своей конгрегации вон нашли же оригинального эзка-скульптора с хлебным мякишем, были здесь в газетах упоминания. А в вашей книге все старый набор. Ищите!

И Хизинг, похоже, нашел: издатель идею принял. Ставка на окружение Чехова, расходящиеся волны таланта, открывавшие в «чеховском кругу» людей, целые династии, на которых природа все никак не отдохнет.

Ольга Константиновна Книппер, «дважды племянница» Чехова: 1) Племянница Ольги Леонардовны Книппер, жены Антона Павловича. 2) Жена племянника Антона Павловича, Михаила Чехова.

Последующие мужья в Германии, Бельгии умоляли взять их фамилии, но она оставалась Ольга Чехова.

«Любимая кинозвезда Гитлера», «Государственная актриса Третьего рейха». Но репутация проверена, как говорится, «кем следует»: в 1945 году была в Москве, навещала тетку Ольгу Леонардовну, спокойно вернулась в Германию... Бездарный, но известный британский историк уже накопал книгу, намекающую, что на приемах у Гитлера Ольга выполняла задания Сталина. Но фактов у британца ноль, а между тем в Москве живут Книпперы. В их династии: известный композитор Лев Книппер («Полюшко-поле»). Родной племянник «мистериос» Ольги Чеховой

Андрей Львович Книппер стал главным советско-российским геологом. Директор Института геологии РАН.

Журналистов Книпперы не жалуют, но по типичной московской «протекции»... Хизингу открывался целый пласт.

Рассмотрев дошедшие по почте фотографии дочери и внучки академика («Природа не отдыхает!»), он сегодня долго, мучительно подбирал галстук, но остановился на шейном платке.

В общем, даже неплохо, что презентация книги «Кузина моя жизнь» Анны Петровны Лейх прошла без ее куратора и вдохновителя Елизаветы Сумароковой. Бог знает, чего они там вдвоем наговорили и натворили бы.

Выданный издательством «на сдачу» энергичный литсотрудник Гена заманил 8 репортеров, обозревателей, две телебригады приехали по договоренности собственной Ильи Евсеевича пиар-службы.

Приглашений Колл-центру, как обещала Сумарокова было два. Прелат-директора брат Ведынский не хотел, Измайлов отказался сам, так и образовался на супервип-тусовке миссионер Аркадий Незванов. Далее: журналисты-обозреватели, лейховские бизнес-друзья-жены, в том числе преисполненный страшного скрытого влияния, умышленно запрятавшийся во второй сотне русского Форбса Дмитрий Гарин и прочие.

Если предположить такую нелепицу, если бы Илью Лейха как-то интересовал коммерческий успех книги, то отсутствие на презентации Сумароковой, прежней бешеной Сумароковой можно было посчитать за неудачу. Тягучую атмосферу издательский сотрудник Гена рассекал и встряхивал, как мог. Обычно писателей на эстраде усаживают за какой-нибудь столик: и локти можно поставить, и укрыться хотя б наполовину, но где ж тут взять — обычное! Анна Петровна то ли вызывающе, то ли отстраненно сидела ножка на ножку прямо посреди эстрады, где недавно пела Бейонсе, рядом от пола на полтора метра поднимались три колоны книг. Самой яркой деталью была выставленная верхняя из скрещенных ног: золотистый чулок (видно было, что именно — чулок) и полуснятая туфелька, вертевшаяся на самых пальчиках узкой ступни. Черное облегающее, наверняка дорожное платье с разрезами от кутюр и странное немного ожерелье: не разливающееся, как обычно, по «зоне декольте», а короткое, один плотный оборот на шее, прямо бриллиантовый ошейник.

Семь круглых столов, по шесть приборов. Сорок избранных располагались не смешанно-неслиянно, пять столов: бизнес-друзья с женами, два: журналисты и причисленные к ним Ведынский с Незвановым.

У подножия эстрады вполборота к залу литсотрудник Гена модерировал процесс, шарахаясь от редких взглядов Анны Лейх, бизнес-элиты и неудержимо сползая на тон тамады на бандитской свадьбе. Илья Евсеевич Лейх был привычно напряжен — привычно для любых мероприятий последних двух лет с участием супруги.

Теоретически позиция Ведынского была выигрышна. Он имел самую полную «инсайдерскую информацию», пересмотрел с десятков часов записей их сеансов и теперь наблюдал, как в отсутствие Сумароковой в красивую головку Анны, раздвигая обильные ее золото-платиновые, чуть завитые пряди, влезал под бум-бум своего шаманского тамтама тот колдун с тихоокеанского атолла Бикини. Сейчас начнется его диктант, держитесь...

Илье Евсеевичу можно будет сказать... что? Что метод психоаналитиков Колл-центра все же действен, вышедшая книга в любом случае — высокоинтеллектуальный продукт, каковой просто невозможно было бы создать в том состоянии, с которым Анна Петровна к нам обратилась. Сейчас ввиду временного отсутствия курирующего миссионера Сумароковой еще возможны некоторые рецидивы, ре-

миссия, но общий тренд... Только бы обошлось без падучей, кликушества, стриптиза, рукопашной. Только...

Тамада-модератор о подобных угрозах и представления не имел. Для него, издательства, неудачей считалась бы скука и если равнодушие бизнес-элиты не удастся скрыть от приглашенных журналистов.

— Анна Петровна, вы, конечно, представляли всю меру ответственности, обыгрывая в названии своей книги столь значимые слова Пастернака. И, однако, пошли на эту рискованную игру. «Кузина моя жизнь»! Почему?

— Просто я стала двоюродной самой себе.

Напрягшегося супервайзера чуть отпустило. Вполне обычный ответ, в этом... в литературном вкусе. Вон критики закивали. И все же беспорядки не исключаются. Чем она может швырнуть? Только получается, книжками со стопок. Увесистые. Эх, для любой «нештатной» — хорошо бы сюда Измайлова. А он, принялся вспоминать Веденский, отказался сегодня, как-то грубовато. Тут поневоле станешь мнительным: весь расклад сил как-то накренился в сторону шефа-секьюрити. С работы они уже семь раз уезжали вместе с Серафимой Борисовной. А операция «Мебельный фургон»? Ведь столько риска он взвалил на Измайлова, все исполнено, и что в сухом осадке имеем? Временно нетрудоспособную Сумарокову? Как-то уж больно резко Серафима встала на ее защиту, странно, даже подозрительно. Что ей? И лейховский проект остановился.

— ...И рвется приводной ремень. И дольше века длится день.

На этом энергичном финале стихотворения вертевшаяся на мыске левой ноги черная туфелька (действительно похоже на ремень и шкив) слетела, открыв полноту совершенства. Теперь по высоте подъема, красоте изгиба узкая ступня Анны Лейх вызвала ассоциации с каким-то фужером, бокалом. Поднимать туфельку поэтесса не стала, лишь переменяла ногу и теперь на мыске закружилась правая лодочка.

— И все-таки, Анна Петровна, почему именно Пастернак? Почему век спустя, в наше кризисное время вы обращаете российскую публику к... этому небожителю, как называл его Иосиф Виссарионович Сталин?!

— Кто-кто его так называл?

«Ну началось, — подумал Веденский. — И что у них там, на атоллах тихоокеанских, про генералиссимуса нашего не слыхали?»

— Ну как же? Иоси... товарищ Сталин так сказал. Когда...

Но ничего не началось. Обозреватели только поставили жирный минус тамаде и его издательству за намерение политизировать презентацию, раздуть рекламу книги за счет «сталинского дискурса». Автору ж наоборот: уважение за полный игнор, слушание чистому искусству.

Напрягаться скорее следовало бизнес-друзьям-женам, когда, «вырвавшись на оперативный простор», привстав и нанизывая звонкие децибелы, Анна оборотилась к их столам:

Утопить вас — лучшее из действий.
Я кричу: «Считаю до пяти!»
Но говно — не тонет.
Даже в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти...

Но... аплодисменты же! Дмитрий Гарин осторожно, даром что с третьей инвестиционной почкой, цедил «Редерер».

В поэтическом потоке, льющемся со сцены, Веденский (поймал себя на мысли) ждал единственно каких-нибудь строк, слов о Колл-центре. Тщеславие? Нет, он со-

глашался со своей «тенево́й» (пока) ролью, но ее вдохновителя, «литературного тренера» Сумарокову, можно же как-то было упомянуть.

Единственную, весьма скупую, реакцию на все с ними приключившееся Веденский уловил в том стихотворении, что начиналось благородно пастернаковски «На меня уставлен сумрак ночи», а заканчивалось, простите, *говном и фарисейством*. Анна Лейх прочитала его с новой строфой, прямым упоминанием имени подруги. В презентуемой книге такого не было — Веденский через стол попросил у какого-то важного бородача, наверно критика, экземпляра, убедился. Добавление, похоже, и стало единственным «поэтическим отражением» их прерванного сумасшедшего свидания.

— Гамлет, быть или не быть?
— Все равно тебе водить...
Лиза, счастья не проси. Бей бинокли на оси!

А на самой последней страничке книги мелким шрифтом (как приписка «*Не давите гадину*» на цзэрэсовских бумагах) стояло: «*Автор благодарит: Е. С. — за советы и понимание; И. Л. — за непонимание и финансовую поддержку*».

Да, трудно быть олигархом!

Почти синхронно с десертом началась кампания дарения, подписания книг. Чинно, неспешно гости поднимались на сцену, брали со стопок черные с золотым обрезом томики — только теперь и разгадали изящный отсыл к черному платью, золоченым чулкам и черным же туфелькам автора. Становились в очередь, стараясь, чтоб не более пяти-шести человек.

Принимая на колено книгу, она вскидывала из-под злато-платиновых прядей неожиданно внимательный взгляд — два изумрудных блика, одариваемый называл себя, и она неспешно вышивала мужниным «Паркером» кому две, кому три строки.

Две, это если: «*Такому-то...*

С уважением, от автора»,

Если три — значит, еще и краткое пожелание.

Единственным унижением для бизнес-друзей-жен, а может, и просто оригинальным финалом было то, что и на самых давнишних друзей мужа, их притершихся жен она точно так же вскидывала взгляд, и те покорно диктовали имена-отчества-фамилии. И всем (различно было и с нескольких шагов): только две или три строки...

«Вот так. А если бы сегодня здесь был Сурков?!» — интонация мысленной фразы Веденского отсылала к первому визиту Ильи Лейха в Колл-центр, а еще к старому армейскому анекдоту: «А если бы он вез патроны?!» Не насилуя свои минус два (речь о диоптриях) и навык чтения вверх ногами, Веденский только различил, что ему были уделены три строки, с достоинством принял свой томик, неспешно вернулся к десерту, отхлебнул кофе, открыл:

Льву Фомичу Веденскому.
Хрен тебе, а не Ханты-Мансийск.
С уважением, Анна Лейх.

И ведь все, все три строчки выписаны абсолютно одинаковыми, ровными буквами. Почерк отличницы из какого-нибудь пятого «а» класса, ни нажима, ни подрагиваний, ни нервических вытягиваний ножек букв «х», «к», «р»...

Ну просто смерть, психушка, дисквалификация любому графологу.

Вот Барбаре Хизинг, получившей анонимный файл из Москвы, графолог был не нужен, потому что «анонимным письмом» в старом, XIX века значении его и назвать

было нельзя. О почерке анонимки, бросившей Пушкина на пистолет Дантеса, написаны тома (говорят, все же — Долгорукий), а тут при том, что смысл очень схож — только несколько электронных букв, байтов. Нет, смерть и безработица — графологам! «Чьи байты?» Главное в «прицепленных», репейниковых приложениях, видеофайлах. Муж со своими «представительскими функциями» заигрался. К чести миссионера Сумароковой, кадры с ней и Хизингом были *самые приличные*, обычная эскорт-девица, лимузины, переговорные... Зайти с нею дальше — был главный страх Хизинга: потеряешь не только жену, вхожую в дом преподобного Меддока, абсолютно незаменимую партнершу в бридж его жены... Жалко было бы и годами выработанного пикировочного легкого, очень веселого блаженно-необязательно-го тона («Завтра надо будет... — Зубную щетку брать?»). По идее это стиль общения студенческих времен — видно, в Гарварде Стелл Хизинг был этим обделен. Сложность ли предметов, загруженность семестров, знаменитые слависты, Роман ли Якобсон, Баяра Арутюнова и их дух тому виной, уже неважно, обделен, и все. И компенсация — лишь эта недавняя студентка МГУ. Да, зато другие клубные, загородные фото Хизинга были уже в полном смысле слова: ком-про-мат. Ангельское терпение Барбары кончилось.

15. Анонимки и московский рэйв

Гамлет, быть или не быть? — Все равно тебе водить.

Анна Лейх

— Серафима Борисовна, вы, пожалуйста, завтра на службу не приходите. Оставьте своих страждущих... постраждовать денек без вас. У нас тут будет заварушка большая. Гритти-час выльется, наверно, в гритти-день.

— Да что там, Паша, такое?

— Сливают Хизинга. Может, и нас... Версию вашенинскую так удачно вписали. Аккуратно. По всем документам: технический работник, просто уборщица, язви его. Думал, все, бито... И вот настучала же какая-то... Следователь предупредил. Анонимка современенькая такая... электронная, с файлами прицепленными: записи бесед миссионера Вашенина. И служебное расследование: кому, что, как мог напроповедовать? И много ли у нас таких еще?

Незванов набрав номер Сумароковой, сказал об этом гораздо короче: «Завтра у нас будет рэйв».

И Елизавета, вторую неделю лежавшая дома, выходявшая только за молоком и хлебом, решила поехать в Колл-центр. Прервать бултыхание в волнах ущербного детства, воспоминаниях двадцатилетней и недельной давности... Измайлов, кто его знает как, долетел тогда меньше чем за двадцать пять минут, пока выстрелившая им Серафима баюкала Лизаньку по телефону. Тонко почувствовала: Сумарокову сейчас потихоньку переполняет тихая благодарность, но и подгрызает один вопрос: источник? Почему?!

Почему вчера защитила, мановением своей смуглой легкой руки воздвигла неуязвимый купол? И сейчас утешает, отваживает от страшных планов ту, что злилась на нее, злословила, ревновала к ней Измайлова. И если она, Серафима, творит это по своей вселенской доброте, солнечными лучами льющейся на всех и вся, этого мало. Ужасно мало, как того же Солнца — планете Плутон.

Сумароковой была нужна хоть сотая доля, промилле градуса, но персональной в ее адрес доброты. Посланной только ей, за что-то. За что? — так это и бу-

дет ее последний шанс понять свою личность. Нет, не «Глобальное потепление», и не всеобщая Божественная Любовь, пусть даже Бог, наконец, и получит за это свою долгожданную Теодицею, выход по УДО, «реабилитацию по эпизодам с Нероном, Торквемадой и Гитлером», «амнистию вчистую»!

Даже у Золушки была своя личная крестная, фея! Лизáнька ждала любой зацепки, согласная даже, наверно, на какой-нибудь индийский, латиноамериканский телесериальный виток с подменами, потерями младенцев, по которому Серафима или Измайлов кем-то ей доводились, разыскали и ждут момента рассказать ей... что-то еще серий на пять.

А это, оказывается... Гера! Пока пущенный стрелой *Измайла*в летел к ней на Алтуфьевку, покупал молоко, Серафима не отпуская Лизу от трубки рассказала...

Полузабытый Гера еще в прошлом году съездил в поселок Торфобрикет Костромской области, к Вере Михайловне, ее матери. Познакомиться. Не просить в старорежимном формате «руки дочери», но так, на всякий случай... если вдруг когда-то каким-то чудом Елизавета согласится выйти за него, то вот он, позвольте отрекомендоваться: Гера Петрович Ламин, коллега по работе, скайп-миссионер, специалист по Теодицее.

Ведь у матери, живущей далеко... как ни радостно было бы известие, что дочь выходит замуж, всегда примешается страх неизвестности. Кто там? Что за человек?.. Вот именно на этот случай он сейчас и представляется. Хотя вероятность такой для себя удачи он трезво оценил в одну десятую процента, 0,001, по-научному — промилле, но тем не менее...

Вере Михайловне он понравился ужасно. Именно и только его она признала «достойной парой» для своей сумасбродной дочки. Но Гера Петрович, вручая ей «оборудование для связи», взял с нее самое серьезное слово ни в коем случае не *молвить за него* и полсловечка. Сильнее самых страшных клятв подействовал простой, трезвый довод:

— Вы же, Вера Михайловна, знаете свою дочь. Любое ваше слово, полнамека погубят меня в ее глазах окончательно, лишат и того промилле. Я и так для нее «тетушкин петушок».

Серафима словно раскручивала перед изумленной Сумароковой свиток какой-то сказки. Оборудование для связи? Ноутбук со специальной флешкой-модемом, позволявшей выходить в космос безлимитного Интернета. Еще новость. Мать так не любила технические новинки, обрубая на половине и само слово «гаджет». В редкие приезды Лизы, когда та раскрывала «шарманку», заглядывала через плечо, мрачно калькулируя украденные у нее минуты общения с дочерью.

А Гера — звездный его час — не только преодолел барьер неприятия, научил Веру Михайловну пользоваться даже скайпом. Для примера он и набрал мой (рассказывала Серафима Борисовна) домашний номер, подключился, познакомил нас. Заставил Веру Михайловну для закрепления навыка подключаться самой.

И еще же один, не меньший барьер Гера Ламин преодолел тогда буквально с лету. Лиза знала строжайшую щепетильность матери, в денежных да и всех прочих вопросах, строгость, что когда-то вернула выпускницу МГУ в поселок Торфобрикет. И чтобы мать согласилась принять такой подарок! Пункт помесячной оплаты Интернета Гера столь же ловко утопил в технических лжеподробностях: «Вот эта флешка-модем обеспечит вам выход...»

Диковинно было Вере Михаловне через неделю увидеть своего «промилле-зятя» уже на другом крыле скайп-сеанса, дома у своей тетки, под иконой Казанской Божьей Матери. Ради удачи великого плана она даже удержалась, не призналась дочери, так и ходила звонить ей на почту или к соседям Кульневым. Те зафиксиро-

ванные в файлах Веденского два звонка из поселка Торфобрикет Костромской области — это Вера Михайловна обращалась к Серафиме. Приспичило.

— Так мы с твоей матерью и подружились. Обе сидим под Казанской, я ей все про себя да про Геру, а она нам про тебя, — завершила успокоительный, терапевтический рассказ Серафима Борисовна, когда посланный ее стрелой Измайлов уже пролетал к Алтуфьевской эстакаде, сверяя указатели с навигатором, рассчитывая через четыре минуты быть на месте.

— Ты, Лизáнька, спрашивала, за что это я тебя защищаю? Что такого выглядела? Видишь, какая я визионерша липовая. И все-все-то мне твоя мама рассказала. И что ты, как ни жалеешь себя — а срываешься и так начинаешь себя винить и ненавидеть, что ей за тебя страшно. А ты, Лизáнька, значит, у нее, м-м, вспомню: страшно пылкая, азартная, гордая, но в душе добрая — это она тебя отмолила.

— Ой, я вас умоляю!

В общем, мамочке удался очередной ее фирменный финт. И ведь под самым носом у дочки. И подумать было нельзя.

— А про отца... что-нибудь... вам говорила?

— Немножко говорила... Ой, это у тебя там в дверь звонок? Измайлов. Молодец, стрелой домчался. Ну иди открывай.

Доисторическим гудком допотопный хозяйкин телефон просигналил, что там, в Колл-центре, Серафима положила трубку. А Сумарокова, чуть отведя от уха из-за мощного дикого гудка, все держала свою, непривычно тяжелую, из той кондовой старосоветской коричневой пластмассы, что, кажется, шла еще только на выпуск старушечьих гребенок для пучков на затылке...

Потом поцеловала мембрану и, положив трубку, пошла на ватных ногах открывать дверь.

Отступая перед ним, как перед поршнем — пушинка, что в каком-то старом школьном опыте должна была исхитриться упасть вровень со свинцовой дробью, Сумарокова так и пропяtilась перед ним весь коридор, полкомнаты и, упершись, присела на кровать.

Громила присел рядом, отложил кирпичи молочных пакетов, посмотрел внимательно, потянулся было к ее... «Ухо? Оттаскает?» Но он только погладил ее по разметанным смоляным прядям и протянул ей угол одеяла.

Она быстро закрутилась, соображая, что еще ведь и холодно. Измайлов, подхватив пакеты, пошел на кухню: «Но ты молочка-то все равно выпей. Успокаивает».

Громыхание посуды. Сумарокова, вдруг пробитая такой крупной дрожью, словно в нее стреляли не дробью а картечью, подскочила, отбросив одеяло, подошла к гардеробу, отыскала шерстяной свитер, натянула. Дрожь не то что не проходила — грозила перейти в судороги. Обхватив себя руками, она постояла так минуты три и все же двинулась на кухню.

Горячее молоко да плюс сильный, уверенный мужской голос и правда помогают... ну абсолютно от всего. Молоко выполняло роль противосудорожного, антилихорадочного снадобья. На третьей кружке зубы Сумароковой перестали клцать...

— Ну вот и порядок. Поеду я уже...

— А вы на Серафиме женитесь?

— Женюсь, — спокойно ответил Измайлов. — А ты чего улыбаешься?

— Да так, представила. В шутку. Что если вы женитесь на Серафиме, а я выйду замуж за Геру Ламина, чего тут все ждут, то, получается, буду вам племянницей... А у меня уже был дядя. Дядя Гриша. Он мне кричал: «Лизка — моя черно-бурая лиска!», потому что был охотником. Помню запах псины, кислого пороха...

— И где ж он?

— Умер. Давно. Я во второй класс ходила.

Так неделю и хлебала молоко. Пополняя запас, не могла заставить себя дойти до супермаркета, покупала его, хлеб, сосиски и шоколад в ларьке, что в двадцати шагах от подъезда.

Звонил Веденский. Елейным тоном сообщал, что все понимает. Что, может, слишком сурово было направлять Измайлова на перехват их с Анной Лейх свидания, но контроль и безопасность клиентов — неперемное правило Колл-центра, а она, Сумарокова, может хоть... еще десять дней не выходить на работу с сохранением полного объема зарплаты и квартальных бонусов. Жаловался немного на Анну Петровну, грубовато обошедшуюся с ним на презентации книги. Но Елизавета, разумеется, помнит их договоренность, неперемное условие продолжения ее работы в Колл-центре, слово, данное в присутствии Измайлова, принятый план, по которому Веденский становился прелат-директором, а супервайзером — она...

— Да-да, конечно, помню. Ханты-Мансийск, и ни сантиметром меньше.

Даже в телефонной передаче тон Сумароковой весьма напоминал реплики ее подруги Анны Лейх на презентации. Та же отстраненность, легкое удивление: «Кто все эти люди?» Но вроде Анна Петровна ей звонила, благодарила за книгу, обещала решить дело по созданию Западно-Сибирского отделения ЦРС, а надпись на подаренной книге... («И правда звонила. Общались», — только теперь поверил Веденский.) Надпись была еще самой мягкой реакцией на давешнее, чисто омовское вторжение в их мебельный фургон. И еще самой снисходительной — это она, Елизавета, уговорила ее, успокоила.

Но у самого Веденского эмоционального высвобождения не наступало, Сумарокова говорила спокойно, совершенно отчетливо, но как-то мимоходом, словно о чем-то совершенно неважном. А ведь еще недавно за проект «Анна Лейх» вскидывалась коброй, раздувала капюшон...

Положив трубку, Елизавета еще минут десять смотрела на стену, отыскивая то место, где «абстракционизм» обоевого рисунка неожиданно складывался в силуэт рыцаря, допустим Дон Кихота. Латы, чуть кривое копьё, а глаз и грива лошади очень похожи... И накинув на голое тело плащ, вставив ноги в хозяйкины чуни, она пошла за молоком...

Правильно говорят, у кошки — девять жизней, и потихоньку задавленная было Сумарокова начала отползать от края морального надлома и почти уже перестала жалеть и ненавидеть себя, когда Аркадий Незванов сообщил: «Завтра у нас будет рэйв».

Выходить на работу в ближайшие дни она так и так собиралась — почему не завтра? Только третий раз за эти дни, но впервые основательно она присела к зеркалу. Из хозяйкиной обстановки ей более всего нравился этот старомодный низкий трельяж с пуфиком. Играя поворотом зеркал, можно было полюбоваться своим профилем, попытаться заглянуть в бесконечность, скосив глаза к галерее отражений яркой, красивой брюнетки с красной розой в густых прядях или без розы.

Сегодня не игра — смотр после сражения... Круги под глазами — еще не самое тяжелое, но эти складки — превратятся ли в морщины? Или уйдут? Осунувшееся лицо, притухшие глаза, какая-то жилка на шее и, Боже, семь, восемь, девять... седых волос, выданные на обозрение общим смоляным фоном. А сам этот «фон»? Не потускнел ли? Блеск волос, характерный для детей и молодых кошек-собак был важной «ударной силой». Но об их состоянии в вечернем комнатном свете судить было тяжело, тут важны отражения в дневных зеркалах, мужских глазах... А в общем, кажется, немного постарела, и коэффициент Мэлори сейчас... если честно... хорошо, если 82—85.

Первый выход *после* — о! тут и нужны резервы характера, «гордость и азарт» (Мамина оценка в передаче Серафимы — а лично услышать так и не довелось. Эх, мама!) И первый взгляд Кудрявцевой, как выпад, она приняла по-измайловски, не

отводя глаз. Еще пара ремизов. На долю мига потупившийся Аркадий, виноватый спаниель... и, кажется, можно было предположить... продолжить... *считать раны, товарищей считать.*

Впрочем, «гордая, азартная», она и секунды не сомневалась в возможности своего сокрушительного реванша, размазывания Кудрявцевой, раскаяния Аркадия... Как только, когда только и если только она захочет.

16. И грянул рэйв, московский рэйв

Под портретом преподобного Сайруса Меддока за сдвинутыми столами восседала привычная тройца, но, похоже, расколота на новом витке интриги. Вроде как Хизинг — против двух других. Измайлов опять принес свой графин, такой старорежимный, за ним, наверно, охотились бы реквизитчики «Мосфильма». Водружал его посередине стола, часто даже (как и в этот раз) не обеспечив комплектного стакана — только чтобы отзванивать по горлышку или стеклянной пробке, требуя тишины и внимания.

Скайп-миссионеры традиционно в первом ряду, почет, но и морока, не укрыться, когда гритти-часы затгиваются. А уж сегодня... Аркадий привычно сел одесную Сумароковой, далее Кудрявцева, Ламин, Гальцин.

«Стелл из Гарвардских» или «Стелл Бостонский» (это у них рядом)... прервал... нет, не тишину, а мушиное зудение зала:

— Дорогие собратья-миссионеры! Сегодняшнее собрание я начну с перечня переводов и истолкований имен врага рода человеческого. Хотя по своей работе, многие вы наверняка знаете, все же напомним. *Сатана* на хебру, иврите, означает: противник, враг, обвинитель *на суде*, — добавил Хизинг легким интонационным нажимом. — Далее. Вельзевул, Баал Зебул, Господин мух... ну это сейчас менее актуально. А, вот... Дьявол — от древнегреческого диаболос, клеветник!

В этих перечисленных смыслах, кроме вельзевула, и проявил себя один из наших сотрудников, собратьев, сообщив, что Вашенин был миссионером и прихожанином, практикующим членом ЦРС. С Иудой его сравнивать не буду, я же не Спаситель, но назову его — Сатана, то есть судебный обвинитель, и Дьявол — клеветник! Нанес нашей организации он вред, не меньший, чем Вашенин! И теперь я хочу донести до вас свою позицию и просьбу руководства ЦРС и Колл-центра подписать совместную опровергающую хартию...

Подъав над столом лист, как многие библейские персонажи поднимали над толпой свои свитки, а Моисей — каменные скрижали, правой рукой он, полуобернувшись к экрану, щелкал пультом, сдвигая вверх пункты солидарного заявления работников Колл-центра.

Смешки, и, как показалось Хизингу, довольно злобные, сбили его с любимого полубиблейского тона. Вопросительно, потом и вовсе растерянно, переводя взгляд с бунтующей паствы на Измайлова, прелат-директор продолжал обращение, повторив некоторые пункты во второй, даже и в третий раз. Ясно сформулированных возражений он так и не услышал, только гул, междометия, смех... все, что в сумме помечается театральной ремаркой: «*Глухой ропот народа*». Измайлов, сидевший одесную Хизинга, помочь пока не мог. Вскидываясь на поднимавших голос чуть выше, он гасил их сфокусированным грозным взглядом, но растущий общий гул — вне компетенции. Так садовник, отпустив зелень в рост, состригает лишь слишком вырвавшиеся ветки.

И второй чрезвычайный план был его авторства, Веденский и Хизинг понимали: сами ничего лучше не придумают. Первая измайловская версия теперь выворачивает

валась змеей: 1) Вашенин по-прежнему — НЕ прихожанин ЦРС; 2) но получается, Вашенин подсаживался в свободные миссионерские кабинки и вещал, отставив свои щетки, пылесосы, самолично и незаконно. Виновный персонально: Измайлов. Косвенно: Хизинг, Веденский. Все.

Совместную хартию для ЦРС прямо сейчас подпишут все сотрудники. Они же невиновны в допуске посторонних, уборщиц — к кабинкам, микрофонам...

Хитрость Измайлова в том, что теперь этот «вельзевул»-анонимщик не сможет держать ситуацию подвешенной. Вскроется сейчас, на подписании. Или (более вероятно) побоится, но тогда ему придется не позже дня-двух опять таки вскрываться. Отказываться от подписи, плакаться, что его заставили... И что в остатке? Одно показание против 42-х. И в любом случае — дело выясняется в течении дня-двух.

Конечно, ничего, кроме ухмылок и шиканья, новый змеиный изгиб версии вызвать не мог. «Повязать хотят такой чувшью!» Опять «Гул, глухой ропот народа».

Измайлов, который объективно принимал 99 % вины на себя (посторонний выходил в эфир), встал, вскинулся грубо, в стиле гоголевского городничего «Жаловаться, сукины дети?!». Но инстинкт, выдержка не подвели: «монолог городничего» прошел с выключенным звуком. Стоял, только обводя сообщество грозным взглядом.

А перейдя наконец к озвученной части, сам того не зная, он почти повторил прием знаменитой речи шекспировского Марка Антония, где тот вроде соглашался с убийцами Цезаря («...сказал так Брут, а он достойный человек»), а фактически обрушивал на них гору ненависти римлян...

Если решено отправить ЦРС такую версию, значит, ясно: другой там и не ждут, значит, проведена какая-то работа. Далее вопрос. Между любым из вас, проповедовавшим законно, и... кем-то усевшимся в кресло миссионера самозвано, будь он сам Иоанн Златоуст, в чем вообще разница?..

«В чем есть истина?» — прокомментировал неугомонный Аркадий.

— ...Будь он... Тем более он и не Златоуст, а всего лишь какой-то...

— Не надо-не надо! Понятно! — пискнул, сбивая грозную паузу Веденский.

— Вся разница — вот только в этих четырех бумагах: «Приказ», «Список», «График», «Контракт»... Подписаны нами тремя. На какой мы машине времени назад, на начало февраля слетали их подписать — наше дело. Все. Другой реальности просто нет, приходя сюда работать, вы принимаете это. И если кто-то взялся писать по воздуху что-то от себя... Пытаясь развалить Колл-центр... Что с такими работниками надо делать?

— Увольнять! Увольнять, как бешеных собак!

На этом змеином выраже колл-центровских «американских горок», между прочим, если и сдувалась чья-то харизма то Хизинга. Измайлов вполне адекватен, даже на высоте, выкладывая им в лицо. «Вы прекрасно понимаете. И я понимаю, что вы понимаете, но...»

А вот Хизинг — не экс-зэк, а гарвардец, тонкий литератор, знаток Чехова, Станиславского и сидит сейчас под портретом своего преподобного и, ласково улыбаясь, кивает этому апофеозу цинизма... Нет, Измайлов-то сам по себе хорош, но где же базовые ценности, различия? Принципы, на которых воспитывались поколения? Он-то ведь не в ГУЛАГе парился, а жил в США, и даже там, не в Алькатрасе каком-нибудь, а в Бостоне! В гарвардских аудиториях, помнивших еще Романа Якобсона, Баяру Арутюнову! Не парашу таскал — конспекты, книги... И теперь — в полный унисон с экс-зэком выдал такой цинизм в промышленных масштабах...

И тут Веденский определил: «Да, момент!» Ленинское ли «послезавтра — поздно» он вспоминал или все же нашел учителя поближе, за столиком справа. Вскрывать так вскрываться, Пасадена теперь тоже не сможет держать ситуацию подвешенной.

— ...И поскольку мы, собратья-миссионеры, прекрасно понимаем, что ответственность ляжет преимущественно на шефа-секьюрити, более справедливым да и более устойчивым положение станет, когда мы выразим и свое отношение. Или хотя бы просто дадим знать Конгрегационному совету, как мы дошли до такого кризиса. Я тоже заготовил проект письма, где объективно отразил известную всем вам ситуацию. Полтора года господин прелат-директор фактически устранился от руководства Колл-центром. Пишет свою книгу о Чехове и Станиславском, прекрасно. Мы все и я первый с удовольствием ее читаем. И... на сегодня должность прелат-директора превратилась... правильно — в синекуру. Но дело не только в сэлэри, бонусах, огромных командировочных и представительских расходах! Если помните, Церковь религиозного сознания при всей широте взглядов никогда не отказывалась от своего евангелического (протестантского) происхождения, являясь шестым отпочкованием от великой линии Мартина Лютера, если вторым считать отделение в конце XVI века пресвитерианства-кальвинизма. А вам, специалистам, надеюсь, не надо напоминать, с чего Мартин Лютер начал свою борьбу?

— 95 тезисов против продажи индульгенций? — Метрохин. Как всегда правильно, до банальности. И не по существу.

— М-м, да, правильно. Ну а следующий пункт его борьбы, кроме индульгенций? — И Веденский поспешил к резюме исторического экскурса сам. — Мартин Лютер выступил против продажи церковных должностей и... синекур!

— Вот как надо «шить политику»! — восхищенно протянул Гальцин.

В списке самых свежих прегрешений стояло и вмешательство в олимпийское движение, переговоры в Федерации спортивного барстепа, причем... с использованием миссионерок Колл-центра в качестве эскорт-девиц.

«Клас! Это он нашего чеховофила уже чисто папой Александром Шестым Борджиа выводит!» — перешептывались миссионеры. И как же они были близки к попаданию! Буквально на следующей странице обличительной хартии:

— Вложив пока неизвестные работникам Колл-центра, но очевидно очень значительные средства в проект ваятеля Георгия Дубинина, прелат-директор заказал ему целую галерею копий, подражаний знаменитым мировым скульптурам. Эти стилизации, представляя собой в том числе скульптурные портреты руководства и миссионеров, сделали Колл-центр похожим на Ватикан! С его музеями Пия-Клименты, Кьярамонти, Ватиканской пинакотекы и «Апартаментами Борджиа» (*Agal!*), где как раз и хранится скульптура Лаокоона, хлебная копия которой ныне «украшает» офис Московской ЦРС. Мартин Лютер и Кальвин перевернулись бы в гробу, узнай...

...и уважаемые миссионеры, я не хотел бы только вырывать ваши подписи, под этой хартией, видите, места достаточно, я специально предусмотрел, чтобы каждый мог выразить свое мнение, может, и несогласное с моим. В двух-трех предложениях, не более пяти строк — это чисто техническое ограничение, никто ведь не запрещает направлять в Пасадену и личные послания, проекты хоть на сто страниц.

«Разноголосица, эпистолярный гвалт, даже баланс фифти-фифти сильнее убедят Пасадену, что в Московской ЦРС бардак», — прикидывал Веденский.

17. И горестный мисандстендинг

«Дело-то все равно будет решать Пасадена, — думал и Стелл Хизинг, вглядываясь в лица миссионеров. — Но симпатии, простые человеческие симпатии, где они?! Неужели все на стороне этого Сатаны-Вельзевула-Клеветника?!»

Смешки в зале он истолковывал как поддержку обвинений Веденского, и это было большой его ошибкой. Жаль-жаль, ведь в трех его книгах столько внимания уделено «чеховскому юмору»! Как там написано, в самой недавней: *«Тонкий и печальный юмор Чехова, любого русского человека стал кодом, ключом осмысления окружающей современности».*

Так что же с «кодом юмора», в коем Хизинг — признанный эксперт? Или Чехов — не «русский человек», или за 120 лет русское чувство юмора так изменилось?

Нет, зря гарварец считал каждый смешок стрелой в себя, но... его речь с далекими литературными аллюзиями, ассоциациями невольно умножала рой жалящих смешков.

— ...По правде говоря, собратья, русские миссионеры, из вашей троицы Достоевский, Толстой, Чехов — первого я всегда побаивался, терпеть не мог его героев. Понимаю, рискованно анонсировать такое, ведь Достоевский же! Но я был уверен, моей искренней любви к двум другим русским гениям мне всегда хватит. К тому ж я подкреплял свою точку зрения Набоковым, тоже не терпевшим Достоевского, но это... ладно, не важно. Я сейчас другое... Я вас, сотрудников, единомышленников, добрых прихожан, всегда видел — как героев Чехова. Да-да, смотрел на ваши интеллигентные лица, думал: вот же Нина Заречная, барон Тузенбах, сестры Прозоровы... Маша, Ольга, Ирина... — показалось, бросил отдельный взгляд на Сумарокову, — вот Мисюсь, — почти явственный всхлип, но галерею любимых теней он не хотел закончить *так* и, собрав силы, продолжил: — Доктор Дымов... — Схватив вдруг «сигнальный» измайловский графин, он выдернул пробку, сделал пару глотков из горлышка, плеснул себе в ладонь, пошлепал по затылку.

Он вспоминал любимых персонажей с такими долгими укоряющими паузами, что Аркадий успел, опасливо поглядывая на Измайлова, отбить эсэмэску *«Сумарокова — Мисюсь! Щас от смеха обосс...!»* Но Лиза, всегда бравировавшая грубым юмором, резкостью манер, ответила не ожидаемым смайликом, «зачтено», а комбинацией двух значков «—>», которая у них считалась эквивалентом «фак!», в общем, неодобрения. Похоже, и их единое чувство юмора раскалывалось льдиной...

Теоретически, сидя рядом, они могли, дождавшись перевода грозного измайловского взора на другую цель, обменяться репликами и «вживую», но они были современными молодыми людьми, большая часть формата их общения вне зависимости от расстояния и не предполагала, даже исключала живую передачу. Например, «острота» Незванова требовала бы подбора каких-то соответствующих взгляда, мимики, тона, а каких именно, он определить бы не смог. Роботизированное будущее махало им ручкой на ближайшем изгибе трассы. Да и Колл-центр, бывший все рекорды по числу обслуженных клиентов, предоставленных консультаций благодаря компьютеризированной расписке потока звонков, удобной классификации всех деноминаций одной ногой стоял в этом будущем.

Прекрасный повод задуматься: так ли уж плох будет робот-архиепископ, усовершенствованное программное обеспечение, база данных по всем деноминациям Регистра Свенсона—Гелашвили—Цветанова, производительность 3600 благословений/час, отпевания, венчания в турборежиме, генератор проповедей на 30 языках, возможность адаптации в режиме реального времени к любым изменениям Догматов, Заповедей, Грехов, Таинств.... — примерно таковы были мрачные размышления Геры Ламина. Чуть наклонившись вперед и скосив взгляд, он видел Незванова и Сумарокову, ласкающих, царапающих экраны своих смартфонов, и даже как-то определил, что в это время они переписывались между собой.

А в президиуме продолжалась другая трагедия. Хизинг заканчивал долгую литературоцентричную аналогию:

— ...и я думал, ну какой Достоевский! Мы же тут все... чеховские учителя, земские врачи, у нас даже миссия схожа... А вы! Вы бесы, господа!

До сих пор прорывавшийся смешками и теперь заполыхавший с ряда на ряд хохот добил его. Он крепко прижал ладони к вискам, с удивлением, ужасом глядя на тех, кого считал собратьями по вере, коллегами по благородной миссии.

И... на свою беду, повторил упрек, и опять — незадача! — с интонацией киноартистки Елены Соловей: «Вы бесы, господа!»

Глубочайшее разочарование в жизни слависта, носителя благородной Миссии — этот дьявольский хохот прямо в лицо...

Но и после всех речей, инвектив и аллюзий от Мартина Лютера до Антона Чехова надо было переходить к делу...

Хартию в Пасадену (общий смысл: «Вашенин — уборщик, самозванец. Измайлов недоглядел») подписать намеревались все. Второй документ («Хизинг — сибарит и растратчик, бросивший дела Колл-центра, двурушник») вызвал бурные споры.

«Недоглядевший» Измайлов не забыл вчера предупредить: «На грилли-час завтра все с паспортами!» — и пригласить нотариуса. Женщина, вооруженная печатями, папками, за отдельным столиком на линии президиума, но в самом углу сидела, ожидая своего часа, изумленно оглядывая миссионеров, малопонятно кричавших о непонятном.

«Бесы», они же миссионерский офисный планктон, в рядах и широком проходе перед столами президиума образовали мощное общественное движение, становившееся с каждой минутой по своему социальному характеру все более и более броуновским. Крики «Ой, а это же не тот листок! Ой, я ошиблась! Ой, Гальцин напротив моей фамилии уже написал!» Секретарша Клава, та, что дублирует компьютерный коммутатор для клиентов, не имеющих тонального режима, бегала в приемную распечатывать новые копии... Что ж, самая подлинная, *неуправляемая* демократия, она и должна напоминать птичий базар.

Сумарокову очень тяготило собственное присутствие, хотя и не поименованное, но очевидное, в кляузе Веденского: «миссионерка в качестве эскорт-девицы». Но еще более напрягала несуразица. Ей очень жаль было Хизинга, прямо на глазах терявшего веру в людей. Во всяком случае, в ту часть человечества, что окружала его последние годы. Хотелось подняться, объяснить или даже сделать пять-шесть шагов к президиуму, потрепать поникшую голову, объявить, оборотившись к залу: «Стелл! Коллеги хохотали вовсе не над вами, а больше над собой. Правда?.. Просто много чего и очень сильно изменилось с чеховских времен, и чувство юмора тоже!»

По репликам, по вписываемым в хартию разрешенным Веденским пятистрочиям, она видела: большая часть, может половина миссионеров, хотели бы как-то защитить своего «сибарита чехофила», но не знали, как это сделать. И от этого только сильнее шикали, усмехались, переругивались меж собой, а Хизингу казалось: все это против него, что накопившаяся непонятно где и как неприязнь, ненависть вырвались и заливают зал...

«Ага, вот сейчас — нет, а сейчас точно, откроется дверь, — прикидывала Сумарокова, — и легкими шагами войдет Серафима, остановится у стола президиума, там, куда я хотела взойти, обернется, и... как это... распротет тонкие всесильные руки и воцарит здесь мир, справедливость и всякую Теодицею...»

О, это было бы таким самоповтором, уже просто штампом — бедная выручалочка Серафима! Но как я была бы рада, и Хизинг утешен, и все спасены и ликование в вышних... (И отрет всякую слезу, как тогда в моем скайп-кабинете или недавно на допросе у Веденского...) Долгие сеансы зачитывания библейских и околобиблейских текстов отпечатывались в мозгу миссионеров, формировали обороты, ритмизировали речь. Недавно Лиза слышала, как Ламин, поставив на никелированные рельсы поднос, сделал столовским раздатчицам заказ в тоне пророка Иеремии.

Перепортив замечаниями с десяток копий веденской хартии, решили голосованием принять единое заявление. Объединить свои пятистрочия в один лист, что пойдет неотъемлемым приложением к подписываемому письму.

А Серафима с привычной ангельской миссией все не являлась. И приглядевшись получше к гранитной мимике, спокойной жестикуляции Измайлова, Сумарокова поняла, отчего он так великолепен сегодня. Оставил Серафиму дома, взял с нее слово не являться, может, даже запер на ключ... Собрание приняло процедурное решение — странное, громоздкое, но не привыкать. Со своими записками сотрудники подходят к столу президиума. Кладут бумажки на стекло проектора, строки высвечиваются на экране, наверно, это было надежней, чем зачитывание вслух в атмосфере демократии, приближавшейся к своему идеалу — птичьему базару. Голосованием принимают/отвергают это добавление. В случае принятия секретарша Клава сразу вбивает в файл «Письмо в Пасадену».

Абсолютным большинством приняли «поправку Георгия Гальцина: в свете решения экуменических Соборов сотрудники Колл-центра считают абсолютно неправомерным обвинять прелат-директора в „ватиканском двурушничестве“, оставляя это как личное мнение супервайзера». Благодарная, совсем неамериканская улыбка по-новому высветила лицо Хизинга.

Следующей со своей запиской поднялась Сумарокова, и по одному мрачному блеску серых глаз, взмахам агатовой челки над осунувшимся лицом Виденский почти угадал содержание и обернулся к экрану скорее машинально: «Лев Фомищ! Хрен тебе, а не Ханты-Мансийск!» М-м, даже почерки чем-то похожи.

После секундного оцепенения Виденский поднялся к Сумароковой угрожающе, но та, все еще стоявшая у проектора, вдруг выбросила вперед руку, как в фехтовальном ремизе. Или, может, по-балетному, во всяком случае ударить его не собиралась, между ее пальцами и шеей супервайзера оставалось сантиметров 30. Но... Виденский вдруг схватился за горло, встречно протянул руку, скорее укоряюще-жалобно, и... зашелся кашлем.

Сумарокова пошла к выходу. Гера Ламин поднялся вслед.

18. После всего

Бунт Колл-центра оказался русским — наполовину. Не беспощадным, но абсолютно бессмысленным. Стелла Хизинга и так отзывали домой разгневанная жена и ее обеспокоенная подруга Виола, жена преподобного Меддока. Виденскому, вновь тяжело закашлявшему, доверили исполнять обязанности прелат-директора, усыхавшие по причинам, уже вовсе ни от кого из действующих лиц не зависевшим, абсолютно глобальным. Финансовые сложности. Как упоминалось, ЦРС традиционно вкладывался в морской транспорт, терминалы, инфраструктуру портов, возможно, из-за стивидорингского прошлого отца-основателя Джекоба Меддока. А на главном мировом маршруте АТЭС («азиатские тигры») — Европа в связи с глобальным потеплением значительная часть объемов перевозок перешла на в два раза более короткий Северный морской путь. В связи с чем несколько больших портфелей акций ЦРС скукожились до размеров барсеток, а то и вовсе дамских атральных сумочек. Плюс на второй срок не сумел переизбраться прихожанин ЦРС, президент США... этот, ну как его... в общем, тот, элегантно засветившийся в новостях CNN на фоне мерцавших серых глаз, остро вздымавшихся грудок миссионера Сумароковой.

Книга Хизинга о расходящихся кругах/лучах чеховского таланта, в основном о династии нынешних московских Книпперов, имела некоторый успех. Его жена Барбара по-прежнему играет в бридж с Виолой, женой преподобного Сайруса Меддока.

Автора «Мякиш»-галереи и сами скульптуры (но не все!) Хизинг вывез в Калифорнию, помогает по мере возможности «параноидальной мегаломании скульптора Дубинина» (из статьи в «СМ»). Специальные покрытия делают его хлебный мякиш настолько устойчивым, что речь заходила даже о городской монументалистике. «Мякиш-анджело» (кличка от Незванова), «но не без церетели», замахнулся на копию статуи Свободы в одну, точно неизвестно — какую натуральной величины. Нескольких пиар-ходов Хизинга признаны вполне удачными:

1) Статуя (американской) Свободы из тюремного (русского) материала.

2) Слоган для кампании борьбы с ожирением в США: «Оплати любое хлебобулочное изделие с пометкой: *Свободу (Статую) — Дубинину*. Деньги пойдут ему на мякиш, сбереженные калории — вам на здоровье!»

Так что пока Хизинг собирает деньги, решая, в одну какую натуральной величины лепить Свободу. И заботит его только состояние компаньона — скульптора Георгия Дубинина, ставшего все чаще и тяжелее задумываться — из-за одного случая, маленького приключения в таможенном закутке аэропорта Шереметьево. Когда они наблюдали за погрузкой коллекции в транспортник, а Хизинг с пограничником сверяли пункты описи, вдруг прилетела какая-то очкастая тетка из Министерства культуры и, подняв листок с печатью, объявила, что две работы скульптора Дубинина: «Мыслитель», слепленный с Измайлова, и «Лаокоон с сыном» — в списке культурных ценностей еще с ноября прошлого года. Попытка их вывоза за пределы РФ — нарушение закона от такого такого-то «О вывозе и ввозе культурных ценностей». И возмущенно добавляла от себя: «Безответственность перед соотечественниками».

Дубинин к собственной жизни относился... без торжественности, из-за чего когда-то легко и кивнул друзьям, попросившим сделать, кроме посмертной маски богатого композитора, еще и слепки ключей. К цепочке лет не прикладывал шкалу «карьера», момент включения своих работ в столь важный список тоже не отследил.

Тогда пришлось уступить внезапной тетке с минкультовским списком. Искренность ее возмущения, ее «искусство принадлежит народу»... И то, что, как на Хизинга, она кричала и на Дубинина, вроде же автора! — глубоко кольнуло легкого по жизни ваятеля. Как ушедшие дети, его работы живут где-то своей жизнью, попадают в какие-то списки, оставляя «отца» наедине с... И дело не в двух непропущенных рьяной очкастой защитницей «искусства для народа» скульптурах (все равно через два месяца их в подвале какого-то подмосковного музея крысы съели начисто) — тут вспомнились и разговоры с натурщиками. Замученный миссионер Ламин с этой своей... теодицеей. Дубинину запомнилось только слово и обрывок общего смысла, что-то вроде: необходимость оправдания. Кого-чего? Оправдываться необходимо будет всем. Раньше для Дубинина, что «*Искусство принадлежит...*», что «*На свободу с чистой совестью*», были просто — линиялые транспаранты на зданиях, оградах. А теперь, выходило, есть и еще какая-то ответственность, поверх административной и уголовной. И ему тоже надо будет оправдываться — отсюда и задумчивость Хизингова компаньона.

Аркадий Незванов женился на Кудрявцевой, в этом году ждет ребенка от Светланы и приглашения в банковские компаньоны от ее отца.

При общем пересыхании «финансового подсоса» Колл-центр втрое сократил штаты, сместился в сторону молодежной проповеди и вещания, эдакий Кока-Колл-центр.

Ведь ЦРС и раньше, и, собственно, всегда вел такую линию, что, например, Десять заповедей — просто хорошие, всеприменимые, разумные *советы*.

Вложения в радиостанцию, выкуп частоты в ФМ-диапазоне были сделаны еще при Хизинге, так что оставалось лишь закрепить тенденцию, в связи с чем принятие в штат миссионеров бывшего уборщика Гены Кортеса стало взаимоприятным, взаимопользным событием.

Елизавета Сумарокова и правда чуть было не вышла за Геру Ламину (понятно, какая тогда была волна потрясений, ожиданий), но потом все же ушла в «литературные тренеры» Анны Лейх. Практически все время живет у них во дворце на Новорижском шоссе, куда они когда-то возили купленные диваны. Успех книги «Кузина моя жизнь» был умеренный. Запомнились вещи привходящие: муж-олигарх, экстравагантная Презентация. Конечно, незаурядная внешность авторши и, наконец, сама «центонная» идея: *«рвать (с любовью) Пастернака (стихи) — на клочки и шить из них костюм на маскарад XXI века»* (из рецензии того бородача, что сидел с Веденским). Теперь все ждут: окажется ли шуткой/глумлением, эстетической провокацией заявленное когда-то ее подругой Елизаветой Сумароковой намерение писать роман «Доктор Лямбаго»... Что-ж, в любом случае этим двоим есть в чем заявиться на «маскарад XXI века».

Девочка из приюта, названная в честь великих мучений и усилий Геры Ламина — Теодицея, подросла, и он, «не разбиравшийся в грудничках», и вообще все разглядели: выглядело это «Оправдание Бога» просто очаровательно. Каштановые кудри, большие темно-карие глаза, резко вскинутые, заломленные брови (возможно, полутатарочка).

Веденский был прав: после рассказа в колл-центровской передаче желающих удочерить Теодицею было немало. Но Московское отделение ЦРС на правах опекуна устроило такой строгий отбор, соревнование семей-кандидатов, что все мероприятие стало чем-то смахивать на аукцион, и Теодицея оставалась в приюте. Вообще, странная, немного непонятная не только Веденскому, даже самому Сайрусу Меддоку тенденция: многие вполне духовные инициативы ЦРС почему-то вдруг неуловимо начинали напоминать финансовые трансакции. Вот и с удочерением девочки Теодицеи: ясно же, что хотели как лучше.

А Измайлова и Серафиму я, повествователь, почти случайно увидел в Севастополе, на круизном корабле «Николай Гоголь». Пара мне показалась столь романтической, столь вызывающе красивой, что я сделал несколько осторожных снимков издали. Глянул на экран планшета и первый раз убедился в бессилии фотографии как таковой. В кадре запечатлены, и даже с достаточной резкостью, не размыты: танцующие на баке (нос корабля) высокий, атлетического вида мужчина и женщина, тоже выше среднего роста, но худощавая. Оба немолодые, два оттенка седины, две карты морщинок, как разные полушария школьной карты. Но глаза, янтарные и сероватые, блестят, посылая друг другу лучи, словно морские проектористы сигналият. Метрах в пяти — какой-то ребенок, неуверенно переставлявший тугие ножки. И все — прочие круизные пассажиры перегнулись через леера, следят за парой дельфинов. Небо без облачка, полированные детали корабля играют в зайчики, вдали военный корабль, крейсер, с оркестром (все в белом) на борту. Фото я пробовал усилить видеозаписью: добавились крики полного восторга перед парой дельфинов, обрывки военного марша с крейсера. Красиво, да. Но насколько это вызывающе красиво, весь богатый смысл картины... выложи фото-видео хоть во все соцсети — буду знать только я. Особый смысл кадра: танцующая немолодая пара на фоне крейсера, дельфинов, оркестра был понятен только мне, знавшему их историю, приключение.

Именно желание дополнить «фон» этой картинки и побудило меня рассказать о прошлых событиях, и вообще: о Московском Колл-центре ЦРС, миссионерах...

Сразу (в эпилоге — ха-ха!) представляюсь: человек я абсолютно несентиментальный, неромантический. Я вообще — программист, работавший в том Колл-центре. Характер заданий требовал посещений раз в неделю, таких фирм у меня было еще две, на жизнь хватало. И в дни визитов я, как и многие, не отказывал себе в удо-

вольствии пройтись с ними в столовую, словить «измайлики». Любовался издали Сумароковой, дивился Серафиме, общался с Аркадием Незвановым, Геной Кортесом, но больше с Герой Ламиным.

Он-то мне и рассказал, что его тетка с Измайловым будут в Севастополе, а ... июля планируют сесть на круизный теплоход, проехать вдоль Крыма до Сочи. Оказавшись в Севастополе вынужденно свободным, имея в Сочи пару адресов, я и решил проехаться тем же рейсом. Попадусь на глаза Измайлову — передам привет от Геры. Не выкинет же он меня за борт. При всей приобретенной настороженной внимательности сейчас его морда («ножи точить можно» — Е. Сумарокова) просто светилась счастьем. Может, даже угостит... чем-нибудь массандровским, не откажусь.

Так, отчасти случайный попутчик, отчасти шпион, я и наблюдал за ними. Страшно хотелось сбегать в буфет, взять еще бокал, но боялся «потерять момент», недолюбоваться финалом, развязкой истории, мне столь знакомой.

Из Колл-центра они уволились в один день, следующий за тем, когда был долгий кошмарный гритти-час, когда Хизинг: «*Вы бесы, господа*», а Веденский снова начал кашлять... и т. д.

А вот почему они ушли так сразу? Как, на что дальше планировали дальше жить — тут-то и открылся виток по-своему оригинальной интриги Веденского. Это он, используя втемную Измайлова, сумел надавить на галериста Марка Эльчина, эксперта Герарда Брунина, убедивших Серафиму Калугину, что подарок когда-то исцеленного банкира Манского, картина Айвазовского «Феодосийский залив после бури» (1859) — подделка. Денег у нее почти не оставалось, что и вынудило принять приглашение на работу. А потом и исцелить Веденского, но это уж — по прихоти («как сердцу девы нет закона»).

Измайлов хотел «слегка отрихтовать» морду супервайзера, но Серафима решительно запретила. Во-первых, никакого убытка в ходе этой странной интриги она не понесла: картина так в квартире и висела. Ее они через несколько месяцев и продали. Айвазовский, подлинный подлинник, что-то около 37 миллионов рублей... На эти-то деньги они летом и полетели в свадебное путешествие в Крым, а через день планировали увидеть и Феодосийский залив вживую, «после (московской) бури».

Во-вторых, а для нее — во-первых, она объяснила Измайлову, что не понесла и морального убытка, ибо с того момента, как «эксперты» объявили «подделка», и до финального выяснения она *ни доли секунды* не думала, что ее мог обмануть покойный Манский. Была уверена: просто обманули его.

— И дальше смотри, громила, сколько всего произошло... мы с тобой познакомились. — И Веденский был прощен.

Тогда, фотографируя их на носу корабля и все-таки пока скрываясь, я понимал, что этот вид, снимок — подарок и мне, почти причастному, во всяком случае снабженному «инсайдерской информацией» от Геры Ламина... И все старался разгадать красоту момента. Может, дело в море, кораблях? Изумительный фон? Ведь все корабли, мое глубокое убеждение, всегда очень красивы. И нынешние стальные, и древние. Сколачивая их на земле, отправляя в новую часть Космоса (для жителя суши из трех стихий две, небеса и море, были равно незнакомы) греки старались сделать их красивыми. Может, надеясь, что красота защитит, как-то оправдает вторжение в чужую стихию — рисовали те громадные глаза с ресницами на носах своих триер...

Да, это единственная претензия вашего повествователя: программист, но любит почитать классических авторов. Я и красивую финальную картинку пытался раскодировать с помощью... Геродота. Потому далее вставляю цитату из начала его «Истории». А если учесть, что он — первый, «отец Истории», цитатка выходит — из начала Истории вообще:

— По словам сведущих людей, виновниками раздоров между эллинами и варварами были финикияне. Когда они прибыли в Аргос, выставив товар на продажу, по знаку набросились на женщин, захватив царскую дочь Ио, отплыли в Египет. Затем эллины похитили в Тире финикийском Европу. Этим они только отплатили финикиянам...

Потом эллины все-таки вновь нанесли обиду варварам: похитили в Колхиде Медею. В следующем поколении Александр Парис, сын Приама, добыл себе женщину из Эллады (*Елену, начало Троянской войны — примечание повествователя*). Он был уверен, что не понесет наказания, так как и эллины тогда с Медеей ничем не заплатились... Похищение женщин — дело несправедное, но мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели...

В общем, и мне «громила» Измайлов показался, извините, ну, немножко... из тех героев, увозивший свою Елену, Медею на корабле.

Да... еще же дельфины! Были участниками роскошной сцены: их парочка притянула всех пассажиров к борту, очистив площадку для экспромтного танца, порыва Измайлова и Серафимы. Дельфины ведь тоже... о, тут можно говорить не меньше, чем о кораблях! Игривая пара решила подразнить наш корабль «догонялками», шла параллельно, ныряя и вновь взлетая, напоминая ныряние иголки с белой ниткой на голубой джинсовке севастопольской бухты.

А тут еще на проходящем по другому борту крейсере ударил оркестр (июль, кажется, День флота), тогда-то Измайлов и показал Серафиме, что можно танцевать и под военный марш. Так они кружились, медленно, оставшись на носовой палубе вдвоем. Нет, еще же в десяти шагах был тот ребенок, неуверенно ступавшая темноволосая девочка, но все прочие точно прилипли к левому борту, где пара дельфинов прошивала двойным швом севастопольскую бухту...

Вдруг сойдя с орбиты танцевального кружения, женщина подала какой-то знак мужчине, обернулась и позвала девочку: «Теоди-це-я!»

Марина РИНЕЙСКАЯ

В ПЛЕНУ СВОИХ МАНИЙ...

Рассказ

Был пасмурный сентябрьский день. Рита проснулась с трудом, но, вспомнив о предстоящем педсовете, сразу взбодрилась. Вытащила руки из-под одеяла, подняла их вверх и потрясла кистями. Ее научил этому старый приятель, объяснив, что так сосуды насыщаются кислородом. Быстро встала, предчувствие активного дня ее будоражило, тем более что к этому дню она готовилась давно.

— Скорей, скорей... Съешь йогурт и выпей чаю, этого достаточно. Помнишь, кто-то писал, что Маргарет Тэтчер перед важными встречами по утрам принимала только таблетку аскорбиновой кислоты, — крутилось в голове Риты, и, резко открыв холодильник, она достала оттуда баночку с йогуртом.

Мысли о педсовете возникали, переплетались и незаметно ускользали. Охватившее Риту волнение еще больше ускоряло набранный темп.

— Хорошо, что я не замужем, а то бы мне сегодня, в таком смятении, быстро не собраться. Пришлось бы с утра: подай, разогрей, помой. А потом еще — то душ занят, то туалет.

В этот момент звонок мобильного телефона прервал ее размышления.

— Ритка, привет, это я. Не узнаешь? Это я...

— Кто, я? — с недоумением произнесла Рита и тут же воскликнула: — Витька, это ты? Неужели ты? Откуда?

— Приехал... Узнала, хоть и не сразу... А я бы тебя узнал моментально, хоть через сто лет. Ведь у тебя незабываемый голос ...

— Да, уж конечно, — слегка кокетничая, нараспев произнесла Рита, — Витька, я рада, очень рада тебя слышать. Расскажи, откуда ты явился, надолго ли, да и вообще...

— Ритусь, — прервал он ее вопросы. — Знаешь, я бы очень хотел тебя увидеть. Ведь мы не виделись сколько? Наверно, лет пятнадцать, — задал он себе скорый вопрос, на который тут же ответил.

— Да-да, именно так... Витюш, слушай! Давай завтра встретимся. Сможешь мне позвонить? Ну, хотя бы днем, часа в четыре.

— Конечно, Ритусь, буду о тебе все время думать, — прокричал он радостно в трубку.

Неведомое пространство, втянувшее Риту в неожиданный разговор, сохраняло свою напряженность. И выпав из утренней суеты, она медленно опустилась в кресло, откинулась и закрыла глаза, но, тут же спохватившись, подумала: «Нет, воспоминания потом, только не сейчас, потом...»

Марина Валентиновна Ринейская (Сенцова) родилась в городе Бобруйске Белорусской ССР. Окончила юридический факультет Воронежского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового права ВГУ. Публиковала рассказы в журналах «Подъем» (2015, № 7; 2008, № 6), «Step by step» и других периодических изданиях. Живет в г. Воронеже.

Через пять минут она уже сидела за рулем своего автомобиля и ехала в гимназию с историко-литературным уклоном, где начала работать почти двадцать лет назад, сразу после окончания университета. Сначала — учителем русского языка и литературы, а теперь еще и завучем.

Ее маленький «кроссовер» был уже не новый, но Рита не торопилась его менять. Часто, подойдя к автомобилю, она ласково с ним здоровалась и как бы невзначай, чтобы никто не заметил ее сентиментальности, легко проводила ладонью по блестящему капоту. Машину Рита научилась водить поздно, когда ей уже было под сорок, но сразу поняла, что машина — это совсем другая жизнь. Машина — это мобильность, а значит — молодость, Машина — это жизнь в ногу со временем. А жить в ногу со временем надо, иначе твой внутренний ритм не будет совпадать с ритмом времени, и ты этому времени будешь все меньше и меньше нужен. «Значит, — считала Рита, — в двадцать первый век надо войти, то есть научиться пользоваться всем тем, что этот век требует». По этой же причине она себя долго заставляла, но все же заставила забыть блокноты и всякие подручные листы для записей, которыми всегда пользовалась на разных заседаниях и дома. Теперь Рита все записывала в iPad, к которому уже привыкла и который все время носила с собой.

Работу Рита любила. Здесь у нее все получалось, коллеги уважали, а главное — работа была местом ее творческой силы. Когда только начинала работать, она решила хорошо изучить ученика, так как понимала, что он ее должен слушать и ей доверять. Ей нравилось изучать его сленг, узнавать его интересы и ценности, а потом рассказывать ему о Евгении Онегине или Хлестакове, вводя литературный образ в контекст ценностей и языка современника. Ее радовало, когда ученик, рассказывая о Евгении Онегине языком Пушкина, вдруг добавлял, что сегодня героя романа в стихах назвали бы «крутым парнишкой».

— Кто с этим согласен? — спрашивала Рита, обращаясь к классу.

Гимназисты тянули руки, разгорался спор. Но главное, каждый доказывал свою позицию, цитируя Пушкина. Получалось ярко и неожиданно. Так, незаметно для нее самой, просто по ходу урока, рождались Ритины педагогические методики.

Талант Риты заметили и назначили завучем. Здесь-то все и началось. Ей показалось, что какая-то давно сдерживаемая пружина начала внутри раскручиваться, и большие белые крылья поднимают ее вверх. И окрыленная, она решила реализовать в гимназии свою давнюю мечту: соединить преподавание истории и литературы. Эта мечта родилась в юности, когда она, будучи очень начитанной и влюбленной в русскую литературу, видела всю историю России как будто в картинках, где на фоне исторических событий литературные образы откуда-то медленно выплывали, останавливались перед глазами, а потом, как в дымке, уходили.

Рита взялась разрабатывать методики. Ей казалось, что все этого хотят, будут этому рады и все получится сразу. Но как всегда, у новаций оказались противники. И причина этого не в том, что идея плоха. К удивлению Риты, не все коллеги были так одержимы работой, как она. Были такие, кто не хотел что-то менять, усложнять налаженный ход работы, да и вообще ломать свою структуру жизни, где профессиональным делам отводилось четко заданное время без права его увеличения за счет времени личной жизни. А кроме того, Рита впервые узнала, что у любых идей есть просто оппоненты, так сказать, оппоненты по определению.

Вот и сегодня ее очередная новация, давно согласованная и обсужденная на всех уровнях, могла воплотиться в жизнь. Но Рита имела опыт и поэтому, глядя на дорогу через лобовое стекло, все повторяла и повторяла доводы, которые должны были убедить оппонентов, слышала их вопросы и мысленно на них отвечала. «Не навязчиво, не-на-вяз-чи-во, — повторяла она шепотом, медленно въезжая задним ходом на парковку у гимназии. — А то моя речь вызовет сопротивление».

Быстро взбежала по высоким ступенькам крыльца в свой кабинет, сняла плащ и, взглянув в зеркало, радостно улыбнулась самой себе. В этот момент Рита почувствовала в себе ту силу, которая иногда посещала ее в решающие минуты и придавала ей энергии и уверенности. «Все будет хорошо», — кокетливо сказала она себе, не отрывая взгляда от зеркала. Взяла портфель, положила в него подготовленные еще с вечера документы и направилась на педсовет...

«Замечательные дни бывают! Все получилось. Даже Степанов, этот яркий ненавистник всего нового, не проронил ни слова, улыбался и голосовал. А с утра — Витька. Прорвался, как луч света из заоблачного прошлого. А ведь я могла выйти за него замуж! Хм... А может, это еще не конец?..» — размышляла Рита, стоя перед зеркалом в ванной и накладывая мягкими движениями ночной крем на лицо.

Потом она легла и закрыла глаза. Перед ее внутренним взором всплывали, как на картинках: филфак, Витька, вечно ждущий ее, постоянно опаздывающую на первую пару, литературные споры, безденежье и... книги, книги, книги. Витька был библиофилом, все знал о книгах и обожал Риту. Книги он где-то выискивал, покупал, менял. А еще Витька чуть ли не каждый день бегал на стадионе, а иногда, когда не было времени, — на улице, вокруг дома. По этому поводу Рита над ним подшучивала, но Витька был непоколебим. Она догадывалась, что своей беготней он стремился избежать частых болезней, которые его постоянно посещали: то грипп, то простуда, то какая-то инфекция... А после болезни Витька приходил в университет, садился рядом с Ритой и заглядывал ей в глаза. Рита знала, что он ее ревнует, но виду не показывала. Витька тоже не сознавался, но ему казалось, что во время его болезней место рядом с Ритой может кто-то занять. И он пытался все понять по ее глазам. Так себя успокаивал.

Они встретились в кафе. Подходя к условленному месту, Рита узнала Виктора еще издали. Такой же, как и прежде, стройный, без какого-либо намека на живот.

«Видимо, все бегаешь, как и раньше», — отметила про себя Рита. А когда поравнялись, она почувствовала, что по коже пошли мурашки. Витька был все тот же: его внимательный взгляд быстро скользнул по ее неярко накрашенным губам, слегка подведенным глазам и рыжим с солнечным отливом волосам. Он был рад, очень рад ее видеть, она это чувствовала, но спокойно, не выдавая волнения, улыбался и молчал. Все было почти как прежде, когда он поджидал ее каждый день на крыльце филфака и радовался ее появлению.

«Боже мой, боже мой, — мелькнуло в голове Риты, — ведь это Витька, такой родной и близкий, который когда-то, сам себе не признаваясь в том, меня застенчиво любил».

Ее смущали только лысина, слегка блестящая на его затылке, да какие-то мешковатые, явно не по размеру брюки. А когда они вошли в кафе и стали располагаться за столиком, взгляд Риты упал на его черные кожаные туфли. В них как будто «влепились» ступни, очертив по верху обуви свою форму и подчеркнув пустоты носка складками.

— Ритусь, ты стала еще лучше. Настоящая классическая дама. Я восхищен! — сидя за столиком и пристально рассматривая Риту, произнес Виктор.

— А ты! Завидно стройный. Я тебя сразу, еще издали, узнала по фигуре. Наверно, как и раньше, все бегаешь от инфаркта?

— Ну, не от инфаркта... Но бегаю, конечно. «Форма», Ритусь, — это прежде всего. Без «формы» я погибаю. Ты не поверишь, но три месяца назад, когда я приехал, мой вес превышал стандартный на пятнадцать кило. Я сразу взялся за себя, и вот — результат налицо, — ответил Виктор, заметно оживившись. — Ритусь, ну расскажи о себе. Где ты? Что делаешь? Есть ли дети? А муж все тот же?

Разговор перебил официант. Рита взяла меню, бессмысленно полистала и положила на столик.

— Знаешь, замужество не удалось. Развелась. Вот уже семь лет как одна. А работаю в гимназии с историко-литературным уклоном, дослужилась до завуча. Детей нет, не получилось. Радуюсь тому, что есть: в основном — работе, а еще — хорошей книге, цветочкам на даче... Мама рядом... Заботы... Ну что? Давай что-нибудь закажем, — поспешно перевела разговор Рита и тут же подумала, что Витька «не руководит ситуацией», а чувствует себя как гость.

— Смотри, кажется, дождик пошел, — не откликнувшись на ее предложение, заметил Виктор. — А зонтик у тебя есть? Мне кажется, ты очень легко одета, не простыла бы...

Рита повернулась и увидела, что окно кафе, завешенное изящными кремовыми шторками, заливают тонкие струйки воды. На улице стемнело. В кафе включили приглушенный свет, и Рита заметила, что атмосфера вокруг изменилась. Стало как-то интимно и уютно.

— Витюш, я на машине. Не волнуйся, не простыну. Да и тебя довезу до дома.

— Ох, ох... Ты на машине, — замедленно произнес он. — Значит, мечта сбылась. Ведь ты еще тогда мечтала о машине и обязательно хотела водить.

— Вить! Мечта сбылась, но не это главное. Я все время здесь, никуда не уезжала. А вот ты-то где? Оказывается, уже три месяца в городе, а все скрываешься?

Принесли чай с чабрецом и вишневый штрудель. Виктор медленно разлил чай из чайника в чашки, Ритину и свою, и, выпив глоток, произнес: — Ритусь, я возвратился домой. Здесь у меня мама, уже старенькая. Ей нужен уход, а дать его, кроме меня, некому. А не показывался потому, что устраивался на работу, водил маму по врачам, боролся с лишним весом... В общем, куча проблем.

— Так ты откуда приехал? И что, с семьей?

На лице Виктора появилось некое подобие улыбки.

— Семья не получилась. Есть сын. Остался с матерью там, в Сибири.

— Так ты что, развелся?

— Нет еще. Но разведусь, теперь обязательно, — ответил он быстро. — Я только сейчас понял, что, приехав сюда, я «успел на последний поезд».

— «На последний поезд»... Что это значит? Ну расскажи, расскажи, если можешь, — стала допытываться Рита.

— Я тебе расскажу. Ты ведь многого не знаешь. Но в те студенческие годы ты меня понимала, и я тебя тоже. Я тебя часто вспоминал, Ритусь, очень часто... — сказал он тихо. — Понимаешь, после окончания университета я как-то растерялся. Помнишь, перестройка... никто никому не нужен, а филологи — подавно. Тебя я потерял... ты же как раз тогда на пятом курсе замуж вышла? Да, да, конечно, — проговорил он скороговоркой, — я понимаю, что тогда был не готов тебе что-то предложить... Ну, в общем, после университета я был растерян и не знал, что делать. — продолжал Виктор. — В школу работать не пошел. Не любил я школу, да и в те перестроечные годы там совсем мало платили. А я жил с мамой, ты же знаешь, книги собирал... Вот я и решил изменить профиль. Пошел работать в охрану. Тогда на это был спрос, ну и зарплата нормальная. Дослужился до начальника охранной службы предприятия. И тут мне встретилась Таня. Худенькая, улыбчивая девушка из Сибири. Мать у нее умерла при родах, отец — позже, когда Таня училась в школе. Она жила с тетей, которая ее забрала к себе после смерти отца. Меня захватила страсть, обычная мужская страсть, и я решил, что это любовь.

— Господи, Виктор, так ты что же, задержался в мужском развитии? Неужели правда? — с легким смешком и улыбкой спросила Рита.

— Да, Ритка, к сожалению, так и было. Ведь ты помнишь, какой я был. Я же все книжки собирал, читал их запоем, любил спорить, обсуждать, познавать. Так и засиделся «в девках». Так вот, потом мы с Таней поженились и уехали в Сибирь, на ее родину. Там у нее остался родительский дом. Поначалу жили как будто хорошо. Работали: я — в охране, а Таня — в бухгалтерии. Все необходимое было, хотя, конечно, зарплаты были маленькие. На жизнь хватало, но по минимуму. Потом сын родился. Таня оказалась очень домовитой. Все умела, все предусматривала, все у нее получалось. Вставала рано, в доме всегда было убрано, все постирано, поглажено, обед — на плите. Да и настроение у нее всегда было хорошее. В общем, домашний рай. Но постепенно в этом раю я стал как-то закисать. Понимаешь, я заметил, что жена моя, при всех ее женских достоинствах, не имела к этой жизни никаких вопросов. А поэтому не искала и ответов. Мы с ней как-то сидели на диване в обнимку и внимательно смотрели по телевизору фильм Андрея Тарковского «Зеркало». Ты ведь помнишь этот фильм? А помнишь, как жарко мы обсуждали всей нашей компанией фильмы Тарковского: «Андрей Рублев». «Зеркало», «Сталкер»... И как потрясающе Сашка Гревцов читал стихи Арсения Тарковского? — неожиданно перешел на воспоминания Виктор.

— Ну конечно, конечно, Витюша, все помню. А ты знаешь, что Сашка в девятые уехал в Штаты, живет где-то в Нью-Йорке и работает в эмигрантском журнале, а в свободное время укладывает тротуарную плитку по заказу.

— Нет, не знал, надо же, — удивился Виктор и хотел что-то спросить, но Рита прервала его, напомнив: — Витюш, мы отвлеклись, ну продолжай, продолжай, очень интересно.

— Ну да, да, — запнулся Виктор, — Так вот..., фильм закончился, и я спросил Таню: «Что ты думаешь об этом фильме, о чем он?» Встав с дивана и слегка зевнув, она с улыбкой ответила: «Я не думала об этом. Я все время смотрела на Маргариту Терехову, мою любимую актрису. А еще я вспомнила свой фирменный рецепт торта „Наполеон“. Сейчас пойду запишу». Мое мнение о фильме она даже не спросила. Тогда я очень удивился, но промолчал. Ведь для меня вся жизнь — вопросы, вопросы, вопросы. А ответы я привык искать везде: в книгах, в фильмах, в самой жизни. Но все же я не терял надежду Татьяну чем-нибудь заинтересовать. В это время я как раз увлекся индийской философией. Хоть и редко, но покупал новые книги, читал их по ночам. Эти книги лежали у нас на диване, на столе, где угодно. Но жена моя как будто этого не замечала. Я пытался с ней делиться прочитанным, а в те редкие минуты, когда она была свободна от домашних дел, рассказывал ей о наших студенческих спорах, идеях, прозрениях. И даже почти прочел лекцию о литературе русского зарубежья. Мне казалось, она внимательно слушала, хоть и молчала. Но однажды Таня вдруг сказала: «Знаешь, Витя, часто говорят, что это очень хорошо — книги читать, а как по мне — так нет, не очень. Ведь все это не реальная жизнь, а так — убежище. А надо быть здесь, только здесь, на земле. Вот я, вот ты, вот наш сын, наш дом... Живи этим, береги это, люби это... В этом и есть наш человеческий долг».

Над ее словами я долго думал и понял, что жена моя — очень сильный человек. Ей все понятно в этой жизни, и никто не сможет ее сбить. Она как Земля: крепкая и неколебимая. И нет в ней ни воздуха, ни огня, ни воды. Нет ничего, что движется, куда-то устремляется. Но я, конечно, понимал, что в этом ее слабость, жизненная ограниченность, неправота, хотя я не знал, что делать. Дома мне было плохо. Я как будто жил один. А главное, со стороны жены не было желания что-то изменить. Она твердо стояла на своем. И тогда я вот что придумал: я приходил с работы, Таня готовила мне ужин, что-то рассказывала о ежедневных делах, сыне, своей работе, а я молчал. Но молчал не просто, а с укором. Я демонстрировал неприятие

этого грубого «земного бытия», протестовал против Таниной ограниченности, непоколебимости.

— Да ты что, Витюш! А еще любитель Достоевского, насколько я помню, — с легкой издевкой воскликнула Рита. — Разве ты не понимал, что это дорога в никуда?

— Конечно же, все понимал, но ничего с собой поделывать не мог. Меня просто несло. Я как будто вступил в борьбу. Но главное, ты понимаешь, — стал чуть ли не взахлеб говорить Виктор, — Таня, мне кажется, все понимала. Ну, то есть поняла упорство моего молчания, его искусственность. Но вела себя так, будто ничего не происходит, и сохраняла ровное течение жизни. Все так же чистила, мыла, готовила, ходила на работу, по вечерам делала уроки с Колей, нашим сыном. Я тоже уделял сыну время. Много ему рассказывал, в детстве читал сказки, ходил в школу на утренники... Но Коля как-то больше тянулся к матери. Все время ждал ее с работы, выбегал навстречу, радовался. Меня это, конечно, задевало, но я надеялся, что он повзрослеет, все изменится. А с Таней мы все больше и больше друг от друга отдалялись. Я даже стал ее ненавидеть: за ее непоколебимую стойкость, неприятие моих ценностей, какую-то гордыню. Может быть, все бы так и продолжалось, но неожиданно Таню назначили главным бухгалтером, то есть повысили в должности. Видимо, на работе оценили ее спокойную уверенность и земную устойчивость. Она сразу стала зарабатывать гораздо больше меня. Вот тут-то все и началось. Как-то, придя с работы, она мне очень спокойно, но твердо сказала: «Витя, я хочу, чтобы ты, мой муж, обеспечивал семью». Я молчал, пытался найти другую, более оплачиваемую работу, переживал. Но город наш маленький, что-то изменить было трудно. И вдруг мою жену стал раздражать бассейн. Я все время, пока там жил, четыре раза в неделю по вечерам ходил в бассейн. Мне нужна физическая нагрузка, я к этому с юности привык. Ты помнишь, я ведь все время болел. Так вот, только бег и физическая нагрузка поставили меня еще в студенческие годы на ноги, освободили от бесконечных диагнозов. За долгие годы организм привык к этому. И если я не бегаю, то есть не имею физической нагрузки, то чувствую себя хуже. Повышается давление.

— Значит, ты подсел, так, что ли? — с некоторым удивлением спросила Рита.

— Да, почти что так. К сожалению, в нашем маленьком городке бегать было негде, разве что по улицам. Но по улицам я бегать не мог, в Сибири воздух холодный. А бассейн там был, я и стал ходить туда, хотя, видимо, такой физической нагрузки было мало. Я растолстел. Появилась одышка... А Таня этого не понимала. Знаешь, она мне сказала: «Ты хочешь хорошо жить, книги читать, дискуссии вести, ходить по бассейнам, здоровье укреплять, а семью содержать должна я». Я почувствовал, что, став главным кормильцем семьи, она решила взять реванш. Просто мстила мне за все и, наверно, тоже ненавидела.

Виктор на минуту умолк, чуть слышно вздохнул и продолжал:

— В общем, я ничего не сказал, собрался и уехал. А когда сюда приехал, стал бегать и сбросил лишний вес. Давление сразу пришло в норму. Мне жить захотелось. Я и понял, что если бы не уехал, то, наверно, загнулся бы. Короче, «успел на последний поезд»...

«А, все понятно. Вот почему у него брюки как будто „с чужого плеча“. Это он так похудел от своей беготни. А других брюк, видимо, нет», — подумала Рита, но, ничего не сказав, выразительно посмотрела на Виктора.

— Витюш, вся эта история какая-то странная. Получается, что ты всю жизнь и даже каждый день просматриваешь сквозь призму беготни. Побегал — день удался, не побегал — не удался. Так, что ли? А потом, как ты мог уделять достаточно времени сыну, если, как ты говоришь, четыре дня в неделю после работы ходил в бассейн?

— Ну, Ритусь, не передергивай. На сына я время находил. Ведь были же и свободные дни. А что касается моей беготни, как ты выражаешься, то, конечно, я думаю об этом по утрам, до работы, планирую свой день. И бег в этих планах присутствует.

— Да это же ужасно! Получается, что у тебя какая-то мания бега и ты в ее плену! — воскликнула Рита с легким возмущением.

— Да, я в плену своей мании. Но знаешь, Ритка, в этом плену я счастлив, — произнес Виктор, в упор глядя на Риту, так, будто неожиданно для себя раскрыл тайну.

Воцарилось молчание, которое через несколько секунд, вертя в руках пустую чашку, прервал Виктор.

— Ритусь, ну, давай откровенность за откровенность. Скажи, ну, ты-то почему одна? Ты такая красивая! Как я понял, успешна в работе, да и с деньгами, видимо, все в порядке.

Его голос был вкрадчивым, и Рита почувствовала лукавство мыслей, но виду не подала.

— Знаешь, Витя, я выходила замуж по любви. Но оказывается, для семейной жизни одной любви мало.

— А что же еще надо? — спросил Виктор, выдерживая ироничную интонацию.

— Тебе, Витюш, ответ известен. Но неважно, я все равно объясню: нужно, чтобы супруги, как минимум, постоянно обращали друг на друга внимание, а в тиши одиночества размышляли о своих отношениях, познавали интересы и ценности друг друга. И потом, если могли, эти интересы и ценности уважали. К сожалению, у нас с мужем так не получилось. Он меня не видел как личность, а просто хотел слепо подстроить под себя. Вот и получилось: я хотела работать, чего-то достигнуть, да и вообще — чувствовать себя нужной, активной, социально устойчивой. А он хотел меня видеть другой: домашней, неработающей, а значит — зависимой, несамостоятельной. Может, само по себе это и неплохо, но ведь ты знаешь, не мои это ценности. Начались споры, скандалы, дело дошло до того, что он назвал мое филологическое образование кухаркиным, только и подходящим для дома и воспитания детей. В общем, не получилось семейной жизни.

— А сейчас почему ты одна? Неужели рядом никого нет?

— А сейчас, Витюш, я слишком самостоятельна, независима и счастлива, чтобы меня еще кто-то захотел дополнить.

— Ужас, ох, ужас... Ритусь, чем же ты так счастлива? — опять так же лукаво, как будто зная ответ, спросил Виктор.

— Счастлива своим делом. Верю в то, что мне удастся что-то в этом мире менять, хотя бы в рамках гимназии. Если тебе интересно, могу похвастаться: мне удалось соединить в одну систему преподавание в гимназии истории и литературы. Образно говоря, вводить ученика в эпоху и дать почувствовать ее дух. Воплотила в жизнь свою мечту, еще юношескую. Конечно, не все получилось. Но я не отчаиваюсь. Мне интересно творить, думать, видеть результат труда... И знаешь, любовь мужчины — это не то, что сейчас меня волнует.

— Ритусь, так ты тоже в плену своей мании и счастлива так же, как я, — будто поймав Риту, подытожил с улыбкой Виктор.

— Ах, вот оно что?! А я-то думала... Хм... Сравнил тоже... Ну, может... может, — в замешательстве произнесла Рита.

Домой она ехала по освещенным улицам города и чувствовала, что раздражена. Но почему, пока понять не могла. На душе было пусто, как будто давно тлевший там теплый уголек догорел. И только нервно пульсирующая мысль заставляла монотонно вопрошать: ну что же это, что? Он что, эгоист? Ну разве...

К 100-летию Великой русской революции

Евгений ЛУКИН

ТРИ БОГАТЫРЯ — ТРИ БРАТА, ТРИ ВРАГА Опыт русского национального самосознания

I

Старинные былины о подвигах трех богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича являются предметом особенной национальной гордости. Воспетая в них выдающаяся победа над чудовищем, олицетворяющим собою мировое зло, представляет сердцевину русского героического эпоса. Ни предания о волшебных превращениях Волха Всеславьевича, ни песни о любовных похождениях Соловья Будимировича не содержат такого глубокого и проникновенного понимания природы русского духа, как эти былины. Со временем русская патриотическая мысль канонизирует ратную троицу, и величественное полотно Виктора Васнецова «Три богатыря», созданное в 1898 году, становится венцом этого всенародного признания.

Каждый из трех богатырей сосредотачивает в себе определенные черты русского характера. Илья Муромец олицетворяет житейскую мудрость, справедливость и силу. Добрыня Никитич славится подлинной добротой, надежностью и честью. Алеша Попович знаменит смелостью, находчивостью и весельем. Эти свойства позволяют богатырям стать всеобщими любимцами, истинными защитниками Русской земли. Такова общепринятая легенда о трех русских витязях, совместно действующих в пространстве и времени.

Евгений Валентинович Лукин — поэт, прозаик, переводчик, эссеист. Родился в 1956 году. Окончил исторический факультет ЛГПИ имени Герцена. Работал учителем, журналистом, проходил военную службу. Автор двух десятков книг, в том числе сборников стихотворений «Пирь», «Sol Oriens», «Lustgarten, сиречь вертоград царский» и других. Автор либретто «Радонежской оратории». Переводчик цикла древнерусских эпических песен «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели Русской земли» и Задонщина». К столетию Первой мировой войны издал мемориальную антологию «Книга павших», куда вошли его переводы стихотворений тридцати павших в сражениях поэтов-фронтовиков из двенадцати стран мира. Перевел и опубликовал две книги стихотворений выдающихся английских поэтов XX века Уилфреда Оуэна и Исаака Розенберга. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Гоголя за роман «По небу полуночи ангел летел» и премии журнала «Нева» за повесть «Танки на Москву». Живет в Санкт-Петербурге.

Позднее этот образ богатырского единения был соотнесен с тремя братскими народами: русскими, украинцами и белорусами, обретшими после Великой русской революции 1917 года определенную государственность, а после 1991 года — окончательный суверенитет. Известная певица Жанна Бичевская в песне «Мы — русские» придала этому состоянию чеканную формулу: «Россия, Украина, Белоруссия — племен славянских три богатыря». Между тем дальнейшее мирное соразвитие этих народов было приостановлено и нарушено. Провозглашенная идеологема «Украина — это не Россия» в конце концов привела к стычке между вчерашними братьями. Кровавое пролитие не могло не вызвать беспокойства у третьего брата, который сегодня то демонстративно поглядывает в сторону, то стремится хитростью-премудростью извлечь выгоду из создавшегося положения. Неужели эти противоречия имеют стародавние истоки и между тремя богатырями невозможно какое-либо примирение и согласие?

На самом деле внимательный взгляд на древние эпические песни не обнаруживает какой-либо безмятежной картины. Напротив, былины преисполняются внутренней противоречивостью, неустойчивостью, драматизмом. Нет и в помине уверенности, что правда восторжествует, что добро одержит верх, что победителя ждет достойная награда. Герой борется с ненавистным врагом в одиночку, наедине, и только чувство товарищеского плеча, чувство побратимства иногда помогает герою одолеть противника.

Мало того, между богатырями не наблюдается того кровного, того духовного единства, какое представляет общепринятая легенда. Илья Муромец рубится с Добрыней Никитичем, Добрыня Никитич — с Алешей Поповичем, и каждый из витязей сражается за свою великую идею, за свою великую правду.

II

Илья Муромец справедливо считается центральной фигурой русского эпоса. Он — старший среди трех богатырей и наделен не только неслыханной силой, но и недюжинным умом. Он и вступает на ратную стезю, точнее, появляется в нашем героическом пространстве куда позднее, нежели его юные соратники. До этого он тридцать лет лежит на печи, поскольку не имеет «ни рук, ни ног». В соответствии с тотемным началом, упомянутая «безноготь» есть верное указание на «змеиное», то есть чужестранное происхождение. Это значит, что Илья Муромец не является природным славянином и ведет свою родословную от варягов — скандинавских викингов. Среди героев русского эпоса, по крайней мере, три персонажа соотносятся с реальными историческими личностями, имеющими подобное происхождение. Первый персонаж — былинный богатырь Волх Всеславьевич, отцом которого называется Лютый Змей — соотносится с основателем древнерусского государства норвежским королевичем Вещим Олегом. Второй персонаж — киевский князь Владимир Красное Солнышко — принадлежит к варяжской династии Рюриковичей, происходящей, согласно черногорским преданиям, от змеи. И, наконец, третий персонаж — дорогой гость Соловей Будимирович, прототипом которого становится норвежский королевич Харальд Хардрада, приплывший в Киев свататься к дочери Ярослава Мудрого на своем «змеином» корабле:

У тово было сокола у корабля
Вместо гривы прибывано
Две лисицы бурнастыя;

Вместо хвоста повешено
 На том было соколе-корабле
 Два медведя белья заморския.
 Нос, корма — по-туриному,
 Бока взведены по-звериному.

(«Соловей Будимирович»)

Наличие боевого корабля, или шнеккера, является непременным атрибутом знатных варягов. Этот корабль украшался бронзовыми фигурами туров, львов и кентавров, а на штевне устанавливалась пестроцветная драконья голова, яростно извергавшая огонь из ноздрей, отчего зачастую корабль получал прозвище Змея или Дракона. Для варягов он был таким же живым существом, таким же боевым товарищем, что и верный конь. В Младшей Эдде приводятся красивые метафоры шнеккера: «Зовут его конем или зверем», «конем корабельных сараев» или «скакуном тропы чайки». В своих висах скальды обязательно упоминают и гриву, и хвост, и «змеиные бока», создавая удивительный синкретический образ то ли корабля, то ли коня, то ли дракона:

Дева, глянь, вот стройный
 Челн на волны спущен.
 Бьет струя в одетый
 Сталью борт драконий.
 Горит жаром грива
 Над груженным лоном
 Змея, и злаченный
 Хвост блестит на солнце.

Русская эпическая песнь воспроизводит описания варяжского корабля, следуя правилам скальдической поэзии, а эпический герой Илья Муромец становится единственным из трех богатырей, кто владеет шнеккером, который в былине «Илья Муромец с Добрыней на соколе-корабле» описывается по известному чужеземному образцу: «Нос, корма — по-звериному, а бока взведены по-змеиному». Помимо прочего, былина сообщает еще одну подробность, которая позволяет иначе взглянуть на корабельщиков:

Да еще было на Соколе на корабле
 Три люди незнаемые,
 Незнаемые, незнакомые,
 Промежду собою языка не ведали:
 Хозяин был Илья Муромец,
 Илья Муромец, сын Иванов,
 Его верный слуга — Добрынюшка,
 Добрынюшка Никитин сын,
 Пятьсот гребцов, удалых молодцов.

Сказитель подмечает, что «промежду собою языка не ведали» именно русский богатырь Илья Муромец и славянский богатырь Добрыня Никитич. Древние летописи повествуют о разноплеменном составе княжеской дружины, куда набирают варягоров и славян: кривичей, древлян, радимичей, полян, вятичей, северян. Эта

дружина говорит преимущественно на двух языках — славянском и русском. На такое двуязычие указывает в трактате «Об управлении империей» и византийский император Константин VII Багрянородный, перечисляя названия днепровских порогов «по-росски и по-славянски». Причем «росские» слова всецело соответствуют древнескандинавским.

Взаимоотношения в разноплеменной дружине представляются отнюдь не безоблачными. Между русскими (скандинавскими) и славянскими воинами время от времени случаются перебранки. Поводом служит несоразмерное распределение обязанностей или добычи. Вещий Олег, к примеру, приказывает шить «для руси паруса из паволок, а славянам копринные», что вызывает глухой ропот. Однако военная угроза и опасность быстро понуждают к сближению и побратимству.

Побратимство представляется явлением, обязательным для княжеской дружины, поскольку братская помощь во время боевого похода крайне необходима — на случай ранения и прочих тяжелых обстоятельств. Скандинавские саги изобилуют примерами, когда в дружеских объятиях зачастую сходятся вчерашние недруги. Русский героический эпос не становится исключением: схватка между Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем, как известно, заканчивается братанием. Кстати, не становится исключением и современная американская массовая культура, которая, обращаясь к архетипу, постоянно воспроизводит некоторые мифологические сюжеты, в частности, эпизод о стычке и последующем братании двух героев, отправляющихся вместе в опасный путь.

Главный подвиг, который совершает на своем пути Илья Муромец, есть низвержение Идолища. Это чудовище, за которым стоит некая неведомая сила, захватывает стольный город Киев, запрещает поминать имя Бога и просить милостыню, занимает княжеский двор и заставляет князя Владимира Красное Солнышко подавать ему яства — приносить жертвы. Переодетый каликой, Илья Муромец является перед Идолищем, одним ударом шеплуги поражает чудовище и вышвыривает его со двора. Этот былинный сюжет соответствует историческим реалиям, связанным с крещением Руси, когда идол Перуна, установленный на теремном дворе в Киеве, избивается палками и низвергается в реку Почайну. Таким образом, главный подвиг Ильи Муромца есть подвиг религиозный, есть подвиг во имя утверждения православной веры на Русской земле. Совершить подобное деяние под силу лишь тому, кто обладает необходимой духовной мощью.

Преображение Ильи Муромца в святорусского богатыря, которому «смерть в бою не писана», осуществляется тщанием переходящих калик — христианских паломников, странствующих по святым местам. Это они обнаруживают «убогое чадушко» на печи и поят чудесной водой, которая навсегда исцеляет нашего героя. Пройдя своеобразный обряд крещения, Илья Муромец исполняется огромной чудотворной силой и направляется прямоезжей дорогой в Киев — «выручать Русию от поганых». По пути он одерживает свою первую победу над Соловьем-разбойником, от неслыханного свиста которого осыпаются лазоревые цветы, приклоняются к земле деревья, а люди «все мертвы лежат». Иначе говоря, перед святорусским богатырем предстает местный славянский волхв или вещий боян, соловьиные песни которого способны магически воздействовать на природу и людей (орфические признаки). Жестокая, беспощадная расправа над песенником, несмотря на слезные мольбы жены и детей, предвещает главное торжество — победу над Идолищем, который олицетворяет волшебную языческую силу как таковую. Все последующие богатырские деяния Ильи Муромца также носят религиозный характер. Его битва с могучим «нахвалящиком» на заставе в Цицарских степях является частным эпизодом длительного военно-религиозного противостояния молодой Руси и Хазарии.

На той богатырской заставе Илья Муромец является старшим среди дружинников. Это старшинство лишний раз свидетельствует о его варяжском происхождении, поскольку древнерусские дружины возглавляются, как правило, варягами. Характерным для пришельцев становится также наличие патронима и второго прозвища, ибо славяне не знали подобной традиции, обходясь одним именем. Второе прозвище Ильи — Муромец — указывает, что богатырь происходит из земли Муромской или Мурманской (Урманской, то есть Норманнской). Урманским княжичем называется в летописях норвежский королевич Вещий Олег. Причем слова мурманский и русский являются синонимами: в древнегерманской поэме об Ортните наш эпический герой упоминается под именем Ильи Русского.

Примечательно, что другие богатыри также имеют устойчивый патроним: Добрыня всегда Никитич, Алеша всегда Попович. Это говорит о том, что скандинавская традиция патронимизации к тому времени уже утвердилась на Руси, а во-вторых, оба героя происходят из знатных семей, потому что право на отчество вплоть до XX века в России имела только знать.

Действительно, в былине называется имя матери Добрыни Никитича — Амельфа, которое является славянизированным вариантом германского имени Amalfrid, принадлежащего к родовому именованию династии Рюрика. Это не значит, что Добрыня Никитич — Рюрикович. Былина лишь подчеркивает знатность этого славянского князя, подобно тому, как киевский князь именуется каганом для долженствующего уравнения с хазарским правителем.

Прототипом былинного богатыря считается Добрыня — брат ключницы Малуши, матери Владимира Красное Солнышко. Этот киевский воевода, выполняя волю властвующего племянника, сокрушает в Новгороде идол Перуна и «крестит огнем» новгородцев, то есть совершает тот же религиозный подвиг, что и Илья Муромец. Однако сказитель приготовляет былинному Добрыне иную участь: он становится змеборцем.

Удивительно, но Добрыня Никитич прославляется как эпический герой двенадцати лет от роду. Это случается на берегу той самой реки Почайны, где некогда сотворялось святое крещение киевского люда. На обнаженного нимфета, выходящего из священных струй Почайны, нападает Змей Горыныч и намеревается изнасиловать: «Я хочу тебя силком сглотать, хочу тебя да в хобота склонять» («Добрыня и Змей»). Тот успешно сопротивляется такому «склонению в хобота», кидаясь греческой шапкой, наполненной хрустатым песком. Впоследствии этот необычный способ борьбы назовут «шапкозакидательством». Победив Змея Горыныча, юноша направляется к пещерам и освобождает красную девицу, плененную Змеем. Вот, собственно, и весь сказ.

Есть другой, усложненный вариант былины, где в промежутке между схватками противники побратимствуют, договариваясь «не делать бою-драки-кроволития промеж собой». Однако Змей Горыныч нарушает данные «великие записи», что подтверждает еще раз его коварство, свойственное любому завоевателю, использующему хитрость-премудрость для достижения конечной цели. Быть может, здесь сокрыта давняя причина той непреходящей подозрительности ко всему чужестранному, западному, которая наличествует в современном русском сознании и порой приобретает уродливые формы ксенофобии.

Великая брань со Змеем Горынычем — центральный эпизод героического эпоса, свидетельствующий о зарождении русского национального самосознания. Ведь Змей Горыныч — это синкретический образ иноземного витязя, сильного мужественного варяга. Он обладает богатырским телосложением, одет в богатое цветное платье и вооружен острым копьем. У него на плечах огненные крылья или алый

воинский плащ — неременный атрибут скандинавского викинга. Он прибывает в Киев, сопровождаемый двумя волками и двумя воронами — этими вечными спутниками древнескандинавского верховного аса Одина:

Впереди-то бежат да два серых волка,
Два серых-то волка да два как выжлока,
Позади-то летят да два черных ворона.

(«Алеша Попович освобождает Киев от Тугарина»)

Змей Горыныч приходится родичем Владимиру Красное Солнышко, потому на княжеском пиру располагается между князем и княгиней согласно скандинавским (а не славянским) обычаям. Потому также и богатырь Илья Муромец, будучи сам «змеиною» происхождения, никогда не сражается с ним. Вместе с тем Змей Горыныч выделяется среди своих киевских сородичей, поскольку ведет себя не как защитник Русской земли, а как завоеватель. Он без разбору похищает местных красавиц, которых утаивает в варяжских пещерах. Наконец, он пытается изнасиловать юного Добрыню Никитича.

Закон беспощадного морального уничтожения врага действует как в мифические времена, так и во времена профанные. Физическое надругательство над побежденным имеет глубокий мистический смысл. Оно знаменует окончательное торжество победителя, после которого обесчещенный враг уже никогда не сможет встать против него, ибо утрачивает моральное право быть мужчиной, быть воином. Поверженный на веки вечные лишается какой-либо поддержки со стороны своих товарищей: он нравственно уничтожен, а значит, уничтожен полностью.

Так поступают с побежденными герои германского эпоса и скандинавских саг. В Старшей Эдде рассказывается, как богатырь Синфьетли перед смертельной схваткой оскорбляет своего недруга, сравнивая того с кобылой: «Я на тебе, усталом и тощем, немало скакал по горным склонам». Аналогичным образом ведут себя и реальные исторические персонажи. Датский конунг Харальд Синезубый, публично обвиненный исландцами в содомском грехе, немедленно снаряжает военную экспедицию к далекому острову. А Тормод Скальд Черных Бровей хвастается, что выжиг пожизненное «непристойное тавро» на задах покоренных гренландцев.

Впрочем, так поступали в недавнем прошлом и американские оккупанты в Ираке (сексуальное насилие в иракской тюрьме Абу-Грейб), пытаясь морально подавить поверженного врага. Обращение к архетипу, столь популярное в американской массовой культуре, приносит свои плоды. Однако подобное обращение отнюдь не безопасно: в недавние времена этим широко пользовались вожди Третьего рейха, возрождая культ германских мифологических героев.

Добрыня Никитич ясно осознает, что физическое надругательство обратит его в некое женоподобное существо, подлежащее общему осмеянию и презрению, и навсегда лишит возможности стать настоящим витязем и предводителем. Он вступает в бой не только за свою честь, но и честь своего славянского рода, осознавшего собственное достоинство и собственную правду. Его победа над иноземным врагом, вром и насильником, есть победа национальная, есть победа во имя грядущей независимости Русской земли.

Соратником Добрыни Никитича на попроще змеборчества предстает другой былинный богатырь Алеша Попович. Причины, по которым он мстит Змею Горынычу как завоевателю родной Матери-Земли, скорее всего, сокрыты в его волшебном происхождении. По существу, основной текст былин о стычке Алеши По-

повича со Змеем сводится к скоморошескому воспроизведению классического скандинавского нида — своеобразного поношения врага. Былинный сюжет таков. Змей Горыныч является на пир к Владимиру Красное Солнышко и горделиво усаживается (по скандинавскому обычаю) между хозяином и его супругой. Такое поведение представляется славянину Алеше Поповичу невежливым, и наш герой преднамеренно оскорбляет заморского гостя:

Как что это к нам за невежа пришел?..
У моего батюшки у родимого
Кобыла была она обжорлива,
Она сено ела и на жопу села!

(«Змей Тугарин и княгиня Омельфа»)

Ни много ни мало славянский богатырь сравнивает Змея с кобылой. По древним законам скандинавского Гулатинга мужчина, которого сравнили с самкой любого вида животного, таким образом обвинялся в пассивном мужеложстве. Змей попадает в безвыходное положение: либо он не замечает хулы и тем самым признает ее справедливой, либо принимает вызов. Змей предпочитает не обострять ситуацию и спрашивает Владимира Красное Солнышко: «Что у тебя, князь, за пещным столбом? Что за сверчок пищит?» Ему отвечают: это, мол, малые ребятишки ссорятся — «сами бабки делят». Пир продолжается, но Алеша Попович не унимается и обзывает гостя «коровой». Змей темнеет, как осенняя ночь, и швыряет в него булатный ножик: вызов на поединок принят.

Как известно, в ходе поединка Змей Горыныч погибает, защищая свою честь, свое достоинство до конца. Его смерть представляется символичной: вместе со Змеем исчезает какая-либо возможность установления иных законов бытия — правил рыцарства, правил равностояния «я» и других. Победа Алеши Поповича означает торжество родового начала над личностным, коллективного над индивидуальным. Должно сказать, что ее следствие ощущается и поныне как отсутствие уважения к личности.

Отрубив поверженному Змею голову, Алеша Попович не случайно бросает ее на теремный двор Владимира Красное Солнышко. Этим поступком он предлагает киевскому князю окончательно определиться, на чьей стороне верховная власть — иноземных варягов или своих могучих богатырей.

Эпическая песнь сохраняет для нас несколько отчеств Алеши Поповича. Он называется сыном то попа Левонтия, то епископа Феодора. Как бы то ни было, «поповское» отчество означает духовное происхождение былинного героя, который, возмужав, выбирает ратное поприще: «Я, — говорит, — пойду воевать». Между тем сказитель называет еще одно отчество змееборца:

Ах ты гой еси, чадо милое,
Чадо милое порожденное,
Порожденное, однокровное,
Свет Алешенька Чудородович!

(«Про Алешу Поповича»)

Ни в ростовских, ни в рязанских, ни в каких других землях попа или епископа с именем Чудород нет и быть не может, потому что чудород означает чу-

додей, кудесник, волхв. Как представляется, именно Чудород есть исконное имя отца нашего богатыря, и только последующая христианизация примеряет к Алеше иные, созвучные по духу или букве отчества. Былина содержит красноречивые доказательства того, что Алеша Чудородович — сын волхва, быть может, того самого Соловья, который был объявлен разбойником по религиозным основаниям. Этот славянский богатырь никогда не побеждает своего врага силою, но всегда хитростью-премудростью. Чтобы притупить бдительность Змея Горыныча и нанести смертельный удар, он то нацепляет на ноги «поршни кабан-зверя» (символика Перуна), то обманом заставляет супостата оглянуться назад, то неожиданно выскакивает из-под лошадиной гривы. Накануне поединка он обращается к небесной силе, заклиная собраться грозовой туче и пролиться дождю. Но главное, что подтверждает духовное происхождение Алеша и отличает от других богатырей, является его речь, обращенная к тому или иному объекту повествования. Алеша Чудородович предпочитает действовать не мечом, а магическим словом, каковое, изобличая и развенчивая, говорит правду. И Змея Горыныча наш герой первоначально побеждает на словесном поединке.

Такова дружина киевского князя, составленная из трех разных сил, действующих в пространстве и времени. Илья Муромец олицетворяет сильную варяжскую власть, обращенную не только на защиту Русской земли, но прежде всего на утверждение новой, православной веры. Его антиподом является Алеша Попович, представляющий славянскую языческую мощь, которая имеет колоссальное влияние в силу своего автохтонного происхождения. Промежуточное положение занимает славянский богатырь Добрыня Никитич, поддерживающий как религиозные новации варягосуслов, так и народное сопротивление новым пришельцам, не желающим считаться с реальным положением вещей. С такой дружиной у Владимира Красное Солнышко есть только один выбор. Либо он покидает землю, покоренную его предками, и всю жизнь скитается по морям-окиянам в поисках богатства и славы. Либо создает сильное независимое государство, объединенное общими религиозными ценностями.

III

Древнюю Русь порой именуют Скандовизантией. Действительно, сочетание скандинавского и византийского начал придает древней славянской истории своеобразие и неповторимость. Она даже получает название русской, хотя этот эпитет имеет скорее религиозную, чем национальную окраску. Главную примиряющую роль здесь играет выбор веры, осуществленный Владимиром Красное Солнышко — равноапостольным князем Владимиром Святым. Тем не менее, по мысли протоиерея Александра Шмемана, русское православие «долго было иностранной религией, и даже вдвойне иностранной: греческой и княжеской — то есть находившей себе опору в варяжской дружине, составлявшей государственное ядро Руси».

Основа русской цивилизации, которую составляют вера и язык, изначально является противоречивой, двойственной. Русское религиозное сознание и поныне сохраняет двоеверие, как русский язык сохраняет «сквернословие» (ненормативную лексику), несмотря на многовековой церковный запрет этого сакрального словаря волхвов. Поэтому единственным скрепляющим началом, способным удержать русскую цивилизацию от распада и развивать ее в нужном направлении, становится национальная власть. Не случайно Александр Пушкин называет правительство «единствен-

ным европейцем» в России. Ослабление государственности неминуемо приводит к торжеству природного дионисийства — стихийного языческого начала. В прошлом столетии это случается дважды.

Примечательно, что накануне Великой русской революции 1917 года наблюдается невероятный всплеск русского самосознания. Предчувствие катастрофы устремляет мысль к глубокому и проникновенному пониманию природы русского духа. Именно тогда создается общепринятая легенда о трех богатырях, а их имена пишутся золотыми буквами на бортах боевых кораблей. В конечном счете эта эпоха имеет своим символом конную статую императора Александра III, сотворенную Паоло Трубецким, которая выражает идею русского богатырства — идею могущественности, крепости, надежности. Перед нами предстает не царь, не самодержец, но подлинный Илья Муромец, выехавший в чистое поле потягаться силою за Русь. Этот памятник, воздвигнутый на Знаменской площади в Петербурге, по-скоморошески высмеивается новыми Алешами Поповичами: «На площади комод, на комод — бегемот, на бегемоте — обормот». Позднее низвергнутый со своего пьедестала, он оказывается единственным памятником, куда в годы Отечественной войны попадает немецкий снаряд, но не причиняет ему никакого вреда — такова чудесная сила, заключенная в удивительном монументе.

Сходная жизнестойкость наблюдается и в русской литературной традиции советского периода, где, конечно, уже нет места ни Илье Муромцу, ни Добрыне Никитичу в силу ярко выраженного религиозного и социального признака. Зато ее главным эпическим героем становится Алеша Попович, славящийся своей веселостью и находчивостью, но главное — способностью выжить в самых тяжелых обстоятельствах. В первую очередь этот богатырь встречается на дорогах Великой Отечественной войны под именем Василия Теркина.

«Книга про бойца» — это монументальное эпическое полотно, созданное Александром Твардовским по «горячим следам». Поначалу поэт представляет своего героя фигурой лубочной, но великая народная трагедия переменяет его замысел. Он творит не сказочного богатыря, но подлинного эпического героя, которому смерть в бою не писана — «еще пуля не нашлась». Василий Теркин исповедует непоколебимые нравственные принципы. По его убеждению, нельзя выжить без острой шутки-прибаутки, отвергая сущую правду, какой бы горькой она ни была. В бою не чужд опаски, он никогда не ходит прямоезжей дорогой, как Илья Муромец. «Вы — вперед, а я — в обход», — говорит товарищам Василий Теркин, отправляясь захватывать немецкий блиндаж в одиночку. Опять же в одиночку, на поединке, побеждает он своего врага, используя хитрость-премудрость: ударяет противника незаряженной гранатой.

Но прежде всего сближает нашего героя с Алешей Поповичем единая вера — единый языческий культ Матери-Земли.

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне
В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне:

— Мать-земля моя родная,
Я твою изведаль власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!

Я иду к тебе с востока,
Я тот самый, не иной,
Ты взгляни, вздохни глубоко,
Встреться наново со мной.

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня! —

воскликает Василий Теркин, указуя на основной источник своей духовной мощи — кровную связь с родной землей. Согласно славянским языческим верованиям, представление о Матери-Земле непосредственно сочетается с представлениями как о роде и Родине, так и земной матери вообще. В поэме Александра Твардовского так и происходит: герой избавляет от ненавистного врага не только свою Мать-Землю, но и освобождает плененную «мать святой извечной силы», которую находит на чужбине — она бредет по дороге с посошком, крест-накрест перевязанная платком. Святая высота войны за родную Мать-Землю, явленную в трех ликах, придает образу Василия Теркина незабываемые эпические черты:

То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Таким же русским чудо-человеком представляется и герой повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», воевавший на летописной реке Ловать, а затем очутившийся за колючей проволокой бытия, в лагерной преисподней. Перед нами предстает тот же Алеша Попович, тот же Василий Теркин, только в другой экстремальной ситуации — как бы «на том свете». Наш герой также никогда не ходит прямоезжей дорогой. Он жив той хитростью-премудростью, что заставляет идти в обход: припрятывать хлебную пайку в матрас или тайком добывать толь для обогрева. Он и на воле собирается жить в обход: красить под трафарет ковры, где тройка в красивой упряжи везет некоего богатыря. Причина, по которой Шухов так действует, заключается в том, что «прямую дорогу людям загородили» — загородили новые богоборческие властители, умело использующие противоречия русского религиозного сознания в своих целях. Но прямолинейная сила Ильи Муромца или Добрыни Никитича здесь уже ни к чему: «упрешься — переломишься».

Шухов исповедует те же нравственные принципы, что и Василий Теркин: нельзя выжить, впадая в грех уныния и бесчестия. Поэтому он придерживается строгого правила: никогда «не лизать миски», никогда не унижаться, не коленопреклоняться. И даже о вере своей, древней славянской, он говорит с улыбкой и редким достоинством. Его бог напоминает огненного Перуна («как громыхнет — пойди не поверь»), который крошит убывающий месяц на звезды.

Василий Теркин и Иван Шухов — центральные образы русской советской литературы, демонстрирующие способность уцелеть в страшной круговерти минувшего столетия. Ни отважный казак Михаила Шолохова, ни мудрый мастер Михаила Булгакова не имеют подобной перспективы — они обречены на смерть. Жизнестой-

кость Теркина и Шухова определяется своеобразными чертами национального характера, что присущи эпическому герою Алеше Поповичу: веселость, находчивость и смелость, нечуждая осторожности. Основу их мирозерцания составляет древняя языческая вера с культами Матери-Земли и Отца — небесного громовержца. И здесь главную роль играет волшебная наука волхвов — та самая хитрость-премудрость выживания, то самое умение оборачиваться и затаиваться до поры до времени.

Общепринятая легенда о трех богатырях появляется накануне той катастрофы 1917 года, которая раскалывает пополам ядро русской цивилизации. По большому счету это Алеша Попович как носитель стародавней народной веры выступает против Ильи Муромца и Добрыни Никитича, олицетворяющими официальную религиозную и светскую власть. И последующее низвержение с пьедестала конной статуи Александра III, и повсеместное разрушение православных святынь, очевидно, объясняются той двойственностью, той противоречивостью, что лежит в основе цивилизации, созданной на славянской земле усилиями варягоругов. Двойной чужеземный гнет запечатлелся в народной памяти на долгую тысячу лет, и ее стихийная реакция потрясла самые основы бытия.

Аналогичная разрушительная картина наблюдается и ныне, после нового торжества стихийного дионисийства — августовской революции 1991 года, которая стала лишь закономерным продолжением трагедии 1917 года. И сегодня вновь пресловутая хитрость-премудрость заставляет братские народы удерживаться от окончательного разрыва и губельного кровопролития. Не обхитрят ли таким образом эти три богатыря — три брата, три врага — самих себя?

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКА (2016—2017)

От автора. Публикация фрагментов моего «Дневника» в прошлогодних майском и декабрьском номерах «Невы» вызвала заинтересованные отклики читателей, и редакция любезно предоставила мне возможность опубликовать еще некоторую часть. Все, что необходимо было пояснить по поводу этого «Дневника», сказано в преамбуле к майской публикации. Здесь повторю только, что записываю не события личной жизни, а отклики на происходящее в стране и в мире (порой напрямую с происходящим и не связанные), на задевшие меня публикации и выступления в СМИ (при этом не упоминаю конкретных названий и фамилий, поскольку для меня важно не это, а некие общие тенденции, что проявляются тут), наконец, просто мысли, к которым пришел вот сейчас. Ну и, конечно, Достоевский не может не напоминать о себе, к какой сфере нашей сегодняшней жизни ни обратишься.

Очень-очень важно: не потерять видения Христа как любящего Отца, не остаться только с образом праведного Судии. И, пожалуй, по-настоящему эта любовь открывается только тогда, когда поймешь, что исполнение *и неисполнение* Им твоих желаний — всегда только тебе во благо.

В России перевод трактата Иоганна Блеу «Введение в космографию», содержащий изложение системы Коперника и изданный в 1645 году в Амстердаме, сделанный иеромонахом Чудова монастыря в Кремле Епифанием Славинецким, вышел в 1655 году. Распространение системы Коперника поддерживалось и царем Алексеем Михайловичем (НГ-Наука от 26 октября 2016 г.). Запрет Католической церкви на труд Коперника и гелиоцентрическую систему мироздания был окончательно снят только в 1835 году.

«В нашем магазине есть все для ремонта вашей мечты». А может, действительно, отремонтировать мечту? Но если серьезно — что они, в школе не учились, что ли?

Карен Ашотович Степанян родился в 1952 году. Доктор филологических наук, вице-президент Российского общества Достоевского, главный редактор альманаха «Достоевский и мировая культура», заведомо критики журнала «Знамя», старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, член Союза писателей Москвы. Автор монографий «Достоевский и язычество (какие пророчества Достоевского мы не услышали и почему?)» (1992), «„Узнать и сказать“: „реализм в высшем смысле“ как творческий метод Ф. М. Достоевского» (2005), «Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского» (2009), «Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени» (2013), «Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского „Преступление и наказание“» (2014), «Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени» (2016), а также более 150 статей по проблемам русской классики, отечественной и зарубежной литературы. Живет в Москве.

Или у них родной язык какой-то другой? «Устроим счастливую жизнь на Ходынке!» И слово «Ходынка» им прежде не попадалось ни разу?

В эфире очень популярной радиостанции, которую слушают миллионы в нашей стране, ведущий одной из рубрик, рассказывая дурацкую легенду о том, что Москва строилась на деньги тамплиеров, говорит, что король Филипп Красивый в числе прочего обвинял тамплиеров «в забвении духовных скреп», а Москва в первой половине XIV века развивалась так быстро, «как будто Аллах подал». А ведь если обвинить его — скажет, что просто пошутил. В обратную сторону шутки не прощаются: сразу пожалуйте за оскорбление.

У Достоевского в «Бесах» некий офицер восклицает: «Если Бога нет, то какой я капитан?» Но можно сказать больше: если Бога нет, то зачем жить человеку?

«Карфаген должен быть разрушен!» Этот призыв Катона Старшего был постоянным у Льва Толстого в последний период его жизни и был вообще очень популярен у русской интеллигенции конца XIX — начала XX века. Да и сейчас. Но если в свое время призыв римского полководца был обращен против главного врага Рима — Карфагена, то у нас это призыв был (и остается) обращенным против своего государства. Как, отчего, какими внутренними и внешними силами было устроено так, что здесь, в России, быть против своего государства означает быть свободомыслящим, неординарным, «креативным», видящим суть вещей и т. п., пользоваться почетом и уважением? (Ни в одной другой стране подобного нет.) Ответ: «Потому что Россия хуже всех остальных стран» — не принимается.

Меняются категории бытия? Если тебя нет в *виртуальном* пространстве — то тебя нет. «Если ты не существуешь в Интернете — тебя нет», — услышал недавно от одной из умнейших коллег.

Любопытно, что на Западе тех, кто пытается осуществить пожелания большей части народа (не пускать десятками тысяч эмигрантов, защитить национальные интересы своих стран, а не идеи глобализации — чего, повторю, люди в массе своей хотят, но боятся высказать, ибо общественное мнение жестко контролируется либералами) — Марин Ле Пен, Трамп, Вилдерс и другие, — именуют фашистами, а тех в Восточной Европе, кто открыто марширует под фашистскими символами и лозунгами, считают, видимо, демократами, ибо ни один из международных демократических институтов не осуждает их.

В «спальных» районах по вечерам на улицах темно, но почти во всех окнах после девяти вечера (как доберутся с работы) горит свет, в центре — на улицах светло, но почти ни одного светящегося окна (живут за границей или на дачах).

Неужели и грандиозная дата — 200-летие со дня рождения Достоевского (2021 год) — будет заболтана и растаскана по частям в борьбе самолюбий и ведомств, потонет в равнодушии, вместо того чтобы стать грандиозным общенациональным праздником торжества его идей, его видения предназначения России, его понимания целей и задач подлинного искусства, его уникального «реализма в высшем смысле»?

Статья Л. В. о Гражданской войне в России и в Испании. По ходу дела экскурс в историю. «Россия Ордынская» «усилиями Александра Невского была превращена в татарский улус». А вот в «Литовской Руси» все было хорошо — там города находились под влиянием магдебургского права и «уважительных к человеку католицизма и протестантства» (это во времена св. Александра, что ли?). Дался им святой благоверный князь! Ни против одного из русских князей не было выдвинуто столько обличений, сколько против него. Даже не хочу представлять себе, что бы они делали на его месте. Но просто теоретически — хорошо бы таким авторам подумать, что бы они делали, когда с Запада лезут убийцы — знатоки магдебургского права, а с Востока нависает сила, которая, если бы не Русь, легко подмяла бы под себя и всю Европу тогдашнюю. А у тебя — небольшой клочок земли, еще могущей именоваться Русью, который надо во что бы то ни стало защитить для будущего. Кстати о будущем. Сравним будущее Руси св. Александра Невского и «Литовской Руси». А про уважительность к человеку католицизма могли бы рассказать сожженные крестоносцами и инквизиторами люди...

Скорости падения нашего футбола в пропасть может позавидовать иной булыжник. Причин тому находят десятки и сотни, а главных, по-моему, две, внушаемые молодежи вот уже четверть века идеи: человек рождается для комфорта — и чем больше получаешь, тем легче предаешься (*предаешься*) этой мысли, и: патриотизм — понятие из «отстоя», годится для «ватников», а не для просвещенных людей. В газетах — трагические истории про великих футболистов и хоккеистов прошлого, которые громили немцев и испанцев, канадцев и шведов — как они играли с травмами и за гроши, а потом умирали от болезней и неустроенности. Но они делали счастливыми миллионы людей, их имена будут вспоминать и век спустя, а ваши — «у меня коленка побаливает, я лучше в сборную не поеду», «играли хорошо, но опять что-то не получилось» — только рядом со словом «позор» и останутся. Если останутся.

Присуждение британской премии Букера увеличивает число проданных экземпляров романа на 2000 %! Роман некоей Энн Энрайт до присуждения премии: продано 3,5 тысяч экземпляров, после — более 221 тысячи («Вопросы литературы», 2016, № 5)! Нам бы такое доверие к премиям и вообще к чужим «экспертным» оценкам и мнениям. Хотя нет — зачем?

Латышский писатель Имант Аузинь: «К сегодняшнему дню с 1992 года в Латвии по причине невозможности оказать квалифицированную медицинскую помощь умерло больше моих соотечественников, чем в результате сталинских депортаций» (НГ- Exlibris от 3 марта 2016 г.).

На рождественской службе в Казанском соборе в Санкт-Петербурге, вмещающем 7 тысяч человек, была, как пишут, всего лишь тысяча (потом это было использовано в полемике против передачи Исаакиевского собора Церкви). Ну как же так? В войну ведь именно Богородица спасла город и жителей от полного уничтожения. Не помните? Когда Христос исцелил десять прокаженных, а вернулся и поблагодарил лишь один, Господь сказал с грустью: «Не десять ли очистились? где же девять?» (Лк. 17:11—17:17).

Хотите понять разницу между Достоевским и другими замечательными русскими писателями XIX века? Прочитайте главу «Влас» из «Дневника писателя», где сравниваются два Власа — его и Некрасова.

Статья Г. Е. о Чаадаеве в одной из центральных газет. Чаадаев — герой, все остальные вокруг — лжецы или приспособленцы. Про позицию Пушкина сказано вскользь: «У поэта была своя концепция русской истории». Но главное в другом. Вот один полюс — Чаадаев: «Одиноким в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, ничем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей <...> ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды...» И вот другой полюс — граф Бенкендорф: «Прошедшее России удивительно, настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» (обе цитаты приводятся в статье). Сегодня немногие из мыслящих людей согласятся повторить любое из этих высказываний. Но подумаем: сохранение и расцвет России между огромными, постоянно желавшими уничтожить ее силами с Запада и Востока, Севера и Юга действительно вызывает удивление; сколь многие, уверен, хотели бы жить в Золотом веке русской культуры, когда можно было прийти к Достоевскому или Льву Толстому и лично спросить их о смысле бытия и о том, как жить (и сколь многие тогда приходили!), первыми читать новые произведения Пушкина и Гоголя, присутствовать на Пушкинских торжествах (в 1880 году) или на премьере Первого концерта для фортепьяно Чайковского, прийти в Саров к бабушке Серафиму и услышать от него: «Христос воскрес, радость моя!» Что же касается будущего, то если пророчества Достоевского о будущем России верны (а я в этом не сомневаюсь), то оно действительно едва ли подвластно *сегодня* самому смелому воображению.

29 марта 2017 года. Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй подписала письмо-уведомление о выходе Великобритании из ЕС. Начало новой эпохи в истории России и Европы.

Один из признаков гениальности: постоянная готовность услышать и понять позицию, противоречащую собственной, — не для поиска компромисса, а чтобы и *это* учесть на пути к истине.

Читаю «Переделкинский дневник» Юрия Карякина (М.: Книжный клуб 36,6, 2016). Удивительный для нашего времени мыслитель. Впечатление, будто говоришь с человеком Достоевского, а порой и с самим Достоевским. Часто употребляем слово «конгениальность». Но что это применительно к нашей «ведческой» работе? Применительно к пониманию творчества Достоевского, Пушкина, Мусоргского, Бетховена? Не равная одаренность (в литературе, в музыке), конечно. А вот что: общность по интенсивности и направленности устремлений в ту же сторону, что и у них. Вот формулировка Карякина: «Конгениальными ничто не может нас сделать, кроме как совесть» (с. 332). Можно добавить: и равная ответственность перед Богом и людьми и перед самим собой. И еще: предельная честность. После того как Достоевский побывал в Оптиной пустыни, старец Амвросий на вопросы о нем сказал предельно кратко и точно: «Он кающийся». То же можно сказать об авторе «Переделкинского дневника». Нет никаких попыток «заворачиваться в облака величия» (Достоевский о Гоголе времен «Выбранных мест...»). Таким же был, помню, и замечательный Александр Михайлович Панченко.

Конечно, с чем-то соглашаешься с радостью, узнавая *родное* («Если ты не решаешь задачу какого-нибудь Раскольникова, Дон Кихота, Гамлета как абсолютно

свою задачу, ты никогда ничего не поймешь ни в них, ни в самом себе» — с. 353), с чем-то споришь. Но есть и что-то, с чем согласиться сейчас категорически не могу. «Большинство никогда не бывает правым. Всегда право только меньшинство» (с. 144). Это сейчас однозначно работает на тех, кто называет народ наш: «ватники», «совки», «не доросшие до подлинной демократии». Как не заметить здесь параллели с одной из сквозных тем книги, разоблачением большевиков-ленинцев: большевики, партия (party) — малая часть — общества, были обуреваемы «жалкой претензией малюсенькой частички стать всем и навязать свою волю всему» (с. 351—352). Мы знаем ведь, что претензии такие могут осуществиться и — к чему это приводит. У Достоевского есть по этому поводу такие провидческие строки: «„Этого народ не позволит“, — сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. „Так уничтожить народ!“ — отвечал западник спокойно и величаво. И был он не кто-нибудь, а один из представителей нашей интеллигенции. Анекдот этот верен» (ПСС, т. 26, с. 133).

К сожалению, и вот еще: «Какая всемирно-историческая отзывчивость у безграмотного орловского мужика?» (с. 424). А сам Карякин разве не русский мужик? Да какой еще! А его проникновению в творчество Гойи, Микеланджело могут позавидовать и испанцы, и итальянцы. Значит, «всемирно-отзывчивым» делает только грамотность? Думаю, сам Ю. Ф. не согласился бы с этим. Сам же пишет, перефразируя Достоевского: «У нас, у русской интеллигенции, две родины — литература и народ» (с. 478).

И, конечно, совершенно героический подвиг Ирины Зориной, собравшей, прочитавшей, записавшей спонтанные, порой хаотичные скорописи мужа, всегда мыслившего только вперед: успеть, успеть додумать! Сколько мы знаем писательских жен, после смерти мужа быстро отправляющих все архивы на помойку (если, конечно, муж не успел стать «живым классиком»).

Статья А. А. о недавних митингах протеста, в которых участвовала и молодежь. Главная мысль — мы учим молодых не тому, что диктует современность, а они протестуют против этого. Но хорошо бы определить, что такое «современность», что в ней хорошо и что плохо. Или учить надо всему, что входит в понятие «современность»? Даже если все это нравится автору статьи, вряд ли результат получится хорошим. «Надо <...> непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?» — писал полтора века назад Достоевский (ПСС, т. 27, с. 56). Этот призыв не пользуется популярностью ныне.

У Гёте мысль Фауста позволила забраться в его дом пуделю, который затем обратился в Мефистофеля. У Булгакова мысль профессора Преображенского преобразила пса в человека революционного. У Достоевского мысль Ивана Карамазова привела к появлению в его доме черта. При том, что все трое этих великих писателей были и замечательными мыслителями. Каково им было *мыслить*, памятуя о такой опасности, таящейся в этом занятии?

ДНЕВНИК. 1975 ГОД

(июль—декабрь)

Выписки из фонда РГАЛИ (№ 2590, оп. 1, е. х. 115). Первый экземпляр машинописи, заполнен только по лицевой стороне: от 1 янв. до 31 дек. — почти без пропусков, листы не проколоты; 200 л.¹

(110) 3 июля. (...) В Вечерке извещение о смерти поэта Сергея Васильева². Знаю его с начала 30-х годов, с кружка при «Огоньке». Был он говнистый малый, но ловкач. Помню, как он ловко перебрасывал чемоданы из Москвы в Чистополь³. У него менялись красотки[-]жены. Уж не помню, кто была последняя. Был с ним знаком, затем раззнакомился. Что-то вокруг него вилось нехорошее, что рассказывал Смеляков или еще кто-то. На вид он был здоровяк-наглец.

(111) 4 июля. (...) Звонок Альмы. Днем она приходит. Привезла мне томик «Неизданных писем» М. Цветаевой⁴, тот, что я читал у Ирмы⁵. Замечательная книга! Дарю ей «Тарусские страницы»⁶ и том Эйзенштейна. Ее вопросы. Вечером у Гариных⁷. Хесина версия о Альме. Как-то не верится. Не оспариваю, но не верится⁸. Завтра они с утра едут в дом отдыха. Обед от Хеси еще 300 таблеток Гаммолон⁹. И оливковое масло.

5 июля. (...) Э. П. Гарину¹⁰, как и мне, речь Солженицына не понравилась. Он точно сказал, что он «перебрал». Сам А. И. в «Теленке» признавался, что его иногда

¹ В квадратных скобках — вставки и примечания публикатора и комментаторов. Вставки — прямо в тексте, комментарий — в подстрочных примечаниях. Особенности орфографии оригинала и описки автора в некоторых характерных для него местах сохраняются (они помечены подчеркиванием); выделения в тексте (в оригинале — разрядкой) передаются п/жирным.

² Хотя вот есть у АКГ среди «некрологов» и отклики на смерть его современников откровенно неприязненные: Сергей Александрович Васильев (1911—1975), писатель и поэт.

³ Очевидно, при эвакуации?

⁴ М. Цветаева. Неизданные письма. Париж: Имка-пресс, 1971.

⁵ Ирма Викторовна Кудрова (род. 1929), филолог, исследователь жизни и творчества Марины Цветаевой.

⁶ Знаменитый альманах «Тарусские страницы», вышедший в Калуге в 1961 под ред. Н. В. Панченко и Н. Д. Оттена.

⁷ Гарины — это Э. П. Гарин и его жена, Х. А. Локшина, — многолетние друзья, постоянные собеседники АКГ.

⁸ Что имеется в виду, неясно. И далее как будто это нигде не разъясняется. Какое-то странное умолчание. Написано явно только для себя. Довольно редкий случай для дневника АКГ, написанного в целом все-таки явно в расчете на прочтение другими.

⁹ ЕЧ: Гаммолон — это японское лекарство альфа-аминомасляная кислота (если я не путаю), кот. японцы выделяют из водорослей, а у нас синтезируют. Мне его с трудом доставали после тяжелой автоаварии, когда у меня был ушиб мозга. То есть его дают для поддержания памяти и улучшения кровоснабжения мозга.

¹⁰ Гарин Эраст Павлович, или Э. П., или просто *Эраст* (настоящая фамилия — Герасимов; 1902—1980), артист театра и кино, режиссер, сценарист, с 1922 по 1936 гг. — актер Московского театра им. В. Э. Мейерхольда; многолетний друг, постоянный собеседник АКГ. Исполнитель роли Коро-

«заносит». Вот и на этот раз его «занесло». Видимо эта речь встретила оппонентов и не только среди рьяных поклонников Сов. Союза. (...) Нью-Йорк Таймс упрекает през. Форда¹¹ за то что он не пригласил Солженицына в Белый Дом. Но ряд западных газет упрекает Солж. в разжигании холодной войны. Перечитываю «Неизданные письма» Цветаевой. В тот раз книга была у меня на короткое время и я, торопясь, глотал и многое пропустил: теперь читаю внимательно. И снова — самое интересное — объяснение в любви Пастернаку. В них есть удивительная психологическая бестактность. Как умная и в других случаях прозорливая Цветаева не понимала, что подобные излияния нормального мужчину могут только напугать и оттолкнуть.¹² А ее нескромность такова, что она писала третьему лицу, что она хочет от Пастернака ребенка, и это при отсутствии всякого реального романа¹³. Тут она кажется даже глупой... А в других, самых простых, бытовых письмах сколько ума, тонкости, прозорливости! (...) по ночному радио американцы обсуждают речь Солженицына, которая встретила многих оппонентов. Сложные чувства вызывает у нас этот человек. Идти за ним невозможно.

(112) 6 июля. (...) Читаю Цветаеву. (...) Очень не хочется идти к Ц. И., и не пойду (якобы, на даче)¹⁴. Я с ней устаю, потому что она вся во внимании ко мне это утомляет: не свободен¹⁵. (...) В одном из писем Цветаевой из Лондона, где она гостила у Д. Мирского¹⁶, она называет «подлой» книгу Мандельштама «Шум времени». Невозможно понять — почему?¹⁷ Кстати, Мирский напечатал в «Совр[еменных] записках» восторженную статью о книге Мандельштама¹⁸. Это загадка.

ля в фильме «Золушка» (1947). Автор книги «С Мейерхольдом: Воспоминания» (Послел. М. Блейман. М.: Искусство, 1974).

¹¹ Форд — Джеральд Рудольф Форд-младший (англ. Gerald Rudolph Ford, Jr., при рождении именовался Лесли Линч Кинг-младший, англ. Leslie Lynch King, Jr., но в раннем детстве после развода родителей переименован в честь отца и получил его фамилию; 1913—2006), 38-й президент США. Американский политик-республиканец. Президент США с 1974 по 1977 гг.

¹² Е. П.: Начало переписки положил Пастернак, вдохновленный книгой Цветаевой «Версты». Она ответила статьей «Световой ливень», посвященной его книге «Сестра моя жизнь». Влюбленные письма Цветаевой в Берлин 1923 года испугали не столько самого Пастернака, сколько его жену, и он пытался остановить этот поток. Но посылаемые ему и ему посвященные стихи снова бросали их друг к другу. Духовное одиночество двух лирических поэтов, подкрепленное восхищением Пастернака «Поэмой Конца», дало новый взрыв переписки и обоюдосторонних признаний. Теперь, когда кончился запрет, наложенный А. С. Эфрон на эти письма, они изданы в книге: Марина Цветаева. Борис Пастернак. «Души начинают видеть». Письма 1922—1936 годов. М., 2004.

¹³ Ср. со свидетельством Ольги Бессарабовой, по ее дневнику (29.04.22.): «А сама она МЦ наполювину ведьма, и слишком женщина — до какой-то неловкости — хочется отдышаться...»

¹⁴ То есть АКГ делает вид, что он на даче, не открывает на звонки и не подходит к телефону, не желая общаться со своей лучшей подругой, соседкой по дому, Цецилией Кин, которая относится к нему как к своему ребенку.

¹⁵ Вот тут он выразил суть.

¹⁶ Мирский Дмитрий Петрович (кн. Святополк-Мирский, англ. D. S. Mirsky; 1890—1939), литературовед, литературный критик, публицист, писал по-русски и по-английски; участвовал в Первой мировой войне (ранен в 1916, сослан за антивоенные высказывания на Кавказ) и в Гражданской войне (на стороне Белого движения); с 1922 г. участник Евразийского движения. В 1931 вступил в компартию Великобритании; в 1932, при содействии Горького, переехал в Советский Союз. В коллективной книге советских писателей «Канал имени Сталина» (1934), посвященной строительству Беломорканала силами заключенных, ему принадлежит глава «ГПУ, инженеры, проект». В 1937 арестован, приговорен по «подозрению в шпионаже» (ПШ) к 8 годам исправительно-трудовых работ, в июне 1939 года умер в лагере под Магаданом.

¹⁷ О мотивах такой реакции М. Цветаевой см.: Нерлер П. *Сон атоме. Этюды о Мандельштаме*. М., НЛО, 2014. С.82—83.

¹⁸ Д. П. Святополк-Мирский. Рец. О. Э. Мандельштам. Шум времени // *Современные записки*. Париж, 1925, № 25, с.541—543.

7 июля. (...) В Италии умер знаменитый Отто Скорцени, гитлеровский охранник и головорез, не так давно получивший в Париже пощечину.

8 июля. (...) Звонок Н. П. Смирнова. Он прочитал сборник о Паустовском и очень хвалит мое эссе. Собирается писать о книге в «Литер. России». Зовет в гости. Наконец, принесли «Звезду» с воспоминаниями А. Эфрон¹⁹.

(113) 9 июля. Вчера, когда у меня сидела Альма, принесли запоздавший номер «Звезды». Первым делом я посмотрел, не выброшены ли воспоминания А. Эфрон. Есть. Когда Альма ушла, я сразу с жадностью стал читать. Это все еще только Чехия, но на это отрывок приходится рассказы о С. Эфроне, Пастернаке и таинственном Р. (Радзевиче)²⁰ — герое поэмы «Конца» и «Горы»²¹. Его характеристика не только положительная, но даже восторженная, противоречащая тому, что говорится в примечаниях к письмам к Тесковой²². Это интересно. Отношения с Пастернаком тоже сглажены, т. е. показаны взаимными. Это делает честь дочери, но не объясняет того факта, как М. Ц. могла одновременно вести эпистолярный любовный роман с Р.²³ и беременеть от мужа, которого она тоже очень любила. Да еще писать лирические письма к Бахраху²⁴. Какая потребность в любви и сколько силы на любовь! Написано это хорошо, и даже позднему падению Эфрона дается предварительное объяснение и довольно убедительное. (...) Скульптору Эрику Неизвестному²⁵ отказано в выезде за границу. Он полуеврей и хотел выехать в Израиль. Думал

¹⁹ Эфрон Ариадна Сергеевна (1912–1975), переводчица прозы и поэзии, мемуарист, художница, поэтесса; дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Имеется в виду вторая часть ее мемуаров — «Страницы былого» (Звезда. 1975. № 6. С. 148–189); первая часть была опубликована ранее (Страницы воспоминаний // Звезда. 1973. № 3. С. 154–180).

²⁰ Родзевич Константин Болеславович (1895–1988), юрист по образованию, сын высокопоставленного военнослужащего императорской армии России, в эмиграции агент НКВД, близкий друг С. Эфрона и М. Цветаевой.

²¹ «Поэма Горы» и «Поэма Конца» (1924) написаны Марины Цветаевой в Чехословакии, во время окончания романа с К. Родзевичем.

²² Тескова Анна Антоновна (1872–1954), чешская писательница и переводчица; адресат писем Марины Цветаевой (Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. Болшево, 2008 — впервые были изданы в Праге в 1969 г. издательством «Академия», но с исключением около трех тысяч машинописных строк).

²³ Е.П.: С Родзевичем был не только «эпистолярный» роман, но и реальный.

²⁴ Бахрах Александр Васильевич (1902–1985), литературный критик и мемуарист, живший в эмиграции.

²⁵ Неизвестный Эрнст Иосифович (1925–2016), советский и американский скульптор, автор памятника на могиле Хрущева на Новодевичьем кладбище. (Предки с отцовской стороны вышли из евреев-кантонистов «Крестили ребят 7–8 лет из еврейских семей и давали нелепые фамилии — Беспрозвановы, Непомнящие, Неизвестновы...».) В 1943 — добровольцем ушел на фронт. В апреле 1945 в Австрии был тяжело ранен. В 1945 преподавал рисунок в Суворовском училище в Свердловске. С 1946 по 1947 год учился в Академии художеств Латвийской ССР в Риге, в 1954 окончил Московский художественный институт имени В. Сурикова (мастерская Матвея Манизера). Параллельно с учебой в институте посещал занятия на философском факультете Московского государственного университета. С 1954 участвовал в художественных выставках Москвы. В 1955 стал членом Союза художников СССР, откуда был исключен в 1962 — после конфликта с Никитой Хрущевым при его посещении выставки «К 30-летию МОСХа» в Манеже. В 1957 получил медаль на конкурсе молодых художников на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. В 1959 году стал победителем конкурса на проект монумента Победы. В 1974 исполнил надгробие Никиты Хрущева на Новодевичьем кладбище в Москве. В 1976 эмигрировал сначала в Швейцарию, в 1977 в США. Сын Хрущева — Сергей Никитич — о своих сомнениях, когда ему посоветовали обратиться к Неизвестному: «Неизвестный едва ли возьмется. Ведь отец громил его и его друзей в Манеже, перекрыв им дорогу. Да он просто может выгнать меня. По

над судьбой Бабеля. В чем причина его гибели. В оппозиционности его упрекнуть трудно. Читая воспоминания о нем, можно заметить, что он очень прижимался к начальству. Разъезжая, он подолгу жил у секретарей обкомов и ЦК: Фурер, Б. Калмыков²⁶, кто-то в Аджарии, крупный чекист в Ростове Евдокимов²⁷, кто-то в Киеве... Наступил момент, когда они один за другим полетели в пропасть. Есть данные, что он бывал у Ежова. Его влекло к ним любопытство, и возможно он за это пострадал. В те годы с начальством было дружить небезопасно. Помню свой ход мыслей, когда Таня Литвинова зазывала меня к себе²⁸. Любовь Бабеля к начальству — его роковая черта. Это самое правдоподобное объяснение из всех.

(114) 11 июля. (...) Звонил Костя Ваншенкин. Мое предисловие не пойдет: в изд-ве нашли, что сложно написано. Самому Косте очень нравится и он жалеет об этом. По его словам, мне выписали деньги за него, как за «внутреннюю рецензию», сто рублей, что тоже кстати. По-моему, Костя был выпивши (...) Встретил совсем старенького П. Антокольского²⁹, но с молодой блондинкой, кажется бывшей женой Левитанского. Подвез их на такси.

(115) 16 июля [перерыв в записи — 4 дня!] С субботы до вчерашнего дня (вторник) пробыл на даче. (...) С воскресенья на понедельник у меня ночевала Светлана³⁰. Эмма пишет, что хочет приехать в Загорянку. Надо доставать денег. Т. и Т. должны были уехать в субботу³¹ (...) Поднялись в космос советская и американская ракеты. Завтра должна произойти стыковка³². (...) Слухи о закупках пшеницы в США. Догадки о мобилизационном фонде. Тепло. Проходящие дожди. На даче хорошо. В книге Войтоловской и Румянцевой «Практические занятия по русской литературе XIX века»³³ (для студентов педвузов) в главе о мемуарной литературе дважды цитируется

сути дела, я предлагал ему сделать памятник своему противнику». С 1989 г. скульптор часто приезжал в Россию.

²⁶ Бетал Эдыкович Калмыков (1893—1940: расстрелян), общественный и государственный деятель Кабардино-Балкарии. Один из организаторов и руководителей борьбы горцев за советскую власть на Северном Кавказе, советский государственный и партийный деятель. Арестован в 1938; в 1954 реабилитирован.

²⁷ Евдокимов Ефим Георгиевич (1891—1940: расстрелян), партийный и государственный деятель, сотрудник органов государственной безопасности. Кавалер ордена Ленина, четырех орденов Красного Знамени. Член Центральной контрольной комиссии ВКП(б) (1930—1934). Член ЦК ВКП(б) (1934—1939). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1939). Один из организаторов и активных исполнителей «красного террора», последующих репрессий 1920-х и сталинских репрессий 1930-х годов, в том числе: массовых расстрелов в Крыму в 1920—1921 годах бывших солдат и офицеров Русской армии Врангеля, расказачивания, раскулачивания, фабрикация «шахтинского дела», преследований писателя Михаила Шолохова и «Большого террора» 1936—1938 годов. В 1956 посмертно реабилитирован.

²⁸ Литвинова Таня — см. Татьяна Максимовна Литвинова-Слоним (1918—2011), литератор, переводчица, художница; дочь Максима Максимовича Литвинова, наркома иностранных дел, и тетка Павла Литвинова.

²⁹ Антокольский Павел Григорьевич (1896—1978), поэт, переводчик.

³⁰ Лицо не установлено.

³¹ Т. и Т. — жена АКГ Тоня (Тормозова) и их дочь Таня. Они уехали на лето в Черкассы, отдыхать.

³² Экспериментальный полет «Аполлон»—«Союз» (сокр. ЭПАС; более распространенное название — программа «Союз—Аполлон»; англ. Apollo—Soyuz Test Project, ASTP), также известен как «рукопожатие в космосе» — программа совместного экспериментального пилотируемого полета советского космического корабля «Союз—19» и американского космического корабля «Аполлон». Осуществлен 15 июля 1975 года.

³³ Войтоловская Э. Л., Румянцева Э. М. Практические занятия по русской литературе XIX века. М.: Просвещение, 1975.

моя статья о мемуарах в «Вопросах литературы» как нечто основополагающее. (...) В воскресенье Солженицын выступил с третьей большой речью в Вашингтоне на приеме, устроенном в его честь группой сенаторов. Его представил сенатор Джексон³⁴. Солженицын благодарил за присвоение ему звания почетного гражданина США и повторил свои мрачные пророчества об испытаниях, которые ожидают США. Он сказал, что испытания войны во Вьетнаме скоро покажутся пустяками перед новыми испытаниями, которые ждут страну. И так далее. В общем — «Карфаген должен быть разрушен» на новый лад. Но люди хотят покоя и стабилизации и не склонны верить пророкам, говорящим о новых бедах.

(116) 17 июля. (...) Сегодня должна произойти стыковка в космосе наших и американцев. Это демонстрация, но и только. Реальное значение, по словам знающих людей, минимально. (...) Звонил Эмме. Вру, сначала звонила она, но было плохо слышно и мы как-то не понимали друг друга, и я позвонил сам. Она обрадовалась. М. б. она приедет на той неделе, потом поедет в санаторий в Кисловодск. Стыковка произошла³⁵.

(117) 19 июля. (...) Сегодня в «Моск. комсомольце» дрянная статья Олега Михайлова³⁶ об юбилейном номере журнала «Юность», то есть главным образом о воспоминаниях В. Катаева³⁷ и попутно о стихах Вознесенского³⁸, о статье И. Соловьевой и пр. Что-то верно, но непонятна злоба, с которой это написано. Разные есть люди у «русситов» — есть литературоведы академического склада (Кожин, Палиевский)³⁹. А есть и наемные убийцы — таков Олег⁴⁰. Тем более это противно, что это, видимо, написано по указке ЦК: кажется, оргвыводы уже были. (...) Прочитал книгу Штока «Премьера»⁴¹. Она неровна. Есть талантливые главы (об отце, о школе юниоров, о Глеbove и Шкваркине, и др.⁴²), но есть и много слащавости почти не-

³⁴ Джексон Генри Мартин (англ. Henry Martin «Scoop» Jackson; 1912–1983), видный американский политик и законодатель; бессменный конгрессмен и сенатор от штата Вашингтон с 1941 года. Кандидат в президенты от демократической партии в 1972 и 1976 годах. Оказал большое влияние на идеологию неоконсерватизма. Соавтор известной поправки Джексона–Вэника.

³⁵ Забавно, что последняя фраза описывает сразу два события — видимо, намеренно, как поэтическая фигура: в итоговом абзаце подневной записи стыковка в космосе «наших с американцами» объединяется с восстановлением отношений с ближайшей подругой!

³⁶ Михайлов Олег Николаевич (1932–2013), критик, литературовед, автор исторических романов.

³⁷ Катаев Валентин Петрович (1897–1986), писатель, драматург, поэт. Автор публицистической повести «Маленькая железная дверь в стене» (1964). Начиная с этого произведения значительно изменил писательскую манеру и тематику: свой новый стиль назвал «мовизмом» (от фр. mauvais «плохой, дурной») и неявно противопоставил его гладкописи официальной советской литературы. В этой манере написаны лирико-философские мемуарные повести «Святой колодец» (1966), «Трава забвенья» (1967), рассказ «Кубик» (1969) и др.

³⁸ Вознесенский Андрей Андреевич (1933–2010), поэт, публицист, художник, архитектор.

³⁹ Кожин Вадим Валерианович (1930–2001), критик, литературовед, публицист:

Палиевский Петр Васильевич (род. 1932), критик, литературовед; выпускник филологич. ф-та МГУ; 1956–1958 — аспирант ИМЛИ; с 1958 — сотрудник, в 1977–1994 — заместитель директора института.

⁴⁰ ДЗ: О статье Олега Михайлова про журнал «Юность» — она переиздана в сб-ке публицистики славянофилов с комментарием. У меня он есть.

⁴¹ Шток, И. В. *Премьера. Рассказы драматурга*. — М.: Советский писатель, 1975.

⁴² Шкваркин Василий Васильевич (1894–1967), драматург, «автор легкой комедии <...> Качественно пьесы Шкваркина очень неравноценны; их объединяет добродушная насмешка над обывателями и безупречность человеческой позиции автора» (Вольфганг Казак. Лексикон русской литературы XX века).

выносимой. Шток не хвастается: скорее наоборот. Чересчур много пишет о своих провалах и неудачах. Это бы неплохо, но в другой пропорции и мере. Отсюда какой-то жалкий общий тон. Читал с интересом, а кончил с тоской. Наши с Арбузовым⁴³ имена даже не упоминаются. Здорово же он зол на нас. По книге можно судить, как деградировал, изменился человеческий характер Штока, как он печально эволюционировал. Собственно, я помню уже другого человека, который был лучше, богаче, живее.

(118) 20 июля. (...) Вышла еще одна книжка Оскара Ремеза «Искусство делать искусство»⁴⁴, где одна главка «Незамысловатая история» посвящена исполнению З. Шарко⁴⁵ роли Люси Ивановой в моей пьесе «До новых встреч». Может быть, это и неплохо, но как-то уж очень популярно и слащаво. Впрочем, на книге значится «Для среднего и старшего школьного возраста». Солженицын собирается в Найроби на какой-то съезд христиан. Американцы шокированы тем, что президент как-то неактивно и уклончиво пригласил его встретиться. (...) ...можно подумать, что Форд поступил так в угоду Брежневу.

(119) 29 июля⁴⁶. Уже почти неделю (с 23-го) живет Эмма. Читает М<едведе>-ва. Потрясена. Иногда плохо спит, иногда хорошо. Возится в саду. Вымыла у меня в комнате пол, когда я ездил в город. Выстирала две рубашки. Питаемся импровизационно, но вкусно. (...) Ей надо через 4 дня ехать в Кисловодск в кардиологический санаторий. (...) Пишу это в Загорянке рано утром. Эмма еще спит. Завтра хотим съездить в ЦДЛ пообедать. По «Нем. волне» передавали пошло сплетнический очерк Глейзера о наших писателях с пакостями о многих (Шаламове, Окуджаве, и др.)⁴⁷. Сейчас усиленно комментируют историю с фельетоном В. Катаева⁴⁸.

(120) 1 авг. По-прежнему Загорянка. В июле я должно быть прожил тут недели три: и до приезда Эммы, и с ней еще 10 дней. Поспевают яблоки, и их, несмотря на мое небрежение, все же порядочно. Мальчишки выломали уже две штaketины и забирались. Серо-белая «тактичная» кошка. Сегодня в ночь Эмма уезжает. Мне жаль. Не знаю, будет ли у меня жить Лева [Левицкий] с фамилией, но я постараюсь поменьше жить в городе. (...) Меня зачем-то просил зайти Николай Павлович Смирнов: будто бы о чем-то посоветоваться. Убрал кабинетик свой: остались мелочи — вырезки и пр. И на верхней терассе почти убрал книги. Неожиданно нашел свой

Глебов Анатолий Глебович (настоящая фамилия Котельников; 1899—1964), драматург, журналист, прозаик.

⁴³ Арбузов Алексей Николаевич (1908—1986), драматург, давний знакомый и соавтор АКГ по пьесам «Город на заре» (1938) и «Бессмертный» (1942), с которым тот в последние годы почти перестал встречаться, «раздружившись».

⁴⁴ Ремез Оскар Яковлевич (1925—1989), театральнй режиссер, писатель, ученый и театральнй педагог, заслуженный артист РСФСР; автор книги «Искусство делать искусство» (1974).

⁴⁵ Шарко Зинаида Максимовна (1929—2016), актриса театра и кино. Народная артистка РСФСР (1980), исполнительница главной роли в фильме Киры Муратовой «Долгие проводы».

⁴⁶ Здесь пропуск для дневника АКГ небывалый — 9 дней!

⁴⁷ Может быть, автор Глейзер М. С. Радио и телевидение в СССР. Даты и факты. (1917—1986). М., 1989. Или: Владимир Глейзер. Homo sapiens. Записки пьющего провинциала?

⁴⁸ Возможно, имеется в виду статья, опубликованная в № 6 за 1975 год журнала «Юность», в которой Катаев утверждал, что «ушел со своего высокого поста, ушел совершенно добровольно и без всякого скандала покинул хлопотливую должность, чтобы уже как частное лицо всецело отдаться радостям тихой семейной жизни и свободному литературному творчеству». Однако текст содержал язвительные намеки, и на этот раз были уволены сотрудники, допустившие его в печать.

фотоаппарат, который несколько лет назад запрягал подальше и забыл — куда. Любопытно, испортился ли он от морозов. Любопытные старые мамыны фото[:] она, родня, мы детьми. Есть одна карточка от ноября 1916 г. Вся семья и еще Юра⁴⁹. Отец в офицерских погонах⁵⁰. Сбоку Екат. Петровна Дубенская.⁵¹ Порыться бы, должно быть, многое нашлось бы. Не доходят руки.

(121) 4 авг. Снова в Загорянке. Приехал утром после двух дней в Москве. (...) Завтра должен сюда приехать Лева с семьей. В траве много опавших яблок. В Москве в наших домах слух о смерти в Тарусе Ариадны Эфрон, но извещений нигде не было пока. За 10 дней привык к Эмме и сейчас ее сильно не хватает. Особенно здесь, в моем старом доме, который она сильно оживляла. (...) Варю и жарю на оливковом масле картошку и пью квас.

5 авг. Днем на такси приехали Левицкие. Лева очень доволен приездом сестры. Он собирается через год к ней в гости⁵². (...) Подтверждается слух о смерти Ариадны Эфрон. У нее 9 дней были сильнейшие боли инфарктного происхождения. Ее похоронили в Тарусе. Ирма приезжала на похороны. (...) Оказывается, В. А. Твардовская согласовывала свое письмо с ЦК. [см. выше] То есть по существу, ее там инспирировали. Ц. И. [Кин] мне рассказывала иначе.

(122) 7 авг. Вчера приехал с дачи и нашел письмо Эммы из Кисловодска. Она недовольна санаторием и хочет сбежать. Был порыв [п]озвать ее вернуться в Загорянку, но я сдержался. Послал ответ, советуя использовать все для лечения. (...) [от Дома книги на пр. Калинина] пошел пешком в ЦДЛ На улице Писемского⁵³ старенький домик, где жила Цветаева, сносят: там уже не живут: окна распахнуты. Вот и Ариадна умерла. Сегодня извещение в «Литер. России». Телефон мой многозначительно молчит.

(123) 10 авг. Вчера в Москве умер Дмитрий Шостакович⁵⁴. Ему было 68 лет. (...) Из Японии еще порция Гаммолона (300 штук). Кажется, мне он помогает.

⁴⁹ Гладков Георгий Константинович (род. 1915), умерший в младенчестве брат АКГ.

⁵⁰ Гладков Константин Николаевич (1882—1955), отец АКГ, сын купца, инженер; в 1900 окончил Муромск. реальное уч-ще; будучи студентом Петербургского технологического ин-та, являлся одним из руководителей муромск. землячества, которое поддерживала тесную связь с Муромом и уездом и вело там просветительно-революц. работу (посылка литературы, в том числе нелегальной); принадлежал к социал-демократам. 16 марта 1903 арестован, вне связи с деятельностью землячества, в Петербурге; привлечен обвиняемым по 250 ст. улож. о наказ.; после тюремного заключения (в «Крестах») выслан в июне т. г. в Муром под особ. надз. полиции. По выс. пов. 26 мая 1904 вменено в наказание предварительное заключение. В конце 1904 вернулся в Петербург для отбытия военной службы в Семеновском полку. В 1913 г. организовал выпуск первой в городе ежедневной газеты «Муромский край»; участник мировой войны; в 1917 г. — меньшевик, городской голова в Муроме. Ок. 1922—1923 гг. член правления «Муромск. Металлотреста» (информация с сайта гениалогии «GENI»).

⁵¹ Лицо неизвестно.

⁵² Возможно, это был приезд его старшей сестры Дины в СССР (в 1936 году эмигрировала в Палестину).

⁵³ Борисоглебский переулочек (в 1962—1994 гг. — улица Писемского) — улица в центре Москвы, расположенная в районе Арбата между Новым Арбатом и Поварской улицей. Здесь находится Дом-музей Марины Цветаевой.

⁵⁴ Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906—1975), композитор, народный артист СССР (1954), доктор искусствоведения, Герой Социалистического Труда (1966).

(124) 11 авг. Сегодня в «Правде» нет сообщения о смерти Шостаковича, хотя он умер третьего дня. Американцы раньше узнали об этом, чем соотечественники. Объяснить это легко. Брежнев, как мы знаем из заметки о встрече в Крыму с Гусаком, отдыхает в Крыму, а у нас все так зацентрализовано, что без «самого» не решаются сообщать: неизвестно, чьи имена и в каком порядке поставить под некрологом.

12 авг. (...) Ходил есть пельмени в забегаловку на углу и встретил маститого Федю Липскерова⁵⁵. Постояли около булочной и повспоминали старину. Еще встреча: Костя Богатырев. Вчера съел арбуз и предполагаю повторить это нынче. (...) Бруссон не стареет⁵⁶. Боюсь, что раньше постареет сам Франс. Он уже кажется скучноватым (кроме «Боги жаждут»). Бывает, что с течением времени жизнь писателя становится интереснее написанных им книг.

(125) 13 авг. (...) Некий Леонгард рассуждает по «Нем. волне» о будущем России⁵⁷. (...) ... он считает, что уже велика (и будет больше) роль Андропова⁵⁸. Многие будут огорчены уходом Брежнева. Он считается полюсом равновесия, «центризмом», как говорили раньше. Все боятся крайностей. Устали. Не тянет к авантюрам.

(126) 15 авг. Вчера вечером на даче было так холодно и неуютно, что я собрался и махнул в город⁵⁹. (...) В № 8 журнала «Театр» в статье В. Силюнаса⁶⁰ в дискуссии по поводу жанра мюзикля вспоминается «Давным-давно». Наконец-то. В сущности, моя пьеса была первым мюзиклем.

(127) 17 авг. (...) Днем захожу к Н. П. Смирнову. Он не сказал, о чем хотел посоветоваться, а я не напомнил. Оба ворчим, что мало стало выходить книг. Его рассказы: близкое знакомство с Троцким,⁶¹ жил у него на даче в Архангельском, помогал ему

⁵⁵ Д. Н. Липскеров Федор Александрович (1912–1977), режиссер, конферансье, автор репертуара для эстрадных и цирковых артистов, рассказов и фельетонов // СЭЦ. 1973. № 1. С. 26–27.

Ю. А. Дмитриев — <http://www.ruscircus.ru/encyc?func=text&setlet=%CB&setword=2267>. Ср. в записи дневника АКГ тремя годами ранее: «3 янв. 1972: (...) Встретил в булочной Федю Липскерова. Он где-то здесь живет. Нам не о чем говорить и мы обмениваемся дежурными вопросами. Он известный конферансье и его сын уже тоже пописывает в юмористическом роде. Как далеко то время, когда мы дружили — более 40 лет назад... У нас в обиходе были товарищеские, насмешливые клички. Его звали «Фред», меня «Шурик». (...) Никакой потребности друг в друге мы не чувствуем».

⁵⁶ Жана Жака Бруссона «Анатоль Франс. Книга Ж.-Ж. Бруссона посвящена великому французскому писателю Анатолю Франсу (1844 — 1924). Ж.-Ж. Бруссон, бывший в течение нескольких лет личным секретарем писателя.

⁵⁷ Леонгáрд Вóльфганг (Владимир); нем. — Wolfgang (Wladimir) Leonhard (1921–2014), немецкий политик, историк, писатель и публицист; один из ведущих экспертов по Советскому Союзу и сталинизму; автор автобиографического романа «Революция отвергает своих детей», в котором описал свои впечатления и переживания за время десятилетнего пребывания в Советском Союзе и нескольких лет работы в советской зоне оккупации Германии, а также свою трансформацию из восторженного коммуниста в убежденного критика сталинизма.

⁵⁸ Андропов Юрий Владимирович (1914–1984), государственный и политический деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984), в то время — новоназначенный председатель Комитета государственной безопасности СССР (1967–1982).

⁵⁹ Еще раньше АКГ уехали Левицкие — кто-то из них заболел.

⁶⁰ Силюнас Видмантас (другое имя: Видас) Юргенович (род. 1938), российский театровед, театральный критик, педагог, доктор искусствоведения (1984). В 1962 г. окончил ГИТИС (курс Б. В. Алперса).

⁶¹ Троцкий Лев Давидович (настоящая фамилия Бронштейн) (1879–1940), российский и международный политический деятель; ему принадлежит идея «перманентной» (непрерывной) революции; один из создателей Красной армии; теоретик и практик «красного террора»; инициатор возникно-

составлять книгу «Литература и революция». Сам вышел из партии в 1926 году, встречался с множеством интересных людей: близко знал Воронского, Пильняка, Бабеля⁶². Был арестован после убийства Кирова, но сидел легко и недолго. О русситах: они ненавидят почему-то Паустовского, не считают писателем (Михайлов, Лобанов⁶³ и др.). Он старенький, но еще держится. Иногда он несет чушь, но я не спорю (например, о Ежове). Будто бы Михайлов приставлен к Катаеву. Русситы ненавидят Паустовского и намереваются его разоблачить как Катаева.

18 авг. (...) Встретил Константиновского⁶⁴. Его волновало то, что публикация моего⁶⁵ за рубежом не вызвало по отношению ко мне репрессии ССП. Он недоумевал так пылко, что мне захотелось разыграть его. А впрочем, ну его к черту.

(129) 20 авг. (...) Слушаю радио, в саду дождь, темь и в моем старом деревянном доме мне уютно и спокойно. Еще проживу тут два дня, потом съезжу в город.

21 авг. (...) Во вчерашней Литературке статья Яши Гордина о биографическом жанре⁶⁶. Недурно, но чуть-чуть доктринерски.

(130) 22 авг. (...) В 8-м «Октябре» неплохая, спокойная статья о Юре Бочарове⁶⁷. Он будет рад.

23 авг. (...) Утром чувство крайней тоски и тупика. Тем не менее, придумал сюжет новой пьесы о разводе.

(131) 24 авг. Солнечный жаркий день, а я сижу в городе и жду звонок или телеграмму Эммы. (...) Гарины звали обедать, но опасуюсь уйти: вдруг Эмма позвонит. Привожу в порядок комнату. (...) Жена акад. Сахарова⁶⁸, приехавшая в Милан для лечения зрения, привезла новую рукопись Сахарова, будто бы являющуюся его «политическим завещанием». (?) Почему «завещанием»? разве он собрался умирать?

вения концентрационных лагерей. После смерти Ленина (январь 1924 г.) проиграл внутривнутрипартийную борьбу Сталину; его сняли со всех должностей и исключили из партии; после ссылки в Алма-Ату (1928 г.) вместе с семьей выслали в Турцию (1929 г.), а в 1932 г. лишили советского гражданства; он был убит на своей вилле Койякана в Мексике агентом НКВД испанским коммунистом Р. Меркадером.

⁶² Пильняк Борис Андреевич (настоящая фамилия Wogáu, нем. Wogau; 1894–1938; расстрелян), писатель.

Исаák Эммануилович Бабель (первоначальная фамилия Бобель; 1894–1940), русский советский писатель, журналист, драматург.

⁶³ Лобанов Михаил Петрович (род. 1925), писатель, литературовед, критик и общественный деятель.

⁶⁴ Константиновский Илья Давыдович (1913–1995), писатель, драматург и переводчик.

⁶⁵ Слово пропущено — «Пастернака»? То есть «Встреч с Пастернаком» (Париж, 1973).

⁶⁶ Имеется в виду статья «Самозванцы с историческими фамилиями» (ЛГ, 1975, № 34, 20 авг., с. 6): там обсуждаются стихи Саввы Головановского, в которых Гораций назван *паникером и трусом* — только за то, что после разгрома армии республиканцев войсками триумвиров Октавиана и Антония при Филиппах он бежал с поля боя (а не покончил с собой, как руководившие армией Кассий и Брут). Такому легкомысленному обращению поэтов с материалом истории противопоставлен «обладавший мышлением историка» А. С. Пушкин, который перевел стихотворение Горация, посвященное этому событию, и точно его откомментировал; после чего автор переходит к критике существующих работ по пушкиноведению и в целом — книг биографического жанра.

⁶⁷ Возможно, имеется в виду: Бочаров Юрий Петрович (род. 1926), архитектор, историк и теоретик градостроительства.

⁶⁸ Боннэр Елена Георгиевна (1923–2011), советский и российский общественный деятель, правозащитник, диссидент, публицист; вторая жена А. Д. Сахарова.

25 авг. (...) Перечитал статейку Бенедетти⁶⁹. Собственно говоря, я уже написал книжку о Мейерхольде (и не одну — три). Дело за тем, чтобы соединить три (четыре) моих эссе, добавить «Мейерхольд говорит» и найти издателя. Может быть, Эйнауди?⁷⁰ Есть повторения в напечатанном в «Москве театральной» и «Встречах с М-м»⁷¹. Но их можно устранить. (...) Супруга Сахарова объявила, что академик после опубликования его последней работы намерен навсегда замолчать. Вот почему «завещание». В № 8 «Дружбы народов» историческая статья А. Членова «На родине Добрыни Никитича». Это занятно, но фельетонная манера и kwasно-патриотический «русистский» жаргон лишает доверия к рассказу. Словно отрыжка 50-х годов с войной против норманнской теории⁷².

(132) 26 авг. (...) А чего я собственно жду? Встретить Эмму с одного поезда и проводить на другой... Так она объясняла. Мне это не очень интересно. Но она просила... Вот в чем дело. (...) Конечно, все-таки надо было послать телеграмму. В эти дни как-то выяснилась зловещая пустота моего существования и одиночество, в котором сам виноват. Могу снять трубку и не скажу, чтобы много, но несколько человек будет рады моему звонку. Но сказать [мне] им нечего. Надо что-то изменить в своей жизни. Так нельзя!

27 авг. (...) Юре [Трифонову] исполнилось 50 лет. О нем в ФРГ появилась статья Г. Белля⁷³, но ему дали в иностранной комиссии СП только взглянуть на нее одним взглядом, запретив снять копию. «Закрытое издание». Он кончает новую повесть⁷⁴.

(133) 29 авг. Вчера суматошный утомительный день. Встречал Эмму на Казанском. На вокзалах ходынка. Конец августа. (...) (...) везу Эмму обедать в ЦДЛ. Перед входом шучу, что может быть ресторан закрыт по случаю «санитарного дня». И на самом деле на двери какое-то объявление. «Санитарный день» 29-го. Усматриваем в этом, что судьба переломилась, и теперь начнет везти. Обедаем долго. Мясная солянка. Цыплята табака. Маслины. Шампань Коблер⁷⁵. Вернувшись, звоним в Ле-

⁶⁹ Возможно, имеется в виду французский театральный режиссер *Кристиан Бенедетти*.

⁷⁰ Эйнауди Джулио (итал. Giulio Einaudi; 1912—1999), итальянский издатель (работал с такими авторами, как Итало Кальвино и Примо Леви); в 1974—1993 годы издавал международный альманах Россия/Russia; его отец, Луиджи Эйнауди (1874—1961), был президентом Италии в период с 1948 по 1955 годы, а сын, Людовико Эйнауди (род. 1955) — известный композитор и пианист.

⁷¹ Главы из будущей книги АКГ публиковались в альманахах «Москва театральная» (М., 1960), «Тарусские страницы» (Калуга, 1961) и жур. «Новый мир» (1961, № 8); первая редакция книги была завершена в 1964 году и представлена в Ленинградское отделение издательства «Искусство», но издание не было осуществлено. Автор и в дальнейшем публиковал отрывки из этой работы (жур. «Нева», 1966, № 2 и сб. «Встречи с Мейерхольдом», М.: 1967). Полностью книга «Пять лет с Мейерхольдом» впервые будет опубликована уже после смерти АКГ, в его сборнике «Театр. Воспоминания и размышления» (М.: Искусство, 1980).

⁷² Св. Ч: Анатолий Маркович Членов (1916—1990), закончил ИФЛИ в 1940, ушел на фронт, переводчик, искусствовед, журналист, в статье «Древлянская происхождение князя Владимира» («Украинский исторический журнал», 1971) им была впервые высказана «древлянская» теория, развитая затем в ряде популярных статей, — о выдающейся роли древлянской земли и древлянского княжеского рода в истории всей Русской державы; позже эта теория легла в основу его книги «По следам Добрыни» (М.: Физкультура и спорт, 1986); один из немногих, кто написал статью в поддержку М. А. Лифшица, своего учителя в ИФЛИ, преследуемого за его статью «Почему я не модернист?» (Лит. газета 8 окт. 1966).

⁷³ О какой статье Белля идет речь, неясно.

⁷⁴ Возможно, имеется в виду повесть Трифонова «Обмен» (1976).

⁷⁵ *Шампань коблер* — коктейль из вишневого ликера и шампанского с добавлением коньяка и лимонного сока.

нинград Нине Ивановне. Звонок Борису Натановичу. Он нас подвозит на вокзал и берет носильщика. (...)

(134) 31 авг. (...) Вчера мне кто-то позвонил в полночь, но молчал в трубку, хотя было слышно дыхание. Вера.⁷⁶ Больше никому.

(135) 2 сент. (...) Послезавтра должно быть парафировано израильско-египетское соглашение⁷⁷. Киссинджер добился все-таки своего⁷⁸.

(136) 4 сент. Утром туман. (...) Еду в город с поездом 10.02. «Новый мир» № 8 с юриной повестью⁷⁹. Но читать ее что-то не хочется. Посвящается Алле. (...) (...) В Женеве подписано ограниченное израильско-египетское соглашение. В «Правде» об этом ни строки. В нашем неодобрении и ревность к успеху Киссинджера, и обида, что обошлось без нас — по-детски прозрачно и явно.

5 сент. Пробовал ночью читать «Другую жизнь». Хорошая проза обычно как бы сама втягивает меня в себя, а тут нет. Читаю с сопротивлением и даже с недоверием. И героиня, и герой не нравятся. Полистал и оставил. (...) В «Лит. Обозрении» бранная статья Ф. Кузнецова⁸⁰ о романе Бакланова «Друзья». Увы, все верно и даже тонко.

(137) 6 сент. (...) Прочитал все-таки «Другую жизнь». Неинтересен и несимпатичен герой Сергей. Его занятия охранкой надуманы и никуда не ведут. И его теория продолжения рода тоже никуда не ведет. Может быть тут был в авторском замысле замах на что-то, но он не реализован. (...) С парапсихологией тоже все туманно: не то сатира, не то нечто серьезное. А все вместе блекло и малоинтересно. (...) Обедал у Ц. И. Ее борьба с редактором Балашевым. За нее другой редактор Л. Шубин и Коныхова⁸¹. Но Балашев мстителен и подловат, и способен жаловаться в инстанции. Она просит советов. Советую пойти на минимальные уступки и тем спасти книгу⁸².

(138) 7 сент. (...) Днем еду к Гариным. Сижу до вечера. Потом приходит Юра Хр.⁸³ (...) (...) Рассказал Хесе сюжет пьесы о разводе и она пришла в восторг. Неужели

⁷⁶ Женщина, чье полное имя чаще всего в дневнике даже не указывает (В.); см. о ней в прим. к дневникам АКГ 1970–1973 гг.

⁷⁷ В сент. 1975 г. США добились подписания Египтом и Израилем второго Синайского соглашения, которое, в отличие от соглашений о разводе войск между Израилем и Египтом (январь 1974) и между Израилем и Сирией (май 1974), носило сепаратный характер. В качестве платы Израилю за готовность подписать это соглашение США, в частности, приняли на себя обязательство согласовывать с Тель-Авивом свою стратегию и тактику в отношении Женевской конференции, не признавать Организацию освобождения Палестины и не вступать с ней в переговоры, пока ООН в одностороннем порядке не признает Израиль.

⁷⁸ Киссинджер Гэнри Альфред (англ. Henry Alfred Kissinger, при рождении носил имя Хайнц Альфред Киссингер, нем. Heinz Alfred Kissinger, род. 1923), американский государственный и политический деятель.

⁷⁹ Ю. Трифонов. «Другая жизнь» (1975, № 8).

⁸⁰ Кузнецов Феликс Феодосьевич (род. 1931), критик и литературовед; член КПСС с 1958; член-корреспондент АН СССР с 1987.

⁸¹ Имеются в виду работники издательства Советский писатель Елена Николаевна Коныхова, Виктор Петрович Балашов, Лев Алексеевич Шубин.

⁸² Возможно, здесь речь о выходе книги Ц. И. Кин «Итальянские светотени: Заметки о литературе и культуре современной Италии» (М., 1975).

⁸³ Возможно, Хржановский Юрий Борисович (1905–1987), художник, актер.

это интересно на самом деле? Она поражена, что я сомневаюсь. Безобразно наелся и еле добрался домой. (...) Анекдоты Юры. У Андрея⁸⁴ родился сын. Они все в восторге от работы Р. А. о Шолохове. История смерти Бабочкина⁸⁵. Его внука жестоко избил товарищи по школе. Он попал в больницу. Бабочкин, страшно его любивший, отправился в главное управление милиции. Там ему посоветовали не шуметь. Оказалось, что хулиганы дети очень высокопоставленных родителей. Он не согласился и пошел куда-то выше. То же самое. Он попросил приема у кого-то в ЦК. Сам вел машину. По дороге ему стало плохо, он остановил машину и умер от инфаркта. Вот так полезно иногда выходить в люди: сколько сразу узнаешь слухов и сплетен.

(139) 9 сент. (...) Прочитал роман Роббера Сабатье «Шведские спички»⁸⁶. Первый сорт. Прелесть. Вот то, что я люблю в литературе.

(140) 11 сент. (...) В Москву выехала американская экономическая делегация для ведения переговоров о систематических закупках зерна на много лет. Стало быть, наше правительство заранее планирует отставание сельского хозяйства⁸⁷.

14 сент. Три дня немного болею. Расстройство желудка и слабость. (...) Звонила Л. Я. Гинзбург, которая сейчас в Москве и живет у Мелетинских⁸⁸. (...) Бездарна проза в толстых журналах. Невозможно читать.

(142) 16 сент. Мысль о предстоящем званом обеде у Ц. И. с Мариолиной наполняет меня тоской. Решаюсь и звоню Ц. И., что заболел и уезжаю на дачу. Так же скажу и Л. Я. Гинзбург. (...) С утра странная слабость: не хожу, а плетусь. (...) Звонил Лидии Яковлевне (к Мелетинским) и наврал, что заболел. Нет сил на общение. (...) Вечером звонит Женя Пастернак. Приходит Р. А. (...) Р. А. показывал только что вышедшее французское издание книги о Шолохове⁸⁹. Маленький изящный томик. Будет и английское, и русское. Он дописал одну главу по просьбе издательства.

⁸⁴ Возможно, имеется в виду Хржановский Андрей Юрьевич (р. 1939), художник-мультипликатор, сценарист, преподаватель.

⁸⁵ Бабочкин Борис Андреевич (1904—1975), актер и режиссер театра и кино, педагог.

⁸⁶ Робер Сабатье (фр. Robert Sabatier; 1923—2012), французский прозаик и поэт, член Гонимой академии; речь о его книге «Шведские спички» (М.: Прогресс, 1975).

⁸⁷ Поставки зерна в СССР из США начались с дек. 1963 года (12 млн т): эффективность освоенных целинных почв в Казахстане ежегодно падала, экстенсивные методы развития агрокомплекса не работали. во время урожайных 1972—1974 годов было приобретено 48,8 млн т зерна, а в 1975 была засуха, и закупка зерна была еще увеличена.

⁸⁸ Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918—2005), ученый-филолог, историк культуры, доктор филологических наук, профессор; с ним АКГ познакомился еще в Каргополе на Комендантском лагпункте, где тот работал статистиком в санчасти, а АКГ руководил театром в КВЧ (см. зап. от 2 авг. 1953).

⁸⁹ Из предисловия Р. А. Медведева к публикации фрагментов его книги в 1989 г.: «Книга „Загадки творческой биографии Михаила Шолохова“ была написана мною в 1974—1975 годы (...) эта книга была очень быстро переведена на французский язык и летом 1975 года издана в Париже под заголовком „Куда течет «Тихий Дон»?“ (...) Французское издание моей книги породило полемику среди литературоведов и советологов. Немало авторов соглашалось с моей точкой зрения, но два известных литературоведа — норвежский ученый-славист Гейро Хетсо и американский славист и шолоховед Герман Ермолаев — выступили с большими полемическими статьями, на которые я также ответил в западных журналах по славистике — в тех же самых, где были опубликованы критические статьи моих оппонентов. (...) Проведенная полемика помогла мне подготовить новое, на этот раз английское, издание книги. Оно вышло в свет в Кембридже в 1977 году под заголовком „Загадки литературной биографии Шолохова“» («Вопросы литературы», 1989, № 8 —

(143) 17 сент. (...) В пол-второго еду к Р. А. Говорим о разном. (...) У Р. А. одна из комнат разгорожена книжным шкафом — в большей части его «кабинет». Две полки иностранных переводов его книг: больше, чем я думал. Остальные книги случайны. Хороший радиоприемник, магнитофон. Окна выходят на юг. Его сын Саша перешел в 10-й класс. Не тянется в «гуманитарии», как говорит Р. А. Он получает переводы от Жореса через Госбанк за вычетом 30 %. Основных сумм гонорара он пока еще не трогал: он лежит в Англии в банке. Он живет пока на гонорары за статьи. Ему вполне хватает. (...) Р. А. объясняет необходимость регулярных закупок зерна в США нехваткой кормового зерна, что необходимо для развития животноводства и птицеводства. О К. Симонове. Он записал на магнитофон 25 откровенных рассказов наших маршалов и генералов о войне, начиная с Жукова (у него 400 ст. текста, почти не совпадающего с мемуарами). Вопрос о том, «прятался» ли Сталин, когда началась война. Но Сим[онов] не воспользовался этим богатством для романов о войне из-за его обычной конъюнктурной осторожности и трусости⁹⁰. (...) В «Записках зеваки»⁹¹ портреты некоторых людей без имен (Симонов). Анекдот о Тимошенко. Гитлер и Сталинград⁹². (...) Интересно об архитектуре и Мельникове. О И. Дзюбе. О п[я]ном Твар-

<http://veshki-bazar.ru/docs/sholokhov/zagadki-tvoreskoj-biografii-mixaila-sholoxova/>). Однако после этого, уже в последние годы, взгляд автора на данную проблему эволюционировал в сторону скорее признания оригинальности идиостиля писателя и авторства самого Шолохова в романе «Тихий Дон» (см. его книгу Р. А. Медведев. «„Тихий Дон“. Загадки и открытия великого романа». АИРО-XXI, 2011).

⁹⁰ Об этом рассказывается и в воспоминаниях самого Р. А. Медведева, работавшего в 1965–1966 гг. по приглашению К. М. Симонова в его личном кабинете и знакомившегося с этим тайным архивом: «Осенью 1966 года даже избранная часть фронтовых дневников Симонова „Сто дней войны“ была запрещена к публикации. Эта работа была уже принята редакцией „Нового мира“, подготовлена к выходу в свет в трех номерах, и первый из них, кажется, № 9, был уже отпечатан и лежал в типографии. Это означало, что у цензуры нет возражений. Возражения возникли позже — у тех, кто стоял выше цензуры. Несколько дней шли какие-то споры, но потом тираж был уничтожен. Твардовский запретил заменять материал Симонова другим, и мы получили очередной номер журнала не только с большим запозданием, но и в уменьшенном объеме: вместо обычных для журнала двухсот пятидесяти страниц в № 9 было меньше двухсот» — Жорес Медведев, Рой Медведев. Из воспоминаний (Глава «Рой Медведев. Из воспоминаний о писателях. Константин Симонов») (<http://coollib.net/b/242098/read>).

⁹¹ Виктор Некрасов. Записки зеваки. «Континент», Париж, 1975, № 4 (позже отдельной книгой в издательстве «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1976).

Некрасов Виктор Платонович (1911–1987), писатель, участник войны («В окопах Сталинграда» 1946); в 1960-е годы посетил Италию, США и Францию — свои впечатления описал в очерках, за которые в разгромной статье Мэлоу Стурра «Турист с тросточкой» был обвинен в «низкопоклонстве перед Западом». Из-за либеральных высказываний в 1969 году заслужил партийное взыскание; в 1970 его произведения впервые были напечатаны за рубежом в журнале «Грани»; в янв. 1972 женился на Галине Викторовне Базий (1914–2001); в июле 1972 сотрудники КГБ провели у него обыск, обнаружив самиздат; в 1973 был исключен из КПСС; с 1974 — эмигрант.

⁹² «Существует прелестный, возможно, и придуманный, но тем не менее прелестный рассказ одного известного актера о его беседе с маршалом Тимошенко. Ехали они куда-то вместе в поезде. Естественно — выпили. И тут рассказчик спрашивает у маршала:

— Скажите, товарищ маршал, как же это вышло в 41-м году, когда немцы уже вплотную подошли к Москве? Еще шаг и... и вот, не взяли.

Маршал посмотрел на актера:

— А черт его знает!* (В рассказе маршал высказался более определенно.)

Заговорили потом о Ленинграде, Сталинграде, Курской дуге, и на все был один ответ:

— А черт его знает!

Наутро маршал пришел в себя, ополоснулся, опохмелился и доверительно наклонился к рассказчику:

— Слушай, я вчера, кажется, наговорил чего-то лишнего... Забудь!»

довском. О том, как его резали в «Новом мире»⁹³. (...) За многие годы это лучшее, что написал Виктор Некрасов.

(144) 18 сент. Тепло и солнечно. Утром еду на дачу и — сюрприз! — почти весь забор со стороны шоссе повален. Не сломан, а именно повален и вырваны из земли столбы. (...) Чувство тоски и неуютности. Как-то это противно все. (...) Надо чинить забор, но трудно с деньгами и где взять столбы и продолнины?

(145) 21 сент. (...) Обедал вкусно и сытно у Б. Н. Римма Александровна⁹⁴ плоха, но жива. У Б. Н. на студии хорошо приняли последнюю картину. Его воспоминания пойдут в сборнике мемуаров кино-ветеранов⁹⁵. Но он устал, изнервничался, снова полнеет.

(146) 22 сент. Солнечно. Не могу ехать на дачу: собиралась придти Альма. Встаю усталый, хотя спал сносно. (...) Надо брать себя в руки. Звонит Тоня. Она с сестрой и ее мужем ездили в Загорянку вчера и забрали часть яблок. В разговоре я ее нечаянно назвал «Эммой». Неловко.

23 сент. Стало хотеться как-то привести в порядок и соединить вместе все напечатанное о Мейерхольде. Может получиться довольно большой мемуарный этюд. Но в его частях, печатавшихся вразброд, есть повторения, и их нужно изъять. Это довольно кропотливая работа. И еще надо уничтожить адвокатский пафос, уже лишней. Защищать М-да уже не нужно: нужно объяснять. Могла бы быть небольшая книжка: 1-я часть — мой рассказ о нем, 2-я — «Мейерхольд говорит». Листов 8-9 может быть наберется всего⁹⁶. А то и больше?

(147) 25 сент. (...) Очередной съезд писателей назначен на июнь 1946⁹⁷ года. Кончилось лето и из Союза и ЦДЛ посыпались повестки и приглашения. Сегодня приглашают на собрание секции драматургов с повесткой дня «Драматурги столицы навстречу XXV съезду партии» с примечанием «Ваше присутствие обязательно» и с просьбой сообщить по телефону, если я не смогу быть. Еще там будет выбор делегатов на московскую писательскую конференцию. Всю жизнь мечтал...⁹⁸

⁹³ После того как редакция убедила автора исключить из текста множество упоминаний выпивки: «Твардовский, хлопнув рукой по рукописи, сказал: „Ну, а теперь, сил больше нет, спустимся в подвальныйчик, к милой нашей Нине, и компенсируем, так сказать, все, что мы только что выкинули...“»

⁹⁴ Возможно, мать Б. Н. Ляховского.

⁹⁵ Возможно, имеется в виду будущее издание: Жизнь в кино. Ветераны о себе и своих товарищах. Выпуск второй. Союз кинематографистов СССР. Комиссия ветеранов. Составитель: Нестерович О.Т. М.: Искусство 1979, 320 с. (авторы: Брумберг З., Гранберг А., Кавалеридзе И., Капчинский М., Кеворков С., Ляховский Б. и др.).

⁹⁶ АКГ предполагал объединить уже законченные произведения в трилогию: «Годы учения Всеволода Мейерхольда», «Горе уму» и «Чацкий — Гарин» и «Пять лет с Мейерхольдом», но это было осуществлено только после его смерти (Гладков А. К. Мейерхольд: В 2 т. / Сост. В. В. Забродин, вступ. ст. Ц. Кин. М.: СТД РСФСР, 1990: Т. 1. Годы учения Всеволода Мейерхольда. «Горе уму» и «Чацкий — Гарин» — 287 с.; Т. 2. Пять лет с Мейерхольдом. — 473 с.

⁹⁷ Тут, конечно, опечатка: вместо «1976».

⁹⁸ Как легко прочитывается здесь его собственная, АКГ, «гражданская» позиция, — за исключением «подписания» отдельных писем, как правило, она всегда состояла в том, чтобы по возможности «не участвовать ни в каких официальных мероприятиях», не состоять ни в каких комитетах и группах, не выступая ни на одной из сторон, оппозиционных к власти: то есть ни на стороне «западников», ни тем более на стороне «русситов», хотя, конечно, наиболее сочув-

(148) 26 сент. (...) Во Владимире идет суд над Осиповым⁹⁹, издававшим в Самоздате журналы «Вече» и «Земля», фигурой довольно мутной с религиозной ориентацией.

27 сент. (...) Сегодня на заре в Испании казнено 5 террористов¹⁰⁰. Вся Европа потрясена и возмущена. Газеты пророчат режиму Франко гибель. (...) Осипов получил 8 лет лагерей строгого режима. Будто бы кроме издания журнала «Вече» и «Земля» он обвинялся в получении денег от НТС¹⁰¹. Осипов в 60-х годах уже отбыл 7 лет заключения. Солженицын в Швейцарии сделал по этому поводу заявление. Б. Спасскому¹⁰² разрешено жениться на француженке¹⁰³. Б. Н. много разъезжающий по командировка[м], сделал любопытное наблюдение: беднее всех в стране живут чисто русские области — куда хуже нац. окраин и даже Украины. Трудно даже представить, как бедны средне-русские города. И это при номинальном господстве русской нации.

(149) 30 сент. (...) Оказывается, бывший чемпион штангист[-]тяжеловес Юрий Власов¹⁰⁴ сын П. Владимиров, автора интересных дневников «В особом районе Китая»¹⁰⁵, и он-то и подготавливал их к печати, что заняло 5 лет. Сам Власов тоже пописывает.

(150) 1 окт. Эта дата годовщина моего ареста в 1949 году.

2 окт. (...) Последние дни совсем нечего было читать и пробавлялся перечитыванием. Сегодня зашел к Н. П. С[мирнову] и кое-чем раздобылся. (...)

3 окт. Передо мной лежат 5 экземпляров сборника об Эренбурге¹⁰⁶. Получил на складе: твердая коричневая (светлая) обложка с портретом И. Г. работы Пикассо. Нездурно. Прочел себя и не понимаю, как это.

ствовал он именно первым. При этом, как практически вся интеллигенция, он был почти во всем на стороне оппозиции, а не самой власти.

⁹⁹ Осипов Владимир Николаевич (род. 1938), православный мыслитель, общественный деятель, публицист. Дважды отбывал наказание по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»): в 1961–1968 за организацию публичных собраний оппозиционной направленности в Москве на пл. Маяковского и в 1974–1982 — за издание русского машинописного православно-патриотического журнала «Вече». С 1998 — руководитель православно-монархического союза «Христианское возрождение».

¹⁰⁰ В сент. 1975 в Испании были приведены в исполнение последние смертные казни, смертная казнь в Испании была отменена.

¹⁰¹ НТС — Народно-трудовой союз (НТС), одна из антисоветских эмигрантских организаций, с центром в г.Франкфурте-на-Майне, выпускающая жур. «Посев».

¹⁰² Спасский Борис Васильевич (род. 1937), советский и французский шахматист, 10-й чемпион мира по шахматам (1969–1972). В 1972 проиграл матч Роберту Фишеру. В 1976 эмигрировал во Францию, в 2012 возвратился в Россию.

¹⁰³ Третья жена Спасского (с 30.09.1975) — Марина Юрьевна Щербачева, француженка русского происхождения, внучка царского генерала Дмитрия Щербачева, видного деятеля Белого движения. Он познакомился с ней в 1974 году, когда та работала во французском посольстве.

¹⁰⁴ Власов Юрий Петрович (род. 1935), советский тяжелоатлет, русский писатель, российский политический деятель; сильнейший штангист-тяжеловес конца 50-х — начала 60-х годов.

¹⁰⁵ Владимиров Петр Парфенович (1905–1953), дипломат, журналист, разведчик, автор книги «Особый район Китая. 1942 — 1945 гг.» (М.: АПН, 1973).

¹⁰⁶ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), прозаик, поэт, переводчик, публицист и общественный деятель. Речь идет о сборнике «Воспоминания об Илье Эренбурге» (М., 1975), в котором был

4 окт. День исполнения многих книжных желаний. Утром в Лавке. Получил еще 15 экземпляров Эренбурга (...), рядом в Москниге купил сборник о Г. Нейгаузе¹⁰⁷, о котором давно мечтал и пр. В Лавке толчая. Книги рвут из рук. Ирина Ильинична взяла 100 штук. Надо дарить, посылать. Сегодня похороны Е. Трифоновой (юри- ной мамы)¹⁰⁸.

(151) 5 окт. (...) С наслаждением читаю книгу Нейгауза. Написал письма Л. Я. Гинз- бург и Б. Н. Завтра отправлю. Утром звонок Ц. И. Она была вчера на похоронах ма- тери Юры (они вместе сидели в знаменитом женском лагере АЛЖИР — Лагерь Жен Изменников Родины в Казахстане, а до этого в Бутырской тюрьме). Было человек 30. Юра был очень бледен. Оля не была: она беременна. Это происходило в новом Кре- матории под Москвой, довольно далеко. (...) Говорят, что в Москве в изд-ве АПН вышли мемуары первой жены Солженицына с 6-ю его фото¹⁰⁹. Будут ли они у нас продаваться. И зачем это?

(152) 6 окт. (...) Утром отправил Эренбурга Л. Я. Гинзбург, Б. Н. Ляховскому, Га- риным, Леве, Рубашкину¹¹⁰ и письма Б. Н. и Л. Я. Гинзбург. Съел в забегаловке 2 пор- ции сосисок с капустой и 2 яблочных компота. Кое-что купил. Ночью читал сборник. Пожалуй, самое интересное — воспоминания Алигер¹¹¹. А.К.Г. — на втором месте. Под вечер смотрю у Ц. И. футбольный матч в Киеве (...). Поздно вечером дома ве- личайший пик тоски. Вся моя жизнь кажется разладившейся и бессмысленной.

7 окт. (...) Послал письмо Юре по поводу смерти его матери. (...) Оказывается, С. Паражданов жив, а не повесился в тюрьме, как говорили. Все, что ему инкрими- нировалось, отпало и остался только гомосексуализм, однако его не выпускают.

8 окт. Утром звонок Левы. Он получил сборник об Эренбурге и прочитал меня. Очень хвалит. Говорит, что хвалил Сарнов. По его сведениям, в Лавке книгу хватают. (...) Е. Боннер, жена акад. Сахарова, говорила в Риме журналистам, что московские врачи отказываются ее лечить из страха перед властями. Что-то сомнительно. Не- много стали нагреваться батареи. «Нем. Волна» передает критику Р. Медведевым взглядов Солженицына, Шафаревича, Максимова и др. и критику журнала «Контин- нент». Все очень убедительно.

опубликован в сокращенном виде очерк АКГ об Эренбурге «Поздние вечера» (сб., с. 51—54).

¹⁰⁷ Нейгауз Генрих Густавович (нем. *Heinrich Neuhaus*; 1888—1964), советский пианист и педагог не- мецкого происхождения. Народный артист РСФСР (1956). Очевидно имеется в виду издание: Ней- гауз Г. Размышления, воспоминания, дневники... М., 1975.

¹⁰⁸ Лурье Евгения Абрамовна (1904—1975), мать писателя Ю. Трифонова; зоотехник, затем инженер- экономист; работала в подмосковных совхозах, в Наркомате земледелия; впоследствии стала детской писательницей — Евгенией Таюриной. В 1938 арестована как ЧСИР (члена семьи измен- ника Родине), получила 8 лет ИТЛ (в дек. 1945 ей было разрешено вернуться в Москву). Ее муж, отец Ю. Трифонова, Валентин Андреевич (1888—1938, расстрелян), революционер, военный и го- сударственный деятель, дипломат, арестован в 1937.

¹⁰⁹ Решетовская Наталья Алексеевна (в замужестве Солженицына; 1919—2003), первая жена А. И. Сол- женицына, автор мемуарных книг о нем. Вскоре после высылки писателя в издательстве АПН бы- ла опубликована ее книга «В споре со временем» (1975).

¹¹⁰ Рубашкин Александр Ильич (род. 1930), критик, литературовед, автор книги «Публицистика Ильи Эренбурга против войны и фашизма» (М.; Л., 1965); знакомый АКГ — <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/4/ru14.html>.

¹¹¹ Маргарита Алигер. Нас сдружила поэзия // Воспоминания об Илье Эренбурге. М., 1975, с. 39—42.

(153) 9 окт. Получил за Эренбурга 398 р. 98 к. (...) (...) Г. Белая¹¹² (на самом деле, она вся черная) назвала «Поздние вечера» лучшими воспоминаниями в сборнике¹¹³. (...) Потом пошел обедать в ЦДЛ. Разные встречи и самая трудная — с Арбузовым. Он буквально наехал на меня и сказал, что на днях сам приедет ко мне, раз я не хочу идти к нему. Я чувствовал себя неловко и вроде бы как виноватым. Поговорили о стенокардии и пр. К нему подошла какая-то англичанка и молодой франт, кажется из ВУАП-а. Арбузов пышно представил меня. Уж и не знаю, как быть с ним. (...) Уже лег и слушал радио. Сообщение о присвоении академику Сахарову звания лауреата Нобелевской премии мира¹¹⁴. Это совпало с празднованием в СССР юбилея Академии наук.

10 окт. (...) Мир полон откликов на премию мира Сахарову. (...) В вечерних «Известиях» заметка «Премия за антисоветизм» со ссылкой на «Юманите», как водится.

(154) 11 окт. (...) Сахаров назвал сообщение ТАСС-а о премии «условным рефлексом». Это б еще хорошо, если б так. Он в свое время пожертвовал 139 тысяч — все свои сбережения — на создание онкологического института в Москве. Конечно, разным Ягодкиным его психология непостижима¹¹⁵. Они должны ненавидеть его даже не за его политические взгляды, а как тип независимого человека. Мне не все его идеи кажутся верными, но как характер он привлекательнее Солженицына. У нас поблизости продают Боржом и я выпиваю в день 4–5 бутылок. Может быть, это вредно, не знаю...

12 окт. (...) К делу А. Твердохлебова¹¹⁶ допущен адвокат Юдович. Его обвиняют только по одной статье 93-й. Не знаю, что это. А старый кодекс знал хорошо, то есть все ответвления 58-й статьи. Реально Т-ву угрожает три года¹¹⁷. У меня было ни за что десять.

(155) 13 окт. (...) Новое о Бухарине. Весной он ездил в Париж не один, а с молодой женой¹¹⁸. (...) Вопрос: почему он вернулся, предчувствуя опалу? (...) Мама была дружна с двоюродной сестрой Б.¹¹⁹ (...)

¹¹² Белая Галина Андреевна (1931–2004), российский критик, литературовед.

¹¹³ Возможно, это вообще последняя его прижизненная публикация: ср. его собственную реакцию на свою статью полгода назад, когда он получил авторские экземпляры другой своей статьи, об Олеше: «16 янв. 1975. (...) Наконец набрался мужества перечесть в сборнике об Олеше сам себя. При всех кошмарных купюрах, все-таки это хорошо написано, ей-богу».

¹¹⁴ В 1975 году академик Сахаров удостоивается Нобелевской премии мира «за бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между народами и за мужественную борьбу со злоупотреблениями властью и любыми формами подавления человеческого достоинства».

¹¹⁵ Ягодкин Владимир Николаевич (1928–1985), партийный деятель, секретарь Московского городского комитета КПСС по идеологии, кандидат в члены ЦК КПСС (1971–1976), представитель ультраконсервативного крыла КПСС. Считается одним из организаторов разгрома 15 сент. 1974 так называемой «Бульдозерной выставки». Был снят с поста секретаря МГК по идеологии в янв. 1976, а на XXV съезде выведен из кандидатов в члены ЦК.

¹¹⁶ Твердохлебов Андрей Николаевич (1940–2011), физик, правозащитник и диссидент; участник петиционных кампаний; один из учредителей Комитета прав человека в СССР (1970–1972). В апр. 1975 был арестован; будет приговорен к пяти годам ссылки.

¹¹⁷ «Судебная коллегия по уголовным делам Мосгосуда приговорила Твердохлебова Андрея Николаевича к 5 годам ссылки» (Хроника текущих событий, 15 апр. 1975 — <http://www.memo.ru/history/DISS/chr/ХТС40-3.НТМ>).

¹¹⁸ Ларина Анна Михайловна (1914–1996), вторая жена Н. И. Бухарина (в 1934 в возрасте 20 лет вышла замуж за 46-летнего Б.), после его ареста в 1937 — в ссылке, в 1938 — в тюрьме, с 1942 по 1956 гг. — в лагере; автор известных воспоминаний «Незабываемое» (опубликованы в 1988 в журнале «Знамя»).

¹¹⁹ Кто имеется в виду, неясно.

(156) 15 окт. (...) В Литературке гнусная статья А. Викторова о Сахарове. Все знающие говорят о нем, что он добрый мягкий человек дон-кихотского склада. А Викторов изображает его злобным пройдохой. (...) Перечел «Поздние вечера». Блеска нет, но написано хитро и расчетливо. Тактическая статья. Это шестой мой этюд о писателях (А. Платонов, В. Кин, Пастернак, Олеша, Паустовский, Эренбург)¹²⁰. В отличие от Штока я пишу о настоящих писателях, а не о липовых. Это почти 14 листов, если не больше. На книгу еще не тянет. Но если присоединить А. Д. Попова¹²¹, что-то из мейерхольдианы и эссе о «Давным-давно», то книжка уже есть.

(158) 16 окт. (...) В Париже вышла новая книга Солженицына «Ленин в Цюрихе»¹²². В ней 240 страниц. Это для всех неожиданность. Будто бы книга описывает жизнь Ленина во время первой мировой войны. Трудно представить, чтобы это было хорошо.

(161) 19 окт. С утра звонит телефон. Опасаясь нарваться на Арбузова, не беру трубку.

20 окт. (...) Вечером, как всегда неожиданно, приходит Р. А. М[едведев]. Гоголь¹²³. Рассказы. (...) Рассказ о мемуарах Копелева¹²⁴. В них свежее и интересное — о вступлении наших войск в Германию. Об этом *так еще не писали*¹²⁵.

(162) 21 окт. Читаю интереснейшую и талантливейшую книгу А. Синявского «В тени Гоголя»¹²⁶. Это больше 500 страниц, на обложке автором почему-то изображен Абрам Терц¹²⁷. Книга для меня очень неожидан[на]. Я ждал «обратного общего места», то есть восхваления «Избранных мест» — раз либералисты и социалисты считают [их] реакционн[ыми]. Ничего подобного. «В тени Гоголя» написана свободно, смело, умно, зорко, но главное **свободно**, то есть не связан[н]о предрассудками и предубеждениями. Из вчерашних разговоров. Алиханова, на которую так много ссылается Р. А. в своей большой книге, это вдова армянского коммуниста

¹²⁰ АКГ перечисляет свои литературоведческие и мемуарные работы о перечисленных писателях: это статья «В прекрасном и яростном мире» (О рассказах Андрея Платонова)//«Новый мир», 1963, № 11, статья о В. Кине (потом выйдет и книга: Виктор Кин. М.: Худ. лит., 1981), книга о Пастернаке «Встречи с Пастернаком» (Париж: Умса-Press, 1973), мемуарный очерк о К. Г. Паустовском «Похвала анекдоту», который будет напечатан в сб. «Воспоминания о Константине Паустовском» М.: Сов. писатель. 1975) и мемуарное эссе об Эренбурге «Поздние вечера».

¹²¹ Попов Алексей Дмитриевич (1892–1961), актер, теоретик театра, педагог, режиссер ЦТКА (Центрального театра Красной армии) — <http://teatr-lib.ru/Library/Popov/Nasled1/>. По мнению самого АКГ — «лучший режиссер конца тридцатых годов» (А. Гладков. А Де — хмурый волшебник// Театральная Москва. 1967. № 4), первый постановщик его пьесы «Давным-давно».

¹²² Солженицын А. Ленин в Цюрихе: Главы. Париж: Умса-Press. 1975.

¹²³ Видимо, тот принес АКГ книгу «В тени Гоголя» Синявского (см. ниже).

¹²⁴ Имеются в виду мемуары Л. З. Копелева (см. ниже) «Хранить вечно» (Ann Arbor, 1975).

¹²⁵ Последняя строка на листе машинописи съезжает вниз.

¹²⁶ Терц Абрам (Андрей Синявский); «В тени Гоголя» написано им в 1973 году.

¹²⁷ Синявский Андрей Донатович (литературный псевдоним Абрам Терц; 1925–1997), литературовед, писатель, литературный критик, политзаключенный; арестован 8 сент. 1965 («антисоветская агитация и пропаганда»); в фев. 1966 исключен из СССР; с марта 1966 по июнь 1971 — заключенный Дубровлага; освобожден досрочно (помилован), в 1973–1994 — профессор русской литературы в ун-те Сорбонны. Пострадал за то, что в 1959–1966 гг. за границей, куда он пересылал свои рукописи для публикации (Париж, Нью-Йорк), вышло 5 его книг, подписанных псевдонимом (см. *Процесс Синявского и Даниэля*).

Алиханова, репрессированного в 37-м году¹²⁸. Вслед за ним была посажена она, но выжила. Ее дочь — это нынешняя супруга акад. Сахарова, та самая Люся Боннэр, которая перед войной считалась невестой Севы Багрицкого¹²⁹. (...) В мемуарах Копелева описаны ужасные картины грабежа и насилий наших войск, вошедших в Германию¹³⁰. (...) Прочитал также рецензию Р. А. на «Бодался теленок с дубом». Она умна и сдержан[н]а. Но истина вероятно посередине все же. (...) Дочитал «В тени Гоголя». (...) Все, что он писал после [1-го тома «Мертвых душ»] — вымучено и искусственно. Его религиозность рациональна. В сущности он умирал уже задолго до фактической смерти. О раннем Гоголе верно и метко. Замысел целого «Мертвых душ» показать «положительную» оборотную сторону героев-карикатур 1-го тома — задача невыполнимая. Потеря дарования — почему-то об этом никогда не говорят биографы и ищут других причин, упуская первопричину.

(163) 22 окт. Утром звонил Эмме. Она болеет и может быть ее положат в больницу. Была мне рада. 30-го приедет на день в Москву на вечер Шукшина играть отрывок из его пьесы. (...)

(165) 26 окт. (...) Подходит ноябрь — месяц смерти мамы. Я всегда бываю мрачен в это время, особенно, когда жил на даче. И всегда заболел. Неужели Копелев выпустит свою книгу за рубежом. Будет огромный скандал. Но видимо он идет на него. Он понял, что его единомышленники, те, кто «играл на обострение», все выиграла, а он осторожничал и остался позади. Как говорят, дурные примеры заразительны. И вне этой игры, и слава богу.

(168) 28 окт. (...) В книге «В тени Гоголя» автор употребляет выражения «завязать» (в смысле «покончить» — блатное), «химичить», «ганашить»; говорится, что лицо Гоголя как будто сделано из задницы и пр. Это интеллигентская похвальба пребыванием в лагере. (...) Днем у меня Роскина¹³¹. (...) [АКГ узнает, что Ю. Трифонова в последний момент не пустили в Португалию] Алла считает, что новую юрину повесть, «Дом на набережной», которую он дал в «Дружбу народов», не пропустят¹³².

¹²⁸ Боннэр Елена Георгиевна (1923–2011), советский и российский общественный деятель, правозащитник, диссидент, публицист; вторая жена А. Д. Сахарова. Отец, Геворк Алиханов, был видным армянским коммунистом. Мать, Руфь Боннер, член партии, занималась культурным просветительством масс. Родители Елены были арестованы в 1937 г. как «враги народа».

¹²⁹ Багрицкий Всеволод Эдуардович (1922–1942), литератор, поэт. При жизни его стихи почти не публиковались; сын поэта Эдуарда Багрицкого, его мать — Лидия Суок (1895–1969), сестра Ольги Суок, жены Олеси.

¹³⁰ Копелев Лев Зиновьевич (Залманович (Копелевич); 1912–1997), критик, литературовед (германист), диссидент и правозащитник. В 1941 году записался добровольцем в Красную армию; служил пропагандистом и переводчиком; был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Приговорен к десяти годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». Освобожден в 1954 году, реабилитирован в 1956-м. Восстановился в КПСС. Содействовал напечатанию в «Новом мире» рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича». С 1966 года активно участвовал в правозащитном движении. В 1968 году исключен из КПСС и Союза писателей, уволен с работы за подписание протестных писем против преследования диссидентов, а также за критику советского вторжения в Чехословакию. В 1980 году во время исследовательской поездки в Германию был лишен советского гражданства. Жена — писатель Раиса Орлова.

¹³¹ Роскина Наталья Александровна (1927–1989), филолог, специалист по русской литературе, автор воспоминаний об А. Ахматовой, Н. Заболоцком, В. Гроссмане и Н. Берковском (Наталья Роскина). Четыре главы из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-Press, 1980).

¹³² Эта повесть Ю. Трифонова впервые будет издана в «Дружбе народов», 1976, № 1.

(169) 1 нояб. (...) Два довольно светлых дня, от которых устал, особенно 30-го, когда была Эмма. (...) Сегодня буду отдыхать, валяться, читать и кое-что напишу. Вчера ко мне через полуоткрытую формулу¹³³ залетела синичка. Открыл дверь на балкон и выпустил ее.

(170) 2 нояб. (...) Перевез с дачи дневники. Они заняли у меня весь правый боковой ящик стола, откуда я выбросил ящ[и]чки¹³⁴.

(172) 4 нояб. Читаю Сименона и не без удовольствия. У меня есть 4 его тома, то есть романов 12¹³⁵. По словам Ц. И. в основе убийства Пазолини — его гомосексуальные авантюры¹³⁶. А вот в Ленинграде жестоко избит академик Лихачев¹³⁷ в подъезде своего дома, пока он ждал лифта¹³⁸. Причина неизвестна, избивший тоже. Это не легенда: он сам по телефону рассказывал Кацевой¹³⁹. (...) Очень смутное ощущение после приезда Эммы. Она раздражительна и все время чем-то недовольна. Были на грани ссоры. Но звала в Ленинград и пр. Может быть это объясняется ее болезнью. Как будто себя ни в чем винить не могу. (...) Однажды вроде проговорилась и сразу замаяла («зарегистрироваться втихую») Я промолчал нрзб о «несовместимости». Но я смущен и растерян.

5 нояб. (...) Между Ц. И. и мною пробежала черная кошка. Виновата моя нетерпимость ко всякому покушению на мою независимость. Может быть, я переборщил, но и она слишком упряма. (...) Говорят, в Москве больше месяца нет лука.

(173) 6 нояб. Утром у меня Лева. (...) Рассказы Люси¹⁴⁰ о впечатлениях от экзаменов: блат сильнее антисемитизма. Юра Тр[ифонов] был в бешенстве после двух подряд отказов в разрешении на поездки в ФРГ и Португалию.

¹³³ Очевидно, вместо — *форточку*.

¹³⁴ Более подробно о том, что 29 окт. ездил на дачу, АКГ напишет только 3 нояб.

¹³⁵ Сименон Жорж (Simenon Georges; 1903–1989), французский писатель. Член Бельгийской королевской академии (с 1952), один из самых знаменитых в мире представителей детективного жанра в литературе; отличаясь феноменальной продуктивностью, под 16 псевдонимами напечатал около 200 романов.

¹³⁶ Пазолини Пьер Паоло (итал. Pier Paolo Pasolini; 1922–1975), итальянский кинорежиссер, поэт и прозаик.

¹³⁷ Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999), советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, академик РАН; автор фундаментальных трудов, посвященных истории русской литературы (главным образом древнерусской) и русской культуры.

¹³⁸ Воронянская Елизавета Денисовна (1906–1973), помощница и машинистка А. И. Солженицына, тайная хранительница части его рукописей; под давлением КГБ указала местонахождение рукописи «Архипелага ГУЛАГ», по официальной версии — покончила с собой.

По мнению Е. Ц. Чуковской, «Дм. Серг. связывал эту историю с тем, что он написал Солженицыну развернутый отзыв на „Август“ и передал через Воронянскую. А Воронянская отзыв для себя скопировала и при обыске у нее нашли эту копию. Так что Д. С. заплатился за переписку с А. И., а м. б., еще и за то, что давал ему сведения о Соловках и на него была в книге зашифрованная ссылка».

¹³⁹ Соположение этих четырех событий внутри одной подневной записи как будто вполне случайно, но так же как режиссер или редактор при передаче новостей по радио все-таки заботится о том, чтобы они были «соположимы», так и автор дневника, по-видимому, не полностью пренебрегает порядком и последовательностью подачи событий: первый абзац, о чтении Сименона — чисто субъективен, второй, про Пазолини, это пересказ информации от Ц. Кин, третий, про Лихачева, содержит «общественно значимое», а следующий за ним — снова личное, об отношениях АКГ с Эммой Поповой и причинах их взаимных неурядиц последнего времени.

¹⁴⁰ Люся, или Людмила Сергеевна — подруга Льва Левицкого, в будущем жена.

7 нояб. (...) Довольно тепло, но не тает. Магазины не по-праздничному пусты. Уныло кончается год. (...) Вечером звонок Нины Ивановны. Эмма с 5-го в больнице в предынфарктном состоянии. Она удивлялась, что я не звоню, и думала, что я обиделся¹⁴¹.

(174) 9 нояб. (...) Вчера Бибиси передавала странную рецензию А. М. Гольдберга¹⁴² на новую книгу Солженицына «Ленин в Цюрихе». Можно понять, что А. М. Г. считает, что Ленин изображен верно, что вряд ли. Злой гений Парвус (отец Гнедина)¹⁴³: он давал Ленину миллионы на революцию, но тот не взял. (...) В 9 часов дозвонился до Нины Ивановны. Эмме немного лучше. Вчера была сносная кардиограмма. Но ей не позволяют ни встать, ни даже сидеть на кровати.

(175) 10 нояб. (...) Эрнесту Неизвестному по-прежнему под разными предложениями отказывают в разрешении на отъезд в Израиль.

11 нояб. (...) Вчера сессия ООН утвердила резолюцию о признании сионизма расизмом¹⁴⁴. Против голосовали США и некоторые европейские страны. СССР из-за угодливости перед арабами голосовал за резолюцию, позорное решение! (...) Н. Р.¹⁴⁵ Ее рассказы. Религиозный философ Агурский¹⁴⁶, который хочет соединить христианство и иудаизм и уехал некоторое время назад в Израиль, побит в Тель-Авиве камнями фанатиками-сионистами. Он еле остался жив. Об О. Черном. О странном письме к Люше Чуковской от тетки Солженицына, которой та по поручению А. И. С.

¹⁴¹ И все-таки самое важное сообщается в конце записи.

¹⁴² Гольдберг Анатолий Максимович (1910–1982), британский журналист, историк; обозреватель и руководитель Русской службы радиостанции Би-би-си.

¹⁴³ Гнедин Евгений Александрович (1898–1983), советский дипломат, диссидент и мемуарист; сын А. Л. Парвуса. В 1922–1930 гг. работал в Народном комиссариате иностранных дел. С 1927 г. по февраль 1935 г. зам. заведующего иностранным отделом «Известий ЦИК СССР». С июня 1937 г. по май 1939 г. завотделом печати НКВД СССР, на печально знаменитых московских процессах цензурировал сообщения иностранных корреспондентов; в 1939 году был арестован; более года содержался в сухановской тюрьме. Несмотря на то, что во время следствия неоднократно подвергался пыткам, не признал себя виновным в предъявленных обвинениях и не дал ложных показаний на М. М. Литвинова. После окончания следствия, в 1941 году, был приговорен к 10 годам лишения свободы и «вечной» ссылке. Реабилитирован в октябре 1955 г. С 1956 г. активно занимался журналистско-публицистической и правозащитной деятельностью. Был другом А. Д. Сахарова. Активно пропагандировал идею конвергенции советского общества, мирного сосуществования двух систем. На него за это обрушился вал критики и угроз. В знак протеста в 1979 году вышел из КПСС. Автор многих книг, в том числе: «Катастрофа и второе рождение», серия «Библиотека самиздата», Амстердам, Фонд имени Герцена, 1977 (опубликовано частично под названием «Себя не потерять» фрагменты мемуаров — «Новый мир», 1988, 7). Парвус Александр Львович (настоящее имя Израиль Лазаревич Гельфанд; 1867–1924), деятель российского и германского социал-демократического движения, теоретик марксизма, публицист, доктор философии.

¹⁴⁴ Резолюция 3379 Генеральной Ассамблеи ООН «Ликвидация всех форм расовой дискриминации» была принята 10 ноября 1975 года на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Она ставила Израиль в ряд с государствами, практикующими апартеид, такими, как Южная Африка и Родезия, и постановляла, что сионизм — это форма расизма и расовой дискриминации.

¹⁴⁵ Очевидно, Н. А. Роскина.

¹⁴⁶ Агурский Михаил Самуилович (настоящее имя Мэлик; 1933–1991), советский диссидент, публицист, литературовед, ученый-кибернетик, историк, политолог, советолог, мемуарист, деятель сионизма и профессор Еврейского университета в Иерусалиме.

посылает посылки¹⁴⁷. Об истории очерка Р. Орловой¹⁴⁸ о Галиче и его исправленном варианте. О доме Копелева-Орловой.

(176) 12 нояб. (...) Начальник ОВИР-а Фадеев сообщил акад. Сахарову о том, что ему не разрешено поехать в Осло на получение премии. Мотив: Сахарову известны оборонные секреты¹⁴⁹. (...) Звонил Нине Ивановне. Эмма узнав, что на ее роль в «Энергичных людях» кого-то хотят вводить, просилась ее выписать. Ей отказали и у нее снова был приступ.

13 нояб. (...) Прочитал «Голос из хора» Абрама Терца (А. Синявского)¹⁵⁰. Не очень понравилось. Ждал большего. Очень чуждый мне ум. (...) Записи лагерных фраз на 80 % неинтересны. Он сидел через 12–15 лет после меня. (...) Удивляет почти полное отсутствие интереса к судьбам людей — то что меня интересовало больше всего. Ни одной биографии. Мало быта. А что интереснее быта лагерного? Из 7 лет он просидел 6. каждые две недели писал жене длинное письмо: из этих-то писем и составила книга. И видимо, книги о Гоголе и Пушкине тоже начерно написаны в этих письмах. Да, я ждал большего, но все же рад, что прочитал.

(179) 16 нояб. (...) Заходит ненадолго Н. Р. Ее рассказы. Жены Синявского и Некрасова поссорились в Париже и поссорили мужей. История сына Галича¹⁵¹. (...)

(180) 18 нояб. (...) Взял читать «Россию/Руссия» том 2-й. В нем интервью из польского журнала с советскими литераторами и учеными. Совсем не интересны Войнович, Окуджава, интересны В. Иванов, Лев Гумилев, А. Зиновьев, отчасти М. Бахтин. претенциозный Эрнст Неизвестный, некий чувашский поэт Геннадий

¹⁴⁷ Пояснение Е. Ц. Чуковской (03.12.2013): «Я получила одновременно два письма: Одно судя по почерку и адресу на конверте от Ирины Ивановны Щербак (тети Ал. Ис.) из Георгиевска, а другое — от Алексея Ивановича Пантелеева — из Ленинграда. Я куда-то спешила, вскочила в троллейбус и там открыла письмо от Ир. Ив. А в ее конверте с соотв. штампами оказалось письмо от Пантелеева. Я сообразила, что при проверке этих писем в какой-то инстанции некто перепутал конверты и второй конверт не вскрыла, а пошла жаловаться на почту, что нарушена тайна переписки. Тут я останавливаю свой рассказ — была долгая канитель, поняты и в конце концов мне сказали: Мы имеем право читать письма подозреваемых. Я спросила, в чем меня подозревают, на что было сказано: берите письма и уходите. Так бесславно закончилась эта история задолго до всякого Сноудена».

¹⁴⁸ Орлова Раиса Давыдовна (урожденная *Либерзон*; 1918–1989), литературный критик, переводчик (специалист по американской литературе); правозащитник; жена Л. Копелева.

¹⁴⁹ Власти не разрешили Сахарову поехать в Осло для получения премии. На торжественной церемонии его представляла супруга Елена Боннэр. Она же прочла его Нобелевскую лекцию.

¹⁵⁰ Эссе А. Синявского «Голос из хора» (1966–1971) получило французскую премию за лучшую иностранную книгу в 1974.

¹⁵¹ По сообщению Е. Ц. Чуковской (в эл. письме комментатору, в 2013 г.): «Сын Галича — Гриша. В конце 60-х гг., когда Галич жил в Доме Тв. в Переделкино, он приходил на дачу К. И. с дамой, художницей, молодой женщиной. Как ее звали, я забыла. Она родила от него сына, которого назвали Гришей. Случилось так, что она быстро заболела и молодой умерла и Гриша остался с бабушкой. Я знаю, что Галич сыну не помогал и для его бабушки постоянно собирали деньги. Близкое участие в судьбе Гриши принимала мамина приятельница С. Э. Бабеньшева. Ее дочь Инайка сейчас в Америке, она бы могла подробно рассказать о Гришиной судьбе, т. к. общалась с ним до взрослого состояния. Кажется, что фамилия у Гриши была Войтенко. Гриша Войтенко. И он был на Галича очень похож. Я слышала осудительные разговоры о Галиче, что он так бросил сына в трудную минуту. Дальнейшей судьбы этого мальчика я не знаю. Он родился в конце 1960-х гг.»

Айги¹⁵². (...) Каверин в воспоминаниях о Зошенко пишет, что тот умер от голода. Ему казалось, что он не может есть, но вскрытие показало, что непроходимости не было. За два года до смерти он уже почти сошел с ума. Кстати, на днях мне рассказали о смерти Бабочкина. Он вел машину перед красным светофором в потоке других машин. Появился зеленый свет. Машины тронулись, кроме машины Бабочкина. Он сидел за рулем мертвым¹⁵³.

19 нояб. Мамина годовщина. [строка отточий] Мелкий мерзкий дождь. Наверно ночью выпадет снег. Узнал по немецкому радио, что Р. А. [Медведеву] исполнилось 14 ноября 50 лет. Интервью. Его характерные: «Так»? Льет дождь. Звонил Н. И.¹⁵⁴ Эмму выписывают 25-го.

20 нояб. (...) Звонок Н. П. Смирнова. Он взволнован статьей Лобанова в № 11 «Молодой Гвардии», где бранят Паустовского как писателя. Лобанов «руссит» и приятель Леонова, и подначка того вероятно. Это чистый сальеризм, если так. Зависть к читательской любви к К. Г. Днем у Н. П. Смирнова.

(181) 21 нояб. (...) (...) купил мемуары Шатровой¹⁵⁵ и «Четыре четверти» Габриловича¹⁵⁶. Шатрова была любимой актрисой мамы. Читал ночью. Книга Шатровой прелестна. А Габрилович чем-то неприятен. Талантлив ли он? Не знаю.

22 нояб. Прочитал мемуары А. Тырковой-Вильямс «На путях к свободе»¹⁵⁷. Вернее, перечитал, но в первый раз читал второпях и бегло. Это интересно. Несмотря на ностальгическую настроенность, все живо и ярко. По существу это история кадетской партии. Хороши портреты людей. Но — странное ощущение — все как-то не очень всерьез. Слово — игра в парламент. Русские интеллигенты так долго завидовали западной демократии и любовались ею, что им захотелось повторить ее. Отсюда

¹⁵² Айги (фамилия при рождении Лисин, далее сменил фамилию на родовую *Айги*, чуваш. Геннадий Николаевич Айги (Лисин); 1934–2006), один из лидеров советского авангардного искусства 1960–1970-х годов.

¹⁵³ АКГ повторяется (см. выше зап. от 7 сент.): он узнал об этом в доме Гариных.

¹⁵⁴ Нина Ивановна — мать Эммы Поповой.

¹⁵⁵ Шатрова Елена Митрофановна (в замужестве *Казанкова*; 1892–1976), русская и советская актриса; автор мемуаров «Жизнь моя — театр» (М., 1975).

¹⁵⁶ Габрилович Евгений Иосифович (1899–1993), писатель, драматург и сценарист; его книга «Четыре четверти» (М.: Искусство, 1975) в серии «Мемуары кинематографистов» является продолжением его первой работы «О том, что прошло» (М.: Искусство, 1967). Автор рассказывает о том, как зарождались и складывались сюжеты его картин о современниках.

¹⁵⁷ Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869–1962), деятель русской дореволюционной либеральной оппозиции, член ЦК Конституционно-демократической партии, писатель и критик. Осенью 1903 арестована за попытку контрабанды 400 экземпляров журнала «Освобождение» Петра Струве; приговорена к 2,5 годам тюрьмы, однако из-за болезни руки она была освобождена под залог и вскоре нелегально эмигрировала. После амнистии, объявленной Манифестом 17 октября 1905 года, возвратилась в Россию. Член партии кадетов, член ЦК партии кадетов. Во время Первой мировой войны работала во Всероссийском союзе городов, организовывала санитарные отряды, заведовала хозяйством в одном из них, выезжала в районы боевых действий. С 1918 года в эмиграции в Англии. В июле 1919 года возвратилась в Россию и включилась в работу пропагандистского органа белых (ОСВАГ). После поражения белых вернулась с мужем в Лондон. В 1951 году с семьей сына переехала в США, поселилась в Нью-Йорке, потом в Вашингтоне. Опубликовала три тома воспоминаний: «То, чего больше не будет» (1954); «На путях к свободе» (1952), «Подъем и крушение» (1956).

так много наивных заимствований. Чтобы все было, «как у людей». И тем не менее — какие шансы и какие возможности! И как все могло бы быть!

23 нояб. (...) В США начал выборную кампанию Риган¹⁵⁸. Слышал по БИБИСИ вторую часть (не все конечно) «Ленина в Цюрихе». Это неглупо и похоже на правду. Прав Р. А.: в герое что-то автобиографическое. Непонятно, чем это похоже на Андрея Белого, как сказал Анатолий Максимович¹⁵⁹. Все довольно корректно, хотя и обострено.

(183) 26 нояб. (...) Прилавки магазинов пусты. Один сорт колбасы, три сорта сыра. Хозяйственная незадачливость наших руководителей просто загадочна, так же как их упрямство, то есть нежелание изменить методы руководства. Система так жестка, что не допускает большей гибкости и свободы в планировании, распределении и торговле. Звонил Эмме. Она уже дома. Жалеет, что выписали из больницы. Говорит, что это лучше всякого санатория. (...) Прибавила в больнице 3 кг. «Возьми меня в домработницы». (...) Звала приезжать и пр. У меня то[]уже ощущение, что это уже было. Она хочет реставрации наших прежних отношений, хотя может быть до конца себе в этом не признается.

27 нояб. (...) Убийца Пазолини рассказал, что Пазолини его оскорбил тем, что он предложил ему в акте однополой любви быть не «мужской», а «женской стороной». Пазолини был физически силен, но убийца ударил его дважды ногой между ног и тот не мог сопротивляться. Убив его, он еще проехал по его телу на машине. Италия потрясена. (185) «Трагедия в Остии»¹⁶⁰.

(186) 29 нояб. Утром ездил в Лавку¹⁶¹, где ничего стоящего нет. Потом пошел пешком на улицу Горького покупать Эмме подарок к дню рождения (пока есть деньги) и по дороге почувствовал, что еле иду. В буквальном смысле еле передвигал ноги, но без болевых ощущений. Что это? никогда такого не было. Купил духи и приехал домой на такси.

30 нояб. (...) Молодой муж Оли Трифионовой (как говорят — славный и неглупый малый) **ничего не знал** о 1937-м годе и связанных с ним событиях!

(187) 3 дек. (...) Приехала Ирма. Может быть она ответит Эмме духи. Правда, рановато, но лучше рано, чем поздно. (...) Соломоник¹⁶² сидит часа три. Звонит и благодарит за книгу Г. М. Токарь¹⁶³. Когда я подозревал о неприятностях у Ильи в связи

¹⁵⁸ Рэйган Рональд Уилсон (англ. Ronald Wilson Reagan, 1911—2004), 40-й президент США (1981—1989). 33-й губернатор штата Калифорния (1967—1975). Также известен как актер и радиоведущий.

¹⁵⁹ Гольдберг — см. выше.

¹⁶⁰ Название статьи в «Литгазете».

¹⁶¹ Имеется в виду книжный магазин «Книжная лавка писателей».

¹⁶² Соломоник Илья Борисович — сидевший вместе с АКГ в Каргопольлаге его младший товарищ, с которым они позже общались и поддерживали переписку (Письма АКГ — Соломоник // РГАЛИ, ф. 2590, оп. 1, № 180: 1967—1974; Письма Соломоника — АКГ. Ф. 2590, оп. 1, № 346: 1966—1976).

¹⁶³ Токарь Г. М. (инициалы так нигде и не раскрываются) — сосед АКГ по даче, член самоуправления кооператива садовых участков в Загорянке, ответственный за проведение на них газа. См. о нем в зап. от 10 июля 1971: «Он симпатичный человек. Люблю евреев».

с постройкой дома, я не намного ошибся. Неприятности были. Его жену, которая тоже работает по строительству, обвинили в покупке матерьялов по оптовым ценам и сделали начет на 1700 р. и сняли с работы. Но они заплатили, и она уже работает в другом месте. Илья удивился моей догадливости. Донос пошел, как водится, от добрых людей.

4 дек. Днем была Ирма Викторовна Кудрова. Она по-прежнему работает в «Звезде» и приехала редактировать роман Каверина¹⁶⁴ Согласно со мной в оценке сочинения Бурсова¹⁶⁵. В Ленинграде была какая-то неофициальная конференция по Достоевскому и секция переводчиков устраивала вечер Мандельштама, на который приезжали Женя Пастернак и Кома Иванов¹⁶⁶. Взяла у меня сверток с духами, чтобы передать Эмме. Говорим с ней о том о сем и она вдруг произносит: — Вам легко говорить, у вас железный характер, вы целеустремленный, волевой человек... Это я-то?! (...) По словам И. К. комитет печати разрешил Гослитву выпустить двухтомник Цветаевой: том стихов и том прозы¹⁶⁷. Дело тянется из-за равнодушия В. Орлова¹⁶⁸. (...) Слушал главу «Ленин и Парвус» из книги «Ленин в Цюрихе».

6 дек. Мои именины. День Александра Невского. Утром звонки. Сначала Ц. И., потом Женя Пастернак, который говорит комплименты моему эссе об Олеше¹⁶⁹. Письмо от Л. Я. Гинзбург. Вот что она пишет про «Поздние вечера»: «Это очень хорошо написано, но не воспринимается мною на том самом уровне, как то, что Вы написали о Пастернаке, Мейерхольде, Олеше. Но дело тут не в Вас, а в персонаже. Понимаю, что это крупная фигура нашего времени, но не могу ее принять. И все[, что] читаю о нем, какое-то для меня замороженное. Не сердитесь за откровенность. Позволяю себе это, потому что очень и очень ценю Вашу мемуаристику. Да Вы это знаете». Ее воспоминания о Заболоцком лежат в редакции «Вопросов литературы». Не могу сказать, что я несогласен с отзывом Л. Я. о «Поздних вечерах». Но у меня есть оправдание. Я писал, стараясь, чтобы было цензурно и ставил себе

¹⁶⁴ Какой роман Каверина имеется в виду, не совсем ясно: «Перед зеркалом» был напечатан в 1971 в жур. «Звезда» № 1—2, а в 1976-м будет опубликовано автобиографическое повествование «Освещенные окна». Возможно, речь идет о нем.

¹⁶⁵ Речь о книге Б. И. Бурсова «Личность Достоевского»: первое издание книги вышло в свет в 1974 году.

¹⁶⁶ Ю. Ф.: «В харджиевском издании помещен десяток стихотворных переводов, действительно замечательных, в основном из Барбье. О. М. переводил еще грузин (Важа Пшавела и авангардистов) — с подстрочника; австрийцев, книгу стихов Бартеля, пару стихов для детей Стивенсона — того самого, который «Остров сокровищ», и довольно много старо-французского эпоса (эти неопубликованные переводы отыскала все та же Вика Швейцер), так что был план издать переводы О. М. в серии „Мастера перевода“; в связи с этим, видимо, и был вечер в секции переводчиков».

Посвященное О. М. заседание секции переводчиков Ленинградского отделения СП СССР — вечер из серии «Мастера художественного перевода» состоялось в Доме писателей 26 ноября 1975 года. Из-за наплыва публики вечер перенесли из Красной гостиной в актовый зал. Вечер начался в 19.00 и продлился 4,5 часа. Среди выступающих — В. Г. Адмони, А. В. Федоров, Я. А. Колесов, Л. Я. Гинзбург, В. Н. Михайлов, А. В. Македонов, Э. Л. Линецкая М. С. Лесман, Е. Б. Пастернак, П. М. Карп и В. В. Иванов.

¹⁶⁷ Имеется в виду, по-видимому, будущее издание: Марина Цветаева. Сочинения. В 2 т. Том 1. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения; Том 2. Проза — М., Художественная литература, 1980.

¹⁶⁸ Орлов Владимир Николаевич (1908—1985), литературовед, с 1956 — гл. редактор издания «Библиотека поэта».

¹⁶⁹ Статья АКГ «Слова, слова, слова».

тактическую задачу. Но я об этом здесь записывал. (...) По словам Ш¹⁷⁰, у нас замерзли новые посевы. Дело плохо.

(189) 8 дек. (...) Идет снег. Потом выходит солнце. Кормлю синичек и воробьев. (...) Сыновья Э. и Ю. Розенбергов получили в ФБР копию следственного дела родителей и намерены добиваться реабилитации¹⁷¹. Как вякал и мякал лауреат премии Нобеля Л. Кантарович, когда журналисты в Стокгольме стали спрашивать о Сахарове...¹⁷²

(191) 10 дек. (...) Звонок Ц. И. Приглашает завтра обедать. Она называет меня: «Нонмитока», что значит приблизительно: «Не тронь меня» или нечто в этом роде. Это довольно верно. Сегодня Елене Боннэр-Сахаровой в Осло вручили золотую медаль премии Нобеля и чек на 630 шведских марок, присужденных ее мужу А. Д. Сахарову. Она прочитала недлинную речь благодарности, написанную им. Ей долго аплодировали.

(192) 12 дек. (...) У В. А. Твардовской институт утвердил работу о Каткове¹⁷³. В «Москве» А. Софронов в воспоминаниях о Кочетове пишет, что к моменту смерти Кочетов написал 12 листов романа о борьбе в Ленинграде с троцкистами¹⁷⁴. Но в Лен-де с троцкистами боролись... зиновьевцы. Н[у,] можно себе представить, что там Кочетов насочинял! С. Ковалев приговорен к 7 годам заключения и 3 годам ссылки¹⁷⁵. Все дни Сахаров патрулировал у суда. На днях будут судить А. Твердо-

¹⁷⁰ Кто имеется в виду под инициалом «Ш», неясно — но, возможно, В. Шаламов.

¹⁷¹ По обвинению в шпионаже в пользу СССР супруги Юлиус и Этель Розенберг в апр. 1951 г. были приговорены судом Нью-Йорка к смертной казни на электрическом стуле — казнь была совершена в 1953 г.

¹⁷² Канторóвич Леонид Витальевич (1912—1986), советский математик и экономист, пионер и один из создателей линейного программирования. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1975 года «за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов». Ему пришлось пережить весьма неприятные дни в Стокгольме при получении премии, так как его засыпали вопросами: почему не позволили Сахарову непосредственно получить премию, как сам Канторович относится к общественной деятельности Сахарова и т. п. Он выкручивался, как мог, но во всех ответах достоинство свое не уронил.

¹⁷³ Твардовская Валентина Александровна (род. 1931), дочь А. Т. Твардовского; доктор исторических наук в Ин-те российской истории РАН (с 1959); вместе со своей сестрой Ольгой — публикатор и комментатор дневников отца; автор книги «Идеология пореформенного самодержавия: М. Н. Катков и его издания» (М.: Наука, 1978, 277 с.).

¹⁷⁴ Софронов Анатолий Владимирович (1911—1990), писатель, поэт, публицист, сценарист и драматург; в 1940 был принят в ВКП(б); во время войны спец. корр. газеты «Известия»; в 1948—1953 — секретарь Союза писателей СССР; создатель и многолетний редактор журнала «Огонек» (1953—1986).

Кочетов Всеволод Анисимович (1912—1973), писатель, в 1955—1959 гг. — гл. редактор «Литературной газеты», а в 1961—1973 гг. — журнала «Октябрь» (вокруг журнала в его редакторство, по представлениям либеральной интеллигенции, группировались консервативные силы «душителрей» литературы — ср. характерное выражение АКГ выше — «кочетовская банда»); автор романа-памфлета «Чего же ты хочешь» (1969), где выступил против разложения советского общества западной псевдокультурой и пропагандой. Зная о том, что у него рак, покончил жизнь самоубийством, застрелившись из охотничьего ружья (об этом — в позднейших записях дневника АКГ, 7, 8 и 15 нояб. 1973).

¹⁷⁵ Ковалев Сергей Адамович (род. 1930), советский диссидент, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России, российский политический и общественный деятель. В дек. 1974 был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». В дек.

хлебова (кажется, 15-го). (...) Вечером звонит Илья и прощается. В ноль часов он уезжает с поездом Москва—Рица. Он сделал все свои дела. Хороший малый. Сколько лет мы знакомы? 25.

14 дек. (...) Обедал у Ц. И. Хороший зимний денек.

(194) 15 дек. (...) Слушал вчера еще одну часть «Ленина в Цюрихе». Герой не только драматизирован, но и романтизирован. Но пасквиля, как все ждали, нет.

(195) 18 дек. (...) Выпустили за границу Наталью Горбаневскую с двумя детьми¹⁷⁶. Она участвовала в демонстрации на Красной площади в августе 1968 года, затем два года ее держали в сумасшедшем доме. Сейчас она в Австрии, потом едет во Францию.

19 дек. (...) Кроме Юры и Бакланова не удостоились упоминания в речи Михалкова¹⁷⁷: Аксенов, В. Семин¹⁷⁸, Окуджава, А. Кушнер — все настоящие писатели и лучше многих хвалимых. Солоухин — только как переводчик. Все это неприлично. (...) Скучно. Недовольство собой дошло до предела. Но и видеть никого не хочется. Не звоню Эмме, так как чувствую, что скучен и мне нечего сказать. Скоро Новый год. Он мне ничего не обещает. Почему я не организую сборник пьес? Сам не знаю. А это как-то могло бы скрасить жизнь. Распугал людей вокруг себя. Одна только Ц. И. еще меня терпит.

(196) 20 дек. Вчера вечером все-таки позвонил Эмме. (...) Духи она просила Ирму отдать ей к 27-му («чтоб было символически»). Очень звала меня приехать к 27-му или к Новому году, но я не обещал. (...) Юра Трифонов третьего дня стал дедушкой. Он вступил в ЖСК и получит двухкомнатную квартиру, где будет жить с Аллой, а эту квартиру отдаст Оле с мужем.

1975 суд в Вильнюсе приговорил его к 7 годам лишения свободы и 3 годам ссылки (на суд приехал А. Д. Сахаров). Срок отбывал в колонии строгого режима «Пермь-36» и в чистопольской тюрьме; в ссылку был отправлен в Магаданскую область.

¹⁷⁶ Горбанёвская Наталья Евгеньевна (1936–2013), поэтесса, переводчица, правозащитник, участница диссидентского движения в СССР; с янв. 1971 по февр. 1972 г. пребывала на принудительном лечении в Казанской спецпсихбольнице и в институте им. Сербского. 17 дек. 1975 года эмигрировала.

¹⁷⁷ Ранее речь шла о съезде писателей РСФСР (см. 17 дек.); здесь о докладе Сергея Михалкова на съезде.

¹⁷⁸ Аксенов Василий Павлович (1932–2009), писатель. В 1937 году, когда Васе не было и пяти лет, его родители (сначала мать, а затем вскоре — и отец) были арестованы и осуждены на 10 лет тюрьмы и лагерей. С 1960 года Василий Аксенов — профессиональный литератор. В марте 1963 года на встрече с интеллигенцией в Кремле Никита Хрущев подверг его (вместе с Андреем Вознесенским) острой критике. А в 1970-е годы, после окончания «оттепели», произведения Аксенова перестанут публиковать на родине. В 1978 году он совместно с Андреем Битовым, Виктором Ерофеевым, Фазилем Искандером, Евгением Поповым, Беллой Ахмадулиной станет одним из организаторов и авторов бесцензурного альманаха «Метрополь». Выехав по приглашению в США, будет в 1981 лишен советского гражданства (в 1990 ему возвратят его).

Сёмин Виталий Николаевич (1927–1978), писатель; в 1942–1945 был на принудительных работах в Германии в качестве остарбайтера; речь идет о его повести «Семеро в одном доме» — воспоминаниях о войне и повседневной жизни людей городской окраины, напечатанной в «Новом мире» (1965). В автобиографическом романе «Нагрудный знак „Ост“» (1976) описано психологическое состояние подростка в гитлеровском концлагере.

(197) 24 дек. (...) Так обленился, что с трудом заставил себя написать 10 новогодних открыток. Надо еще написать 5—6.

(198) 26 дек. (...) В сегодняшнем «Книжном обозрении» сообщается о выходе сборника воспоминаний об Олеше¹⁷⁹. (...) Москвичи сходят с ума от чудодейственных свойств лекарственного рода так называемого **мумие**¹⁸⁰, а попросту мышинового дерьма, прошедшего ряд биологических превращений (но только полевых мышей). Оно в три раза сильнее жень-шеня как стимулятор.

(199) 28 дек. (...) Звонок Р. А. Спрашивает, где могила А. Платонова. Я не знаю, но говорю, что думаю — на Ваганьковском¹⁸¹.

30 дек. Вчера зашел после театра¹⁸² в ЦДЛ и встретил там Константиновского, как всегда одержимого информацией. В Париже вышла повесть Владимова «Верный Руслан» о лагерной собаке, которая осталась без дела при сокращении лагерей¹⁸³. Повесть написана в 63-м году и пришла за рубеж через Самиздат. А в 6-м «Континенте» пойдет еще отрывок из романа Гроссмана¹⁸⁴ и воспоминания о нем Б. Ямпольского¹⁸⁵. По словам К., Соложеницын очень укрепился на западе как моральный авторитет. (...) Позвонил Б. Н. и позвал встречать с ним Новый год.

¹⁷⁹ Видимо, это последнее печатное издание с собственным текстом АКГ, которое ему довелось увидеть при жизни.

¹⁸⁰ Мумиё — органо-минеральный продукт альтернативной (нетрадиционной) медицины природного происхождения; натуральное вещество, которое добывают исключительно в горных районах всего мира. Данную природную смесь используют для лечения множества различных заболеваний. Химический состав мумиё является достаточно сложным по своей структуре. Если говорить на более простом языке, то мумиё — это смесь органического и обязательно неорганического вещества, которое очень хорошо и быстро растворяется в воде.

¹⁸¹ А. П. Платонов похоронен в Москве на Армянском кладбище (3 уч.), напротив Ваганьковского кладбища.

¹⁸² Накануне, 29-го, АКГ был на «Горе от ума» в постановке Э. П. Гарина.

¹⁸³ Владимов Георгий Николаевич (настоящая фамилия *Волосевич*; 1931—2003), писатель. В мае 1967 обратился к IV съезду Союза писателей с требованием свободы творчества и открытого обсуждения письма Солженицына к съезду: «...нация ли мы подонков, шептунов и стукачей? Или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев?..» Первая публикация его повести «Верный Руслан» (1963—1965, 1974) произойдет в Германии, в журнале «Грани» в 1975 г. За это в 1977 был исключен из Союза писателей СССР; публиковался за рубежом, в изданиях НТС («Посев», «Грани»), руководил Московской секцией организации «Международная амнистия». Был вынужден эмигрировать в 1983.

¹⁸⁴ Гроссман Василий Семенович (Иосиф Соломонович; в детстве уменьшительная форма его имени Йося превратилась в Вася и стала впоследствии его литературным псевдонимом; 1905—1964), писатель и журналист, военный корреспондент. Речь о романе «Жизнь и судьба», над которым писатель работал с 1950 года, рукописи романа были у него конфискованы КГБ в 1961 г., но текст чудом сохранен друзьями и тайно вывезен на микрофильме за границу. Публикация началась в четвертом номере журнала «Континент» в 1975 году и продолжалась в пяти номерах.

¹⁸⁵ Ямпольский Борис Самойлович (1912—1972), прозаик; с 15 лет работал журналистом в газетах Москвы, Баку, Новокузнецка. Член ВКП(б) с 1936. В 1941 окончил Литературный институт. Во время войны спец. корр. «Красной звезды», затем «Известий». Посмертно в журнале «Континент» был опубликован его очерк «Последняя встреча с В. Гроссманом», и только в 1988 смогло появиться на свет его главное произведение, роман «Арбат, режимная улица» (журнальное название «Московская улица») — о пронизанной страхом жизни Арбата начала 50-х годов.

(200) 31 дек. Сегодня идет «Давным-давно». Последний день года. (...) Вчера по БИБИСИ была трогательнейшая передача. Буковскому исполнилось 34 года¹⁸⁶. В Лондоне, перед советским посольством состоялась демонстрация молодежи, поздравлявшей его заочно и требовавшей освобождения. Они принесли столы, торты, вино и пили за его здоровье (...) (...) Около десяти еду к Борису Натановичу.

* * *

Публикатор дневника благодарит за помощь тех, кто принял участие в комментировании текста: Владимира Михайловича Алпатова, Софью Игнатьевну Богатыреву, Николая Алексеевича Богомолова, Сергея Васильевича Василенко, Александра Дмитриевича Вентцеля, Марка Васильевича Головизнина, Якова Аркадьевича Гордина, Гасана и Чингиза Гусейновых, Дмитрия Исаевича Зубарева, Генриха Зиновьевича Иоффе, Сергея Александровича Крылова, Алексея Алексеевича Макарова, Жореса Александровича Медведева, Елену Михайлик, Павла Марковича Нерлера, Дмитрия Нича, Елену Владимировну Пастернак, Константина Михайловича Поливанова, Людмилу Пружанскую, Александру Александровну Раскину, Наталию Дмитриевну Солженицыну, Игоря Николаевича Сухих, Габриэля Суперфина, Валентину Александровну Твардовскую, Романа Давыдовича Тименчика, Юрия Львовича Фрейдина, Светлану Федоровну Членову и Николая Михайловича Шейко, а также ныне уже покойных — Виктора Марковича Живова (1945–2013), Елену Цезаревну Чуковскую (1931–2015), Сергея Викторовича Шумихина (1953–2014), а за возможность публикации — дочь Александра Константиновича, Татьяну Александровну Гладкову.

Публикация и комментарии **Михаила МИХЕЕВА**

¹⁸⁶ Букóвский Владимир Константинович (род. 1942), писатель, политический и общественный деятель, ученый-нейрофизиолог; один из основателей диссидентского движения в СССР. В общей сложности в тюрьмах и на принудительном лечении провел 12 лет. В марте 1971 года его в четвертый и последний раз арестовали. Аресту предшествовала статья в газете «Правда», в которой он был назван злостным хулиганом, занимающимся антисоветской деятельностью. Статья принесла Буковскому всесоюзную известность. В 1972 за «антисоветскую агитацию и пропаганду» приговорен к 7 годам заключения — с отбыванием первых двух лет в тюрьме и 5 годам ссылки. (Позднее, в 1976, будет обменян на чилийского политзаключенного, лидера компартии Чили Луиса Корвалана.)

Станислав МИНАКОВ

«МЕТИ, МЕТИ, МОЯ МЕТЕЛЬ!»

Давно меня донимала странная задумка: сочинить текст к свиридовскому «Романсу», написанному нашим великим современником к пушкинской «Метели» в 1973 году.

Понятно, что это — не вокальное, не хоровое, а инструментальное произведение. Тем не менее у Георгия Васильевича стояло два мешка писем с текстами к «Романсу».

Один из наиболее распространенных вариантов — сочинение «Живи, мечта» в прекрасном исполнении а капелла Архиерейского праздничного мужского хора Свято-Троицкой Александро-Невской лавры; тогда регентом коллектива был замечательный музыкант Валерий Рязанов. «Живи, мечта, живи во мне / Надеждой светлою, не угасая, / Мне встречу с милой обещая, / Живи, высокая, живи, родная! / Мне встречу с милой обещая, / Живи, высокая, живи во мне!» Пусть не обижается автор текста (в одних источниках назван Геннадий Пасько, в других — Ал. Сергеев), он мне показался избыточно «розово-воздушным».

К музыке «Романса» также написан текст епископом Тихоном (Шевкуновым), озаглавленный как «Реквием», известный в исполнении хора Сретенского монастыря (художественный руководитель и регент — Никон Жила, солист — Дмитрий Белосельский). Это вполне возможный, конечно, и по-своему впечатляющий смысловой подход, хотя и весьма опосредованно соотносящийся с «Метелью» и «Романсом». Все же романс есть романс, а реквием — заукояная месса. На мой слух, главным

Станислав Александрович Минаков — поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист. Автор книг стихов и прозы, энциклопедий и альбомов. Родился в 1959 году в Харькове (УССР). С 1961-го по 1978 год жил в Белгороде (Россия), куда по причинам преследований за инакомыслие переехал в 2014 году. В 1983-м окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. Член Союза писателей России, Всемирной организации писателей International PEN Club. Из Национального союза писателей Украины исключен в 2014-м после двадцатилетнего членства в организации. Лауреат Международной премии Арсения и Андрея Тарковских (2008) и других литературных и журналистских премий России и Украины.

недостатком этого — замечательно вокального — варианта является местами некоторое искажение (например, в первой же строке: «Никто, никто не станет рядом...») мелодической линии неточной подтекстовкой; в некоторых стихах должны бы быть мужские окончания.

Уже после того, как я закончил свою работу, поиски привели и к еще одному варианту текста, сочиненному поэтом Станиславом Золотцевым, где есть концептуальные и для меня строки «И сердце русское горит в метели», «Метель — навек. Метель — повсюду...» с понятным выходом к пушкинскому Святогорью:

Метель — судьба. Метель — подруга
В морозной нежности, в разгульной силе...
«Оставьте мне метель да вьюгу» —
Да песню вольную в полях России.

И смерти нет сердцам людским!
И дышат радостью снега и взоры,
Когда влюблен, когда любим.
И сквозь метель видны Святые Горы...

Профессор Красноярского государственного института искусств Ирина Ефимова, автор книги о вокальном творчестве Свиридова, предостерегающе написала мне: «Музыка и сильнее и слабее поэзии. Сильнее — в своей способности к обобщению через ключевую интонацию любого стихотворного текста. Слабее — в бессилии передать конкретность поэтических образов, осуществляемую в словах. А слово — это все-таки понятие. Музыкальная интонация это самое понятие спрессовывает до смыслового ядра. И если музыкант гениален (как Глинка, Чайковский, Мусоргский, Свиридов), то его музыка сама „скажет“ в одной мелодии все, что выразили стихи. А свиридовский „Романс“ парадоксально схож с булгаковским романом „Мастер и Маргарита“: кто ни возьмется интерпретировать „в рассуждении чина“, ничего не получается».

Действительно есть дерзость в том, чтобы тшиться добавить что-то к законченному, совершенному, безупречному полотну. Очень трудно вписаться в эту великую самодостаточную музыку, в сущности не нуждающуюся в вербальной конкретизации. Следует также помнить, что музыка эта уже имеет истоковый импульс — начальную интонацию известнейшего романа Николая Зубова «Не уходи, побудь со мною...», написанного на рубеже XX века (называют две даты его создания — 1899 и 1901 годы).

Но сила красоты, явленная нам Свиридовым в «Романсе», имеет пленяющую природу. И вот на 100-летие композитора, на Рождество 2016 года осуществилось задуманное — под натуральную метель, разыгравшуюся в Белгороде за окнами. Сложилось мое приношение любимому музыкальному гению. Но через автора музыки — и Пушкину, конечно же.

Ахматова любила повторять, что главное — это величие замысла. У меня с самого начала замысел был с пушкинской подсветкой, которая тут, понятно, изначально присутствует, более того, отсылая в каком-то смысле и к драматизму «Пира во время чумы».

Посыл во мне бродил все годы в виде слов «Мети, мети, моя метель!». Это и стало интонационным лейтмотивом моего сочинения. Со слова «мети» оно начинается, им и заканчивается. Императивные «удары» повторяются, но вариативно:

«мети, мети», «прости, прости», «храни, храни», «усни, усни» (последнее — в прикровенном виде, как «и мы уснем»).

В целом получилась своего рода «псевдоромантическая провокация». И лексика — отчасти отстраненная, «неавторская» (то есть не моя), и это не стихи, а «подпись к пиесе», романсированная. «Свое» если и пробивается на словесном уровне — прежде всего в избыточном присутствии эпитета «живой», а также слов «жизнь», «жив» — как нарочитая антитеза традиционному образу метели как умиранию, хотя бы и временному.

В помощь при сочинении текста «Метель. Романс» мной была взята запись Государственного академического Большого симфонического оркестра им. П. И. Чайковского (дирижер Владимир Федосеев).

Инструментовка существенно отразилась на содержании получившегося текста, поэтому остановлюсь и на ней. Мне казалось, что в тексте важно было сохранить драматургию оркестровки: труба вступает как «голос судьбы» в кульминационный момент. Форма свиридовского «Романса» (как и в «Болеро» Равеля) — вариации на неизменную мелодию (так называемые «глинкинские вариации»). Тема повторяется пять раз в разном оркестровом облачении, и потому именно оркестр играет здесь смыслообразующую роль: благодаря постепенной динамизации оркестровки осуществляется крещендо, способствующее усилению драматизма музыкального образа, а потом диминуэндо, воплощающее развязку музыкального сюжета (тема «Романса» звучит как печальное воспоминание).

Опишем пять «музыкальных строф»:

1. Общий зачин. Мелодию интонирует скрипка, виолончель вступает как подголосок (когда возникает дуэтная фактура, рождается идея диалога).

2. Лирический сюжет. Тему романса в этой строфе интонирует гобой, у флейты звучит новый подголосок (двусложные, потом — трехсложные мотивы), затем виолончельный контрапункт из первой строфы исполняет английский рожок, а флейта с гобоем допевают тему в терцию.

3. Собственно метельная картина (с элементами звукописи).

В этой строфе основная мелодия звучит в партии части первых скрипок (они играют дивиси: одна часть скрипок поет тему, а другая часть играет тот самый «метельный», «вьюжный» подголосок). В аккомпанирующих голосах — контрабасы (тоже дивиси).

4. Апофеоз метели (кульминация с солирующей трубой).

5. Лирическая реминисценция.

В этой (последней) строфе тему ведет кларнет, контрапункт — у скрипки, а в последних четырех фразах подключается виолончель (далекой печальной реминисценцией звучит подголосок из первой строфы).

И вот собственно сам текст метельного «Романса», записанного с 6-го по 16 января 2016 года, в святочные дни.

1.

Мети, мети,
моя метель!
В одной тебе ловлю
дыханье жизни.
Жив Божий Свет
в твоей отчизне.
В одной тебе, метель, —
желанье жизни.

Жив Божий Свет
в твоей отчизне.
Мети, моя метель!
Мети, мети!

2.

Прости, прости,
моя любовь,
что я не смог сберечь
твоей надежды!
Теперь метель
нам даст одежды,
для жизни истинной
откроет вежды.

Теперь метель
нам даст одежды.
Прости, моя любовь,
прости, прости!

3.

Храни, храни
в живых снегах
воспоминания
любви земные!
Метель пошлет
нам сны иные,
зажжет в живой ночи
огни дневные.

Метель пошлет
нам сны иные,
но память здешнюю
храни, храни!

4.

Мети, метель!
Мети, метель!
Мы лучшей участи
и не хотели:
сокрой же нас
в живой постели,
скорей сокрой, метель!
Хвала метели!

Сокрой же нас
в своей постели!
Скорей сокрой, метель!
<Мети!> <Мети!>

5.

Лишь тот уснет,
кто знал любовь,
в ком память нежности
вовек сохранна, —
тому метель
как сон желанна,
и ты скажи, мой друг:
снегам осанна!

И нам с тобой
метель желанна.
И мы уснем, мой друг!
Метель, мети!

Метель я понимаю здесь как укрывающую, высшую силу. Пушкинское-«метельное», на мой взгляд, местами ощущается в лексике («вежды» и т. п.). «Хвала метели!» — интонационная аллюзия на прославление Чумы (в упраздненном первом варианте было еще прямей: «Восславим мать-метель! Хвала метели!»).

Ирина Ушакова, писатель (Москва), довольно точно восприняла мои тщания, откликнувшись на них так: «Грустно и светло, немногословно, потаенно; здесь — русские понятия: любовь-прощение-сон-смерть-вечность-снег-метель-любовь».

«„Метель“ — вообще очень емкий символ, — пишет доцент кафедры истории музыки Красноярского государственного института искусств Валентина Чайкина. —

С ней связан образ русской дороги, русской тройки. (А последняя после Гоголя — символ России. Образ России как тройки, летящей в пропасть, воплощен в 1-й части рахманиновских „Симфонических танцев“.) Метель в данном тексте я понимаю как очистительную стихию. Метель как Покров, очищающий душу от земных страстей, готовящий ее к Переходу в жизнь иную. Метель — снежный вихрь. Снег гасит огонь земных страстей. „Любовь земная“ часто сопряжена со страстью. Любовь-страсть — это любовь-болезнь («Но узнаю по всем приметам *болезнь любви* (выделено мною. — В. Ч.) в душе моей»). Но человеку в земной жизни трудно прожить без такой любви. Искушение ею посылается очень многим. И потому „лишь тот уснет, кто знал любовь“, т. е. тот, кто в земной жизни познал „любовь земную“ во всей ее полноте, но смог освободиться от страстей и уже жаждет покоя — „тому метель как сон желанна“».

Возникает ряд вопросов, касающихся исполнения «Романса» с поэтическим текстом. Должен звучать хор или пусть поет солирующий голос? Можно ли исполнять это лишь в сопровождении фортепиано, или важно сохранить всю оркестровую ткань? С этими вопросами я обратился к своим друзьям — профессиональным музыкантам. Один из возможных вариантов исполнения «Романса» с моим текстом был предложен В. Чайкиной, которая считает, что в идеале здесь помимо хора нужны два солиста (мужской и женский голоса), и тогда можно реализовать тембровую драматургию музыки Свиридова.

Мое общение с Георгием Васильевичем продолжается, несмотря на то, что он ушел от нас в 1998 году. Есть несколько лестных для меня свидетельств в связи со свиридовскими отзывами о моих поэтических писаниях. А в одном его блокноте (начала 1990-х) на вырванном листке директором Свиридовского фонда Александром Белоненко, племянником композитора, найдена в 2016 году следующая запись: «Ответ Станисл. Алдр. Минакову — подробный».

Но письма от Георгия Васильевича я не получил. Иногда ответа приходится ждать очень долго.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Вячеслав Пьецух. 2016: Рассказы. Повести. Эссе. М.: Зебра Е, 2017. — 416 с.

Герои произведений Вячеслава Пьецуха 2015–2017 годов — жители России из разных социальных слоев, «чудики», так хорошо знакомые нам по творчеству В. Шукшина, люди со своей философией жития и вытекающими из этой философии последствиями. «Отрезанный ломоть от нашего, фигурально выражаясь, народного пирога», провинциал, который впервые попал в Белокаменную и потерял память под воздействием толкотни и гомона на площади перед Курским вокзалом. Завлабораторией некоего сверхточного анализа, отказавшийся под давлением «каких-то мужиков с автوماتами» подписать бумагу о банкротстве института и передаче всей его движимости и недвижимости администрации Липецкой области, за что и попал в сумасшедший дом. «Весь Ученый совет эту бумагу подмахнул, я один уперся рогом, на чем, как видите, и погорел». «Гражданин Луны», Ваня-Недотепа, после ряда злоключений покинувший Россию, ибо в «России жить нельзя». И вот он в Париже: «отрешенно посиживает на грязном стеганом одеяле, постеленном поперек тротуара, перед ним пластиковый стаканчик с мелочью и между ног полбутылки дешевого розового вина. На лице у него какое-то загнанное выражение, словно ему когда-то загадали мучительную загадку, и он по сей день ее не в состоянии разгадать». Студенты, что в кон-

це XX века из-за разногласий во взглядах на русский народ затевают дуэль из орудий с резиновыми пулями. Электросварщик, что постигает теорию литературного дела и, штудиря историю России XVIII века, «бабьего века», изобличает гендерную подоплеку государственной власти. В забегаловке на Арбате, за преферансом на даче, в застолье на деревенской дороге, в психиатрической лечебнице «чудики» ведут беседы мировоззренческого характера. Уникальна ли русская нация, или она не лучше, не хуже других? За что можно пострадать в России, и всегда ли справедливо наказание? Что есть совесть, продукт чисто российского происхождения, и откуда она взялась? Порядочный человек — это диагноз? Отклонение? Или как? Русскому человеку, герою Пьецуха, внятно все: немецкий романтизм и сказки Гофмана, наследие Мирабо и открытия Павлова, смыслы переписки Петрарки и Боккаччо и политика Меркель. Непонятным остается разве что бесследное исчезновение грузового состава из сорока четырех цистерн питьевого спирта, предназначенного для работяг Кольского полуострова. В. Пьецух в яркой художественной форме исследует особенности национального характера и национального самосознания, из которых и проистекают парадоксальность русского способа бытия и превратности русской истории. Его творческое кредо четко обозначено в его высказываниях: «Россия — что мать родная. Какая есть, такая и слава богу»; «потому что нации более утонченной, более взрослой, драматически мыслящей и существующей драматически, чем российская, я не знаю. Западный человек — это большое дитя, поэтому он мне неинтересен...»; «и вдруг тепло делается на душе из-за кровного сродства с этими чудаками, которое, кажется милее принадлежности к сонму преподобных подвижников и святых». «Политика и литература — все же две вещи несовместные», — сказал однажды В. Пьецух, но желанной самоизоляции от российской действительности все-таки нет. С сарказмом он изображает революционных искателей века XIX, народовольцев, эсеров-боевиков, «что ни своей, ни чужой жизни не пожалеют ради справедливости на земле». Квинтэссенция — рассказ «Армагеддон» (2017), шествие в центре Первопрестольной в начале XXI многообещающего столетия: «Вероятно, при этом у стороннего наблюдателя возникала такая мысль: а в чем, собственно дело, за что ратуем. Против чего вздымаем неокрепшие голоса? Если за свободу ратуем, так ее и так девать некуда, по радио новости уже чуть не матом передают... Если против самовластья, то лучше уж самовластье, чем противостояние „стенка на стенку“, столь любезное нашему русаку. Если за демократию, то избави нас бог от этой химеры, и так в осатаневшей России каждый второй избранник либо проходимец, либо дурак. Если против воря, то что ты поделаешь с народом, который выдумал пословицу: „Грех воровать, да нельзя миновать“... и ведь невдомек стороннему наблюдателю, что новая поросль москвичей демонстрирует не за свободу слова, а за весну, молодость, свежесть, радужные надежды и жизнь без конца и без края, которая, назло диалектическому материализму, простирается впереди. Удивительно только, что среди протестантов бывает немало людей преклонного возраста». Финал рассказа — русский север, где после третьей мировой бойни выживают два русских солдата и американский морпех, единственный оставшийся в живых из всего десанта, высаженного в заливе Шелихова на Охотском море. Прозу Пьецуха критики называют «неспешной, витиеватой и умной», а жанр его произведений условно обозначают как «новая волна», «альтернативная литература» или «иронический авангард». Сам он считает себя традиционалистом и писателем жизненным, и — «может быть, то, что я делаю, — это иронический реализм?» И хотя в заключительном эссе «Скорбный лист» (2017) В. Пьецух ставит неутешительный диагноз русской литературе начала XXI века и ее читателю, он все равно уверен, что «литература — это огромная сила делания человека, способная бороться с нечеловеческим в человеке».

Виктор Бердинских. Письма из Петрограда: 1916–1919 (эпистолярный роман). СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2016. — 552 с.

Советская эпоха 1920–1930-х годов была беспощадна к частной жизни людей в России: за любые «компрометирующие бумаги», фотографии, письма можно было поплатиться свободой, а то и жизнью. Поэтому переписка дочерей петроградского художника Алексея Юдина, Софьи (1895–1942) и Елены (1902–1942), датированная 1916–1919 годами, — уникальный и единственный в своем роде источник по истории Петербурга времен революции 1917 года и Гражданской войны. Столичных барышень связывала с юной провинциалкой, вятчанкой Ниной Агафониковой трогательная дружба. Особенно близки по возрасту, образованию, талантам, душевным склонностям были Софья и Нина. Семейство Юдиных переехало в Петербург из Вятки в конце XIX века. До Первой мировой войны жизнь и быт семьи Юдиных в столице складывались вполне благополучно, удалось даже скопить «изрядную» для разночинцев сумму и приобрести именье, «дачу» в Валуях, в Воронежской губернии. Туда, «на Поляну», семья отправлялась на «летние вакации». В письмах 1916 года отражено спокойное, мирное течение жизни интеллигентных девушек: учеба, занятия музыкой, отчеты о посещении музыкальных концертов, отношения с близкими, напряженная жизнь ума и сердца. В письмах проявлялся характер сестер: постоянные сомнения Софьи и недовольство собой; яркая, оптимистичная, лишенная комплексов неполноценности натура Лены. Обе сестры творчески одаренны, об этом свидетельствуют и их прозаические и стихотворные тексты, включенные в письма. Будучи аполитичными, восторженно встретили крушение монархии: «думается, что впереди всем будет лучше жить, свободнее, легче... В одну неделю переворот: из монархии почти неограниченной, из отсталой формы правления — в республику! Удивительно и хорошо!» Проблемы с учебой у Сони, «но зато кругом — равенство и свобода!» А случайная встреча с «умницей» Керенским вызывает восторг. 1917 — последнее лето в «Поляне», потом туда будет не ехать, а в 1919 году ее сожгут. Осенью 1917-го начнутся трудности и тревоги. Письма о себе и для себя постепенно выстраиваются в историческую хронику Петрограда времен Гражданской войны: убийства на улице, пальба, дороговизна и голод, отсутствие продуктов, хлеба, картофеля, керосина. Обо всем этом девушки подробно пишут подруге в Вятку. Соня, 24 января 1918 года: «У нас тает снег, лужи, скользко. Идти в некоторых местах невозможно, особенно когда стемнеет, а по вечерам везде темно: по одному фонарю на улицу. Приходится идти прямо по дороге. У каналов, Невы навалены горы грязного снега, убирают снег мало, по дороге — огромные ухабы, целые горы. В общем, трудно описать — надо видеть все это. Говорят, недалеко от нас (у гвардейского Экономического общества) вчера поздно вечером убили кого-то из нашего дома. Вчера и сегодня ночью — пальба по улицам, вчера — где-то на Вознесенском проспекте громили церковь и стреляли. Публика — привычная у нас: идет себе спокойно — как ни в чем не бывало... Хлеба стало чуть больше, зато сахара нет. Едим конину — совсем хорошо...» Меняется тональность писем, прежние волнения отходят на задний план, начинается борьба никогда не знавших бытовых забот барышень за выживание: временные работы, стояние по очередям, «добывание» еды, поддержание дома. Особенно тяжело стало, когда в 1918 году умерли родители. Но вопреки всем трудностям молодые Юдины пытаются продолжить учебу, занятия музыкой, в живописи находит себя Соня, целеустремленно продолжает музыкальное образование Михаил, ставший в итоге композитором и профессором музыки. Они трогательно заботятся друг о друге, не забывая и о проблемах Нины. И это когда временами нет сил, пухнут лицо и ноги, пошаливает сердце. И пишет Елена: «Весь ужас-то не в том,

мы больны, потеряли все человеческое умение верить, любить, говорить не о еде». Выжить Юдиным помогла помощь Нины — регулярные посылки из Вятки с сахарями, с мукой, с картошкой, с крупами; редкие посылки оттуда же от дяди, Гени Рылова и даже от сына сторожа из Валуек. И, конечно, постоянная опека Аркадика, младшего брата матери, известного художника Аркадия Рылова (1870—1939), также оставшегося в Петрограде. Более 200 писем, из них шестая часть — письма Елены. Параллельный взгляд на одни и те же события. Хроника трагической эпохи и история одной петербургской семьи. Трагично и то, что сестры Юдины, пережив голод в Гражданскую войну, погибли в ленинградскую блокаду в 1942 году. В предисловии историк и писатель Виктор Бердинских подробно рассказывает и о семье Юдиных, и о судьбе Нины Агафонниковой, и о том, как сохранились письма. «Письма сестер Юдиных, — уверен он, — не только ценнейший исторический источник, но и литературный шедевр. Живая русская речь, вскоре жестоко преобразованная эпохой, льется к нам необычайной музыкой со страниц этих писем».

Борис Ширяев. Бриллианты и бульжники: Статьи о русской литературе.

Сост. и науч. ред. А. Г. Власенко, М. Г. Талалай. СПб.: Алетейя, 2016. — 520 с.: ил. — (Серия «Русское зарубежье. Источники и исследования»).

Оценки непривычные, шокирующие с первой же статьи, Грибоедову посвященной. Молчалин — скромный и упорный строитель России, выросший до П. Столыпина. Скалозуб — «офицер, неплохо показавший себя в войну 1812 года, и, переболев насильственно привитой ему аракчеевщиной, досрочно достиг великого духовного подвига Севастополя (1855)». Чацкий — болтун и бездельник, родоначальник «огромной семьи „лишних людей“, таких же бездельников и болтунов, к тому же Россию не любивших и не понимавших». Среди таких болтунов и Рудин Тургенева, и Бельтов Герцена, «объединенные отказом от национальной работы и служением никому не ведомому „общему делу“. Они проявили себя лишь в огульном, антикультурном, озлобленном всеотрицании — нигилизме». Дальше — больше. Достается Белинскому как носителю идеологии Запада, за которым «шли толпы оголтелых недочек, верхоглядов, всезнаек», то есть радикальная российская интеллигенция. Достается почитателям «Колокола», отторгавшим российскую действительность: «пером Писарева они подкапывали ее этические основы и верования, упорным тупоумием Чернышевского и присных ему долбили ее эстетику, псевдорусским стихом Некрасова извращали пафос переживаемого ею созидательного периода и призывали к мести (кому?) и, наконец, пером талантливейшего из ренегатов Салтыкова-Щедрина объявили правящее ядро „помпадурами“. Жертвенную русскую армию он назвал „господами ташкентцами“, а весь величавый и трагический ход русской истории был для него лишь „Историей города Глупова“. Так видел этот ублюдок через заплыванное окно своей кареты... Быть может, так и было? Но почему же видели иное Хомяков, Леонтьев, Лесков, Толстой, Достоевский? Или они лгали?» Борис Ширяев (1887—1959), один из самых крупных писателей «второй волны» эмиграции, автор знаменитого свидетельства о Соловецком лагере, книги «Неугасимая лампада», в своих суждениях пристрастен. Как литературный критик он выступает с позиций человека глубоко религиозного, убежденного монархиста по политическим взглядам и человека, неизменно любящего Россию. Для него главный критерий — «как наше слово отзовется». Он считал, что политика и литература — со времен «Илиады» — неразделимы: «Она входила и входит в жизнь людей, поэтому и не может быть исключена из художественной литературы, отражающей эту жизнь». Он выступал против тех, кто, с его точки зрения искажал и осквернял образ России, ее историю, религию, культуру, политические устремления. Едино-

мысленников видел в Пушкине с его монархическим мировоззрением, в Крылове, Л. Толстом. Высоко ценил Достоевского как безоговорочного сторонника русского самодержавия, «как национальной формы государственности, наиболее соответствующей и отвечающей требованиям психологического строя народа и его мышления». Из прозаиков XIX века его кумир — Н. Лесков, «русейший русак», который близок Ширяеву «своей великой любовью и глубочайшим пониманием души родного ему народа». Он отдает должное А. Чехову, который поставил диагноз русской интеллигенции и прописал ей как лекарство созидательный труд во имя России. Среди любимых поэтов — А. Фет, Ф. Тютчев, А. К. Толстой, Н. Гумилев, С. Есенин, М. Волошин, из советских поэтов — А. Твардовский. Б. Ширяев внимательно следил за тем, что происходит с литературой и в литературе за «железным занавесом», где таланты зачастую съедались «социальным заказом», как талант Горького, писатели прииспосабливались, как Эренбург, отказывались от свежих порывов во имя служения лжи, как Паустовский. Но и там появлялись значимые произведения: «Доктор Живаго» Бориса Пастернака — «глубочайшая из эпохальных повестей социалистического периода России», «Тихий Дон» Шолохова — «обвинительный акт большевизму». Огромная заслуга Б. Ширяева в том, что он в своих статьях дал анализ произведениям литературы «второй волны» эмиграции, практически неизвестным на родине, и тем самым сохранил эту часть нашего культурного наследия. В настоящем издании впервые и максимально полно собраны его статьи по литературе и рецензии, отображающие как художественные вкусы и политические убеждения автора, так и детальную панораму русской литературы — классической, а затем эмигрантской и «подсоветской» — середины прошлого века. Тексты, собранные из труднодоступной эмигрантской периодики, издаются впервые в России и сопровождаются научным комментарием и библиографией, а также библиографическим словарем литераторов-эмигрантов. Многие поднятые автором вопросы актуальны и ныне. Например, где грань между национализмом и шовинизмом? Как с помощью подмены общественных требований злободневными фальшивками политиканов происходит принудительное управление читателем и писателем? Или вот сказанное в 1950 году по поводу пасквиля француза де Кюстина, посетившего Россию времен Николая I, пасквиля, высоко оцененного «прогрессивными» интеллигентами того времени: «Дети, внуки и правнуки де Кюстина продолжили его дело... результат их трудов — клеветник де Кюстин во главе русской политики демократического Запада».

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

СВЯТЫНИ ЕЛЕОНА

(по запискам русских паломников)

Часть 6

Накануне Первой мировой войны

Община, состоявшая первоначально из 15 сестер, управлялась в соответствии с «особыми правилами». Монастырь жил за собственный счет, на средства из нештатных источников. Дополнительным источником дохода было монастырское рукоделие: изготовление церковных риз, воздухов, пелен, продажа сорочек для паломников для омовения в Иордане (они хранились потом верующими для похорон в качестве саванов), писание монахинями икон и картин в иконописных мастерских (в настоящее время иконы, писанные горненскими и елеонскими сестрами, можно видеть во всех православных храмах Святой Земли). В начале XX века нередкой практикой было устройство послушниц в качестве прислуги в русские и иностранные дома Иерусалима. Кроме того, сестры трудились, как делается это и сегодня, на «командировках» по всем подворьям миссии. Число сестер в Елеонской обители быстро росло и составляло к 1914 году около 180 человек¹.

Незадолго до начала Первой мировой войны Святую Землю посетила небольшая паломническая группа старообрядческих епископов. Они побывали у елеонских святынь и нанесли визит в Спасо-Вознесенский монастырь. Будучи «раскольниками», они ограничились подъемом на колокольню, откуда любовались панорамой Святого града и его окрестностей.

Нет лучшего места вблизи Иерусалима. С которого бы так были видны, как самый город, так и его окрестности. Отсюда Иерусалим покажется обозревателю именно тем Иерусалимом, каковым рисует его воображение — величественным, могучим. Он словно замер, подобно забальзамированной египетской мумии, и пронесшиеся над ним тысячелетия, совершенно изменившие его внешний вид, не коснулись форм его внутренней жизни, не изменили обычаев и привычек страны. Даже костюмы как будто не износились за истекшие тысячелетия: все выглядит таким же, каким было много веков назад. Отсюда, с колокольни, точно с высоты птичьего полета, — отчетливо видны все выдающиеся здания Св. града: на первом месте виднеются зубчатые стены, каменным кольцом окружающие

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 198.

город, из-за которых темным полушаром выглядывает огромный купол мечети Омара, построенной на месте когда-то великолепного Соломонова храма; дальше пестреют каменные крыши домов, купола церквей, мечетей, башни, колокольни, из которых резко выделяются два обширные купола храма Воскресения — все это сливается в одно общее целое и представляет своеобразную красивую картину.

С противоположной стороны взор встречает однообразные высоты гор, которые округленными массивами тянутся вдаль. Пейзажи гор Иудеи величественны и суровы; они как-то невольно настраивают душу на торжественный лад и располагают к самосозерцанию. Между ними, в синеватой дали, прсвечивает, точно осколок зеркала, Мертвое море, к которому, прихотливо извиваясь по зеленеющей долине, струится Иордан... В хорошую, ясную погоду, когда голубые туманы не заволакивают горизонт, видно даже Средиземное море и зеленая полоса полей, тянувшихся от Яффы до Иудейских гор. Налюбовавшись дивной панорамой развернувшейся пред нами Палестины, мы спустились с колокольни, отмерив туда и обратно 438 ступеней. Начало вечереть, когда мы, посетив так называемую «Малую Галилею», место, где Христос по Воскресении неоднократно являлся своим ученикам, стали спускаться с горы. Солнце быстро тонуло за вершины Галилейских гор, прихотливо разукрашивая в пурпур окружающие облака. С минаретов иерусалимских мечетей неслись заунывные призывы мурездинов; жизнь города начала затихать...²

До Первой Мировой войны обитель переживала период расцвета. **Из доклада В. К. Саблера 4 января 1914 года:** «Учреждение общежительных общин на Востоке представляется особенно важным делом, так как последние годы на Востоке нет ни одного местного православного упрядоченного монастыря, а в особенности женского, не имеется никакого понятия о монастырской дисциплине и русские обители являются рассадниками монастырей. Это сознается и Восточными иерархами, из коих некоторые присылают в Русскую Елеонскую общину девиц для обучения монастырской дисциплине, пению, живописи и рукоделию»³.

В записке архимандрита Леонида (Сенцова) от 20 марта 1914 года читаем: «Приведение в порядок русского участка на Елеонской горе, окруженного каменной на мокрой кладке оградой. <...> Основана там женская община, где живут теперь около 200 сестер, для которых устроены здания и для жилья, и для рукодельных мастерских, и для живописи и иконописи, и для золочения икон; а также устроенная гостиница для помещения поклонников на 300 человек. Выстроена также там часовня для постоянного чтения Псалтири и для отпевания умерших сестер»⁴.

В Спасо-Вознесенскую обитель притекали щедрые пожертвования из России; об одном из таких благотворительных источников упоминается в Отчетности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме от 4 ноября 1914 года: «Духовной Миссией и Елеонской женской общиной рассылались особые письма и приглашения к пожертвованию, причем к письмам прилагалась и особая такса за поминовение. Надо сказать, что рассылка таких писем от Миссии дозволена Духовной цензурой, а сборы путем воззваний о пожертвованиях на построение храмов у Дуба Мамврийского и в Тивериаде разрешены Св. Синодом. Что касается воззваний **Елеонской общины**, то в своем объяснительном рапорте Св. Синоду, по возбужденному Иеруса-

² Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 124—125.

³ Саблер В. К. Доклад в Государственную Думу о хозяйственном состоянии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 4 января 1914 г. // Богословские труды, № 36, М., 2001. С. 260.

⁴ Записка архимандрита Леонида (Сенцова). 20 марта 1914 г. // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 306.

лимским Патриархом вопросу о рассылке Иерусалимской Духовной Миссией воззваний, архимандрит Леонид доносит, между прочим, что начальница Елеонской общины иногда посылает письма, но только своим личным знакомым и что пожертвования в пользу этой общины Духовной Миссии известны»⁵.

Первая мировая война

Во время Первой мировой войны Спасо-Вознесенская обитель пережила тяжелые испытания: Иерусалим был объявлен на военном положении, было опасно выходить из монастыря, цены на продукты повысились. По распоряжению начальства церковная утварь была спрятана, сняты и спрятаны ризы с икон, потому что повсюду на русских участках стояли турецкие войска. Службы в храмах прекратились за неимением священнослужителей, потому что духовенство всех вероисповеданий было выслано из Палестины, кроме греческих монахов — турецких подданных. Мастерская и трапезная закрылись; монастырская жизнь замерла.

Монастырский храм был опечатан; старшие 10 монахинь были отправлены в Александрию, куда было выслано и русское духовенство миссии. Остальные сестры в большинстве мужественно пребывали на Елеоне, поддерживаемые Иерусалимским патриархом Дамианом, снабжавшим их мукой и хлебом и разрешившим им молиться и причащаться св. Таин в греческом храме на Малой Галилее. Покровительствовал им и итальянский консул, защищавший их от турецких властей, благодаря чему только 50 человек войска стояли постоем в монастыре. Настоятельница Елеонской обители монахиня Евпраксия, тяжело болевшая последнее время, отошла ко Господу в эти тревожные для обители дни⁶.

В марте 1915 года новое бедствие постигло Елеон и Иерусалим: налетела с запада черной тучей саранча и пролетела к востоку за Мертвое море. Это повторилось дважды, причем первый раз саранча не принесла вреда, но в мае появилась бескрылая саранча. Это нашествие очень повредило деревьям и плодам. «Миллиарды с шумом шли по земле, — писала одна из сестер обители, — явное видимое наказание Божие, еще никогда не виданное нами до этой поры. Мы целые дни в течение месяца боролись со всепожирающей саранчой, били и жгли ее, читали акафист...»⁷ Нашествие саранчи превратило цветущий райский уголок практически в безжизненную пустыню.

Когда Италия вступила в войну, елеонским сестрам помогал американский консул, оказывая им некоторую материальную поддержку. Им было разрешено молиться у Св. Гроба Господня. Но неожиданно турецкие власти потребовали в трехдневный срок освободить монастырские помещения под военную больницу. Сестрам пришлось подчиниться и покинуть обитель. Иерусалимская патриархия в лице патриарха Дамиана предложила бездомным сестрам поместиться в зданиях нескольких греческих монастырей в Иерусалиме. Сестры с благодарностью приняли это предложение, но, перейдя в Иерусалим, они зорко следили за тем, что делалось в их обители, и, узнав от арабов Елеонской деревни, что солдаты грабят и вывозят монастырское имущество и их личные вещи, просили Иерусалимскую патриархию заступиться за них.

⁵ Отчет по ревизии денежного и материального хозяйства и по обозрению недвижимых имуществ, счетоводства и отчетности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 4 ноября 1914 г. // Богословские труды, № 36, М., 2001. С. 289.

⁶ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 46.

⁷ Там же. С. 46.

Патриарх Дамиан не замедлил доложить султану о происходящем в Елеонской обители, и через 17 дней солдаты по распоряжению турецких властей были выведены, а сестры смогли вернуться в родную обитель⁸. Вернувшись, сестры нашли повсюду беспорядок: кресты были сняты, живопись в часовне замазана известью, иконостас в трапезной поломан. Сестры жили впроголодь, не имея ни одежды, ни обуви. В монастыре поместили 300 турецких солдат, а затем немецкие солдаты заняли архимандричий дом⁹.

Были разрушены почти все келейные корпуса, наспех переоборудованные в казармы. Едва оправившийся от пережитых испытаний и кое-как наладивший внутренний уклад, монастырь снова обратился в руины. Несмотря на все материальные лишения, сестры — молодые инокини и послушницы — не падали духом, имея Благую Заступницу, Царицу Небесную в Ее чудном образе. Для них святая икона стала «прибежищем и утешением», и наименовали они ее «Елеонской Скоропослушницей», ибо скоро слышала Она их молитвы и ниспосылала им Свои милости¹⁰.

Наконец 20 ноября 1918 года в Иерусалим вошли английские солдаты; часть солдат поместилась на Елеоне. Жили они целый месяц, помогая сестрам, снабжая их хлебом, чаем и сахаром. Британская военная администрация давала сестрам работу на постройке дороги, ведущей в Иерихон.

Из документов. Стоимость убытков Русской Духовной миссии, причиненных турками за время войны. Русское место на Елеонской Горе, известное под именем Елеонской русской женской общины.

До открытия военных действий здесь жили полным хозяйством в нескольких корпусах 160 русских женщин. Здесь имеется две гостиницы для остановки и отдыха паломников во время посещения Елеонской Горы.

Убытки состоят (во франках):

во взятии у живших здесь сестер Общины многих вещей, стоящих 40 000

во взятии всей обстановки паломнической гостиницы 4000

во взятии всей обстановки из помещения начальника Миссии 3000

во взятии всей обстановки из дома иеромонаха Парфения 4000

во взятии кухонных принадлежностей 2000

во взятии провизии из кладовой 2000

во взятии леса, кипарисных досок и дров 4000

во взятии живописных и столярных инструментов 1500

во взятии двух цинковых бараков 4000

в порубке 100 масличных деревьев 10 000

во взятии многих икон и других вещей из живописной мастерской 2000

на ремонт многих повреждений в некоторых корпусах требуется 5000

Итого 81 500¹¹

<...> Вакуфный дом Марии Миловидовой, записанный в пользу Елеонской Русской Церкви. Дом, состоящий из 4 корпусов, приносил ежегодно до 3000 франков дохода.

Убытки состоят:

в лишении дохода в течение 5 лет 15 000

на ремонт требуется — 5000

Итого 20 000¹².

⁸ Там же. С. 46–53.

⁹ Святая Земля. Париж, 1961. С. 65–66.

¹⁰ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 46–53.

¹¹ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 29.

¹² Там же. С. 30.

Между тем положение елеонских монахинь, высланных турками в Александрию, оставалось крайне тяжелым. Это усугублялось и церковно-административными проблемами, что явствует из содержания документа, озаглавленного «Отношение Императорского Православного Палестинского Общества в Хозяйственное управление при Святейшем Синоде» [май—июль 1917 г.].

На отношение от 24 апреля сего года за № 11 290 канцелярия, рассмотрев препровожденные при оном счета по содержанию членов Иерусалимской духовной миссии и обитательниц Елеонской и Горненской общин, ныне проживающих в Александрии, считает долгом своим представить следующие свои заключительные соображения: в октябре (1914 г.), как известно, Турция начала войну с Россией, а в начале декабря большая часть из состава Иерусалимской духовной миссии, по распоряжению Оттоманского правительства, была выслана из Иерусалима сначала в Дамаск, чтобы оттуда отправить всех в ссылку в Урфу, но потом отпущена была на свободу и через Афины, Солунь и Румынию возвратилась в Россию. А другая, менее численная часть членов миссии, с отцом архимандритом Леонидом во главе, через Яффу направилась в Александрию и поселилась там на жительство. К этой последней части присоединились и некоторые из обитательниц общин Горненской и Елеонской, получившие разрешение властей покинуть Иерусалим.

Не имея в своем распоряжении никаких сведений ни о том, в каком составе членов Иерусалимская Миссия проживает в Александрии, ни о том, признает ли ее существование в Александрии правильным Святейший Синод, Совет Общества, по получению нескольких просьб отца архимандрита Леонида по телеграфу и в письмах о высылке денег через вице-председателя князя А. А. Ширинского-Шихматова, письмом от 6 февраля 1916 года за № 137 и через Секретаря Общества от 3 мая того же года за № 370, заявил, что ему «неизвестно, существует ли Иерусалимская Духовная Миссия в Александрии и в каком составе, признается ли Высшим Духовным Начальством отец архимандрит Леонид ее Начальником и можно ли предположить, что всякие денежные ассигновки на содержание означенной Миссии в Иерусалиме при будущих, по окончании войны, расчетах будут признаны Святейшим Синодом правильными». Ответ на это письмо вице-председателя бывшего обер-прокурора Святейшего Синода Раева¹³ последовало в положительном смысле лишь 28 октября 1916 года за № 33 613. <...>

Что касается расходов по содержанию в Александрии отца архимандрита Леонида и обитательниц Горненской и Елеонской общин, то эти расходы ведению Православного Палестинского Общества не подлежат и их в соображение оно никогда не принималось; это — чисто домашнее дело Миссии. Счета и отчет архимандрита Леонида возвращаются по принадлежности.

Секретарь Общества¹⁴

В январе 1919 года монахини из Александрии возвратились на Елеон, а их церковь была освобождена от наложенных в 1914 году печатей. Вскоре в Иерусалим вернулось духовенство во главе со старшим членом миссии, и начала восстанавливаться мирная жизнь обители. Сестры перенесли икону Божией Матери Скоропослушницы в главный храм обители, и замечательно то, что со дня перенесения ее Лик Божьей Матери просветлел, а ризы Божией Матери и Богомладенца сделались яркими, ясными. На все свои скудные денежные средства и своими трудами, и усердием, сестры соорудили красивый резной иконостас с колоннами, украшенными

¹³ Раев Николай Павлович (1856—1919), обер-прокурор Св. Синода с 30 августа 1916 г. по 3 марта 1917 г.

¹⁴ «Эти два учреждения — евангельские Марфа и Мария». Письма архимандриту Леониду (Сенцову) руководителей Императорского Православного Палестинского Общества за 1913—1914 годы // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 296—297.

чистым золотом. Несколько позже они выпилили золотом венцы Богоматери и Спасителю. Был установлен для этого образа и день празднования его, а именно 9 ноября, в день празднования Афонской чудотворной иконы Божией Матери Скоропослушницы¹⁵.

Из материалов Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов о Русской Духовной миссии в Иерусалиме: «На Елеонской горе русский храм с величественной высокой колокольней. В последнее время здесь образовалась женская община, состоящая приблизительно из 250 насельниц, которые питаются трудами рук своих, имеют рукодельную, иконописную и другие мастерские, гостиницы, трапезные, подворье для паломников, молитвенный дом, часовню, строится другой храм, богадельня и так далее»¹⁶.

Возрождение обители

Поддержка и паломничество из России прекратились с захватом там власти большевиками. Покинув захваченную родину, уже после избрания патриарха всея Руси св. Тихона, прибывший за границу митрополит Антоний (Храповицкий) не замедлил обратить свое внимание на положение Русской уховной миссии в Иерусалиме. Для выяснения создавшегося положения митрополит Антоний послал туда архиепископа Аполлинария.

Владыка Аполлинарий был восторженно встречен членами Русской духовной миссии с ее временным начальником архимандритом Мелетием во главе и с сестрами двух женских обителей, Елеонской и Горненской, недавно перенесшими столько испытаний. Наладив отчасти внутреннюю жизнь Елеонской и Горненской общин, владыка Аполлинарий, однако, не смог добиться улучшения в отношении земельных владений миссии на Святой Земле и в скором времени покинул Палестину¹⁷.

В 1923 году Спасо-Вознесенский монастырь посетил бежавший из советской России архимандрит Антонин (Покровский) (впоследствии — архиепископ Вашингтонский и Аляскинский). Вот в каком положении находилась тогда эта обитель: «На горе Елеонской находится Русская православная женская община, которая имеет свой храм в честь Вознесения Господа, келии, мастерские, столовую (трапезную) и гостиницу для паломников. В этой общине проводят жизнь в посте, молитве и трудах, ведя монастырский образ жизни, более 120 русских девиц, из которых одни схимницы, другие мантийные монахини, а большинство послушницы»¹⁸.

В апреле 1924 года митрополит Антоний сам предпринял поездку на Святую Землю. Вникнув во все стороны жизни монашествующих, как духовную, так и материальную, владыка Антоний внес свежую, духовно ободряющую струю в души сестер, измученных за годы войны. На всю русскую колонию в Иерусалиме, доходившую тогда до 400 душ, он произвел неизгладимое впечатление. Ознакомившись с настроением английских властей, во главе с верховным комиссаром, и имеющимися возможностями к установлению благоприятных взаимоотношений матери-

¹⁵ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 53.

¹⁶ Материалы Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов о Русской Духовной миссии в Иерусалиме // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 300.

¹⁷ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 54.

¹⁸ Антонин (Покровский), архиепископ Вашингтонский и Аляскинский. Жизненный путь, личные воспоминания и переписка. Изд. ГЛАС, 2007. С. 95.

ального характера, владыка митрополит отбыл обратно в Сербию, а на Святую Землю в скором времени направил владыку архиепископа Анастасия Кишиневского и Хотинского, пребывавшего в то время в Константинополе. Это было сделано, дабы окончательно укрепить положение Иерусалимской духовной миссии и испросить у Иерусалимского патриарха Дамиана благословение на постоянное пребывание архиепископа в Иерусалиме в качестве наблюдающего за Русской духовной миссией, что он и получил. С 1924 года владыка Анастасий приступил к возложенным на него Синодом обязанностям. В 1924 году Елеонская община по ходатайству приезжавшего в тот год в Иерусалим первоиерарха РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого), с благословения патриарха Иерусалимского Дамиана, стала именоваться монастырем, а монахиня-настоятельница Елизавета была возведена в сан игумении с вручением ей жезла.

В то же время завершалось строительство пристройки притвора Елеонского храма, включающего в южной стене камень, на котором, по преданию, стояла Богоматерь во время Вознесения Ее Божественного Сына. Этот притвор был нужен также потому, что храм уже не вмещал увеличивающееся количество сестер. Их было тогда около двухсот¹⁹.

В 1924 году духовником Елеонского монастыря был назначен о. Гермоген (Золенко); он нес это послушание до 1939 года включительно.

Гермоген (Золенко, 20 января 1874 г.—7 февраля 1957 г.), священно-архимандрит; в составе РДМ с 1924 года. Из крестьян, постриженник Курского Знаменского монастыря, иеромонах. Вместе с епископом Курским Феофаном (Гавриловым) в начале марта 1920 года на пароходе «Святой Николай» выехал из Крыма в Константинополь и далее в Сербию. Вывез чудотворную Курскую Коренную икону Божией Матери. В 1921—1924 годах проживал в Сербии в монастыре Язак на Фрушкой горе. В 1924—1939 годах — духовник Елеонского монастыря. В январе 1939 года командирован в Бейрут настоятелем русского прихода (удостоверение о командировании от 21 декабря 1938/3 января 1939 года). Ранее был там настоятелем в 1928 году. Вернулся в Иерусалим в 1954 году²⁰.

14 июля 1927 года в Иерусалиме и его окрестностях произошло сильное землетрясение. Наиболее пострадала Елеонская гора. Были повреждены храм Вознесения, колокольня, игуменский дом и многие корпуса, в которых жили сестры. Очевидцы вспоминали, что колокольня под силой подземных толчков раскачивалась буквально как маятник, грозя обрушиться и погрести под собой белый Антонинов храм. Сестры усердно молились перед чудотворной иконой, и после совершенного молебна напряженная стрела кампаны вдруг выпрямилась и встала на свое место²¹.

Предстояла большая работа, и игумения Елеонской обители Елизавета, страдавшая после всего ею пережитого тяжелой болезнью, не считала себя больше способной нести эти заботы. Явилась необходимость назначения новой игумении. Выбор митрополита Антония пал на монахиню Павлу (Клюеву) Леснинского монастыря, которую владыка знал лично. В октябре 1929 года игумения Павла прибыла на св. Елеонскую гору и приступила к своим обязанностям.

Из отчета о состоянии Русской Духовной миссии в 1929 году <...> Елеонская женская община. На 1. 1. 1929 года состояло в Елеонской женской общине, вместе с настоятельницей игуменией Елисаветой, 179 сестер из коих 2 схимонахини, 51 манатейная монахиня, 104 рясофорных послушницы, 7 черниц и 10 неодетых насельниц. В течение года волею Божией скончалось 5 сестер

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 98, примеч. 133.

²¹ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 195.

(3 монахини и 2 послушницы). Кроме того, прибыло 7 человек, вновь из коих назначенная Архиерейским Синодом новая настоятельница Общины игумения Павла из Хоповского женского монастыря в Королевстве Югославии вместо уволенной по болезни согласно прошению м. Елисаветы, 2 рясофорных послушницы и 4 новых насельницы из Франции и Египта. В течение года были пострижены в мантию рясофорная послушница Ксения Барсукова с наречением ей имени Клеопатра (сконч. 20.1.1929 г.) и одета в рясофор Валентина Цветкова (6.3.29 г.).

Таким образом, к 1.1.1930 года числилось:

при настоятельнице игумений Павле — 1.

схимонахинь — 2.

манатейных монахинь — 53.

рясофорных послушниц — 105.

черниц — 7.

неодетых насельниц — 13.

Всего — 181

По возрасту это число распределяется так:

1) моложе 40 лет — 23.

2) от 41 до 50 лет — 60.

3) от 51 до 60 лет — 58

4) от 61 до 70 лет — 25.

5) свыше 70 лет — 15²².

Перед игуменьей Павлой стояла нелегкая задача. Нужно было вернуть обитель на путь нормальной монашеской жизни, расшатанной в годы войны. Острая денежная скудость Русской духовной миссии, оторванной от России, вынудила сестер ходить на заработки в мир, в частные дома, преимущественно английские. Новая игумения считала неотложным делом положить этому конец и отозвать всех сестер, служивших в миру, хотя ими дорожили как людьми добросовестными. У нее зародилась мысль устроить в стенах обители выставку сохранившихся еще от прежних времен предметов монастырских елеонских искусств: вышивок золотом, бисером и икон. Этим ей хотелось одновременно дать иностранцам и иноверцам правильное понятие о подлинном назначении российских женских православных монастырей, не только в смысле молитвенного подвига, но и самоотверженного трудолюбия. Выставка состоялась и произвела настолько сильное впечатление на посетителей ее, что губернатор Иерусалима предложил матушке Павле устроить вторичную выставку в его губернаторском доме в центре Иерусалима, что и было исполнено. После этого Елеонская обитель стала получать отовсюду заказы на церковные рукоделия и иконы. Цель была достигнута.

Таким образом появилась материальная возможность приступить к большим ремонтам в обители: зданий, цистерн и проч. Но здоровье игумении Павлы подорвалось; она стала болеть, а с болезнями явились и скорби, время, наиболее приближающее человеческую душу к Богу. Она пожелала уйти на покой, ища схимнических подвигов, и была пострижена с именем Антонии²³.

Игумения Павла обладала не только административными способностями, но и поэтическим даром, о чем пишет инокиня Магдалина (Корнилова).

Среди россыпи документов Архива Русской Духовной Миссии сохранилась небольшая рукописная тетрадка — собрание стихотворений разных лет (с 1921 по

²² Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 63—64.

²³ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 54.

1938), озаглавленное «Святая Земля». Их автор — схиигумения Антония, прожившая на Елеоне 34 года, больше известная как игумения Павла²⁴. Вдова генерал-лейтенанта Н. А. Ключева²⁵, она приняла монашество в Югославии, в русском (Лесненском) монастыре в Хопово²⁶, и в октябре 1929 года, по благословению митрополита Антония (Храповицкого), была назначена настоятельницей Елеонской обители. В годы, когда обстоятельства послевоенной действительности и крайне трудное материальное положение, переживаемое Миссией, отрезанной от России, нарушили общежительный строй монастыря, игумении Павле пришлось не только восстанавливать монастырские постройки, но и постепенно возвращать обитель на путь нормальной монашеской жизни. Открытые на Елеоне золотошвейная и иконописная мастерские дали средства к независимому существованию обители. Деятельный и живой характер матушки, соединявшийся с глубокой сосредоточенной внутренней жизнью, привлекали к ней сестер. В своей игумении инокини находили не только мудрую руководительницу сложного монастырского хозяйства и строгую наставницу, но и любящую мать. В 1934 году по состоянию здоровья оставившая игуменство матушка была пострижена в схиму с именем Антонии. Однако после смерти игумений Мелании (Ненюковой) в 1944 году, по просьбе сестер, она снова вынуждена была вернуться к настоятельству и ушла на покой только в 1951 году, прожив на Елеоне еще 12 лет²⁷.

Широко образованная и не лишенная литературного вкуса, игумения Павла стала одним из постоянных авторов журнала «Святая Земля», на страницах которого в разное время появлялись ее очерки (например, размышления о современном русском монашестве в № 8, 11 за 1935 год или статья «Современный Иерусалим» в нескольких номерах за 1938 год). Почти все стихотворения первой части рукописи, посвященные Святой Земле, были также опубликованы на страницах журнала. Другая часть сборника, созданная преимущественно еще до Иерусалима, объединена общей темой — «Песни и слезы». В них — и горький отзвук страшных воспоминаний недавнего, и боль об утраченном, и покаянный плач души, в ежедневном внутреннем борении обретающей надежду и познающей благодатный смысл смирения. В письме-посвящении архимандриту Антонию (Синькевичу)²⁸, вложенном в тетрадку, матушка признается, что поэтический дар был дан ей как утешенье в скорбные дни тяжелой болезни. Особая прелесть ее стихов — в безыскусственной искренности и тихой задушевности. Перед нами своеобразный духовный дневник схиигумении Антонии, дающий возможность прикоснуться к сокровенной жизни иночествующей души, понятной лишь тому, кто пережил сродный опыт...²⁹

²⁴ В миру — Зинаида Андреевна Ключева, родилась в 1881 году.

²⁵ Ключев Николай Алексеевич (1859—1921), русский генерал-лейтенант (1909), участник Белого движения. Умер в Финляндии.

²⁶ Леснинская (Лесненская, Леснянская) женская обитель была основана в 1885 году в предреволюционной России игуменией Екатериной (Ефимовской) по ходатайству архиепископа Варшавского Леонтия. Первая игумения прибыла в Лесну из Москвы с пятью сестрами. В 1889 году женская община была преобразована в общежительный монастырь и имела подворья в Петербурге, Холме, Варшаве и Ялте. Сестры монастыря занимались обучением детей, и обитель стала центром православия в Забужье. В 1915 году обитель эвакуировалась в глубь России, а в 1917 году, по приглашению тогда епископа Анастасия (Грибановского), обитель переехала в Кишиневскую епархию, а затем в Югославию, в Хопово. Из Хопова в 1950 году сестры выехали во Францию (сначала в Фурке, а затем с 1967 года в Провемон), где проживают по сей день.

²⁷ Скончалась 11 февраля 1963 года и погребена на нижнем кладбище Елеонского монастыря.

²⁸ В 1933—1951 — начальник РДМ в Иерусалиме. Впоследствии — архиепископ Лос-Анджелесский.

²⁹ Магдалина (Корнилова, инокиня. Дар Божий, данный в утешенье... // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 122.

Из письма архимандрита Киприана (Керна) председателю Православного палестинского общества князю А. А. Ширинскому-Шихматову (написано вскоре после 11/24 мая 1929 или 1930 г.): «Ежедневное богослужение неопустительно совершается не только в церкви царицы Александры в Миссии, но и в Горненском, и **Елеонском** монастырях. Большого внимания и многих забот требуют от Миссии два женских монастыря в Палестине, в которых насчитывается ныне более 300 сестер. Обеспечивать по возможности материальное положение последних, большая часть которых находится в преклонном возрасте, утратив трудоспособность, содержать в должном виде ее храмы и келий, частью пострадавшие от недавнего землетрясения, заботиться о поддержании в них внутренней дисциплины, внешнего благочиния и благолепия церковного богослужения, — все это лежит на обязанности Миссии не только в силу заветов приснопамятных основоположителей русского православного дела в Св. Земле, но и потому, что обе эти обители после почти полного разрушения монастырей в России являются в настоящее время едва ли не единственными уцелевшими от этого разгрома и призванными сохранить и передать грядущим поколениям и самый дух, и внешний строй правильно организованной монашеской жизни. Неудивительно, что под их сенью стремятся найти для себя прибежище многие из благочестивых женщин нашего рассеяния, потерявших все, что их могло привязывать к миру, равно как и тех из изгнанных из своих прежних обителей монахинь, кому удастся проникнуть из России; на оба русских монастыря в Св. Земле обращено ныне особое внимание и православных (греков, сербов, румын, болгар, православных сирийцев)...»³⁰

1930-е годы

Преемницей игумении Павлы в 1934 году была назначена монахиня Мелания (Ненюкова), за два года до того прибывшая в Елеонскую обитель из Югославии, по рекомендации Святейшего патриарха Сербского Варнавы, который знал ее как мудрую инокиню с высокими душевными качествами. В 1936 году на Вознесение, в день престольного праздника храма, монастырь посетил его величество негус (император) Эфиопии Хайле Селассие с императрицей и другими членами императорской семьи. Божественную литургию совершили митрополит Анастасий и архиепископ Феодосий. Прибытие негуса было назначено после окончания литургии. Его встретили игумения Мелания с духовенством. Митрополит Анастасий отслужил в храме краткий молебен, после которого императорская фамилия пожелала завтракать со всеми сестрами и гостями в монастырской трапезной. (Еще задолго до Первой мировой войны российский император и абиссинский негус обменивались дружественными посольствами³¹.)

Представитель русского зарубежья А. П. Ладинский, посетивший Елеонскую обитель вскоре после визита императора Эфиопии, пишет о местных насельниках: «Живут они так, как будто бы ничего на свете не случилось, как будто бы не было ни революции, ни войны. Огромное впечатление произвело на них посещение негусом русского монастыря на Елеонской горе.

³⁰ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 69.

³¹ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 69.

— А у нас, батюшка, черный царь был. Ей-богу! Черный-пречерный! Из этих, как их, эфиопов...»³²

Спасо-Вознесенский монастырь в записках А. П. Ладинского (1936 г.)

Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) родился в деревушке Общее Поле (или Скугры) Порховского уезда Псковской губернии. Дед был священником, а отец, Петр Семенович Ладинский, перед революцией служил исправником Новоржевского уезда. Окончил Псковскую гимназию и поступил в 1915 году на юридический факультет Петербургского университета. После окончания первого курса он в 1916 году был призван в армию, где успел до Февральской революции пройти школу прапорщиков в Петергофе. В Гражданской войне воевал в составе Добровольческой армии Деникина. После поражения Вооруженных сил Юга России тяжело раненый подпоручик уже в армии Врангеля, Ладинский эвакуирован в 1920 году из Крыма в госпиталь в Александрии. Из Египта в 1924 году перебрался в Париж. Работал в периодических изданиях русской эмиграции. Корреспондентом газеты «Последние новости» совершил в 1936 году поездку в Иерусалим и написал о своем странствии книгу «Путешествие в Палестину». Участник Сопротивления. С 1944-го — официальный член Союза русских патриотов. В 1946 году принял советское гражданство; в 1955 году переехал в Москву. В 1961 году принят в Союз писателей СССР. 4 июня того же года ушел из жизни. Урна с прахом захоронена в колумбарии Новодевичьего кладбища.

Самая мирная на земле дорога ведет на Елеонскую гору. Такие дороги лежали здесь во времена Христа — песчаные, со щебнем, с известковыми камнями, по которым трудно ходить. Стадо пахучих коз спускается навстречу, и на шее у козла звенит колокольчик. Черномазый мальчишка араб гонит коз, и от этой библейской картины на сто метров пахнет козьим сыром.

На вершине расположена арабская деревня Эт-Тур. Здесь хижины и лавчонки, в которых еще теплится кое-какая торговлишка: в одной продают лепешки, в другой помидоры, молочно-розовые леденцы в банке аптекарской, но благородной формы, керосин для коптилок, еще что-то. В тени одинокого дерева — кофейня, перед которой сидят арабы и курят кальяны. Ослы терпеливо стоят на солнце. А день солнечный и жаркий, как тот, о котором писал пророк Малахия: «придет день, пылающий, как печь, тогда все поступающие нечестиво будут, как солома»... Но ослики терпят, только бы не тащить эту самую солому, не получать пинки и удары палкой.

В Елеонском монастыре живут около 150 монахинь. По большей части все это женщины пожилые. Двадцати из них свыше семидесяти. Многие хворают. Жизнь здесь трудная и бедная. Каждая сестра получает от миссии полфунта в месяц, а на такие средства едва-едва можно прожить. Трудно и с водой. Вода собирается в цистерны во время периода дождей и ценится на вес золота. Ее выдают монахиням два раза в неделю по жестянке, так чтобы могло хватить на весь год, поэтому здесь нет ни огородов, ни единого цветка. Единственное хозяйство — монастырские оливы, 600 деревьев. Плоды собирают и отдают на выжимку в кооператив или посылают в наш монастырь в Айн-Карем, где у монахинь есть свой примитивный пресс. Нас заинтересовало, каков же бывает урожай? Оказывается, в 1929 году собрали, например, целых тридцать две жестянки масла.

³² Ладинский А. П. Путешествие в Палестину // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 237.

В покоях игуменьи, матери Мелании, пестрые половички. Старомодная мебель в белых чехлах, фикусы. На стенах странно перемешались портреты архиереев и фотографии британских губернаторов Иерусалима. Царь Давид играет на арфе на черной картине. Белоснежные монастырские своды перекинулись над головой. Игуменья вдова известного русского адмирала и племянница знаменитого математика. С англичанами, вниманием которых особенно пользуется Елеонский монастырь, она находится в отличных отношениях. Есть среди монахинь и две англичанки.

Здесь настоящий русский уголок. В маленьком музее, где собраны различные древности, надписи по-русски, и от этого с особенным чувством смотришь на скромные черепки, светильники и могильные плиты. Музей построен над мозаикой, обнаруженной при какой-то постройке. Она чудесно сохранилась. Работа византийских мастеров. Христианские символы — виноградные лозы, агнцы, птицы и рыбы. На полках надгробные плиты. Большинство надписей по-гречески. На христианских — масличная ветвь, на еврейских — семисвечник. Все это надгробия с могил людей средней руки: какого-то «каппадокийца иудейской веры Якова, жены его Ахомии и сына Астерия», какого-то «Зоила. Сына Левия и матери его Нонны», христианина Феодора. Кто они были? Торговцы оливковым маслом, владельцы масличных точил, олив, или верблюдов? Или, может быть, сборщики податей, геометры, кадастровые переписчики, содержатели гостиниц?

При монастыре огромная трапезная для русских паломников, которых давно уже не было под этим кровом. Только на Пасху бывает здесь несколько сот румын, болгар, сербов. В часовне Усекновения главы Иоанна Крестителя — мозаика на полу с изображением все тех же традиционных мотивов, рыб на блюдах и виноградных гроздей, и погребальная надпись какого-то армянского епископа Якова, IX и X века.

Наконец, колокольня. Ветер поет в ее широких окнах, когда поднимаешься по винтовой лестнице, срывает, пытается сбросить с огромной высоты. Один за другим опускаются мимо, в колодезь башни, тяжкие колокола со славянской вязью. Каким образом дотащили их сюда! Колокольня гудит. Кажется, вот все рухнет, такое жуткое ощущение высоты, когда посмотришь в очередное окно на крошечные деревья и дома, что остались где-то там, на земле; на верблюдах величиной с блоху, проходящих гуськом по иерихонской дороге. Но вот ограда последнего этажа. Ветер безумствует. Внизу тихо и душно, а тут, как буря. И вот Палестина перед вами, весь Иерусалим, как на ладони, узенькие ленточки дорог, проходящие среди холмов, и кубики арабской деревушки, и песчинками ставшие надгробья Иосафатовой долины, и оливы, и кипарисы, и далеко-далеко, среди лунного пейзажа иудейской долины, голубое Мертвое море...³³

В 1936 году митрополит Анастасий покинул Палестину, чтобы принять из рук Блаженнейшего митрополита Антония управление Зарубежной русской церковью. С 1937 года в течение 14 лет миссией управлял архимандрит Антоний (Синькевич), впоследствии архиепископ Лос-Анджелесский и Южно-Калифорнийский.

В 1938 году игуменья Мелания предприняла капитальный ремонт Вознесенского храма. Сильно пострадавшего от землетрясения 1927 года. Закончился он лишь к концу 1947 года. Надо было удалить все фрески, всю роспись стен и заменить новыми трудами монахини Таисии, монахини Зосимы и других сестер, а также русского художника Г. А. Алексева. Слабая здоровьем и больная сердцем, игуменья Мелания скончалась через два года (в 1944 году), и схиигуменья Антония была вынуждена вернуться к настоятельству по желанию сестер и по благословению иерархов³⁴.

³³ Там же. С. 241—243.

³⁴ Святой Елеон. Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеон. Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме (Русская Зарубежная Церковь). 1986. С. 69.

В 1939 году духовником Елеонской обители был назначен о. Игнатий, прибывший в миссию по рекомендации П. С. Лопухина (Лопухин Петр Сергеевич (1885—1962), выпускник богословского факультета Белградского университета (1926), член Высшего монархического совета, помощник заведующего канцелярией Архиепископского Синода РПЗЦ, после войны переехал в Париж). Вот что писал А. П. Лопухин о своем протезе архимандриту Антонию в январе 1936 года: «Сюда [в Сремские Карловци] приехал из Льежа иеромонах Игнатий, которого знаете Вы, о. Филипп, и произвел на нас самое лучшее впечатление: он совершенно соборный, прямой, искренний, грамотный, можно сказать, на нашем безлюдье просто находка. К сожалению, у него туберкулез. <...> он по духу, хотя, может быть, и не по телу, совсем Вам подходящ»³⁵.

Иеромонах Игнатий недолго нес послушание духовника Елеонской обители; после 1940 года его сменил иеромонах Рафаил (Микулич) (1880—1952). Иеромонах Игнатий скончался 15 сентября 1950 года; оба они похоронены на кладбище Елеонского монастыря.

Одним из духовников Елеонской обители был игумен Мефодий (Попович) (1910—1997). В миру Михаил, он родился в селе Боронява Хустского округа в Карпатской Руси. В мае 1929 года поступил в Свято-Никольский монастырь при селе Изя, в котором пробыл до 23 августа/5 сентября 1935 года «безысходно и безупречно», по словам настоятеля монастыря. По его благословению отправлен в Русскую миссию. С 31 августа/13 сентября 1935 года состоял при миссии. 20 декабря 1938 года пострижен с именем Мефодий. 21 мая 1939 года у Гроба Господня митрополитом Анастасием рукоположен во иеродиакона. Впоследствии духовник Елеонского монастыря³⁶.

³⁵ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 90, примеч.

³⁶ Там же. С. 82.

Contents

Prose and Poetry

Yevgeny Stepanov. Poems • 3

Arslan Khasavov. The Best Half. Novel • 9

Anton Nechaev. Poems • 79

Igor Shumeiko. Theodicy. Novel • 84

Marina Rineiskaya. In Captivity of Own Manias ... Story • 181

Publicistic Writings

Yevgeny Lukin. Three Heroes — Three Brothers, Three Enemies. *Experience of Russian National Identity* • 188

Karen Stepanyan. Fragments from the Diary (2016–2017) • 199

From the Archive

Alexander Gladkov. Diary. 1975 (July–December). *Publication and Comments by Mikhail Mikheev* • 204

Petersburg Bookman

Times and Images. *Stanislav Minakov.* „Sweep, Sweep, My Blizzard!“ **Book Island.** *Elena Zinovyeva's publication* • 233

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Shrines of the Mount of Olives (by Notes of Russian Pilgrims). Part 6 • 242

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 12.05.2017. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 110
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28